

Огни Кузбасса

№ 4 / 2023

Русскому поэту Владимиру Иванову – 75 лет!

НА РОДИНУ ЕДУ

На родину еду, на родину еду.
Змеится дорога, купаясь в пыли.
Поляны и рощи то тянутся следом,
то вновь выплывают из дальней дали.

И все, что ни вспомню, овеянный грустью
под мерные скрипы тележных колес,
порою подступит – мелькнет и отпустит,
порою подступит – доводит до слез.

По тайному зову, по давнему следу
сквозь редкий околок вдоль хлебных полей
на родину еду... На родину еду.
Поездки все реже, и путь все длинней.

И все, что ни встречу дорогой в селенье –
печаль об ушедшем глуши не глуши, –
все снова приводит в глухое волнение
и мимо проходит в вечерней тиши.

И вновь это царство покоя и грусти
в мерцающей дымке родимых берез
порою подступит – мелькнет и отпустит,
порою подступит – доводит до слез...

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ

Б. В. Бурмистров,
г. Кемерово, председатель
общественного совета

Н. Ф. Иванов,
г. Москва, председатель
Союза писателей России

И. Ф. Федорова,
г. Кемерово, председатель
комитета по вопросам
образования, культуры
и национальной политики
Законодательного
собрания Кемеровской
области – Кузбасса

С. Ю. Куняев,
г. Москва, лауреат
Государственной премии
им. М. Горького, главный
редактор журнала
«Наш современник»

В. Н. Крупин,
г. Москва, первый лауреат
Патриаршей
литературной
премии

Г. Л. Немченко,
г. Москва, лауреат премии
«Прохоровское поле»

Д. Я. Голофаст,
директор по внешним
связям и имущественным
отношениям Кузбасского
филиала ООО «Сибирская
генерирующая компания»

ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 4 / 2023

ИЮЛЬ – АВГУСТ

Литературный журнал
выходит
при поддержке
Министерства культуры
и национальной политики
Кузбасса

Главный редактор
С. Л. ДОНБАЙ

Редколлегия:
Татьяна ИЛЬДИМИРОВА
Андрей КОРОЛЕВ
Вера ЛАВРИНА
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный
секретарь)
Наталья МУРЗИНА
Юлия СЫЧЕВА
Елена ТРУХАН
Дмитрий ФИЛИППЕНКО
Марина ЧЕРТОГОВА
Евгений ЧИРИКОВ
Григорий ШАЛАКИН

Адрес редакции: 650000,
Кемеровская область – Кузбасс,
г. Кемерово, пр. Советский, д. 40,
тел. 8 (3842) 36-85-14

16+

Содержание

ПРОЗА

Анастасия Васильева. Позывной – Янтарь. Повесть	3
Наталья Колесова. Понедельник – день тяжелый. Повесть	26
Вера Лаврина. Обители.....	76
Инна Ким. Коллекционер. Повесть	88
Дмитрий Бирман. Рассказы из детства	107

ЦИТАТА

Из антологии донбасской поэзии «Великий Блокпост». Подготовил Дмитрий Мурзин	116
--	-----

БИБЛИОТЕЧЕСТВО

Александр Балтин. Превращение обыденности жизни в чудо (к 130-летию В. Маяковского)	144
--	-----

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Екатерина Тюшина. Земное притяжение Петра Мазикина	148
--	-----

ИСКУССТВО

Наталья Попова. «Новое слово» на языке визуальных искусств	152
Елена Трухан. «...С истинной правдой на земле»	154

«ОПЕРЕНИЕ»

Анна Пронкевич. Шанс для молодых литераторов региона.....	157
Виктор Шагиахметов, Елена Андропова, Владислав Емельяненко. Стихи	159
Артур Ахметшин. Индоутки. Рассказ	161

И БОЛЬШИМ, И ДЕТЯМ

Анна Пенькова. Сказ о том, откуда Кемерово-град пошел	163
---	-----

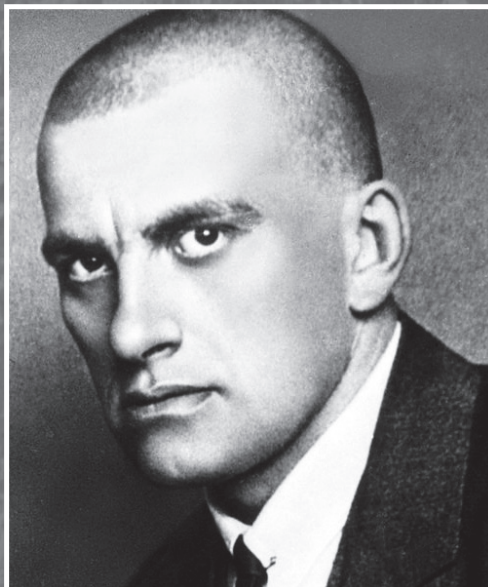
КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Вячеслав Лютый. Праведница	165
Никита Самохин. «Семнадцать лет бреду в своей тени»	167
Татьяна Горохова. Хлам или храм? Отклик на произведение Игоря Малышева «Хлам»	167

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Литературная хроника. Подготовил Дмитрий Мурзин	169
---	-----

Русскому поэту Владимиру Маяковскому – 130 лет

(1893–1930)

Обветшал ли язык русский к началу двадцатого века? Рифма износилась точно – как платье, что использовали многие; рифма истрепалась, стала скучной, чуть ли вовсе не нужной. Требовалось перетряхнуть пласты языка – и изобрести новую рифму, давая образцы работы поэтам будущих поколений. И Маяковский, вламываясь в крепость литературы, принялся за работу с истовостью и всей щедростью своего дара.

См. статью А. Балтина «Превращение обыденности жизни в чудо» на с. 144

**Анастасия
ВАСИЛЬЕВА**

ПОЗЫВНОЙ – ЯНТАРЬ

Повесть

*И погаснут миры.
И возникнут миры...
Но одно лишь известно:
мы состаримся.
Мы будем жить
до поры...
А они – будут вечно.
Р. Рождественский*

ЧАСТЬ 1. У СУДЬБЫ СВОИ ПЛАНЫ

– Мать, доставай дорожную сумку, – бросил Владислав, входя в квартиру.

Перед тем как позвонить, он по привычке постоял немного у закрытой двери, отдышался и только тогда протянул руку к кнопке.

Люся застыла в проеме с тарелкой в руках. Ее крепкую фигуру облегал цветастый сарафан без рукавов, слегка выющиеся каштановые локоны спадали на обнаженные плечи. В ногах вертелся любимый кот Аполлон, протяжно мяукал и безуспешно пытался обратить на себя внимание хозяина. Люся с любовью смотрела на мужа. Они знали друг друга со школьной скамьи, а теплые чувства с каждым годом лишь крепили. Лицо ее расплылось в улыбке, она словно и не слышала его просьбы.

Красивый, статный Волков, взмокший от напряженной игры, с растрепанными темными волосами, лежавшими легкой волной, нарушая привычный пробор с правой стороны, стягивал грязные бутсы в прихожей.

– Ты хоть иди умойся вначале, – с ласковым укором сказала Люся. – После футбола весь взмок! Да еще и наследил.

– Умоюсь, а ты собери по-быстренькому что-нибудь перекусить и дай мне сумку.

Волевой подбородок слегка поднялся вверх, а тонкие губы растянулись в обезоруживающей улыбке, посылая волну морщинок к карим задорным глазам. В Звездном 35-летний Волков получил прозвище Марчелло за удивительное сходство с итальянским актером-красавцем Маччарони. Владиславу это льстило. Коренной москвич, Герой Советского Союза, за плечами полет в качестве бортинженера на «Союзе-7». Два года назад, вернувшись из космоса, он получил четырехкомнатную квартиру, и его семья, переехав в роскошные апартаменты по соседству с Юрием Никулиным, потеряла покой. Они стали реже видеться, Волкова буквально разрывали на части. Он и в отряд космонавтов-то записался тайком от жены, а сказал ей об этом только тогда, когда они уже гуляли с коляской по аллеям парка.

ВАСИЛЬЕВА Анастасия Сергеевна родилась 4 апреля 1983 года в Москве. Окончила факультет транспортной логистики в Государственном университете управления. Работает по специальности. Заканчивает Высшие литературные курсы (ВЛК) в Литературном институте им. А. М. Горького, творческий семинар А. Ю. Сегеня. Публиковалась в сборниках и антологиях «Алиса-2022», «Куда ведут следы?», «Каталог проклятий», «Антология русской литературы XXI века», в журнале «Наш современник», в альманахе «Царицын». Живет в Москве.

– Представляешь, каково это – испытать на деле, в космосе все то, что создавал на Земле? – воодушевленно изрек он пораженной Людмиле.

Но она уже ничего не могла поделать: Владислав горел своей работой, сбывалась его мечта. А теперь скромная и тихая Люся чувствовала себя неуютно, ведь приходилось постоянно думать о том, как сестра, что сказать, как выглядеть: она и их сын Владимир были словно под микроскопом.

– Ты куда-то уезжаешь?

– Обычная командировка на Байконур, лечу на несколько дней в составе дублирующего с Витей и Жорой.

– Понятно, – грустно прошептала Люся и скрылась в комнате.

– Леонов летит с Кубасовым и Колодиным, а мы дублируем, – крикнул он вдогонку жене. – Чистая формальность: смотаюсь по-быстрому, провожу ребят и обратно.

– Утром заходила Татьяна Николаевна, там тебе Никулин книжку подписал.

Владислав прошел на кухню, где на ажурной скатерти красовался желтый фоллиант, открыл первую страницу и увидел забавную карикатуру Юрия Владимировича на самого себя в клоунском облике и шляпе-таблетке, сопровождавшуюся витиеватой припиской: «Как Волкова ни корми, он все в космос смотрит».

Проведя по надписи рукой, Владислав тепло улыбнулся, закрыл книгу и пошел собирать вещи.

Ан-10 заходил на посадку сквозь густые облака, давая их своим тяжелым днищем. Облака сопротивлялись, и сквозь тягучую пелену воздушной ваты невозможно было ничего разглядеть, только ощутить вибрацию самолета да услышать скрежет выдвигающихся шасси. И вот вдруг пушистые клубы остались позади, в иллюминаторе показалась безмолвная пустыня с редкими отметинами высохших озер – унылая, выжженная земля.

Как только космонавты ступили на площадку трапа, их обдало потоком горячего воздуха. На улице было плюс тридцать, не меньше. Вокруг собралась группа встречающих. Тепло приветствовали выходящие экипажи, особое внимание уделив членам первого, ведь это они главные герои. За основным неотступно следовал дублирующий.

Спешно погрузившись в автобус, космонавты поехали по пустынной двухполосной дороге в гостиницу. За окном лежал все тот же незатейливый пейзаж, лишь изредка по обочинам мелькали колючие кусты, которые монотонно жевали полинялые верблюжьи морды, да серые пятиэтажки ютились по обе стороны трассы.

Рано утром 4 июня из ворот монтажно-испытательного корпуса на длинной железнодорожной платформе медленно выдвинулась ракета с космическим кораблем «Союз-11». Толпа журналистов, а также председатель Госкомиссии Керим Алиевич Керимов и главный конструктор ракетно-космических систем Василий Павлович Мишин уже ждали на позиции. Фермы обслуживания, словно лепестки невиданного гигантского цветка, раскинулись на своих опорах вокруг еще пустого стартового устройства. Мощные подъемники начали медленно поднимать платформу, устанавливая на нужную точку. И как только ракета заняла строго вертикальное положение, фермы осторожно обняли ее со всех сторон. Стартовый персонал начал проверку готовности и заправку топливом.

На утро была назначена итоговая медкомиссия.

– Я это так не оставлю! – вскричал Алексей Леонов. – Петя, а ты чего молчишь? Неужели ты согласен с тем, что происходит?

– Леш, а что мы можем сделать? – пожал плечами Колодин. – Правила едины для всех: если член основного экипажа выбывает перед стартом, меняют весь экипаж, без исключений.

– А я считаю, что надо идти к Мишину и требовать замену Кубасова на Волкова из дублирующего.

– Безнадежно все это! – махнул рукой Колодин. – Не поверишь, Леш, но я с самого начала чувствовал, что не пустят они меня в космос. Я для них ворона белая! Они все летчики, а я ракетчик. Да и тарелка, которую ты бросил, когда нас провожали на Байконур, не разбилась. Вот тебе и приметы! Хочешь верь, хочешь не верь.

– Да перестань! Оставь ты эти предрассудки. Мы столько готовились, через два дня старт! И что? Все куту под хвост?

Леонов решительно зашагал по длинному пустому коридору к главному конструктору Мишину. За ним едва поспевал уже потерявший надежду Петр Колодин.

– Василий Павлович, вы сознательно это делаете! – кипятился Леонов. – До меня дошли слухи, что именно вы выступили против замены только одного члена экипажа, хотя Николай Петрович Каманин именно так и предложил.

– Леша, да при чем здесь я? У Кубасова обнаружено затемнение в правом легком размером с куриное яйцо. Врачи подозревают туберкулез на ранней стадии! Какой полет? О чем ты вообще?

– Меняем его на Волкова и летим послезавтра, как и было запланировано. Замолви слово, к тебе комиссия прислушается, ты здесь светило! Каманин поддержит.

Мишин недовольно поморщился: его вражда с Каманиным на почве гражданских и военных космонавтов уже обретала реальные черты.

– Да ты понимаешь, о чем просишь меня? Правила одни для всех. Ты сам-то подумай: а если на станции туберкулез начнется у тебя или у Колодина? Мы что делать будем? И кстати, Волков сам отказался разбивать экипаж.

– А с Москвой вы посоветовались? Ведь в Политбюро уже доложили, что летит наша тройка, всех заверили, что мы хорошо подготовлены и с задачей справимся. А теперь берете и из-за одного Кубасова меняете весь экипаж. В какое положение вы ставите министра Афанасьева?

– Он уже летит на стартовую площадку, все вопросы будем решать на месте. Но пойми, что это не аргумент. Речь идет о выполнении особо важного задания. И о человеческих жизнях, конечно!

– Они дублирующие, – не унимался раскрасневшийся Леонов. – Это же просто формальность: никогда еще замен не было. Василий Павлович, ты подумай: как они будут выполнять поставленные задачи, если даже не верили, что полетят?! Надо брать одного Волкова, у него за плечами полет. Ни у Добровольского, ни у Пацаева опыта нет.

– Петь, ты прости, – повернулся Мишин к Колодину, – но вот у Пети тоже опыта полетов нет.

– А у меня есть! – стукнул кулаком по столу Леонов. – И не только полетов, но и первого в истории человечества выхода в открытый космос!

– Никто твоих заслуг не умаляет, – тихо произнес Мишин. – Но и ты пойми.

– Что «пойми»? Сейчас должны лететь самые опытные! Мы только вывели «Салют» на орбиту. Экипаж «Союза-10» пристыковался в штатном

режиме, перейти на борт станции не смог, еле отстыковались, чуть не подорвали стыковочный штырь, тогда бы станция вообще была потеряна. И улетели обратно ни с чем! Одна неудача за другой! Комаров погиб, Гагарин погиб. А детище Королева лунная ракета Н-1? На всех испытательных этапах провал за провалом. А американцы все-таки высадились на Луну! Мы должны хоть как-то компенсировать это поражение. Орбитальная станция – это наш шанс отыграться!

– Не в космонавтах было дело, а в неполадках стыковочного узла. Сейчас все учли, исправили и отработали. И не забывай, что не менее важна особая слаженность экипажа, я бы даже сказал – спаянность! Космонавты притираются друг к другу годами. Эти правила не прихоть, а необходимость, подтвержденная опытным путем! Представь себе, что такое несработавшая тройка в условиях невесомости!

– Василий Павлович, да я сам не в восторге от Волкова: ни для кого не секрет, что он считает себя умнее всех, но других-то вариантов все равно нет.

– Леша, – устало вздохнул Мишин, – не мучай ты меня. И так голова кругом идет. Ты хотя бы понимаешь, что теперь нам надо заменить все ложементы и медицинские пояса, центровку пересчитывать, ведь масса-то у космонавтов совсем другая, перепроверять костюмы, а корабль уже пристыкован к ракете-носителю. Влезть можно только через люк! Ты что думаешь – мы все тут пляшем от радости, что ли?

Леонов крепко сжал кулаки от накатывающего чувства безнадежности, но все равно продолжал стоять на своем. Обессиленный взгляд Колодина впился в колышущуюся на ветру занавеску. Она гипнотизировала его, унося мыслями все дальше и дальше от мечты, которая, словно Жар-птица, махнула крылом и исчезла, от тщетной борьбы несдающегося Леонова, от несправедливости этого мира.

– Башкин на заседании сокрушался не меньше тебя, – тихо продолжил Мишин. – Он готовил ваш экипаж, отвечал за него, принимал экзамены, болел душой и был уверен, что все пройдет без сучка и задоринки! А что теперь делать с дублирующим? Времени нет вообще! Для него это личная трагедия.

Непоседливый и вспыльчивый Леонов рвал и метал. Дали б ему волю, он бы, наверное, придушил Кубасова. Тяжелый разговор длился

больше двух часов, но Государственная комиссия осталась непреклонна. Поменять экипаж за двое суток до старта – такого еще не было ни у нас, ни у американцев. Эксперимент «Мы первые» продолжал набирать обороты.

Кубасов ничего не понимал, он чувствовал себя абсолютно здоровым. Предыдущее обследование никаких отклонений не выявило, а тут вдруг за два дня до старта – словно удар пыльным мешком по голове. И ведь никогда никому не делали предполетного рентгеновского снимка, кого ж сейчас угораздило одним махом обречь весь экипаж? Да еще ладно б обнаружили простуду, а то туберкулез, причем в острой, развивающейся форме! Все происходящее казалось каким-то страшным сном и совершенно не укладывалось в голову. Он чувствовал себя виноватым, но его никто не собирался утешать.

«Вечный запасной», Петр Колодин подвыпившим слонялся по коридорам космодрома. Нервно сжимал и разжимал пальцы и обреченно махал рукой, если кто-то пытался его поддержать.

– Леш, ты-то хоть уже летал, Кубасов тоже...

– И ты полетишь! – отрезал Леонов.

Петр лишь мотнул головой и пророчески подытожил:

– Я уже никогда не полечу...

В трехэтажном кирпичном здании, где находился большой зал Госкомиссии, председатель Керимов обращался к новому экипажу.

– Я получил информацию о заседании Политбюро, на котором поднимали вопрос о предстоящем запуске «Союза-11». – Он откашлялся и, глотнув воды из граненого стакана, продолжил: – Как сообщил мне министр Афанасьев, его, Келдыша, Смирнова и Бушуева вызвали доложить обстановку. Они уверили собравшихся, что экипаж хорошо подготовлен, все необходимое для обеспечения полета и стыковки сделано, а доработки подтверждены многочисленными экспериментальными проверками. Леонид Ильич просил перепроверить все еще раз и подчеркнуть, что на этот раз задача стыковки должна быть выполнена и переход экипажа на станцию благополучно осуществлен. Товарищ Брежнев также просил передать, что это очень важно, он нам доверяет и надеется на нас.

– Будьте уверены, задание нами будет выполнено с честью! – отрапортовал командир нового экипажа Георгий Добровольский.

По щекам Керимова поползла волна морщин от прорезавшейся улыбки, он вытер платком свой орлиный нос с горбинкой.

– Это еще не все. Леонид Ильич также сообщил, что правительство Франции обратилось с запросом: на какие даты запланированы пилотируемые полеты в СССР?

Космонавты переглянулись.

– Это связано с тем, что Франция собирается произвести ядерный взрыв в атмосфере в ближайшие дни. Смирнов и Бушуев посоветовались с Келдышем и решили, что это не помеха. Так передал мне министр Афанасьев. Но проблемы радиационной опасности и солнечных вспышек находятся у нас под юрисдикцией руководителя Института медицинской радиологии Евгения Ивановича Воробьева. А он промолчал.

Последовала многозначительная пауза.

– Наверху, – наконец ткнул пальцем в потолок Керимов, – принято решение о допуске полета при ядерном взрыве.

В зале воцарилась гробовая тишина. И вновь ее нарушил председатель Госкомиссии по летным испытаниям.

– Поручаем вам посмотреть, как выглядит ядерный взрыв из космоса.

– А зачем? – робко спросил покрасневший Пацаев.

– Чтобы вы сами решили, стоит ли возвращаться на Землю, если начнется ядерная война.

Эта импровизация Керима Алиевича вызвала общий смех и немного разрядила напряженную обстановку.

После закрытой части заседания в зал были допущены корреспонденты, чтобы взять интервью у нового экипажа. Стало шумно, люди сновали туда-сюда, вносили стулья, и кто-то все время поторапливал: «Скорее, скорее! У космонавтов расписана каждая минута». Это интервью заранее никто не планировал. Все необходимые формальности были соблюдены еще в Звездном с основным экипажем, который по стечению трагических (а может, наоборот, счастливых) обстоятельств уже не летел на станцию.

Командир экипажа подполковник Георгий Тимофеевич Добровольский, бортинженер, летчик-космонавт Владислав Николаевич Волков и инженер-испытатель Виктор Иванович Пацаев сидели за длинным столом, на котором сейчас разместилась гора еженедельников. Все космонавты были в темных облегающих костюмах на молнии, с пятиугольными нашивками на правом

рукаве: земной шар, белоснежная ракета и размашистая надпись «СССР».

Ослепительная улыбка не сходила с лица Волкова. Счастье, такое реальное, такое близкое, накрывало его с головой. Они с Добровольским, сложив руки на столе, позировали прессе, с удовольствием отвечая на вопросы. Пацаев скромно и молчаливо сидел между ними, широко распахнув глаза. Словно не веря до конца, что вот этот миг настал, наконец-то он полетит в космос и станет первым в мире астрономом, работающим за пределами земной атмосферы. А может, недавнее заседание комиссии не давало ему покоя и омрачало важность исторического момента. Или вспомнившийся вдруг отдых семьями в пансионате на Истре, когда разоткровенничавшийся Волков признался: «Я рад, что не полечу на первую станцию». – «Почему?» – удивилась Вера Пацаева. «Мне было предзнаменование, что я погибну», – ответил Владислав.

Виктор Иванович Пацаев был высокий, худой, с зелеными глазами и ранними залысинами на голове, которые словно хотели сделать его и без того широкий лоб совсем необъятным. Молчаливый и скромный в жизни, но упорный до фанатизма, методичный и настойчивый в работе. Ничто не могло выбить его из колеи, он всегда умел найти верный путь и оптимальное решение. Отметив задумчивость Пацаева, корреспондент газеты «Правда» решил разговорить его.

– Виктор, скажите, а что вы делали в последние дни в Москве?

Тонкие губы Пацаева вытянулись в ниточку улыбки. Он засмущался, по лицу пошли красные пятна.

– Ничего особенного. Готовился к предстоящему полету. Сын Дима и дочка Светочка успешно закончили учебный год – поздравил их. Хорошо закончили, молодцы! Я ими доволен. – Пацаев ненадолго замолчал, проведя длинными пальцами по взмокнутому лбу. – Потом съездили отдохнуть на Пироговское водохранилище, немного половили рыбу. Читал, а больше свободного времени и не было.

– А что читали?

Виктор Иванович, похоже, перебирал в уме целый список авторов, чтобы выбрать, кого лучше назвать.

– Мне многие писатели и поэты нравятся. Вот попался прекрасный сборник стихов, его и читал. В детстве увлекался Джеком Лондоном.

Вообще люблю классиков, фантастику: рассказы Лема, Стругацких, Артура Кларка.

– Кого берете с собой в полет?

– Томик стихов Лермонтова, буду читать для отдыха.

– Ваши родные знают, что вы летите?

– Мать, жена – да. А больше никто. Дети не знают, для них это будет неожиданностью.

Корреспондент поблагодарил Пацаева за ответы и вновь обратился к Волкову:

– Владислав или Вадим? Как лучше? Я знаю, что ваши товарищи-космонавты называют вас именно Вадим.

– И так и так можно, – махнул рукой Волков. – А я знаю, что среди ваших товарищей-журналистов принято называть меня Футболист.

Корреспондент смущенно улыбнулся:

– Есть такое. Вы говорили, что много ездили по стране. Расскажите поподробнее.

Волков оживился еще больше. Привычные тирады полились свободно и непринужденно из его довольных уст. Он блистал словно кинозвезда под вспышками камер и блеском софитов.

– Считаю, что мне повезло. Поездки были очень интересные: именно то, что я хотел посмотреть. Сначала – на Дальний Восток. Пробыл там четырнадцать дней: на Сахалине, в Хабаровске, Уссурийске. Встречался с пограничниками на заставах. Уже опубликовал заметки об этой поездке. Затем ездил в Армению, Азербайджан, Узбекистан на съезды комсомола. Мне много пришлось встречаться с молодежью, много говорить о своем полете, друзьях, профессии, работе. Еще был на областной конференции в Кировской области. Эта поездка для меня особо дорога. Меня встречали очень тепло, даже избрали почетным гражданином города. Сейчас вот готовлю рукопись о моем жизненном пути – с истоков, так сказать, с самого рождения.

– От чего вы получаете удовлетворение?

– От того, что я нужен. Это очень сложное и ответственное задание, но я рад, потому что понимаю, что внесу свою лепту в отработку тех задач, которые сейчас перед нами стоят.

Волков мог отвечать на вопросы и рассказывать о себе бесконечно долго. Однако корреспондент «Правды» повернулся к командиру экипажа. Добровольский тепло улыбнулся, его гладко уложенные каштановые волосы под лучами яркого солнца отливали медью, а карие глаза задорно блестели.

– Георгий, расскажите, когда и как вы попали в отряд космонавтов.

Вспоминая тот забавный, но очень важный момент своей жизни, Добровольский усмехнулся.

– В 1962 году, где-то в январе, как раз во время событий на Кубе. Меня вызвали в армию, и я подумал, что пошлют туда. Я с радостью явился к командующему. Захожу – стоят начальник контрразведки, начальник медицинской службы, а начальник штаба сразу задает вопрос: «Слушай, Добровольский, когда у тебя в полку бардак кончится?» Я думаю: «Е-мое, думал на Кубу ехать воевать, а тут...» Да боремся, говорю, боремся. А начальник штаба: «Ну, хитрый! Годится». Потом: «Как у тебя здоровье?» Я говорю: «Здоровье хорошее, не жалуюсь. И готов выполнить любое ваше приказание». Он – быстро-быстро: «Вот ты сейчас узнаешь что – и откажешься». Я говорю: «Никак нет, не откажусь!» Он: «В космос хочешь полететь?»

Добровольский изобразил немую паузу с округлившимися от удивления глазами, а потом расплылся в блаженной улыбке и начал активно жестикулировать, словно не мог только словами выразить всю свою вырывающуюся на свободу радость.

– Братцы, я что угодно мог ожидать: ну, пошлют куда-то воевать, в воспитатели куда-нибудь... А тут, боже мой! Такого не ожидал совершенно. Мне было тридцать пять лет. Уже Юра слетал, Герман слетал, тут все на подъеме! Начальник говорит: «Ну что ты? Что с тобой? Так как? Согласен, не согласен? Тебе подумать надо?» А я даже в ответ ничего не мог сказать, настолько был счастлив.

– Когда вы узнали, что ваш экипаж летит? Это было вчера?

Георгий Тимофеевич сразу стал серьезным, весь подобрался.

– Нет, сегодня. Знаете, в последнее время я боялся только одного: чтобы не разбили экипаж. К каждому человеку, каким бы уникальным он ни был, надо притереться. Сейчас у нас так: Витя шевельнул рукой, а я не глядя уже представляю, что он делает. Я задал Вадиму время – и совершенно уверен, что он включит нужную кнопку, – не задумываясь, не проверяю. Так что потерять напарника накануне полета было бы очень плохо.

– И в заключение: в чем смысл жизни?

– В жизни, ребята, в самой жизни!

5 июня с раннего утра у стартовой площадки собралось много народу: и высокопоставленные

лица, и военные испытатели, и целая толпа гражданских. По традиции должны были присутствовать оба экипажа, но Валерий Кубасов категорически отказывался ехать на площадку.

– Я же не лечу, что мне там делать?! – кричал он.

– Так положено, – уговаривал его Колодин. – Это наш долг, даже если не летим. Ну что поделаешь, Валера, такая штука жизнь!

Кубасов все-таки появился на митинге, но напряжение не спадало и витало в воздухе на протяжении всей подготовки к полету. Оба экипажа состояли из мужественных, выдержанных мужчин, прошедших годы тренировок, но нервы сдавали даже у них. Первым было до слез обидно, что столь близкая мечта вдруг ускользнула в последний момент. Они готовились с таким энтузиазмом: каждый шаг, каждое упражнение, каждый опыт – представляли, как будут выполнять их на станции. Они горели этой мечтой, они были уверены, что полетят... Вторым же, с одной стороны, было неловко перед товарищами, а с другой – трудно сдержать радость от столь неожиданно выпавшей возможности. Счастье распирало их изнутри и выливалось наружу. То, к чему они так долго шли, наконец-то становилось реальным. Ну а в дополнение к мечтам еще и мраморная лестница Кремлевского дворца и звезды героев Советского Союза...

В руках все трое отправлявшихся в космос держали букеты красно-белых роз с алой стрелой гладиолуса. Волков, в белой рубашке и черном приталенном костюме, с двумя орденами по разные стороны от ворота, ослепительно улыбался, позируя фотокамерам. Командир экипажа предпочел строгому костюму военную форму и фуражку – в нем чувствовалась особая выправка. Пацаев же выбрал нечто среднее, облачившись в бежевые брюки и черную вязаную кофту поверх белой сорочки. Они стояли на фоне ракеты такие разные и по внешности, и по характеру, и по отношению к происходящему, но все же они были единым целым, сплоченным экипажем, готовым к полету на орбитальную станцию.

Напряжение последних суток обрушивалось лавиной, Добровольский сильно нервничал перед ответной речью, которой завершался митинг. Да и неудивительно, ведь обычно на таких мероприятиях собирались только причастные к подготовке ракеты, а тут – тысячи наблюдателей. Таких массовых проводов стартовая площадка еще не видела.

Георгий Тимофеевич откашлялся и начал:

– Когда я ехал сюда, я приготовил речь. Но теперь, увидев ваши улыбки и теплые глаза, я просто скажу вам: дорогие товарищи и друзья, огромное спасибо за самоотверженный труд. Мы не пожалеем сил, сделаем все, чтобы выполнить задачу.

Толпа взорвалась оглушительными аплодисментами.

По решению комиссии старт был назначен на 6 июня в 7.57 по московскому времени.

Устроившись в ложементе, Добровольский проверял аппаратуру. Экипаж отправлялся в космос без скафандров. Синие комбинезоны, обычные носки на ногах и мягкие белые шлемы на голове. Еще по личному указу Королева, семь лет назад, скафандры отменили для экономии места. А как же иначе? Американцы запустили трехместный корабль, СССР тоже должен был показать, что не отстает. При отсутствии скафандров в двухместный «Союз» как раз и помещалось три космонавта. Несколько пусков с тремя людьми уже было успешно совершено, да и разве можно сомневаться в советских конструкторах? Надежность космического корабля – сто процентов.

Стартовая площадка потихоньку начала пустеть: одни отправлялись на командный пункт, другие – на наблюдательный. В бункере полным ходом шла работа. По радио объявили тридцатиминутную готовность.

– Янтарь, я Заря. Как слышно? – затрещал голос из Центра управления полетами.

– Заря, я Янтарь-1, – ответил Добровольский, – слышу хорошо. Все нормально. К полету готовы.

– Янтарь, звонили из ЦК КПСС, пожелали счастливого старта и полета, а также благополучного приземления на советской земле. Товарищ Брежнев рассчитывает на вас, не подведите!

– Заря, я Янтарь-2, – радостно воскликнул Волков, – спасибо за добрые слова!

Стрелка секундомера неумолимо отсчитывала последние мгновения.

– Внимание: минутная готовность!

Все взоры на космодроме устремились к ракете, с которой уже были сброшены объятия ферм обслуживания. А с главного пульта управления в бункере раздался строгий голос ответственного за полет. За его спиной стояли министр Афанасьев и недавно прилетевший маршал Крылов.

– Ключ на старт!

– Есть ключ на старт! – ответил оператор.

Все затаили дыхание в ожидании глухого грохота и клубов дыма, которые вот-вот разлетятся из-под ракеты. Воздух вибрировал, словно был наполнен какими-то мелкими жужжащими существами. Последние томительные секунды ожидания, и вот наконец-то разнеслось громогласное:

– Подъем!

Из сопел двигателей вырвалось ослепительное пламя, а грохот стал таким мощным, что заполнил все пространство. Гигантская ракета оторвалась от земли и взмыла ввысь, оставляя за собой шлейф яркого пламени, затем легко вспорола облака, и те, будто недовольные таким неожиданным вторжением, быстро за ней сомкнулись. Гул постепенно затих, и на площадке воцарилась тишина.

А внутри корабля три космонавта в своих капсулах тряслись от вибрации. Перед отделением последней ступени нагрузки достигли апогея, а затем прозвучал хлопок, и в кабине вдруг стало тихо и светло.

– Ребят, вы как? – поинтересовался Добровольский.

– Да вроде ничего, – подмигнул Волков, – в центрифуге трясли сильнее.

– А у меня такие ощущения, что голову прям хочет кто-то вытянуть из шеи, чувствую, как мышцы подбородка напряглись и не расслабляются.

– Подожди, сейчас покажется, что за тянущейся головой последуют и внутренности, – усмехнулся Волков. – У меня то же самое было, когда я в первый раз летел. Зафиксируйся в кресле, тогда эффект ослабнет.

– А я никак не могу привыкнуть к своему телу, – заметил Пацаев. – Будто оно совсем не мое, какое-то другое, удивительно. Иначе двигаются руки, другому – ноги, все это так непривычно.

– И до сих пор не верится, что все происходит с нами наяву! – улыбнулся Добровольский.

С 15.40 6 июня до 1.30 7 июня космический корабль «Союз-11» совершал полет вне зоны радиосвязи с СССР, поэтому у экипажа было время немного отдохнуть. Все бортовые системы работали штатно, самочувствие космонавтов тоже начинало приходить в норму, организм адаптировался и привыкал к состоянию невесомости. Можно было расслабиться, не боясь, что

в эфир ворвется ЦУП, а то и кто-нибудь из Москвы.

Стыковка была запланирована на 7 часов 55 минут 30 секунд 7 июня. Добровольский с Волковым спали вниз головой в спальных мешках в орбитальном отсеке, Пацаев же расположился поперек сидений в спускаемом аппарате. Поспали всего часа три, но чувствовали себя бодро. Перевернувшись с головы на ноги, Георгий посмотрел на Волкова и не смог сдержать смеха.

– Ну и морда у тебя – как у бульдога!

– У тебя не лучше, поверь мне, – улыбнулся Вадим.

– Надо протереться влажными салфетками, может, тогда лучше станет? А то нам еще перед ЦК КПСС выступать с докладом. Представляешь, с такими шайбами засветимся?

– Давай вначале Витю разбудим, – предложил Волков, – а уж потом все и умоемся.

Потревоженный Пацаев недовольно зевнул, окинул взглядом одного космонавта, другого. И вдруг рассмеялся:

– Неужели у меня такая же морда?

– Даже не сомневайся, – подтвердил Добровольский. – Держи салфетку!

И, сунув Пацаеву влажную тряпочку, включил музыку. Из динамика полился раскатистый голос Лещенко, исполняющего песню «Не плачь, девчонка».

– Ну что, Витя, – обратился Добровольский к Пацаеву, – небось никак не можешь дождаться, когда наконец твои руки коснутся звездного телескопа?

Обычно грустное лицо Виктора Ивановича при упоминании об «Орионе» расплылось в теплой улыбке, и он довольно подмигнул командиру экипажа.

– Представляешь, будешь первым из землян, кто вел наблюдение за звездами из космоса!

– Станция! – воскликнул Волков, глянув в иллюминатор.

И все трое прильнули к плотному стеклу круглого окошка. «Салют» мерцал в солнечных лучах словно маленькая звездочка. Она была настолько яркая, что отличить ее от обычных звезд не составляло труда. А когда корабль подлетел к станции ближе, звездочка прямо на глазах стала превращаться в гигантскую стрекозу с распахнутыми крыльями в виде массивных солнечных батарей.

В 7 часов 26 минут на связь вышел ЦУП:

– Я Заря. Янтарь, как слышите? На связь!

Волков сориентировался незамедлительно и начал докладывать, хотя это входило в обязанность командира экипажа. Георгий бросил недоуменный взгляд на Вадима, но подступающая дурнота и головокружение останавливали его от выяснения вопросов субординации. Волков лучше адаптировался в условиях невесомости, казалось, что он вообще не испытывает никакого дискомфорта.

– Говорит Янтарь-2. У нас все в порядке. Работаем по программе. Прошел радиозахват. Идет автоматическое сближение. На 7 часов 27 минут дальность 4, скорость 14.

– Вас поняли. Все нормально, продолжайте доклады.

В ЦУП напряжение чувствовалось сильнее, чем в «Союзе». Все собравшиеся неотрывно следили за сближением. Одной из главных задач, поставленных перед космонавтами, была именно штатная стыковка и обязательно переход на станцию «Салют». После неудачной стыковки «Союза-10» многие опасались, что сейчас может случиться то же самое. Тогда кто-то из экипажа забыл отключить систему коррекции и автоматически запустились корректирующие двигатели, в результате корабль оказался сцепленным, но не стянутым со станцией. Стыковочный узел «Союза» сломался, и экипаж не мог ни перейти на станцию, ни отстыковаться и улететь обратно. Оставался запасной вариант – попросту отстрелить стыковочный штырь при помощи пиропатронов, но тогда никакой другой космический корабль уже не смог бы пристыковаться к станции и «Салют» был бы потерян для СССР, даже не начав функционировать. После долгих консультаций в ЦУП решили попробовать установить перемычку в одном из электроприборов и попытаться открыть замок. Спустя несколько мучительных часов эта идея сработала, штырь удалось освободить и отстыковаться.

После этого стыковочный узел неоднократно дорабатывали и испытывали, но сейчас волнение в зале ЦУП все же ощущалось немалое. Стояла мертвая тишина, прерываемая лишь радиоэфирами с космонавтами.

– Янтарь, я Заря, ответьте, не слышу вас.

Раздался задорный голос Волкова:

– Дальность 300, скорость 2. Наблюдаю станцию. Идет выравнивание по крену. Очень хорошо виден конус и ловушка. Выравнивание

по крену закончилось. Включаем ручное причаливание.

– Янтари, внимательно осмотрите стыковочный узел, – дал указание ЦУП.

– Вас поняли. Дальность 20, скорость 0,2. Корабль ведет себя устойчиво. Идем на стыковку!

«Союз» ушел из зоны связи, и вновь воцарилась тишина, мучая всех присутствующих томительной неопределенностью.

– Следующий виток только в 8.56, – произнес оператор.

Кто-то вышел покурить, кто-то – просто проветрить голову, но основная масса продолжала следить за пустым монитором. Как же медленно тянется время ожидания, особенно когда чувствуешь себя абсолютно беспомощным и ничем не можешь помочь экипажу!

Космонавт Елисеев не выдержал и, не дожидаясь выхода на связь из космоса, прокричал:

– Янтари, я Заря, на связь!

Но ответа не последовало.

Елисеев не унимался и вызывал вновь и вновь.

– Есть телевидение! – раздался возглас оператора. – Стыковка прошла! Картинка отличная.

– Янтари, пятый раз вызываю. Почему молчите?

– Заря, докладываем: стыковка прошла без колебаний, стягивание закончилось. Режим выполнен! Проверяем герметичность стыка. Выравниваем давление. Дальше работаем по программе. Открываем люк из спускаемого аппарата в бытовой отсек. Переходим в бытовой отсек. Все в норме.

Зал ЦУП зашумел, словно летняя листва под напором ветра. Волна напряжения начала медленно откатываться назад: стыковка прошла штатно.

– Да подождите вы! – осадил всех Елисеев. – Пусть вначале на станцию перейдут! А то сплазим!

Зал тотчас же затих, и лавина нервного ожидания снова накрыла с головой.

– Заря! У нас все нормально, – наконец донеслось из космоса. – Мы сидим в спускаемом аппарате. Все давления в норме. Разрешите открыть переходной люк.

– Открытие люка разрешаем!

И снова связь оборвалась. В ЦУП все прекрасно понимали, что в эти самые минуты идет исторически важный момент перехода экипажа

на станцию, но ближайшие полтора часа они могут только догадываться, как все происходит на самом деле, ведь до нового витка связи еще больше часа. А вдруг люк не откроется? А что, если на станции задымление? Или стыковочные узлы негерметичны?

– Витя, открывай люк, – скомандовал Добровольский.

Пацаев осторожно ощупал крышку и крутанул.

– Сухой.

– Так, теперь медленно отворачивай пробку на один-два оборота и быстро к нам в бытовой отсек.

Добровольский с Волковым ждали там затаив дыхание. Сердце бешено стучало в груди. Пацаев не появлялся.

– Вить, ну что там? Шипит.

– Чуть-чуть, не сильно, – отозвался Янтарь-3.

– Ты еще на оборот отверни медленно и прислушайся.

– Затихает, – сообщил Пацаев.

– А теперь крутани сильнее и быстро к нам.

– Янтарь-2, выравнивай давление.

– Принято.

В люке бытового отсека показался Виктор Иванович. Они закрыли створку и молча, сдерживая дыхание, отсчитывали три минуты.

– Давление в норме, – бросил Волков.

– Давай, Вить, лети открывай и возвращайся докладывать, что там на станции.

Пацаев скрылся в переходном отсеке.

Начался сеанс связи пятого суточного витка.

– Янтари, как слышно? На связи?

– Заря, это Янтарь-1, слышим вас, – ответил Добровольский.

Несмотря на всю сложность самого ответственного момента, в Кремле, не дождавшись новостей, решили сами вклиниться в переговоры космонавтов с ЦУП.

– Янтари, «Первый» через минуту будет на связи.

– Заря, подождите, – перехватил инициативу Волков. – «Третий» – в «Салюте». Не мешайте пока. На станции сильный запах гари.

Министр Афанасьев, разрываясь между ЦУП и товарищем Брежневым, пытался оттянуть доклад на следующий виток связи, давая космонавтам возможность разобраться в ситуации.

– Янтари, включите в «Салюте» регенераторы. Связь кончается, – сообщили из ЦУП. – Потом принимайтесь: все должно быть нормально.

– Ребят, запах жуткий, попробую в маске обследовать оборудование и выяснить, в чем причина, – бросил Пацаев и уплыл в люк.

Добровольский с Волковым остались в «Союзе». Они листали инструкцию, нервно бежали глазами по печатным строчкам в поиске прописанных вариантов решения проблемы. И только шелест страниц нарушал тягостную тишину.

Добровольский заметил движение у стыковочного люка и поднял глаза:

– Ну что там?

– Включил установку очистки воздуха и освещение. Заменял два сломанных вентилятора, но боюсь, что на полную регенерацию уйдет не меньше двадцати часов.

– Значит, сегодня ночуем в корабле, – развел руками командир экипажа.

На следующем суточном витке космонавты читали доклад для ЦК КПСС прямо у входа в орбитальную станцию. И только когда все формальности были соблюдены и довольная Москва вышла из радиозфира, можно было наконец расслабиться.

Один виток связи сменялся другим. Радость на Земле от звонких голосов космонавтов сменялась мучительным ожиданием. И вдруг на мониторе появились фигуры оживленно переговаривающихся внутри станции Пацаева и Волкова. Зал ЦУП взорвался аплодисментами, тут уж сдержаться было невозможно. В овациях выплеснулось и все напряжение последних часов, и облегчение, что все прошло штатно. Гул оваций сквозь мониторы проскользнул на «Салют», и космонавты обернулись и помахали в ответ землянам.

– Янтари, я Заря! Вы первые в мире космонавты на первой пилотируемой орбитальной станции. Мы вас поздравляем! Разрешаем пообедать и отдохнуть. А завтра начнем выполнять программу.

Очередной виток связи закончился.

После отчета Госкомиссии, где было решено, что помощь Земли на ближайшее время больше не требуется, зал Центра управления начал пустеть. Измученные бессонной ночью сотрудники разбивались на команды по интересам и отправлялись в ближайшие столовые, ресто-

раны, гостиницы, а кто и на пляж – отмечать успешную стыковку и переход экипажа на станцию.

И вот размеренное течение дня 7 июня взорвалось волной ликования всей страны.

Из каждого радиоприемника, с каждого голубого экрана летело радостное известие:

– В 10 часов 45 минут по московскому времени после успешно выполненной стыковки транспортно-космического корабля «Союз-11» с научной станцией «Салют», которая была выведена на орбиту 19 апреля 1971 года, экипаж корабля перешел в помещение станции. Впервые решена инженерно-техническая задача доставки экипажа транспортным кораблем на борт станции – спутника Земли. Ура, товарищи!

ЧАСТЬ 2. ЛУКОВИЦА И ЛИМОН

– Вера, подожди! – запыхавшись, кричал Виктор стремительно удаляющейся жене. – Я за тобой не успеваю!

Но видел только, как черная шапочка с коричневым орнаментом да темный свитер с забавными оленями мелькают все дальше от него среди берез и голых кустов.

Последние дни зимы 1966 года выдались теплыми, и на мелкой лесной речушке уже тронулся лед. Худощавый, высокий молодой человек в бежевом свитере гнался на лыжах за женой и никак не мог ее догнать. Они любили проводить выходные в лесу, где недалеко от их дома в Долгопрудном была хорошая лыжня. В этот раз Вера не сразу заметила, что муж существенно отстал. Наконец, оглянувшись, она замедлила шаг. Затем сошла с лыжни в сторонку и стала терпеливо ждать, вытирая рукавом взмокший лоб.

– Вера, ну ты даешь! – пробормотал подоспевший Пацаев. – За тобой и не угонишься. Вишь, как натренировалась!

– Больше надо двигаться, Витенька! – улыбнулась она.

– Подожди, дай дух перевести, – только и проронил он.

Жена, посмеиваясь, наблюдала за Виктором.

Немного придя в себя и глубоко вдохнув несколько раз, он осторожно начал:

– Ты помнишь, я в прошлом году в командировку в Красноярск летал на месяц?

– Помню. К чему это ты вдруг? – насторожилась Вера.

– Ну так вот, – помялся Витя, – я на самом деле не в командировке был.

– А где же тогда?

– В больнице лежал в Подмосковье.

– Витя, ты меня пугаешь!

– Да нет, ничего страшного, не переживай. Дело в том, что пришли результаты обследования.

– И? – выпалила Вера.

– Положительное заключение врачей, – просял Виктор. – Меня зачислили в отряд космонавтов!

И лицо его озарилось счастливой улыбкой.

– Как ты думаешь, если я...

Вера не могла верить своим ушам. Конечно, она знала, что ее муж с детства интересовался космосом, а свекровь часто рассказывала, какое невероятное впечатление произвела на сына книга Циолковского «Путешествие на Луну». Но разве можно было тогда представить, что Виктор будет работать с самим Королевым и тот однажды скажет другим космонавтам: «Учитесь терпению у Пацаева».

Родился он в казахстанском Актюбинске 19 июня 1933 года. Отец погиб на фронте уже в первый год войны, но Витя хорошо помнил его. Особенно поразила Веру одна история из детства мужа.

– Отец запускал меня на санях с очень крутой горки, так он воспитывал во мне смелость. А санки у меня были не обычные, а самодельные, с ручным управлением, и полозьями в них служили старые коньки-снеговики. И вот однажды, разогнавшись посильнее, он отпустил меня, а я полетел вниз с реактивной скоростью, только ветер за ушами свистит. Вдруг навстречу мне вылетает свора сцепившихся собак. Дерутся не на жизнь, а на смерть, только клочья шерсти летят во все стороны. Отец бросился с обрыва за мной, но разве ж санки догонишь? А я влетел прямо в катающийся шерстяной комок! Псы, правда, сами перепугались – и врассыпную. А я даже и понять-то ничего не успел, не то что испугаться. Санки остановились, оборачиваюсь, а ко мне отец запыхавшийся подбегает, бросается на колени и крепко прижимает к груди. А у самого того и гляди сердце выскочит, бьется, как сумасшедшее. Он тогда мной гордился...

– Ну так как, Вера? Что думаешь? – пытал Виктор.

– А что я могу сделать? – улыбаясь, развела руками жена. – Ты сам уже все решил.

– Ну ты пойми, я ж конструктор. Проектирую космическую технику на Земле – хочу испытать ее в полете.

– Я все понимаю, – дала добро Вера.

– Братцы, да вы только посмотрите, какой простор! – воскликнул Добровольский, когда наконец-то космонавтов все оставили в покое. – Настоящие хоромы, не то что наша теснота.

По сравнению с «Союзом» станция и вправду казалась огромной. Она состояла из двух частей: переходного отсека, к которому и пристыковался корабль, и рабочей зоны. Два этих разных по размеру цилиндра сливались в одно целое. Малый, почти три метра в высоту и около четырех в длину, служил зоной отдыха космонавтов. Там они могли найти все, чего душа желала: магнитофон и кассеты, записанные по заказу для каждого члена экипажа, книги Толстого, Лермонтова, Пушкина, альбомы для рисования. У стены крепился небольшой столик для приема пищи, на нем сменный бачок с питьевой водой, а также подогреватели. Стройный ряд иллюминаторов и оптических визиров занимал небольшую площадь внизу. Малый цилиндр плавно перетекал в большой – диаметром и длиной четыре метра. Это была уже рабочая зона, по правому и левому бортам которой располагались рамы с аппаратурой и оборудованием, тренажеры для выполнения физических упражнений, комплекс средств для медицинских исследований, там же находился и пост управления. Для удобства и ориентации экипажа в пространстве каждая зона имела свой цвет: один борт отливал салатной свежестью, другой желтел, словно цыпленок, а «пол» будто асфальт, намокший под проливным дождем, – темно-серый. На стенах висели фотографии Королева, Гагарина и портрет Ленина.

Первый день проходил как в кошмаре. У космонавтов вообще не было свободного времени. Короткие мгновения отдыха – и опять все по новому кругу, как белки в колесе.

– Ребят, ну никакой экзотики, никаких радостей – сплошные вентиляторы, запахи, эксперименты, – возмущался Добровольский. – Помоему, на Земле просто сговорились проверять нас на прочность. Мы ни черта не успеваем по контролю корабля.

– Найти, снять, вынуть, распаковать, закрепить, чтоб не улетало, подготовить аппаратуру, проверить старую, – перечислял Волков. – И так можно до бесконечности.

– Предлагаю перекусить, – сказал командир, – пока не поступило новое задание.

Один за другим они проплыли в зону отдыха.

– Ну, что нам сегодня положено на обед? – доставая из контейнера-холодильника тюбики и баночки, поинтересовался Пацаев. – Оппа, вобла, Вадим, твоя любимая!

Волков, занятый тем, что подключал специальный мундштук к шлангу с приемным устройством, куда порционно поступала вода, оглянувшись и расплылся в блаженной улыбке.

– По моему заказу вобла будет в каждом рационе на обед! – с гордостью сообщил он.

– Что там еще согласно рациону номер два? – продолжал Виктор.

На этот раз он вытащил борщ и сразу отправил его в подогреватель.

– На второе телятинка.

– Ты хлеб не забудь! – подлетел Добровольский.

– Обижаешь! – улыбнулся Пацаев, протягивая командиру упакованные в пакет маленькие кирпичики.

– А на десерт? – полюбопытствовал Волков.

– Сейчас посмотрим! О, кекс столичный и сок черносмородиновый. Вкуснота!

– Вытаскивай скорее, борщ-то разогрелся уж, наверное!

Рабочий день для экипажа начинался в час ночи и заканчивался к 15 часам по московскому времени. Расконсервация станции шла полным ходом. Дважды провели коррекцию орбиты, каждый раз выводя «Салют» на более высокую, отдаленную от Земли. По очереди отдыхали, проводили эфиры для телезрителей, где подробно рассказывали о целях и задачах полета, а также о себе и своих товарищах. Тестировали нагрузочный костюм с забавным названием «Пингвин», который имитировал нагрузку на костно-мышечную систему, схожую с земной. В нем можно было обрести опору и выполнять физические упражнения: ходить и бегать на месте, приседать, наклоняться и прыгать. Космонавты отмечали, что «Пингвин» получился на редкость удобным и не создавал неприятных ощущений. Вот только при беге в нем на беговой дорожке по станции прокатывалась такая волна вибрации, что в итоге пришлось отказаться от этой затеи.

Каждый день был расписан буквально по минутам, так что скучать не приходилось. Даже тосковать по дому было некогда. О состоянии эки-

пажа регулярно докладывали в ЦУП: настроение у всех было отличное.

Пацаев спал, руки его торчали из спального мешка и непривычно висели в воздухе. Он обустроил себе спальное место в люке между спускаемым аппаратом и орбитальным отсеком. Добровольский улыбнулся, глядя на него, развернулся и полетел в рабочий блок, где Волков выполнял запланированный комплекс упражнений на беговой дорожке.

– Вадим, ты давай бегай, а я сгоняю в спускаемый аппарат и посмотрю через иллюминатор, колеблется ли батарея. На следующем витке связи надо доложить результаты в ЦУП.

Волков одобрительно махнул рукой и продолжил свой импровизированный забег. Оттолкнувшись от стены, Добровольский полетел к стыковочному узлу, ловко нырнул в люк, аккуратно, чтобы не разбудить Пацаева, пробрался в «Союз» и прильнул к иллюминатору.

– Ты бежишь? – крикнул он Волкову.

– Бегу.

Оценив амплитуду и период колебаний, командир занес результаты в журнал, затем снял показания с поясов медконтроля и тоже записал данные.

– Слушай, чего-то вентилятор, по-моему, гудит, – бросил Вадим.

– Да это, наверное, дорожка. Хотя подожди.

И они прислушались.

– Остановись, – махнул рукой командир. – Так не поймешь.

Капельки пота висели на коже Вадима словно мелкие бусинки. Он промокнул лицо салфеткой и замер.

– Точно, гудит, – подтвердил Добровольский. – Седьмой. Наверное, попало что-то. Сейчас раскручу, посмотрим.

Он подлетел к седьмому вентилятору и начал вскрывать крышку.

– Ну, так и есть, – улыбнулся Георгий. – Угадай что.

– Теряюсь в догадках! – усмехнулся Вадим.

Не говоря ни слова, Добровольский вытащил пакет от воблы и помахал им перед носом Волкова.

– Доложим в ЦУП, что в мусорных мешках следует доработать устройство герметизации, – предложил Вадим. – И вообще, они ужасно неудобные: пока их откроешь, пока закроешь – столько времени проходит. И запах совсем не

поглощают. А еще ежедневная программа перегружена, так нельзя.

– На Земле хотят выжать по максимуму, – пожал плечами Добровольский.

– Ну, можно хотя бы вначале адаптироваться, а уж потом наваливать на нас столько задач?

– Вот сам и попробуй объяснить все это землянам.

– Обязательно, как только появится связь.

– Неужели ты не понимаешь, что в наших жалобах на трудности нет никакого смысла? Нас никто не заменит.

– Есть проблемы, которые, я считаю, нужно озвучить, а не говорить при каждом эфире заученную фразу: «Состояние экипажа хорошее. Настроение отличное!» И про датчики скажу! – добавил Волков. – Витя три дня их носит не снимая, у него уже вмятины на теле, но он героически молчит.

– Ну и что ты предлагаешь?

– Надевать их только в течение сеансов связи и вести телеметрию.

– Рискни, – бросил Добровольский.

Он немного помялся, прикидывая, стоит ли сейчас заводить об этом разговор или лучше оставить все как есть. Но решимость все же пересилила, и он продолжил.

– Вадим, разреши на правах командира дать тебе совет, – начал Георгий осторожно.

Волков вскинул на него удивленные глаза:

– Ты о чем?

– Уж прости, но ты слишком тянешь одеяло на себя. Я понимаю, что у тебя за плечами полет, но мы все готовились к этой экспедиции, а ты постоянно пытаешься поставить себя выше.

– А если это правда? – вскинулся Волков. – Выполнять задания в теории – это одно, а на практике – совсем другое. Уж поверь мне на слово! Я-то уже летал. Даже если ты многократно отрабатывал все операции на тренажерах, в условиях невесомости все равно это по-другому. Неужели ты сам не видишь?

– Допустим, – согласился Георгий. – Но прошу тебя, не забывай, что мы здесь работаем все вместе и последнее решение остается за мной, как за командиром экипажа.

– Да пожалуйста! – бросил обиженный Вадим. – Я просто хотел как лучше.

– Как лучше выслужиться? – подмигнул командир.

Волков вспыхнул. Глаза злобно сверкнули на Добровольского.

– Я Герой Советского Союза, – отчеканил он, – мне нечего выслуживаться! А если ты не видишь моих добрых намерений, то мне очень жаль.

– Вижу, – признал, улыбаясь, Добровольский, – поэтому и говорю тебе все это. Есть четко прописанный регламент, когда и кто должен докладывать в ЦУП, но тебе до лампочки. Ты все время лезешь поперек батьки. – Волков попытался перебить командира, но тот осадил его и продолжил: – Поверь мне, я вполне мог найти в себе силы, чтобы вести переговоры по стыковке.

– Да на тебе лица не было! – воскликнул Волков. – Какая разница, кто докладывал? Я на стыковке, ты на расстыковке. Мы делаем одно дело, ты же сам это говорил.

– Меня мутило, не спорю, но ты забываешь, что я военный и мне доводилось проходить и не через такое. Поэтому здесь, на станции, очень тебя прошу, соблюдай субординацию!

– Жора, да пойми же ты, я сталкивался уже с подобными ситуациями в свой первый полет, я лучше знаю, как надо, – не унимался Волков.

Лицо его стало пунцовым, а на лбу вновь засверкали капельки пота.

– Вадим, перестань якать, это начинает надоедать. Только и слышно: я то, я это! Мы все здесь опытные космонавты, все готовились так же, как и ты! – Волкову очень хотелось жестко ответить командиру, но Добровольский дружески хлопнул его по плечу: – Не обижайся, Вадим, мы в одной лодке, и только в наших руках сделать это пребывание максимально комфортным для всех. А сейчас предлагаю разбудить Витю и поужинать.

– Никого будить не надо, – в люке показалось заспанное лицо Пацаева, – я уже здесь.

– Ну вот и отлично! – стараясь разрядить обстановку, весело провозгласил Георгий. – Что нам полагается на ужин?

– Рацион номер три, – озвучил Виктор. – Пюре мясное с хлебом, а на десерт коврижка медовая!

Для космонавтов было разработано три разных рациона пищи в четыре приема каждый. Неизменным атрибутом любого из них, конечно же, был хлеб, причем двух видов: белый («Столичный») и черный («Бородинский»). Он нарезался маленькими кирпичиками и тщательно упаковывался в целлофановый пакет. Ведь в невесомости даже мельчайшая крошка, попав в дыхательные пути, грозила удушьем.

На первый завтрак предлагался выбор между сосисками, карбонадом и рубленым беконом

(конечно, не в привычном земном виде, а в качестве паштета). На десерт можно было побаловать себя шоколадом или конфеткой «Пралине» или же отдать предпочтение цукатам. Первый завтрак неизменно заканчивался кофе с молоком.

Второй завтрак предлагалось начать с сыра, или говяжьего языка, или крема из творога с черносмородиновым пюре. (Удивительно, но, кроме этой ягоды, в меню не числилось ни одной другой: что сок черносмородиновый, что пюре. А еще Волков все время жаловался, что катастрофически мало соков и надо запастись больше.)

На обед было три вида супа: щи зеленые, борщ и харчо. На второе либо куриное мясо, либо телятина. А на сладкое подавался чернослив с орехами или кекс. Ужин был не такой богатый и обильный, как другие приемы пищи, но все же питательный. Пюре мясное или из птицы, хлеб и десерт трех вариантов: коврижка, чернослив или российский сыр. На любой обед во всех трех типах рациона полагалась вобла.

На первый взгляд, вполне разнообразно, но это только на первый.

— М-да, — вздохнул Добровольский, — поначалу-то еще ничего, но вот спустя недельку такой состав питания, боюсь, нам в горло не полезет.

— Придется потерпеть, — подмигнул Пацаев. — Шашлык на Земле будем кушать. — Он немного помедлил, а потом продолжил: — Ребят, знаете, что мне снилось?

— Дом? — предположил Волков.

— Степь в окрестностях Алги. В начале мая она вся покрывается ярким ковром из желтых и красных тюльпанов. Я бреду по ней, разгребаю руками крупные пахучие цветки, солнышко так приятно припекает. И мы всей ватагой с ребятами рвем букеты. Порой дергая нежные цветы прямо с луковицей. И вот, когда в обеих руках не остается уже свободного места, я бегу домой и дарю этот первый майский букет маме.

— Красиво, — улыбнулся Волков.

— Хоть во сне окунулся в детство. Золотое было время. А однажды мы с дядей, он после смерти отца был мне очень близок, тоже бродили по степи и нашли орленка с подбитым крылом. Принесли его домой, и я все лето за ним ухаживал, выкармливал его.

— Крыло-то зажило? Или он так и остался у тебя жить?

— Зажило, но мы его выпустили только тогда, когда он подрос и стал сильным орлом. Красавец был — не передать словами. А летом пропадали на реке Илек: купались, загорали. Больше всего любили раков ловить. Как нахватаем полведра — бегом домой. Бабушка наварит их в казане — аромат!

— Вить, заканчивай! — воскликнул Добровольский, смеясь. — Аж слюна потекла! Раки — это тебе не пюре мясное с хлебом и коврижкой и даже не вобла.

— Дак, Жор, то ж в годы войны было. Мы, считай, этими раками летом и спасались. А весной луковички бузликов ели. Они знаешь какие сладкие?

— Кого?

— Ну, бузлики, это подснежники такие, — пояснил Пацаев.

— Не знаю, — засмеялся Добровольский, — не пробовал.

— У нас их уйма была. По весне-то они набухают, наливаются соками, мы их как лакомство уплетали с ребятами.

— Эх, Витя! — воскликнул Волков. — Природа — это твоя стихия. Ты в ней как рыба в воде.

— Да, — согласился Пацаев.

Его небывалое оживление сменилось привычной задумчивостью.

12 июня Франция проводила ядерные испытания. Что наблюдали космонавты в иллюминатор, знал только узкий круг людей, а мы об этом можем только догадываться, ведь никаких записей об этом событии в открытом доступе нет: они либо засекречены, либо подчищены компетентными органами.

Когда очередной виток связи закончился и Пацаев с Добровольским отправились вздремнуть, Волков, зафиксировав свое тело в кресле у письменного стола, начал строчить дневник. Записи вели все три космонавта. В непродолжительные минуты отдыха каждый вносил туда свои наблюдения, переживания, события дня.

«13 июня 1971 года. Восьмые сутки полета. Пересекли экватор. Начался 887-й виток. Ребята спят. Жора в переходном отсеке, уткнувшись в прибор. Виктора не видно, он на моем месте в орбитальном отсеке, на лежаке. Я уже сделал физо, позавтракал и попил воды.

Пока мы вне видимости наших пунктов, но все же посижу на связи, а вдруг что-нибудь пой-

маю! После связи проведу медицинский эксперимент.

Проводил наблюдения звездного неба.

В верхнем светлом слое ночного горизонта совершенно отчетливо просматривается звезда бета Большой Медведицы. С наступлением восхода, когда антенны начинают светиться, звезды пропадают, но не все.

С утра пылесосил отсек.

В «Оазисе» вылезли два зеленых стебля около 2 см высотой. Ребята все еще спят. Пойду будить Жору. Ведь у него подъем в 01:30, а сейчас уже 02:00. В иллюминаторе ярко загорелась антенна, значит, наступил очередной восход».

Виктор Пацаев тоже вносил свои наблюдения в дневник.

«На светлой части орбиты звезды почти не видны даже в противосолнечный иллюминатор. Видны только Сириус и Вега.

На горизонте при заходе Солнца звезды не мерцают до самого края Земли.

Светящиеся частицы часто сопровождают станцию и летят в разных направлениях. Это пылинки или мелкие крошки.

Цвет океанов – нежно-голубой. Волны видны почти всегда в противосолнечный иллюминатор при высоком Солнце. Видна спутная струя от судов. От самолетов видны инверсионные следы».

Несмотря на напряженный график работы и усталость космонавтов, все шло в штатном режиме. Но вот 16 июня на станции произошло ЧП. В ЦУП это вызвало аврал, по всем этажам прокатилась волна негодования и страха. Наверх боялись даже намекнуть о случившемся. А на станции экипаж срочно готовился к эвакуации.

Для этого на Земле нужно было поднять все службы поиска и слежения, баллистикам срочно разобраться, на каком витке кораблю отделиться от «Салюта», чтобы посадка была гарантирована на территории СССР. Привести всех в полную готовность. Ведь на орбитальной станции пожар!

Волков перебрался в спускаемый аппарат и пытался выйти на связь с ЦУП.

– Заря, Янтарь-2, Заря, ответьте. Вы слышите меня? – кричал Вадим.

– Заря на связи. Что случилось?

– «Завеса» на борту!

– Что? Повторите!

– Я говорю, у нас «завеса» на борту!

– Где командир экипажа?

– Пытается разобраться в причинах. Я за него! – кричал Вадим.

– Янтарь-2, позовите командира экипажа.

– Мы сами тут разберемся, кто у нас командир! – кипятился Волков. – Вы что, не понимаете, что у нас «за-ве-са»?!

Это был особый код, который обозначал либо дым, либо пожар. В ЦУП, ошеломленные напором Волкова и его испуганным, срывающимся голосом, совершенно забыли о кодовом слове и никак не могли понять, что происходит на станции. Переспрашивали несколько раз. А Волков только распалялся еще больше и требовал разрешения на немедленную отстыковку.

Злясь на нерадивых землян, он смачно выругался и на повышенных тонах стал говорить открыто:

– Пожар у нас! Я не могу найти инструкцию для срочной эвакуации и спуска. Диктуйте, в какой последовательности и что выполнять.

– Подождите, Янтарь-2, объясните спокойно, что происходит.

– На станции сильный запах горелой изоляции и дым, – нервно чеканил слова Волков. – Едкий дым, мы задыхаемся! Вы что, не понимаете?

– Где очаг? Вы можете определить?

– Похоже, что пульт управления научной аппаратурой. Немедленно сообщите мне данные для срочной расстыковки! – требовал Вадим.

– Решение о расстыковке принимает командир экипажа, – попытались осадить его в ЦУП.

– Мы все принимаем решение, – кипятился Янтарь-2. – Речь идет о наших жизнях!

На Земле долго совещались и никак не могли прийти к единому решению. Несмотря на то, что инструкции на расчет траектории эвакуации были даны, медлили до последнего. Прерывать экспедицию, когда большая часть задач еще не выполнена, многие эксперименты только начаты, очень не хотелось. Да и как докладывать в Москву обо всем этом? Никто не торопился брать на себя такую ответственность.

Наконец после продолжительных консультаций решение было принято и ЦУП вышел на связь:

– Янтари, это Заря. Как слышите?

– Янтарь-2, мы ждем инструкций по отстыковке, – нервно бросил Волков.

– Не торопитесь. Пульт выключен, значит, дым должен прекратиться. Примите таблетки от

головной боли. По данным телеметрии, уровень углекислого газа в норме. Порядок действий на случай срочного ухода читайте на страницах 110–120, там все подробно написано. Отстыковка только по команде с Земли. Решение о переходе и расстыковке принимает командир.

Волков вспыхнул. Он столько распинаясь перед ЦУП, пытаясь объяснить, что вопрос серьезный и не терпит неоправданных рисков. Но никто не хотел даже слышать, более того, ему еще и указали на его место. Он сжал кулаки так, что побелели костяшки, но сказать больше было нечего.

Все это время командир Добровольский вместе с Пацаевым занимался тем, что пытался устранить проблему возгорания. Он лишь краем уха слышал, что происходило в «Союзе». А когда дым начал потихоньку выветриваться, Георгий решил, что пора брать ситуацию в свои руки.

– Заря, я Янтарь-1. Принимаю решение не торопиться. Поглотитель вредных примесей включен. Будем дежурить по двое, один отдыхает. Не волнуйтесь, у нас настрой работать дальше.

– Янтарь-1, я Заря. Мы проанализировали состояние бортовых систем и считаем, что принятые меры гарантируют нормальную работу. Запахи скоро должны исчезнуть. 17 июня рекомендуем вам провести день отдыха, потом входите в режим. После окончания витка связи имейте в виду, что вас будет слышать корабль «Академик Сергей Королев» и докладывать нам о ситуации на борту. Отбой.

Как только связь с Землей пропала, Добровольский накинулся на Волкова:

– Ты что творишь?!

Командир схватил Вадима за лацканы рабочего комбинезона, и они закружились по станции. Кувыркаясь, летали от одного борта к другому, ударяясь о стену, яростно отталкивались и вновь выплывали на середину рабочего отсека. «Салют» качался, словно на волнах.

– На каком основании ты поднял этот шум?! – ревел капитан.

– А ты сам не видел? – задыхаясь, кричал Волков. – Отпусти меня!

Он оттолкнул Добровольского и сам срикошетил в обеденный стол. Бачок дрогнул, вода бурно заколыхалась внутри. Добровольский ударился о стену, схватился за поручень и, тяжело дыша, попытался восстановить равновесие.

Пацаев, наблюдавший за этой сценой со стороны, решил вмешаться, пока космонавты не сцепились снова. Он нырнул между ними и старался держать Добровольского и Волкова на расстоянии друг от друга.

– Прежде всего ты должен был посоветоваться со мной!

– Неужели ты не понимаешь?! – оправдывался Вадим. – Дорога была каждая минута. Я не мог найти инструкцию, а виток связи уходил.

– Ты забываешься! Перестань все время якать! Целыми днями по станции разносится только твое «я». Почему Витю не слышно? Он либо спокойно выполняет свою работу, ни на что не жалуясь, либо читает книги.

Виктор Иванович покраснел и, вскинув глаза на командира, попытался его успокоить:

– Жора, не надо...

Но Добровольский не слышал его и даже не смотрел в его сторону. Взбешенный взгляд буравил Волкова.

– Только ты везде лезешь, где надо и где не надо! У каждого есть четко прописанные обязанности!

– Да речь идет о наших жизнях! Ты что, хочешь тут сгореть?

– На нас возложены огромные надежды. Конструкторы, военные, ученые, не говоря уже о «Первом», – все следят за нашей работой и ждут результатов! Мы должны стоять до последнего, а не как трусливые крысы, не разбирая причин, бросаться наутек. Это первая в мире долговременная орбитальная станция!

Выпалив все это, Добровольский тяжело дышал и вытирал рукавом лоб. Ворот его белой футболки пропитался потом. Ярость потихоньку отступала, зато горький привкус досады на самого себя за несдержанность начинал подниматься из глубины души. Пацаев, видя, что командир высказал все, что наболело, а Волков уже и сам не рад, что так поторопился, подлетел к Вадиму.

Похлопал его по плечу и тихо сказал:

– Худшее уже позади. Иди лучше отдохни. Сейчас надо просто всем успокоиться.

– Вить, ну ты-то хоть... – начал было Вадим, но осекся.

– Не надо, просто успокойся, – улыбнулся Пацаев.

Обиженный Волков, злобно сверкнув глазами на Добровольского, махнул безнадежно рукой и скрылся в переходном отсеке.

Экипажу предстояло находиться на станции еще неделю, но космонавты настолько устали и были эмоционально измотаны, что руководство решило сократить длительность экспедиции на сутки. Медицинские показатели стали падать, программу физических тренировок экипаж выполнял не полностью, что очень беспокоило врачей. Энтузиазм, особенно после пожара, тоже заметно поубавился, и в сеансах связи ЦУП начал отмечать грустные и однозначные ответы. А в работе экипажа – мелкие, но постоянные ошибки.

Тем не менее 19 июня на станции «Салют» был особенный, праздничный день. Виктору Пацаеву исполнялось 38 лет. На каждом витке связи в ЦУП начинали сеанс именно с поздравлений.

– Янтари, это Заря, как слышно?

– Заря, Янтарь-1, слышим вас хорошо.

– Мы все поздравляем Виктора Ивановича с днем рождения. Желаем ему успешной работы.

Застенчивый Пацаев каждый раз смущался, и по его вытянутому лицу алели пятна.

– Янтарь-3, спасибо! – сдержанно благодарил он.

– Янтарь-1, мы хотели устроить ему день отдыха, но у него много работы, – посмеиваясь, добавил командир экипажа.

– Все поздравляют и думают, что командир ему банкет устроит, – отвечал ЦУП.

– Мы ему пытались день физкультуры устроить, но у него много технической работы, – гнул свое Добровольский.

– Виктор Иванович, еще раз хотим пожелать вам успешного выполнения полетного задания и большого счастья в жизни. Ваша мама в Звездном городке, дали ей послушать ваш голос.

От этих слов на сердце сразу потеплело, и Виктор расцвел в улыбке.

Для Пацаева мама была самым дорогим человеком. Он любил ее безмерно. Когда после гибели отца она вышла замуж за другого, долго не мог простить. Но шло время, Виктор видел, как отчим заботится об их семье, и постепенно оттаял. Он переживал за здоровье мамы из космоса, поэтому любая весточка с Земли приносила ему успокоение.

День старта, 6 июня 1971 года, выпал на воскресенье. В отчем доме Виктора в селе Рождественно каждый занимался своими привычными делами: отчим с утра отправился на рыбалку, а

мама готовила обед. Вышла в огород за укропом для борща и, вернувшись на кухню, насторожилась.

По радио передавали сообщение ТАСС:

– ...космический корабль пилотирует экипаж в составе командира корабля подполковника Добровольского Георгия Тимофеевича, бортинженера Героя Советского Союза летчика-космонавта Волкова Владислава Николаевича и инженера-испытателя Пацаева Виктора Ивановича...

Услышав про сына, Мария Сергеевна вскрикнула и осела на стул, схватилась за сердце. На ее голос прибежала соседка.

– Ты чего, Сергеевна? Случилось чего? Ты так кричала, у меня аж душа в пятки ушла, – допытывалась она.

Бледная Мария Сергеевна, с трудом переводя дух, прошептала:

– Сынок мой... Витя... Сынок... в космосе.

Соседка обмерла, прикрыв рот рукой. Женщины обнялись и заплакали. Гордость матери за сына омрачалась лишь страшной тревогой.

Вернулся с рыбалки ее муж, начал укладывать удочки в сарай.

– Отец, день-то сегодня какой! – крикнула ему Мария Сергеевна, выйдя на крыльцо.

– Что случилось?

– Витя наш в космосе!

Отчим побледнел. На ватных ногах прошагал в дом и сел у динамика, прислушался. Витя был ему как родной, ведь с тех пор, как он заменил мальчику погибшего отца, прошло целых двадцать пять лет.

А наутро на стене их дома уже красовалась табличка: «Здесь живут родители летчика-космонавта Виктора Ивановича Пацаева».

– Янтарь-3, к нам сюда приехала вся ваша семья. Стол-то накрыли уже?

– Стол сервирован отлично, – бодро отпартовал Пацаев. – Холодная телятина, цукаты, смородиновый сок в тубах.

– А бутылочку нашли? – лукаво поддел ЦУП.

– Нет, все углы обыскали, но ничего не нашли, – засмеялся Виктор.

– Хорошо вам отметить. Сейчас по заказу твоей жены, Витя, будет звучать песня Эдуарда Хилия «Как хорошо быть генералом», а мы отправляемся к тебе домой праздновать. Верочка нас всех пригласила. Вот так день рождения: гости дома, а хозяин в космосе!

Из динамиков полился звучный голос: «Буду я точно генералом, если капрала переживу».

На празднование в Звездный один из гостей принес бутылку французского виски. Решили ее не открывать до возвращения Виктора Ивановича домой. Чтоб распечатать ее сразу, как только он переступит порог. Наклеили длинную полоску белой бумаги и написали: «Витя, ты искал эту бутылку в космосе, а она оказалась на Земле!» Каждый присутствующий оставил свою подпись на память. Пусть бутылка стоит и ждет своего хозяина дома...

— Ну, именинник, а у меня для тебя тоже есть подарок! — радостно воскликнул Волков, одной рукой держась за поручень, а другую спрятав за спину.

Пацаев вспыхнул: сегодня так много внимания к его скромной персоне.

— Не томи! — захохотал Жора. — Давай уже, что ты там приготовил.

Вадим вытащил руку из-за спины и протянул ее Виктору. На ладони красовалась золотистая луковица.

— Откуда? — изумился Пацаев.

— Тайком протасил, — подмигнул Волков. — Сейчас разделим на три части, хоть поедем как нормальные люди, а то меня уже от этих тюбиков с протертым пюре мутит.

— Вадим! — бросился обнимать его именинник. — Ну это просто королевский подарок! Такой деликатес! Спасибо!

— Так и это еще не все, — интригуяще заверил Волков.

— Неужели еще что-то пронес? — поразился Добровольский.

Затаив дыхание, они с Пацаевым ждали, что же еще появится в ловких руках товарища.

— А то!

И из-за пазухи был извлечен лимон.

— Ну а на завтра намечен день отдыха, — напомнил Вадим. — Ждем передачу «С добрым утром!», будут исполнять для нас, по заказу!

— Ага, день отдыха, как всегда, пройдет в очередных замерах, наблюдениях, фотографированиях и экспериментах, — поддакнул Добровольский.

Волков лишь развел руками:

— Такая уж у нас профессия — космонавт!

24 июня экипаж побил 18-суточный мировой рекорд космонавтов Андрияна Николаева и Ви-

талия Севастьянова, осуществивших полет на корабле «Союз-9».

Принимая поздравления, Волков растрогался до слез. Так приятны были эти теплые слова. Ребята спали, а ему не хотелось их будить. Но они, словно чувствуя трепет Вадима, одновременно вылезли из спальных мешков и подлетели к нему. Все трое обнялись, похлопывая друг друга по плечам. Все тяготы полета, нервозность и обиды вмиг улетучились. Никогда еще они не были так едины, как в тот радостный момент.

В последние дни Вадим плохо спал, удавалось провалиться в забытие лишь часа на три, сон никак не хотел приходить. Думал, поможет чтение, но даже наоборот: он так зачитывался «Евгением Онегиным», что после отбоя еще целый час проводил за книгой. Однако даже в короткие мгновения сна его мучили путанные видения, хотя в первый свой полет снов он не видел совсем.

Трехнедельная экспедиция подходила к концу, космонавты приступили к консервации станции, проверке спускаемого аппарата и усиленным физическим тренировкам. Укладывали оборудование, многочисленную документацию по экспериментам, проведенным за время пребывания на станции.

29 июня в 21.15 ЦУП дал команду на расстыковку корабля «Союз-11» с орбитальной станцией «Салют».

ЧАСТЬ 3. «ЗАВТРА ВСТРЕТИМСЯ, ГОТОВЬТЕ КОНЬЯК!»

«22 февраля 1944 года. Добровольский Георгий Тимофеевич, именем румынского военно-полевого суда за хранение револьвера в пригодном для действий состоянии вы приговариваетесь к двадцати пяти годам каторжных работ. Приговор привести в исполнение незамедлительно!»

У Жоры все поплыло перед глазами. Дыхание перехватило, темная пелена начала медленно заволакивать сознание. Жизнь еще не успела толком начаться, а впереди каторга. Вернется ли он когда-нибудь оттуда? И что будет с матерью? И с младшим братом Сашкой? Как они теперь без него?

Родился он 1 июня 1928 года в прекрасном южном городе Одессе, где почти круглый год

светит солнце, а до моря рукой подать. Несмотря на трудную и бедную жизнь, которая стала еще сложнее с уходом из семьи отца – начальника отдела контрразведки, Жора никогда не унывал. Начало Великой Отечественной войны он встретил тринадцатилетним мальчишкой. Рыл окопы, помогал санитарам ухаживать за ранеными в госпитале и пытался прибиться к партизанскому отряду, но, конечно, его не брали: был еще слишком мал. Но и тут паренек не пал духом, собрал свой отряд. Они искали оружие и нередко находили. Револьверы, пистолеты оставляли у себя, а автоматы зарывали в укромном месте. Не учли только одного: за ними следили. В дом к Добровольским полиция нагрянула неожиданно, револьвер был при Жоре. Пятнадцатилетнего подростка арестовали. Он прошел через страшные пытки в тюрьме, но товарищей не выдал. А они не забыли про него и помогли бежать по подложным документам. Меньше чем через месяц в Одессу вошли советские войска и освободили город.

Георгий мечтал стать моряком, а стал летчиком-истребителем. Потом была спецшкола ВВС в Одессе, Военно-воздушная Краснознаменная академия, а затем и рапорт с просьбой о зачислении в отряд космонавтов.

Высокий, статный красавец атлет с темными волосами, отдающими медью, мог вскружить голову многим девушкам. Он всегда был душой компании, великолепным рассказчиком, знал несметное количество анекдотов. Но вот в присутствии курносой Люды, простой учительницы математики, Георгий тушевался. Странно, ведь они знали друг друга с детства, но тогда он почему-то не краснел рядом с ней, а теперь все стало иначе. Позже Люда вышла за него замуж и родила двух дочерей – Марину и Наташу.

Центр управления полетами в то время располагался в Евпатории. 29 июня 1971 года здесь уже все было готово к расстыковке со станцией. Зал управления набился до отказа, ждали только министра Афанасьева, который с минуты на минуту должен был прилететь с полигона, да главного конструктора Мишина. Но очередная авария ракеты Н1 с макетом лунного посадочного корабля и отсутствие объяснений ее причин задержали обоих, поэтому в ЦУП решили начинать расстыковку без них. По заключению врачей, состояние космонавтов в последние дни было хорошим, докладывали они обо всем во-

время, работали слаженно – в общем, все шло спокойно и четко по расписанию.

– Янтари, это Заря. Как слышите меня?

– Слышим хорошо, – отозвался Добровольский. – Докладываю: консервация станции окончена, все материалы и документы уложены в спускаемый аппарат. Экипаж одет в противоперегрузочные костюмы и готов покинуть станцию.

– Принято.

Заняв свои места в корабле, начали проверку аппаратуры. В душе у каждого космонавта поднималось волнующее и радостное чувство близости дома. Все они соскучились по семьям, по родной земле, по твердой почве под ногами. Это сейчас с орбитальной станции можно запросто позвонить по мобильному телефону и поговорить с родными, а в то время было не так. Пара слов да весточка, переданная через ЦУП, – вот и все за целый месяц.

Проверка аппаратуры проходила штатно, как вдруг зажглось табло «Люк открыт». У Волкова перехватило дыхание. Тревожная волна начала заволакивать радостное настроение.

– Люк негерметичен, что делать?

Космонавты нервно переглядывались.

– Заря, что нам делать? – повторил, тяжело дыша, Волков.

– Откройте люк, – спокойным голосом произнес космонавт Алексей Елисеев, находившийся на связи. – Штурвал влево до отказа. Потом закройте люк и поверните штурвал вправо на шесть с половиной оборотов.

Добровольский сделал все в точности по инструкции, но табло продолжало гореть.

– Ничего не получается! – отчаянно воскликнул Волков.

– Янтари, повторите операцию еще раз, – четко проинструктировал Елисеев.

И снова Добровольский крутил заданные обороты, но табло не гасло.

– У нас нет аварийно-спасательных скафандров! – Голос Волкова начал срываться. – Мать вашу, вы что, не понимаете, что спускаться с негерметичным люком – это верная смерть?! Мы двадцать минут уже бьемся, а толку чуть!

– Янтарь-2, успокойтесь, пожалуйста. Мы посоветовались и пришли к выводу, что барахлит контакт датчика на обрезе люка. Туда надо что-нибудь подложить и попробовать закрыть еще раз.

Добровольский вытащил пластырь, сунул его под концевой выключатель, фиксирующий

держатель люка, и в очередной раз крутанул нужные шесть с половиной оборотов. Все замерли в немом ожидании. Боялись даже вздохнуть, не отрывая глаз от табло.

– Погас, – заорал Волков, – погас! Все в порядке!

С облегчением выдохнул не только экипаж, но и все сотрудники ЦУП. Проблему удалось решить.

– Витя, сбрось давление в бытовом отсеке до 160 мм, – скомандовал Добровольский, – проверь герметичность.

– В норме, – доложил Пацаев.

– Янтари, это Заря. Расстыковку разрешаем.

– Команда «Расстыковка» подана в 21.25.15, – отрапортовал Пацаев.

– Прошло разделение. Визуально наблюдаем расхождение. Станция пошла слева от нас, с разворотом, – комментировал немного успокоившийся Волков.

Волна радости снова начала подниматься в нем, разливаясь приятной теплотой по телу.

– Янтари, посадка будет происходить за десять минут до восхода Солнца. Янтарь-1, подведите корабль к станции и сфотографируйте ее на расстоянии тридцати – сорока метров.

– Принято.

На очередном витке связи разговор с экипажем вел руководитель подготовки космонавтов Николай Петрович Каманин.

– Янтари, это 16-й, как слышно?

– 16-й, это Янтарь-1, слышим хорошо.

– Даю условия посадки. Над территорией СССР малооблачно. В районе посадки ясно, видимость – десять километров, ветер – два-три метра в секунду, температура – 16 градусов, давление у земли – 720 миллиметров. Напоминаю: при спуске ведите постоянный репортаж. После посадки действуйте по инструкции, люк не открывайте, резко не двигайтесь, ждите группу поиска. Желаю мягкой посадки. До скорой встречи на Земле!

– Принято! Идем по программе. Понемногу появляется Земля. Справа летит станция. Здорово, красивая. Сейчас начинаем ориентацию, – докладывал командир.

– У меня виден горизонт по нижнему срезу иллюминатора, – добавил Пацаев.

– Отлично. До свидания, Янтари, до следующего сеанса связи.

– Завтра встретимся, готовьте коньяк! – добавил лукаво Волков.

Связь пропала.

30 июня в 1.35 по московскому времени двигатель «Союза-11» был включен на торможение. Все морские корабельные пункты связи ловили информацию с пролетавшего над ними аппарата и поочередно докладывали, что двигатель сработал в расчетное время и все идет по плану. Над Африкой произошло отделение спускаемого аппарата от бытового и приборно-агрегатного отсеков. Экипаж был вне зоны связи, но внутри работал многоканальный самописец «Мир» для регистрации всего происходящего на борту.

– О, перегрузка! Пошла, родимая! – присвистнул Добровольский.

– Да, – довольно потирая руки, заметил Волков, – скоро будем дома.

– Следи за давлением.

– Принято.

– Хлопок, отделение, – добавил Пацаев.

Но вдруг что-то пошло не так. Привычный гул радиоаппаратуры стал заглушать нарастающий свист.

– Давление падает! – воскликнул Волков, бросив озабоченный взгляд на приборную доску. – Высота 150 км, за бортом вакуум, давление падает.

27

Руки Вадима похолодели, он пытался понять, что происходит, но стремительное снижение аппарата и шум, стоящий внутри, не давали сконцентрироваться.

– Разгерметизация!

Георгий, молниеносно отстегнув верхнюю часть привязного ремня, начал ощупывать руками люк. Он шарил по холодному металлу, но пальцы не чувствовали ничего необычного.

– Все герметично.

Однако откуда-то снизу начинала подкатывать волна тошноты, а гул в салоне переходил в давящий шум в ушах.

– Свист! – крикнул Волков. – Ты слышишь свист? Воздух уходит! Давление продолжает падать!

– Где свистит? – пытаюсь перекричать шум включенных передатчиков, недоумевал Добровольский.

– Не пойму! – орал Волков. – Но давление продолжает падать!

Они с Пацаевым одновременно сбросили плечевые ремни и поспешили выключить всю радиоаппаратуру.

– Тихо! – рявкнул Добровольский.

Все трое прислушались. Теперь свист отчетливо доносился из вентиляционного клапана над командирским креслом.

– Вентиль! – завопил Добровольский. – Витя, помоги!

Пацаев дернулся на помощь командиру. Его длинные руки, словно плети, взмыли к потолку капсулы и вцепились в красный барашек, с которого обессиленно соскользнули пальцы Георгия Добровольского. Привязные ремни крепко удерживали жилистое тело Виктора Ивановича в положении. Он тянулся, крутил что было сил, но мышцы предательски слабели. Пацаев жадно глотал воздух, но тот будто не доходил до легких и застревал где-то на полпути, раздирая и без того ссохшееся горло.

Капсула стремительно неслась к Земле, приближаясь к плотным слоям атмосферы. Три космонавта, как гибнущие Икары, летели вниз.

– Дайте мне! – крикнул Волков.

Не дожидаясь ответа, он потянулся к вентилю и попытался крутануть, но тот словно был приклеен намертво и не сдвинулся даже на миллиметр.

Все тело ломило нестерпимо. К горлу начали подступать приступы удушья. Воздуха катастрофически не хватало, перед глазами опускалась темная пелена. Силы утекали из организма, любое движение давалось с огромным трудом. Добровольский с Пацаевым тщетно пытались закрутить кран-барашек. То по очереди, то вместе. Но им не хватило сил.

Волков с немим ужасом, уже почти теряя сознание, наблюдал за своими товарищами будто в замедленной съемке. Дышать стало совсем тяжело. Словно железные пальцы все сильнее и сильнее сдавливали горло. Не только кислородное голодание, но и страх пожирал изнутри, затуманивая разум окончательно. А потом вдруг наступила полная тишина: лопнули барабанные перепонки.

– Ви-тя, – проговорил едва живой командир, – да-вай е-ще...

Но так и не закончил фразу, обессиленно поник в своем кресле. Да Витя его уже и не слышал, тоже провалившись в объятия тишины.

Перед глазами у Волкова плыли расплывчатые образы, в голове проскакивали путанные образы бессвязных мыслей. В тело постепенно вливалась звенящая пустота.

С момента разгерметизации они прожили сто двадцать секунд и боролись за свою жизнь до последнего бескислородного вдоха.

В ЦУП с нетерпением ждали обратной связи до входа аппарата в слои атмосферы, где плазма гасит все радиоволны, но экипаж молчал.

– Янтари, на связь, ответьте! – беспокоился Елисеев. – Ведь просили же Добровольского докладывать обо всем, как только они войдут в зону связи. Почему же они молчат?

Сотрудники недоуменно переглядывались в полной тишине – экипаж на связь не выходил. Керимов расхаживал по залу, заложив руки за спину и нервно чеканя каждый шаг. Мишин мямлил пальцы до красноты. Атмосфера была гнетущая. Непонятно было даже, сошел спускаемый аппарат с орбиты или нет.

– А Волков? – продолжал Елисеев. – Он-то почему молчит? То на всех сеансах связи не умолкает. А тут вдруг тишина. Странно это.

Сотрудники ЦУП прекрасно понимали, что на борту что-то происходит, но что именно – никто не знал.

В 1.45 поступило сообщение от ВВС: «Удаление корабля от расчетной точки посадки – две тысячи двести километров».

Эта новость вселила лучик надежды, что сам аппарат спускается штатно, возможно, всего лишь отказала радиосвязь.

«Удаление 1800... 1000... 500... 50 километров от расчетной точки».

Еще совсем чуть-чуть, и должен раскрыться парашют, и буквально минут через пятнадцать спускаемый аппарат приземлится в заданной точке. О ходе спуска космонавты тоже неукоснительно должны были докладывать. Никогда еще связь не давала сбоев на этом этапе. Но в этот раз экипаж молчал.

В поисково-спасательных вертолетах внимательно прислушивались к переговорам групп, ловили каждое слово. Ждали, кто увидит парашют первым. От напряжения перехватывало дыхание, а от шума лопастей и треска эфирных помех реплики порой улетали в никуда. И тут вдруг кабина одного вертолета огласилась радостным возгласом: «Вижу! Сопровождаю!» Передав координаты остальным, группа первой направилась к засеченному объекту.

– Кто-нибудь может связаться с экипажем? – трещала рация.

Но у всех поисковиков был лишь один отрицательный ответ.

Бело-оранжевый купол неспешно планировал с аппаратом к земле. Темная капсула глухо

ткнулась в сухую почву степи, всколыхнув клубы пыли. Парашют, сдувшись, упал на пожухлую траву, медленно осела на землю серая пелена. К месту посадки, западнее горы Мунлы, уже подлетали вертолеты.

В ЦУП по-прежнему не было никаких вестей ни от экипажа, ни из района посадки. Прошло уже больше получаса с расчетного времени приземления, а телефоны предательски молчали. Керимов должен был первым доложить в Москву об успешном окончании экспедиции, но как докладывать? На его бледном лице выступили капли пота, руки дрожали.

Выскочив из вертолетов, спасатели неслись к спускаемому аппарату, который лежал на боку. За ними едва поспевали врачи, военные и корреспонденты. Ближущая на восходящем солнце серебристая капсула безжизненно покоилась на выжженной земле. Постучали по стенке – ответа нет. А ведь космонавты всегда барабанят изнутри. Обступившие аппарат с дрожью в сердце уже понимали, что произошло самое страшное. Бросились открывать люк. Стук металла о металл, скрежет окарины, гул от не прекращающихся крутиться винтов вертолетов – и ужасающая тишина внутри...

Космонавтов невозможно было узнать. Обросшие бородой, с усами, из носа и ушей подтеки крови. Они сидели в своих креслах в спокойных позах с безмятежными лицами, словно просто заснули в свободное от выполнения поставленных задач время. Все выглядело совершенно обычным, за исключением того, что космонавты были мертвы.

Спасатели начали вытаскивать экипаж. Первым достали Добровольского, сидящего в середине. Он был еще теплым. Георгия уложили на носилки, подложили под голову подушку, непрерывно делали искусственное дыхание и непрямой массаж сердца. Вокруг едва слышно колыхалась пожухлая трава, раскачиваемая дуновением ветра. Рука Добровольского соскользнула с носилок и, коснувшись тыльной стороной ладони сухостоя, опустилась на выжженную почву. Последнее желание – дотронуться до родной земли – осуществилось.

Вслед за командиром вытащили Пацаева и Волкова. Больше часа бригада реаниматологов из «Склифа» пыталась вернуть космонавтов к жизни, но все было тщетно.

*Этой ночью звезды не падали,
В почетном застыв карауле.
Этой ночью женщины плакали
И в городе, и в ауле.
Назад на Землю вернулись
Из звездного мира трое,
Только сердца их молчали:
Мертвыми были герои.
Долг свой выполнив с честью,
На месте рабочем сидя,
Икары к земле летели,
Земли уже больше не видя*.*

В телестудии «Останкино» Валентина Волкова со свекром наблюдали возвращение экипажа «Союза-11» на Землю. Радость и гордость за мужа и сына переполняли их. Все шло хорошо, и на каждом витке был новостной эфир, но, когда связь с экипажем оборвалась, Волковым предложили поехать домой и ждать новостей там.

У Валентины не было плохих предчувствий. Когда ей сообщили, что муж погиб, она не плакала, лишь зияющая пустота поселилась в сердце и съедала изнутри, а между прошлым и будущим встала огромная, непробиваемая стена.

Каждое утро она начинала мыть их осиротевшую квартиру. На коленях оттирала каждый уголок, каждый плинтус. Заканчивала и начинала снова: это помогало ей не сойти с ума от горя.

На следующий день к спускаемому аппарату прилетели Алексей Леонов и разработчики корабля «Союз». Они осматривали корабль, исследовали каждый его миллиметр, но никакой негерметичности не смогли обнаружить.

– М-да, – грустно бросил Леонов, – я так злился на Кубасова, готов был его придушить за этот неожиданно появившийся туберкулез, а получилось, что у судьбы оказались на все свои планы. Ведь у Валеры началась обыкновенная аллергия на местные растения, а вовсе не страшная болезнь, из-за которой отстранили весь экипаж. И эта аллергия спасла нас жизни. Но почему-то мне от этого совсем не радостно...

Все полеты на космических кораблях «Союз» были приостановлены больше чем на два года. Первую орбитальную станцию «Салют» за-

* Фрагмент стихотворения «Памяти героев-космонавтов» неизвестного автора, которое сохранилось в воспоминаниях Галины Пацаевой, сестры космонавта.

топили в Тихом океане в октябре 1971-го. Урны с прахом героически погибших космонавтов покоятся в Кремлевской стене. Все последующие полеты в космос осуществлялись только в скафандрах.

После гибели Янтарей в Звездном пошла молва, что подобные позывные – названия камней – приносят несчастья. Ведь многие из тех, у кого был такой позывной, погибли. Владимир

Комаров – Рубин. Павел Беляев – Алмаз. И вот теперь Янтари...

А Алексея Леонова, судя по всему, судьба вела за руку и вытаскивала из лап смерти, ведь его позывной тоже был Алмаз. Однако ему дважды удалось выжить: и когда раздулся скафандр в его первый выход в открытый космос, и когда его экипаж заменили героически погибшие Янтари.

**Наталья
КОЛЕСОВА**

ПОНЕДЕЛЬНИК – ДЕНЬ ТЯЖЕЛЫЙ

Повесть

ПОНЕДЕЛЬНИК

Колготки были последней каплей.

Бывают дни, когда все неприятности, опостылевшие обязанности, нелепые случайности, оплошности свои и чужие, которые ты со скрипом, сжав зубы, но все-таки можешь вынести по отдельности, скапливаются, стягиваются в огромный узел, который только мечом и распутаешь... то есть разрубишь.

Проснувшись, я еще не знала, что сегодня именно такой день.

Привычно три раза отключила будильник, пытаюсь хотя бы вырванными у утра минутами наверстать недосып. Привычно поклялась ложиться раньше – то есть хотя бы в полночь. Наконец, хоть и с закрытыми глазами, усадила себя на кровати: подъемный кран да мне бы по утрам! Каждые выходные я принимаю решение делать зарядку, но и каждый же понедельник не могу поверить, что вообще существуют люди, которые ее действительно делают...

Доковыляв до окна, отдернула штору. Жидкий серый свет ноябрьского утра лег на мое такое же серое лицо. Ветер, завывавший во дворе, бросал в стекло то запоздалые листья, то пригоршни ледяного дождя. Бр-р-р! В такую погоду добрый хозяин... и далее по тексту. А мы вот себя выгоняем, вытягиваем за шиворот, безжа-

лостно вышвыриваем за порог: в детский сад! в школу! на работу!

Дальше все на привычном автомате. Короткий душ. Одежда, подготовленная с вечера. Макияж наспех. Обжигаясь – растворимый кофе, голый, но с сахаром. В последний раз кинуть взгляд в зеркало: какой же я ужас по утрам! Ну и не только...

28

У лифта нос к носу столкнулась с соседкой. Леночкой. Я называю ее про себя Еленой Прекрасной. Потому что как в сказке. Вот она-то наверняка каждое утро делает зарядку для тела, лица, энергополей и что-там-еще-можно-зарядить! А также укладку волос, полный мейкап... И вообще она каждый день в новой одежде. В отличие от.

– Же-неч-ка! Доброе утро-о! – пропела она, и я моментально пожалела, что зашла с ней в лифт.

Надо было изобразить «ой, я же утюг забыла выключить!» и вернуться. Сейчас начнется. Ладно, если только цветочки полить в ее отсутствие, но если...

Не ошиблась.

– Же-ень, можно тебя попроси-ить?

– Попросить-то можно, – буркнула я, прожигая взглядом указатель этажей.

КОЛЕСОВА Наталья Валенидовна родилась в Новокузнецке. Окончила журналистское отделение филфака КемГУ. Автор 11 книг прозы. Публиковалась в журналах «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Порог» (Кировоград), «Новосибирск», «Полдень. XXI век» (Санкт-Петербург), «Нижний Новгород». Член Союза российских писателей. Живет в Новокузнецке.

А нельзя как-нибудь побыстрее ехать?! Ленка не успела бы сформулировать свою очередную просьбу.

– Выгуляй сегодня моего Пакета, а?

Пакет – собака. Избалованная маленькая щетка с курносый носом и самомнением царя горы. Мы с ним друг друга терпеть не можем и миримся лишь по необходимости, ведь иногда его хозяйка отсутствует дома по несколько дней.

– Ну Же-ень! Очень большо-ой шанс, что я сегодня не вернусь, понимаешь же, да-а-а? – Лена каким-то образом умудрилась очень похабно подмигнуть на слове «большой». – А ты все равно всегда вечерами дома!

Ну да. Где же мне быть? Работа – дом. Дом – работа. Не выпадает мне таких шансов, ни больших, ни малых. Но вот как раз сегодня мы наконец-то встречаемся со Стасом, и я собиралась перед этим привести себя в порядок. Не в такой, увы, как Леночка. В относительный. Относительно меня.

– Ну Же-ень! – Соседка уже дергала мой рукав. – Ну всего пять мину-точек выгулять! И корм дать, ты знаешь, где он лежи-ит! Ты же не хочешь оставить бедную собачку голодной?! Пакетик и так без меня тоскует, прямо сердце разрывается!

...В принципе, минут за пятнадцать разделюсь я с этой четвероногой нагрузкой. Собака и впрямь не виновата, что у нее хозяйка... гулена. Лена заглядывала мне в лицо, поднимая ветер отчаянно хлопающими ресницами. Воссияла.

– Да? Ну да же?! («Да, да», – пробормотала я.) Вот спасибо, ты настоящий друг! Все, пока!

И упорхнула к своей маленькой, красной и безумно дорогой машинке – она кличет ее Божьей коровкой. Могла бы и подвезти «друга»! Я до сих пор не знаю, где Лена работает – и даже представить не могу кем... А-а-а, мой автобус!

К счастью, я успела втиснуться на последнюю ступеньку, хотя и получила за это чувствительный тычок в спину – так невошедшие свою досаду на мне выместили. Больно же! Но понять можно: с наших дальних краев выбираться в час пик – дело нелегкое. Я уперлась плечом в дверь (только бы стекло не выдавить), отвернулась от дышащего перегаром мужчины (зато он старательно упирался руками поверх моей головы) и обнаружила перед самым своим лицом красную дамскую сумку. Раскачивающаяся на ухабах, ямах и поворотах, она так и норовила съездить по моему носу, в то время как ее хозяйка, обвив

руками поручень, пристально смотрела в окно. Судьбу, что ли, свою высматривает?

Я отвела сумку раз, придержала два, потом потихоньку постучала по ней пальцем:

– Девушка... девушка-а... (Мстительный ридиколь ткнул меня в бровь твердым углом.) Девушка, не могли бы вы немножко... сумочку убрать?

Хозяйка словно только и ожидала моих слов, с такой готовностью набросилась на меня сверху:

– Ну чего тебе?! Все тебе мешают, да? (Я проглотила ответ: «Нет, только ты».) Не нравится – ездите на такси! (Вот и классика в ход пошла!)

И так раздраженно поддернула сумку выше, что заехала ею уже по уху прикрывавшего меня дядечки. Тот открыл глаза с красными прожилками, покосился на свирепое лицо хозяйки и смолчал – от греха подальше. И я молчала. Главное, своего добились. А у девушки, может, проблемы какие, не выспалась или со своим парнем поссорилась. По утрам понедельника все такие нервные... Я так себя привычно успокаивала, но от незаслуженного хамства, как обычно, перехватывало горло и колотилось сердце.

Говорят, не рекомендуется называть девочек мужскими именами: Александра, Виктория. Евгения. Мол, оттого формируются у них мужские качества характера: независимость, напористость, агрессивность. Но мой Евгений, видимо, был очень мягким, робким и излишне вежливым. Не способным ни отпор дать, ни отстоять свои права. Короче, да. Это я. Мямля. Девушка-которая-никому-не-может-сказать-нет. И даже элементарно послать...

Зазвонил телефон. Именно тогда, когда я не только говорить, но и дышать-то не слишком могла и вообще пришлось вылезать спиной вперед, чтобы выпустить выходящих и успеть заскочить перед свежими входящими.

Поэтому я старательно игнорировала звонок, пока перегарный мужик, вновь оказавшийся моим тесным соседом, не проворчал, болезненно морщась:

– Ты или возьми его уже, или выруби на хрен, а? И так голова трещит...

Да, похоже, надеяться, что звонящему надоест ждать ответа, не стоило. Пришлось добывать мобильник из сумки, надеясь, что эти крайне сложные в автобусной давке манипуляции не примут за сексуальные домогательства или попытку карманного воровства.

Так упорно звонить мне могут только два человека. Номер первый – мама. О, моя мама просто чемпион по звонкам в самый неподходящий момент! Например, когда что-то подгорает на плите. Или когда балансируешь на самом верху стремянки. И особенно – когда ты со своим парнем. Как будто у меня дома установлена тайная камера наблюдения.

Второй человек... Ну да, это как раз он и звонит.

– Самохина, – хмуро сказал Артем. – Ты где?

Интересно, какого ответа он от меня ожидает?

– Уже подъезжаю, – тем не менее культурно ответила я.

– Я сегодня кофе не успел выпить. По дороге забеги в кофейню, возьми.

– Артем, но я и так опаздываю...

– Да кто заметит? Короче, ты меня поняла.

И отключился. Я уставилась в потолок автобуса. Он прав. Ну кто мое отсутствие заметит? Это Артем – светоч, опора, надежда и вообще гений нашего архитектурного бюро. А я так, девушка на побегушках: принеси, подай, пошла на фиг, не мешай. А ведь начинали в «Орионе» мы, сокурсники, не с такой уж большой разницей во времени. Хотелось бы, конечно, согласиться с одной моей подругой: мол, все дело в том, что он «в штанах», то есть мужик, но самой себе врать бесполезно. Дело вовсе не в гендерных предпочтениях начальства. И даже не в особом таланте Черкасова.

Артем сумел себя поставить. Не боялся рисковать. Не боялся браться за большие серьезные проекты и говорить нет директорам и заказчикам. И спорить, да, и ругаться до разрыва договоров и хлопанья дверями.

Зато теперь он ведущий архитектор. А я... по-прежнему я. По-прежнему там же, где и была. Словно бежала несколько лет по тренажерной беговой дорожке на устраивающей меня скорости. Или вообще не бежала, а просто переставляла ноги, чтобы не выбросило за ее пределы?

За кофе пришлось отстоять длинную очередь: наши яппи, или как их там теперь называют, переняли у заграничных родственников привычку завтракать в кафе. Вот кто им не дает перекусить дома или вообще сварить тот же кофе на работе? Директор не запрещает. Он у нас демократичный. Чаще всего.

Я успела пропустить впереди себя всего двух человек («проститепожалуйстамнетолькокофея-

такопаздываю!»), прежде чем очередь за моей спиной начала возмущаться: «Девушка, может, тогда и всех нас пропустите?» Ну, может, люди действительно опаздывают, а меня, как сказал наш светоч, все равно никто не заметит... Нет, заметят: если я принесу кофе только персонально Черкасову, остальные обязательно поинтересуются, почему им не взяла. Кристине – романо (ни капли сахара и любых полнящих молочных продуктов!), Макс – раф, Алексей Алексеевичу – все равно, хоть растворимый, лишь бы кофе пахло... Еще Юле горячий шоколад... Уже расплавиваясь, спохватилась: про себя-то забыла! Но неудобно снова заказывать, за спиной и так ворчат про мои «оптовые закупки». Да ладно, я же дома все-таки глотнула! Хотя от здешнего кофейно-выпечного аромата ужасно засосало в желудке.

На нерегулируемом переходе я привычно проиграла с автомобилистами в их любимую игру под названием «Врешь, пешеход, не уйдешь!», снова выиграла и ворвалась в крутящиеся двери офисного центра.

* * *

– ...Оппа! – только и сказал Артем.

Хотя мог выдать куда более выразительное слово. Или очень много слов.

Мы вдвоем устались на расплывающееся по его кремовой рубашке кофейное пятно: предвкушая приятное удивление коллег моим бодрящим утренним сюрпризом, я на скорости ворвалась в черкасовский кабинет, не вписалась в поворот, столкнулась с хозяином, и вот... Результат.

– Ой, – запоздало выдавала я.

– Не то слово, – согласился со мной наш ведущий архитектор, оттянув ткань на груди. (Своей, разумеется.) – Ну ты, Самохина, даешь! Хорошо еще, не кипяток.

Не кипяток, но все-таки кофе был довольно горячим, убедилась я, когда Черкасов, полурастегнув рубашку, стянул через голову ее, а потом и промокшую белую майку: на коже остался красный след. Артем выдвинул нижний ящик стола и вытащил другую рубашку в упаковке – так предусмотрительные девушки хранят на всякий случай новые колготки. Затрещал целлофан. Моргая, я смотрела, как Черкасов застегивает белые пуговички.

Глянул на меня мельком:

– Самохина, за стриптиз вообще-то деньги платить полагается! И за нанесение телесных повреждений – тоже.

Спохватившись, я отвела глаза. Схватила его сброшенную одежду, комом прижала к груди.

Пообещала истово:

– Я все выстираю!

– И выстираешь, и выгладишь! – буркнул Артем.

Затянул галстук, взмахнул крыльями натягнутого пиджака, сунул под мышку кожаную папку и унесся.

Ой, блин, запоздало вспомнила я, сегодня же у него встреча с застройщиком! А я мало того что одежду ему попортила и задержала, так еще и кофе не дала выпить. А всем известно, что не выпивший кофе Черкасов – не человек, а демон. Даже дьявол. Не то что я, простой тихий зомби. Странно еще, что он меня по стеночке не размазал, наверное, просто времени не хватило, до встречи осталось всего ничего. Хотя спокойненько мог бы одной левой, вон как заматерел: сплошные мышцы. А раньше таким худосочным был, просто скелетиной...

Я потрогала острые уголки обшлагів артемовской рубашки, пощупала ткань, даже щекой потерлась: какая приятная! Надо узнать, где он их покупает, может, Стасу такую же подарить? Наверняка дорогущая! Черкасов щеголяет теперь только в подобных шмотках. Не только потому, что зарплата позволяет, но и для поддержания имиджа «Ориона»: ГАПы* частенько берут его с собой на встречи с заказчиками. Рубашка пахла знакомым одеколоном и свежестью. Только первый раз надел?

И тут такая я! С кофе.

Первым делом попыталась отстирать пятно жидким мылом под краном в туалете. Плохая идея! Пятно чуть-чуть побледнело, но зато расплозлось медузой по всей груди, придав нежно-кремовому цвету оттенок «детской неожиданности».

Надо поискать хорошую химчистку поближе к работе. Или уже поздно и теперь только дедовскими средствами? Надо у мамы спросить: у нее, в отличие от гугла, рецепты давние, проверенные.

Родительницу несколько не удивило, что ее дочь в очередной раз села в лужу. Иногда кажется, что только этого она от меня и ожидает – и, может, именно поэтому я только так и поступаю. До мельчайших подробностей допросила, что и как я сделала и каков размер катастрофы. Ей бы

в следователи, а не в учителя! Хотя, в принципе, эти профессии где-то рядом... Перечислила рецепты, которые я подробно, хоть и с недоверием, записала. При чем тут глицерин? А «Белизна» сожрет не только пятно, но и саму рубашку. Я представила Черкасова с прорехой на груди: буквально мишень для следующего утреннего кофе!

Надо было по-быстрому поблагодарить и отключиться, но я сообразила это, лишь когда услышала мамино привычное деловитое «так»:

– Так, надо сегодня съездить к бабе Маше. У нее все лекарства закончились.

Ой-ой-ой!

– Мам, ну пусть она, в конце концов, сыночку своему позвонит!

– Она позвонила мне, – внушительно сообщила мама. – Сыну некогда, ты же знаешь! А ты все равно всеми вечерами дома торчишь.

Я вздохнула:

– Мам, у меня на сегодня кое-что запланировано, а...

– Что там у тебя такого может быть запланировано? – отмахнулась родительница. – Старый человек остался без жизненно необходимых лекарств, а у тебя и сердце не болит? Список у тебя есть, купи то же, что обычно!

Можно было, конечно, сказать, что у меня свидание, но не хотелось выслушивать очередную лекцию о бесперспективности наших со Стасом отношений: надо или уже женить его на себе, или решительно рвать все и вся! Можно подумать, я могу сделать то или другое!

– Значит, договорились, – подытожила родительница и отключилась.

Вот у кого следует учиться умению вовремя прерывать разговор! Высказалась по существу, требования выдвинула, а там хоть трава не расти.

Я зажмурилась и постучала головой о стол. Баба Маша была вовсе не моей родной бабушкой, а бывшей нашей соседкой по подъезду. Мама любит поддерживать такие, как она говорит, «социальные связи». Только почему-то все больше через дочь. А ведь у бабы Маши полный родственный комплект: сын-бизнесмен, невестка и внук-старшеклассник. До сих пор не могу сообразить, как и когда покупать ей лекарства стало моей обязанностью. Кстати, мама живет всего в паре кварталов от нее, в отличие от меня, едущей из другого района. И как я теперь должна успеть и бабушку выгулять, и Пакета поле-

* ГАП – главный архитектор проекта.

чить? То есть наоборот. Хорошо хоть, вкусненькое приготовила еще вчера, Стаса с работы покормлю. А вот планы привести себя в порядок, похоже, накрылись медным тазом.

* * *

Вдобавок в обед я лишилась последних денег. Ну как лишилась – пожертвовала в пользу нуждающихся.

Я как раз зависла в столовой на раздаче, соображая, что бы такого взять вкусного, но некалорийного (практически невыполнимая задача!), когда мне аккуратно постучали пальцем по плечу.

Бородатый и волосатый Алекс (Александр? Алексей?) из соседней по этажу компьютерной фирмы искательно заглядывал мне в лицо:

– Добрый день, Леночка!

Я вздохнула:

– Меня зовут Евгенией, пора бы уже запомнить!

– Ой, прости, пожалуйста! Елена, Евгения – так похоже, да? (Ага, прямо одно и то же!) Женечка, выручи, будь ласка, а? Жрать так хочется, а у меня ни копейки!

– Да у меня самой всего ничего...

Я продемонстрировала ему внутренности своего кошелька. Проще было сунуть жалкие купюры в карман, а не таскать, раздутый от мелочи, в сумке. А карты я стараюсь лишний раз не носить, ибо с моей рассеянностью чревато. Алекс жадно изучил содержимое.

– Да мне много не надо! Сотню-две, а? Я сразу отдам. Завтра.

Я поглядела в кошелек, потом в его жалобные светлые глаза. Заколебалась.

– Но только до завтра! У меня самой кот наплакал...

– Да-да, спасибо, прямо с утра и отдам! Возьму три, да? – Победно потрясая вырванными с кровью дензнаками, Алекс кинулся из столовой. – Ну, или через пару недель отдам, да?

– Еще чего! – крикнула я, но айтишник уже скрылся за дверью.

Я ругнулась. Значит, придется обойтись одной тарелкой супа. Ну и ладно, а то еще вечером живот будет выпирать. И вообще, запасы в холодильнике и кухонных шкафах надо просмотреть. Если не роскошествовать (читай: пробавляться овощными супчиками и кашками на воде), можно точно протянуть неделю до следующей зарплаты. Заодно и похудею.

* * *

Рабочий день прошел как обычно. Отксерить тонну документов. Свести таблицы расходов материалов и цен на них же. Сбегать в наш же юротдел за договорами и актами. Электронный документооборот? Нет, никогда не слышали!

– Женья! Нам бумагу привезли, – сообщила Юля, положив трубку. – С вахты звонили.

– А почему сюда не подняли? – подал голос невидимый в своей кабинке Алексеич.

– Сказали, это в их обязанности не входит. Так что давай по-быстрому, пока соседи всё не растащили!

Я медленно встала. Огляделась. Юлька уже вдохновенно ваяла... то есть делала концепт. Макс говорил по телефону. Алексеич затихарился. Одна Кристина встретила мой взгляд, но лишь недоумевающе вскинула прекрасные брови: чего, мол? Я пожала плечами: ничего. В обязанности поставщиков не входит, а в мои, значит, запросто. Ладно, все так заняты, а я как раз закончила, на лифте быстренько перетаскаю.

Быстренько не получилось: мужское имя отчего-то нисколько не прибавляло мне мужских же мышц, я могла утащить только одну коробку зараз. А их целых восемь!

32

Возвратившийся Черкасов наткнулся на меня уже на нашем этаже, когда я, удерживая на пузе предпоследнюю коробку, последнюю попросту пинала по направлению к офису.

– Ты что это делаешь?

Я глянула с неприязнью: трудно догадаться, да? От Черкасова пахло дождем, парфюмом и немного – алкоголем. О, тяжкие трудовые будни!

Пропыхтела очевидное:

– Заказанную бумагу доставляю...

Он глянул поверх моей головы:

– А где все?

– Там, – мотнула я подбородком.

Артем неожиданно выхватил у меня коробку, я на автомате попыталась не отдать: да я уже буквально срослась с ней! А «половую» бумагу Черкасов пнул так, что та проехала оставшиеся метры и влетела в раздвинувшиеся двери – просто экспресс-доставка!

Войдя следом, он бросил коробку на стол (принтеры-плоттеры-сканеры на нем даже подпрыгнули) и спросил у всех:

– А что, помочь слабо было?!

– Я, что ли, должна бумагу таскать? – поразилась Кристина.

Алексеич привычно затихарился. Ну, или так и не растихаривался. Он вообще у нас практически домовый: все знают о его существовании, но видят крайне редко.

Юля схватила сразу две телефонные трубки.

Макс откатился от стола и длинно потянулся на своем кресле. Подошел к нам вразвалку.

– Мы заняты были, но наша Женька шустрая, все успела перетаскать.

Он поднял с пола испинанную коробку и водрузил поверх уже составленных у стены. Отряхнул натруженные ладони, оглядел критически, поправил стопки и подытожил:

– Вот так.

Отпыхиваясь, я одергивала перекошенную кофту и изучала ссадину и колготочную дыру на коленке: из-за коробки в руках не заметила стул, и вот результат. Вскинув глаза, встретила хмурый взгляд Черкасова. Непонятно, на кого конкретно Артем злится: на коллег, увильнувших от грузопереноски, или почему-то на трудовую пчелку меня.

Но на всякий случай я сообщила быстро:

– Да ладно, мне же не трудно!

Теперь он уже всем лицом выражал отвращение – с чего бы? Прошел, едва не оттолкнув меня плечом, в свой кабинет, с размаху швырнул на стол папку и так же с размаху шлепнулся в кресло. Басовито загудел включенный мощный комп. Что-то наш светоч не в настроении. Встреча неудачно прошла?

А вот как мне теперь до дому в таком виде добираться? Юбка – мини, куртка и того короче... Вспомнив про рубашечную заначку Артема, я пошла по девушкам.

Юлька глянула на мои травмированные колготки:

– Вот потому-то я и надеваю джинсы, гораздо практичнее! Нет, запасок нет.

Кристина сообщила, что носит исключительно чулки. Это разбудило-возбудило Макса, потребовавшего немедленной демонстрации. Кристина в ответ только лениво улыбнулась, и я позавидовала: такая улыбка стоит нескольких остроумных фраз. И перевести ее тоже можно по-разному: «Еще чего!» или «Смотря как будешь себя вести», нужно подчеркнуть.

Значит, придется еще и колготки покупать, опять потеря времени! И денег! Глянув на часы, я подхватила, чтобы никто не успел выдать

мне какое-нибудь следующее наисрочнейшее задание.

– Всем пока!

Пролетая мимо вышедшего из кабинета Черкасова, я выразительно встряхнула пакетом с испорченной одеждой, выпалив речитативом: «Выстираювыглажузавтрапринесу!» Притворившись, что уже не слышу его оклика: «Эй, Самохина!», припустила вниз по лестнице (лифт когда еще соберет по этажам всех страждущих, в конце рабочего дня у нас в здании буквально образуются пробки).

Наткнулась на лестничной площадке на группирующихся компьютерщиков: судя по всему, те собирались в ближайшую пивнушку. А главным зазывалой оказался тот самый голодающий Алекс. Перехватив мой возмущенный взгляд, парень только усмехнулся, заговорщицки подмигнув. Было бы время, отчитала бы его, но некогда... Да и смысл? Скажет: я тебе руки не выкручивал, сама отдала!

После магазина пришлось долго-долго искать общественный туалет (а еще ругаются, что народ гадит где ни попадя – а если приспичит?!), натягивать новые колготки в тесной кабинке, стараясь не наступить на, мягко говоря, нестерильный пол, – эквилибристика та еще! А потом заскакивать в длинномер, который потащится сквозь пробки и плачущие ноябрьские сумерки, и в сотый раз раскладывать в уме пасьянс оставшегося времени до встречи с любимым: ох, похоже, буду я к тому моменту окончательно взмыленная и дерганая!

Купила лекарства оптом в аптеке прямо в баб-Машином доме: некогда мне сейчас выискивать, где что дешевле! Отскоблила ногтем ценники на коробках: ладно, доплачу разницу сама, мне сегодня время дороже! Собиралась отдать и сразу откланяться, но бывшая соседка продержала меня почти час. Старушка и впрямь скучала, а потому вывалила на благодарную (подпрыгивающую как на иголках) слушательницу подробности своих болезней (огласите весь список, ага!), о том, что рекомендуют для лечения врач и народная медицина. Потом последовала неторопливая похвальба, какие диковинные продукты покупают для нее дети, продемонстрированы и тут же спрятаны обратно в холодильник непочатые баночки-коробочки (наверняка будут храниться до истечения срока годности, а то и после).

Когда бабушка вознамерилась притащить еще и семейный фотоальбом, я подскочила как ошпаренная:

– Ой, баб Маш, мне бежать надо, я ведь только на минуточку!

Теперь на автобус до дома, Пакета выгуливать!

Когда я зашла в квартиру Лены, пес, вместо того чтобы залаять на незваного гостя, безмолвно застыл в дверях комнаты, глядя на меня вытаращенными по породе глазами.

Я помахала ему поводком, висевшим на ручке входной двери:

– Пакетик, гулять!

Нет бы обрадоваться прогулке, как и полагается нормальной собаке! А эта тварь все так же молча развернулась и скрылась в недрах темной квартиры. Предчувствуя недоброе, я рванула за ним. Так и есть! Задние лапы и пушистый хвост уже скрывались под низким диваном. Грохнувшись на колени, я успела-таки за них ухватиться. Проклятая псина дрыгала лапами, то скулила, то рычала, а вытасненная, вертелась ужом, звонко клацая зубами возле самых моих пальцев, но цапнуть не посмела: еще помнила трепку, которую я задала ей однажды за укус (хозяйке о том мы оба благоразумно не рассказывали).

Обычно я Пакету не потакаю, заставляю перемещаться самостоятельно. Но сегодня для ускорения процесса потащила его до лифта, а потом бодрым маршем по улице. Бросила на мокрый газон, скомандовав грозно: «Гуляй!» То есть гадь по-быстрому, гадина четвероногая.

Разумеется, быстро не получилось. Для начала на нас нарычала тетка: ты где собаку выгуливаешь?! (А где можно выгуливать-то?) Тут люди ходят. (Так они везде ходят!) Пакет меланхолично и безрезультативно таскался по газону туда-сюда, тетка не унималась. Пришлось перебазироваться ближе к кустам, откуда на нас немедленно вылетел безбашенный и бесповодковый ротвейлер. Пакетище совершил буквально обезьяний прыжок прямо мне в руки, и мы стартанули с такой скоростью, что нас не догнал бы не только ротвейлер, но и какой-нибудь беговой риджбек.

Грязный и мокрый пес скулил, трясся и никак не желал спускаться на грешную землю, на которой все только и норовят обидеть бедную маленькую собачку. Я его где-то понимала: самой эти скандалы и стрессы из-за чужого любимца на фиг не сдались, но дела делать надо... А я

теперь еще и собачатиной пропахну! Потому пекинес был безжалостно выставлен на прелую листву безлюдной и бессобачной аллеи. Осмелевший Пакет немедленно развил активность – увы, пока только исследовательскую. Я устало болталась за ним, как сосиска на поводке (кто тут еще кого выгуливает!), когда позвонил Стас.

В первый момент даже испугалась, что перепутала время встречи или что он приехал пораньше, а я тут с собакой. Но оказалось, мой мужчина звонил сообщить, что не придет: договаривались еще на той неделе, а на этой возникли непредвиденные обстоятельства... Я слушала и вспоминала вчерашнюю тщательную уборку квартиры, приготовление легких блюд (Стас любит покушать, но следит за весом, животик уже начал появляться), подготовку себя красавицы (покраска волос, пилинг, маски, депиляция).

Пролепетала:

– Стасик, ну как же так... Ты же сам всегда говоришь, что очень занят и потому надо договариваться заранее, вот мы и...

– Женя, что за тон?! – мгновенно ошетинился Стас. – И что?! Мне сейчас все бросить и мчаться к тебе?

– Нет, конечно, но...

– Я и так долго колебался, куда идти – к тебе или на это мероприятие!

И все-таки выбрал не меня.

– Я... Извини... Я просто очень расстроилась. Очень по тебе соскучилась. Очень.

Стас недовольно сопел в трубку.

– Ну правда, прости. Я так хотела увидеться!

– Ну ладно, – уже примирительным тоном сказал мой парень. – Ну, раз так получилось... В общем, я предупредил, чтобы ты не ждала. Пока.

И отключился. Я начала засовывать сотовый в карман, когда Пакет дернул. Такое впечатление, что на том конце поводка внезапно оказался не пекинес массой в пять кг, а давешний шестидесятикилограммовый ротвейлер. От неожиданного рывка я упала, выпустив поводок и выронив мобильник.

Испуг, боль (блин, опять то же колено!), разочарование и обида трансформировались в вопль:

– Пакет! Ко мне, сукин ты сын, сволочь, гад! Ко мне, говорю!

Я бы не удивилась, если б от моего истощенного крика содрогнулись окрестные здания, а с неба попадали оглушенные птицы. Может, так оно и было, в темноте же не разглядишь...

Но проклятая псина все равно не вернулась.
Даже собаки меня игнорируют!

Все еще стоя на коленях, я собрала и соединила останки телефона, вяло удивилась: работает! Потом собрала останки себя и водрузила на скамью с прилипшими к сиденью бурными листьями. Совершенно мокрую, да и пофиг уже. Автоматически поднесла к уху тут же завибрировавший и завопивший телефон. Конечно, именно в этот момент обязательно должен был позвонить еще один мой вечный стрессоноситель! Вернее, стрессодоставщик.

– Самохина! – начал Черкасов. – Я же тебе говорил составить спецификацию материалов! И где?

Я даже выпрямилась. Вот, блин! Говорил, да, и еще в пятницу, но я решила заняться на свежую голову в понедельник, а сегодня закрутилась и забыла начисто.

– Я... э-э-э...

– Прежде чем нестись сломя голову на очередное свидание, – продолжил Артем тоном учителя, изо всех сил сдерживающегося, чтобы не заорать на тупого ученика, – выполни свои прямые обязанности. Чтобы не приходилось отвлекать тебя во время увлекательного процесса!

Не упомяни Черкасов о моем сорвавшемся свидании, я бы тут же раскаялась и повинилась. Еще и с утра выскочила бы пораньше, чтобы успеть все сделать до его прихода. Но сейчас во мне поднялась такая горячая волна злости, что вспыхнуло не только лицо – даже от промокшей одежды, кажется, пар повалил.

– Все знаешь обо мне, да?!

Черкасов что-то еще вещал, но я уже не слушала – несло. Ни слов, ни выражений я не выбирала, а краткое содержание моего выступления можно было сформулировать в трех приличных фразах: ты кто такой, как вы меня все достали и идите все подальше. Охрипнув и слегка придя в себя, я обнаружила, что мой собеседник хоть и заткнулся, но все еще не отключился.

Только собралась сделать это сама, как Артем хладнокровно осведомился:

– Прооралась? Самохина, ты там ревешь, что ли?

Я шмыгнула носом:

– Еще чего! Это у меня насморк просто от... от холода.

Короткая пауза.

– Ты где-то на улице? За тобой приехать?

Я даже мобильник от уха отвела, чтобы на экран поглядеть – убедиться, что разговариваю именно с Черкасовым.

Выдавила сиплый смешок:

– Нет уж, как-нибудь без тебя обойдусь!

– Была бы честь предложена, – моментально отозвался Черкасов: наверняка такого ответа и ожидал. – Не забудь о спецификации. Все!

– И тебе все, добрый человек, – пробормотала я, сунула грязный мобильник в карман и огляделась.

Все было по-прежнему: жидкий свет тусклых фонарей, мокрый осенний ветер, темные силуэты людей с зонтами на фоне магазинных витрин, спешащих поскорее укрыться в своих квартирах. Однако недавний выплеск адреналина придавал окружающему некий особый оттенок обреченности. Что ж, пора двигать, Пакета искать. А то вон даже помощь начали предлагать совершенно неожиданные люди... Я привстала и, охнув от боли, уставилась на торчащую из огромной дыры в колготках ободранную коленку.

Почему-то меня доконали именно эти порванные свежкупленные колготки. Просто последняя капля.

Так я не рыдала, наверное, лет десять – захлебываясь, подвывая и причитая: да сколько можно, да когда же это кончится, да что за жизнь у меня такая?! Хорошо, из-за непогоды никого на аллее не случилось, иначе бы точно решили, что у меня или вся родня перемерла, или у самой внезапно обнаружилась смертельная болезнь.

Прижимая основания ладоней к опухшим и наверняка потекшим глазам (ой, да кому я нужна? и конкретно здесь, на темной аллее, и в жизни в целом), я наконец отдышалась и умолкла. Правда, еще иногда поскуливая.

А нет, скулила уже не только я: поставив передние лапы на скамью, помахивая грязным косматым хвостом, на меня преданно таращился Пакет.

Я шмыгнула носом:

– Нагулялся, с-скотина?

Скотина нервно зевнула и села на асфальт, мелко трясясь и попискивая. Пес явно замерз. Я вспомнила, что у пекинесов из-за их коротконосости проблемы с жарой и с холодом. Пора тащиться домой. Брезгливо подобрала изгвазданный поводок (сама-то наверняка еще краше!), хотя надобности в нем уже не было; Пакет бодро

трусил вперед, да еще и оглядывался: ну где ты там?

– Да иду я, иду, – ворчала я.

Сейчас его еще отмывать полчаса, не могла Леночка вместо белого какого-нибудь черного пекинеса взять... Вставила ключ в замок, повернула туда-сюда, безрезультатно подергала дверь: ну, давай ты еще не откройся, чтобы меня совсем сегодня dokonать!

Дверь распахнулась так внезапно, что мы с Пакетом отпрянули. На пороге стояла Лена собственной персоной.

– О! Ты дома? – спросила я по-идиотски.

Соседка скривила губы:

– Ну да. Все сорвалось, представляешь?! В обед эта сволочь позвонила, сказал, не сможет сегодня. Вот с расстройства маникюр решила освежить, – помахала растопыренными яркими пальцами.

Пахнуло лаком, Пакет чихнул.

– Так что, Женечка, будь сегодня другом до конца, вымой его, а?

Чувствуя некоторую солидарность с Леной (вот даже ее сегодня кинули, что уж тогда обо мне говорить!), я с трудом стягивала промокшую насквозь обувь.

И тут до меня дошло. Значит, пока я галопом носилась по городу, выкраивая время для ее проклятой собаки...

– Когда, говоришь, он тебе сообщил, в обед? А мне тогда почему не перезвонила, что вернешься вовремя?

Леночка повела точеным плечиком, сказала рассеянно:

– Ну, раз мы все равно договаривались, что ты Пакетика выгуляешь... О, пора второй слой наносить! Его шампунь и полотенчик где обычно!

Я таращилась на проем гостиной, за которым скрылась хозяйка, и испытывала большое желание зафутболить туда же ее Пакетика, а потом так шарахнуть входной дверью, чтобы та из косяка вылетела.

Псина смиренно переминалась на придверном коврике, помаргивая на меня снизу влажными круглыми глазами: знает, скотина, что проштрафилась, обычно ведь всегда пытается удрать от банных процедур!

Я длинно вздохнула:

– Ну, пошли, что ли...

Понимавший, что сейчас со мной шутки плохи, пекинес смиренно стоял в белейшей ванне в

потоках грязи и шампунной пены. Я завернула его в персональное банное полотенце с вышитыми собачками, вытерла – Пакет ворчал недовольно, но очень тихо – и легонько подпнула под мокрый хвост в направлении комнаты.

– Иди к маме!

К маме-кукушке, так ее и так.

* * *

Жаль, у меня нет дежурного выгульщика. И некому меня шампунькой вымыть, все сама, все сама... Я сбросила грязные шмотки на пол ванной. Приподнявшись на носки, с печалью оглядела себя в зеркало: глаза и нос красные, колени серо-синие, ноги до самых бедер в пятнах грязи... «Жалкое зрелище. Душераздирающее зрелище», как говорил ослик Иа в «Винни-Пухе».

Долго сидела под горячим душем, прижав к груди колени. Содранное правое – саднило, распухло: хорошо, без увечий обошлось, но в ближайшие дни только джинсы. Пусть Стасу я нравлюсь больше в коротких юбках, вряд ли мы увидимся в ближайшее время. Он у меня карьеру делает. Как его девушка, я это дело поддерживаю. Но опять же, как его девушка, грущу: видется раз в несколько недель для развития отношений не есть хорошо.

А ведь раньше он всегда находил для меня время...

Я постаралась придушить эту мысль в зародыше, поскольку в последнее время проклятая гадюка поднимала голову все чаще, нашептывала-покусывала: потерял ко мне интерес? или у него уже и вовсе другая есть? Да ну! Стас не из тех, кто врёт и выкручивается, уже как-то раз устраивал мне вразумляющую беседу: он, мол, просто очень много работает для будущего. Хотелось бы надеяться, для нашего общего будущего... Опять начала?!

Резко повернув кран, я задохнулась под напором ледяной воды. Зато сразу все лишние мысли вон! Ожесточенно растерлась полотенцем, запоздало пожалев о холодной шокотерапии: и без того сегодня промерзла, таскаясь с четверолапым соседским поручением. Задумчиво постояла перед распахнутым холодильником: есть я уже давно перехотела, но надо же чем-то душеньку успокоить, как-то компенсировать сегодняшние психи. Вот все приготовленное для Стасика и пойдет в дело. Еще и коньяк початый, профилактика от простуды...

Профилактика прошла на ура – тем более с такой вычищенной до блеска посудой. Да и пусть себе вкусняшки спокойно уходят в ляжки!

...Кстати, маленькая бтылка какая-то окзлась: не дливают, чт ли? Надо дпить, чего на дне зло оствлять... Ва-апще не действует, гады р-разбавляют к тму ж-же... Во-от, а теперь ж-жление згдать, ш-шепнуть в бтлку и прбкой зткнуть, чтоб не испарилось. Дж-ж-жинн, ты ж-же слшал мое ж-желание?! Вот и сплняй! Немедля!

Ой, блн, что ж так глва кружтся? Устла я, да. Замаялась. Бе-едненькая. Нжно отдхнуть, да. В крватку.

Спкной ноч-чи... ч-чи... чш-ш...

ВТОРНИК

Уж не знаю, сколько раз я на автомате выключала будильник (странно, что телефон не разрядился), но когда наконец разодрала глаза, в комнате было уже светло. Непривычно светло для начала ноября...

И рабочего утра.

Блин!

Отбросив одеяло, я резко села – и тут же схватилась за голову: ой-ой-ой! И болит, и кружится...

Тщательно отдраивая зубы и язык зубной щеткой, утешала себя тем, что, если так по утрам болею, алкоголизм мне не грозит. Пока еще. Кошмар, конечно: даже не заметила, как в одиночку бутылку коньяка одолела! Хоть и сильно початую.

Шипя и постанывая, натянула джинсы на опухшее, плохо сгибающееся колено, нырнула в куртку, намотала на шею шарф и, сграбастав сумку, ринулась за дверь на такси.

В очередной раз оставив дома зонтик.

* * *

О рубашке Черкасова я вспомнила, лишь увидев его в офисе собственной персоной. А порченная одежда так и осталась валяться в прихожей в пакете, брошенном перед бесславным выгулом Пакета... Но не могла же я в этом признаться? Поэтому, когда Артем приостановился перед моим столом – имеется у него скверная привычка мониторить чужие мониторы (я сегодня просто гений тавтологий, вот что коньяк не выветрившийся делает!), – бодро отчиталась:

– Рубашка в химчистке, через пару дней будет как новенькая!

Или вышло неубедительно, или Черкасов не доверял мне профилактически (не знаю почему, не так уж часто я ему и вру!) – глянул с подозрением. Произнес веско:

– Это хорошо. А то она у меня была талисманом для очень важных встреч. Выборка готова?

– Почти! – отрапортовала я.

«Только не вспоминай, как я вчера на тебя орала! Или что я тебе орала. Ну, хотя бы не при всех, а?»

Кажется, Артем уловил мое мысленное послание или попросту решил высокомерно проигнорировать вчерашнюю истерику, потому что спросил привычно-требовательным тоном:

– Что там с почтой?

– Еще не просматривала, счас...

Я говорила, что наш генеральный директор демократичен? Так вот, его демократия докатилась до того, что секретаря как такового в нашем офисе попросту нет. Специалисты общаются с курируемыми заказчиками напрямую, а вся почта приходит на комп начальника. Но так как гендир навещает нас редко, в основном тусуясь в большом головном офисе, письмами, рекламной рассылкой и прочим занимаюсь я. Причем произошло это как-то незаметно, само собой: поискала письмо раз, разобрала почтовые завалы два, а потом это вдруг стало моей непосредственной обязанностью. С которой я, по мнению Черкасова, справляюсь не очень хорошо. Вот и сейчас: не успела еще и «ящик» открыть, как он уже принялся нетерпеливо постукивать пальцами по столу.

– Ждешь что-то конкретное? – спросила я, бегло просматривая письма: рекламу – в распечатку, потом ведущему на стол, это – в спам, претензии – в папку юриста...

– Да, от... Давай лучше я посмотрю!

И чем же лучше? Но Артем уже обогнул стол и бесцеремонно перехватил у меня мышку. Наклонился к монитору: привычка с тех времен, когда он еще не сделал операцию по исправлению близорукости. Хотя, по-моему, очки архитектору и дизайнеру вполне подходят, да и вообще к очкастому Черкасову я привыкла еще в институте. К очкастому, нескладному, худому. А сейчас – гляньте на него!

Я отклонилась, чтобы не таращиться в монитор даже не бок о бок, а буквально щека о щеку: еще чуть-чуть, и согреюсь наконец, но уже не от офисного отопления, а от тепла близкого мужского тела. Артемов парфюм тоже был теплым:

яркий, насыщенный, но одновременно ненавязчивый. Мне нравится. Спросить название и подарить Стасу такой же? Ага, вчера – рубашку, сегодня – парфюм, завтра еще марку трусов узнай! Может, тогда уже сразу целиком Черкасова завернуть в подарочную упаковку?

Кстати, вон Кристина вроде бы совершенно не против принять его в дар. А что? Перспективный, энергичный, амбициозный. А что характер у него временами взрывной, так это она запросто своими манерами Снежной королевы обезвредит. Заморозит.

Хотя и Черкасов иногда может заморозить любого своим отработанным «похерфейсом» – то есть не поймешь, что он там себе думает. Копит-копит, а потом взрывается в самые неожиданные моменты. Как вчера с этими коробками... А с чего и на кого разозлился – непонятно. Если на меня, трудяжку, тогда вообще дичь...

Я покосилась. Профиль как профиль. Мужицкий. Не красавец писанный, не урод. Опять же, умеет себя подать. Держать. Производить впечатление. Без таких навыков нашего капризного заказчика не только не завлечешь, но и не удержишь.

Взгляд быстро пробегает по экрану, губы крепко сжаты (кстати, обветрились уже, а еще не зима, предложить ему свою «гигиеническую» помаду?), подбородок упрямый; на сильной шее сдвинулся кадык, Артем сглотнул. Сообразив, что ни с того ни с сего глазею и даже принимаю (и к кому – к Черкасову!), я перевела взгляд на экран. Что он так долго возится, я бы сама давно все отыскала! Кажется или уже по второму кругу пошел листать?

Я вскинула глаза: Кристина стояла перед моим столом, легонько барабанила ногтями по пластиковой перегородке. Смотрела на нас сверху. Когда она так незаметно подошла?

– Ага, вот, нашел, – сообщил Артем. Пару раз щелкнул мышкой и выпрямился. – Бросил к себе, в общей папке удалил. Я тебе нужен, Кристина?

– Да.

– Идем.

Но наша королевшна не пошла следом сразу, задержалась.

Не зная, как расценить ее изучающий взгляд, я осторожно улынулась:

– Доброе утро, Кристина?

– Виделись, – холодно ответствовала Снежная королева и поплыла в кабинет к Черкасову.

Высокая (рядом с ней и рослой Юлькой я со своими ста шестьюдесятью чувствую себя полуросликом, хоббитом, хы), эффектная, ухоженная. Каждая деталь одежды, аксессуары – все продумано, стильно. Никакой вульгарности, ничего кричащего. Я вздохнула с неизбежной завистью. Но подражать Кристине – все равно что равняться на какую-нибудь модель из журналов: ничего общего с твоей реальной жизнью... Так, надо уже закончить с почтой!

* * *

Странно, что Артем не потребовал спецификацию с раннего утра, сама про нее вспомнила – уже успех! Так что пару часов, даже не вникая в суть, я отмахивалась и отрывкалась от теребивших меня вопросами и требованиями сокамерников... то есть сотрудников. Достаточно было сослаться на распоряжение Черкасова – и эти голодные пиявки от меня безропотно отваливались.

Я даже успела до обеда! Прискакала в кабинет Артема, победно размахивая распечатками: конечно, на почту я ему уже отослала, но все равно надо закрепить впечатление о себе как о добросовестном работнике, непрерывно трудящемся на благо фирмы!

– Вот, Артем Игоревич! – аккуратно, двумя руками выложила перед ним на стол и собралась ретироваться, пока не прозвучал язвительный комментарий вроде «ну наконец-то!».

Не успела.

– Присядь-ка, Евгения Николаевна!

Все. Мне каюк.

По отчеству Черкасов меня величает не так, как я его – с легкой насмешкой или в присутствии важного заказчика. В очень редких и крайних случаях. Да еще встал и собственноручно плотно прикрыл дверь в прозрачной перегородке кабинета: всех и всем видно, но ничего не слышно. Ой-ой! Переминаясь на месте, я попробовала сослаться на страшную занятость и срочность нерешенных суперважных вопросов. Бесполезно.

Проходя мимо, Артем ткнул меня пальцем в плечо:

– Садись, Самохина, кому сказал!

Уф. Я плюхнулась в кресло рядом с его столом: удобное какое! Попыталась расслабленно покрутиться, глядя в потолок, но под косым взглядом Черкасова спохватилась, подобрала ноги и выпрямилась. Приобрела деловито-строгий вид. Ну, надеюсь, что именно такой.

Артем взял притащенную мной спецификацию, вдумчиво вчитался в строчку, в другую, перелистнул страницы... Как бы не послал меня сейчас переделывать! Или вообще заявит, что давно уже все набрал сам, а то жди, когда-а там некоторые раскочаются... Нет, просто закрыл выборку и положил ее на клавиатуру.

– Слушай, Самохина. Насчет вчерашнего...

– Извини! – мгновенно подобравшись, выпалила я. – Понимаешь, я вчера... ну, устала, понедельник же день тяжелый, сам знаешь, расстроилась... из-за всякого разного. Колено вон разбила целых два раза. – Я даже зачем-то продемонстрировала обтянутую джинсами коленку, и Черкасов машинально уставился на нее. – Пакета потеряла еще... И колготки только-только купила, дорожные, и тут же порвала, а они знаешь сколько сейчас стоят? Как самолет! Ну, или крыло от самолета...

– В пакете что-то ценное было? – перебил меня Артем.

– В Пакете? – растерялась я. – Ну, не знаю, что в нем такого ценного может быть... Разве что корм собачий дорогой. Ну, кости, что там у него еще внутри имеется...

– Самохина! Ты что, вчера кого-то убила и расчленила?! И перетаскивала труп по частям в пакете?

– Я?! Ты рехнулся? А-а-а... – Я нервно рассмеялась. – Пакет – это же собака! Пекинес. Дурацкая кличка, правда же?

– У тебя есть собака?

– У меня? Нет. Это соседка попросила свою собачку выгулять! Она меня просит иногда (часто!). Сама собиралась на свиданку, а потом у нее все сорвалось, а она меня даже не предупредила, что вечером дома будет, паразитка этакая, представляешь?

Кажется, я перечислила все вчерашние оправдывающие меня обстоятельства. Исключая Стаса. Хотя он вполне подходит под категорию «всякого разного».

– Вот потому все так и... получилось.

Черкасов смотрел на меня, переваривая вываленный на него мешок информации, а я мучительно пыталась вспомнить, что вообще орала ему на той мокрой аллее. Надеюсь, хотя бы не материла, не в моих это привычках, да и мамино учительское воспитание не позволяет.

– То есть вчера ты разбила коленку (то-то смотрю, хромаешь), порвала новые дорожные кол-

готки, под дождем выгуливала и потеряла чужую собаку, хозяйка которой в это самое время спокойно посиживала дома? И что-то там было еще такое... разное?

Я кивала в такт его словам, глядя на Черкасова с искренним уважением: вот что значит аналитический ум! Вычленил все самое важное из потока моих слов и ненужных подробностей!

– Собачонка хоть нашлась?

– Ну да. В конце концов. Так что извини, я и так была вся на нервах, а тут еще ты со своей спецификацией! (Спецификация-то была как раз моя, но об этом сейчас умолчим.) Прости меня, а?

Я истово прижимала руки к груди и таранилась на Черкасова жалобными глазами.

– Ладно, – произнес он через внушительную – воспитательную! – паузу. – С этим мы разобрались.

Уф-ф... Я только собралась встать и удалиться из кабинета, изображая всей своей спиной искреннее раскаяние и готовность загладить вину добросовестным ударным трудом, как Артем продолжил:

– А дальше-то что еще приключилось?

Я осела обратно в кресло.

Спросила с недоумением:

– В каком смысле – дальше? Когда – дальше? Ты сейчас вообще о чем?

Черкасов смотрел на меня с выражением «ну хватит уже придуриваться!». Я смотрела на него с выражением «ничего не понимаю!». Артем откинулся на спинку кресла и, глядя на меня во все глаза, задумчиво подпер пальцами щеку.

Спросил недоверчиво:

– Самохина, ты что, реально ничего не помнишь?

– Чего не помню? – уже с раздражением откликнулась я. – Артем, прекрати говорить со мной загадками! Я не выспалась, коленку разбила и... Ну, ты уже в курсе! Короче, соображаю я сегодня плохо, так что давай поконкретней!

Странно, что Черкасов упустил классный повод проехаться на тему моего ума какой-нибудь фразочкой типа: «А что, обычно ты соображаешь лучше?»

Протянул:

– У-у-у, как все запущенно! Напилась, ударила об угол подушки и потеряла сознание вместе с памятью? Самохина, а ты в курсе, что женский алкоголизм неизлечим?

Я пробурчала:

– Ну, выпила немножко коньяка для согрева после той опупеи с Пакетищем, так вроде употребление спиртных напитков в России еще не запрещено... Погоди, а ты-то вообще откуда об этом узнал?

Артем картинно развел руками:

– Ага, очень трудно было догадаться, ага, когда ты всю ночь мне названивала и требовала придумать тост для каждой своей следующей рюмки! И чтобы я еще параллельно составлял тебе компанию, не можешь же ты просто чокаться с зеркалом!

– Ну ты и... заврался! – уверенно сказала я. – С чего бы вдруг я тебе звонила?

– Так и мне бы очень хотелось знать: с чего ты мне сегодня спать не давала?

– И вообще, не настолько уж я была пьяна, чтобы звонить в ночь-полночь кому бы то ни было! – выпалила я и вдруг вспомнила о бутылке джина, которая с утра – пустая и чистая, как стеклышко! – зачем-то чинно стояла в сушке для посуды на пару с такой же бутылкой коньяка.

Неужели мне вчера не хватило и я добралась до джина, оставшегося с последнего визита Стаса?! Не знаю, из чего и как производят этот напиток и даже знать не хочу, но именно с него меня уносит просто на раз-два, уже проверено!

Видимо, на моем лице отразился весь ужас понимания, потому что зорко наблюдавший за мной Артем кивнул:

– Похоже, начинаешь вспоминать?

– Ох!

Я рефлекторно закрыла лицо ладонями – детски спряталась «в домике». В голове – полная пустота. Просто абсолютный ноль. Раздвинув пальцы, осторожно поглядела на Черкасова одним глазом.

Спросила с последним остатком надежды:

– Артем, а ты точно не врешь? Может, просто отыгрываешься за то, что я на тебя вечером наорала?

Черкасов покивал с таким необычным выражением лица – сочувственным, что я окончательно пала духом.

– Не вру. Точно.

Я длинно вздохнула, сжала руки в кулаки. Спросила мужественно:

– И что такого я тебе там наговорила?

– У меня все телефонные разговоры записываются. Хочешь послушать?

– Ну, да...

– Точно-точно уверена, что хочешь? – весело спросил Артем.

А чего б ему не веселиться, не он же ночью ругался, пил и чокался по телефону...

Я следила за рукой, потянувшейся к мобильнику, но едва Черкасов нажал на экран, завопила:

– Нет!

Вздвогнувшийся Артем аж телефон выронил. Ворча, наклонился, отыскивая его на полу:

– И незачем так орать, теперь оглох на левое ухо... Испугалась того, что можешь услышать?

– Нет, я потом, как-нибудь попозже, – промямлила я. – Сейчас некогда, рабочий день же...

– Ну да, – согласился Артем. – Если слушать все подряд, там на несколько часов наберется! А давай только самые яркие эпизоды? Некоторые уже сегодня утром по второму разу переслушал. Самые полюбившиеся, а? Или могу выдать сухие выжимки, цитаты, хочешь?

Колеблясь, я глядела в его невинные глаза: в них светилось исключительно участливое любопытство. Знаю, знаю, что он там может «выжать», с его-то натурой-язвой!

Буркнула, наконец поднимаясь с кресла:

– Нет уж. Лучше просто сотри все на фиг, нечего такой дорогой аппарат засорять всякой ерундой!

– А-а-а, так память к тебе все-таки возвращается! – фальшиво удивился Артем.

Я утомленно вздохнула:

– Ну а что еще может нести по телефону пьяная женщина в двенадцать ночи...

– Последний звонок был полтретьего, – педантично уточнил ведущий.

Блин! Оказывается, не я одна сегодня не выспалась.

– Тем более! Не в любви же я тебе признавалась, в самом-то деле!

– Да, слава богу, этого от тебя ни в пьяном, ни в трезвом виде не дождешься!

Черкасов со стуком кинул мобильник на стол. Я пригорюнилась.

– Ну вот честно не знаю, что тебе еще сказать... Только снова извиниться?

– Угу, и пообещать исправиться. Да нужны мне твои извинения! Просто больше так не делай. И, Самохина, бросай ты уже пить! Алкашка.

– Брошу, – понуро согласилась я.

Сейчас я была готова выслушать определения и куда крепче. Заслужила. Добрела до двери и только тут до меня дошло...

– Погоди, а почему ты просто-напросто не вырубил мобильник сразу, а? Или заблокировал бы от меня вызовы – и спи себе спокойно. Зачем каждый раз трубу брал?

Артем ответил не сразу: или не ожидал вопроса, или эта идея самому только что в голову пришла. Поглядел в монитор, словно ища на экране подсказку, и произнес сухо:

– Ты там то хохотала, то завывала, я и подумал: Самохина или в полном неадеквате, или что-то серьезное приключилось, еще что-нибудь с собой сотворит невзначай...

Я глядела на Черкасова во все глаза.

– Сотворит? Ты что, испугался, что я покончу жизнь самоубийством? С чего вдруг?

– Откуда мне знать? – отозвался он раздраженно. – Может, тебя опять какой-нибудь мужик бросил!

Я вспомнила свои вчерашние мысли: да кто его знает, может, и в самом деле уже...

Переспросила машинально:

– Опять? Что значит – опять?

И увидела крайне редкую картину: Черкасов покраснел. А краснеет Артем очень своеобразно – одними ушами, как будто кто-то его за них только что оттащал.

Буркнул, отворачиваясь к монитору:

– Короче, все, разговор закончен! Иди работай, Самохина, и больше не греши!

Аминь.

Но я еще добрых полминуты стояла, глядя ему в затылок. Черкасов делал вид, что меня не существует не только в его кабинете, но и вообще в мире, вон уже за телефон взялся, однако уши-предатели пламенели все ярче – еще чуть-чуть, и просто вспыхнут! Не желая, чтобы наш ведущий так бесславно испепелился, я наконец ушла.

Дверь закрыла очень аккуратно именно потому, что хотелось шарахнуть изо всех сил – чтобы аж осколки во все стороны. Зато тут же нарычала на сунувшегося с каким-то вопросом Макса; тот, бедолага, с открытым ртом проводил меня взглядом, пожал плечами, пробормотав что-то вроде: «Ну нет так нет», и вернулся к себе в кабинку. Он у нас вообще флегматик, философ, ни с кем по жизни не спорит и не ссорится, клиенты его любят. Обзавидуешься!

А я с размаху плюхнулась в свое кресло и рассеянно уставилась в монитор, который все еще украшали разноцветные столбцы спецификации.

Конечно, он знал. Да все вокруг знали, что тогда Ищенко меня бросил! Никого не обманул ни тщательно отрепетированный, полный сдержанного достоинства (как я считала) ответ: мол, разошлись из-за разницы в жизненных ценностях; ни легкомысленная отмашка: а, да надоел мне уже Витька за эти два года до смерти! Подруги, конечно, были в курсе, утирали мои слезы-сопли, материли Ищенко, пытались знакомить меня с другими парнями «этому гаду назло»; мама осуждала, что не сумела удержать такого «прекрасного молодого человека»; а однокурсники на эти мои речи лишь понимающе кивали, неловко улыбались и отводили глаза... Тактичные!

И Черкасов, оказывается, тоже был тактичным. Или все случившееся у нас с Ищенко в институте его попросту не интересовало? Лишь вот сегодняшней ночью внезапно вспомнил...

Интересно, что же я ему такого несла? Если на самом деле несла? Надо все-таки заглянуть в его мобильник, но Артема при этом как-то нейтрализовать, не в обществе же такого ехидного комментатора прослушивать женские пьяные бредни! В моем-то случае одними красными ушами не обойдется: либо удеру куда глаза глядят, либо со стыда сгорю прямо на месте. Надо стереть этот компромат! Напрочь. Даже не слушая. Или послушать, а потом стереть, а то ведь так и не узнаю, мучиться буду... А вдруг наш ведущий вообще начнет меня этими записями шантажировать? Да ну, на фиг оно ему сдалось, чего с меня взять, кроме анализов...

И тут я всерьез задумалась: а вообще, с какой стати я позвонила именно Черкасову, он мне кто – задушевная подруга, что ли? Может, спяну наконец набралась смелости прояснить отношения со Стасом, но случайно промахнулась? Ага, промахнулась, как будто в алфавитном списке контактов «Мой Стас» и «Черкасов» буквально по соседству! Я открыла список вызовов: ой, блин, ведь и правда ему названивала... раз, два, три... десять... Десять, блин, раз! Да Черкасов, оказывается, у нас просто образец терпения и кротости! Ангел во плоти! На его месте я бы уже после второго звонка послала меня далеко и намертво вырубила телефон!

А, поняла! Во входящих вызовах эти двое как раз по соседству! Наверное, сначала я все-таки хотела поговорить со Стасом, а коли перед этим мне звонил Черкасов... И впрямь, промахнулась!

И так десять раз подряд.

* * *

В обед уговорились пересечься с Машкой; главное, чтобы подруга успела застолбить место в популярной пиццерии по соседству, а то как хлынут одновременно перекусывать волны офисного планктона и студенты из соседнего меда – ни присесть, ни поесть!

Марийка успела. И даже спасла от страждущих задниц стул для меня, замаскировав его для надежности пальто, шарфом и забитой невесть чем сумой. Правда, с ходу выкатила претензии, что я рушу всё ее ПП (расшифровка: правильное питание) суперужасными углеводо-ми-жирами-копченостями и прочей гадостью. Подруга крайне трепетно относится к своему новому увлечению, поэтому перечить я не стала, кротко предложив в следующий раз выбирать едалню самой. (Но если Машка приведет меня на какую-нибудь веганскую кухню, просто ее убью! Тут же, на мясо.) Правда, поглощала она пиццерийные вредности с большим аппетитом, параллельно рассказывая про своего нового парня. «Ежеквартального», как я их называю, потому что практически раз в три месяца Маруся меняет свои привязанности. Причем кардинально. Если в прошлый раз это был бодибилдер, с которым она познакомилась в фитнес-центре, то теперь это энергичный, перспективный, но еще не раскрученный блогер. Машка наткнулась на его страницу случайно, полистала, понравилось, подписалась, засыпала положительными комментариями и лайками, налюбовалась на многочисленные снимки и видео, выяснила, что он наш земляк, и проявила свойственную ей инициативность – предложила встретиться. Или хозяину блога до того времени никто такого не предлагал (свежие впечатления для паблика!), или фото подписчицы устроило и его, но он согласился. Вот теперь эти двое встречаются. Уже четыре недели как.

Тут подруга сделала перерыв, чтобы запить кусок «Маргариты» колой (прощай-прощай, ПП, и ты, ЗОЖ!), и я успела вставить осмысленный вопрос вместо предыдущих реплик «да-да, а дальше?», «а он что?», «ну ты даешь!»:

– О чем пишет хоть?

Машка отмахнулась:

– Ой, обо всем! Он такой у-умный! Эрудиция прямо зашкаливает! Во всем, во всем разбирается!

Понятно. Еще один болтун с отлично подвешенным языком.

Я осторожно сказала:

– Где-то слышала, что человек должен знать немного обо всем, но об одном – все...

Не переставая жевать, Машка махнула на меня рукой:

– Это явно было еще до интернета!

Само собой до. Сегодня в Сети можно найти что угодно. И главное, никто особо не заморачивается вопросом: а правда ли это на самом деле? Каждый выбирает вариант, который ближе к душе и к мыслям. А интернет и рад подкидывать ссылки, которые тебя больше всего привлекают. Так и получается, что каждый существует в своем информационном пространстве и свято верит, что он единственный познал истину и дзен, а все остальные – легковверные зомбированные дураки, читающие-смотрящие не то и не тех...

– Ну, и как этот твой Илья... в реале?

– Да ничего, прикольный. Только, понимаешь, ему все время приходится отвлекаться на свой блог: то на комменты ответить, то забанить какого-нибудь «тролля», то выложить следующий пост или лук... – Машка с досадой вздохнула. Но тут же, соблюдая лояльность к «свежквартальному» парню, добавила: – Сколько усилий нужно приложить, чтобы блог нормально монетизировать, ты даже не представляешь! Что-то я не поняла, ты чего сегодня так хреново выглядишь?

Переход с виртуального парня на реальную меня был таким внезапным, что я даже не обиделась.

– Да понимаешь, вчера промокла-перемерзла, решила немного коньячком согреться...

– Немного-немного?

– Немного... переборщила... – Я вздохнула. Но все-таки закончила честно: – А потом еще и к джину приложилась.

– У-у-у! – Машка об этой особенности моего организма знает, поэтому сразу уловила суть проблемы. Спросила деловито: – И чего натворила?

– Да вроде ничего такого...

– Да, кстати, а с чего ты вдруг решила коньячком согреваться? Чем тебя горячая ванна не устроила? Случилось что-нибудь? Со своим поссорилась?

Я собралась вновь завести песню «промокла-промерзла-устала», но не выдержала и пожалилась: так, мол, и так, два месяца уже никак не можем встретиться, все перезваниваемся да

переписываемся, вот и вчера свидание сорвалось...

– Ясно, – обронила подружка и побурлила через трубочку остатками колы.

Каждый раз при упоминании о моем молодом человеке Мария проявляет совершенно непривычную сдержанность. Чем-то он ей не нравится, чую, но сколько ни добивалась внятного ответа, подруга то отшучивалась, то просто отрезала: «Не я же с ним встречаюсь, а ты!» Одно время я даже обижалась, а потом решила: и впрямь, мало ли кто кому не нравится, еще не хватало на пустом месте разбежаться с давней любимой подругой! Кстати, и Стас после пары встреч тоже не горит желанием тусоваться в компании Машки: говорит, вульгарная она и мужиков меняет как перчатки... Вот так «не сошлись характерами» два самых близких моих человека. Ну что ж, буду общаться с ними по очереди!

Но опять же – не поддержать меня сейчас, не покритиковать (только умеренно!) моего любимого мужчину... Чтобы заглушить неприятное чувство от отсутствия адекватного отклика, я пересказала мои вчерашние перипетии, а Машка даже немного похихикала. Но, добив остатки вредного обеда, пронзительно уставилась на меня яркими карими глазами:

– Ты точно вчера под джин ничего не натворила?

– Точно.

– Честно-честно? А то знаю я тебя!

Я легкомысленно отмахнулась:

– Да ничего такого. Ну разве что номера телефонные немного перепутала...

Машка насторожилась:

– Ну-ка, ну-ка? Чей это номер ты там спутала? Женька, ты кем у нас вчера была? Спамером или пранкером?

Я тяжело вздохнула:

– Да настоящим телефонным террористом!

Пришедшая в неопишуемый восторг от моего рассказа, Машка ржала в голос – так, что слезы из глаз, стук ладонями по столу и оборачивающиеся на нас окружающие.

– И как там твой Черкасов сегодня? Странно, что он не убил тебя прямо с утра!

Я опять вздохнула:

– Как ни странно, как раз на диво спокойный. Наверное, от жуткого недосыпа тормозит. Но лучше б убил, честное слово! Знаешь, что он сделал? Записал на диктофон все мои пьяные откровения!

– Да-а-а? И чего ты ему такого наболтала?

– Да я даже слушать боюсь!

– Ну и зря! Ты должна держать руку на пульсе!

– На чем?

Машка отмахнулась.

– Ну, вот теперь мучайся – о чем вы там ночью беседовали! Ладно, если только песни пели дуэтом или ты спьяну рассказывала свои грязные секреты...

– Нет у меня никаких грязных...

– Да ла-адно, у всех есть, а у тебя почему-то внезапно нету! А вдруг ты занималась с ним виртуальным сексом?

– Скорее уж тогда сексом по телефону, – машинально поправила я. И аж подпрыгнула: – Ты что, совсем?! Я? Сексом? С Черкасовым?!

Нет, все-таки Стас кое в чем прав: Машка – ну оч-чень вульгарная особа!

– Так ты же не помнишь, о чем с ним трепалась! – Подруга глянула затуманившимися глазами куда-то вдаль, а потом продолжила томным голосом: – И теперь Артем при виде тебя тут же вспоминает и представляет, как у вас все ночью было!

И еще, мерзавка, изобразила телом некие непонятные, но крайне неприличные движения!

У меня лопнуло терпение.

– Так! – Вздернув ухмылявшуюся подружку на ноги, я сунула ей в руки пальто, ловко накинула на шею лямки сумы (крякнувшая Машка пригнулась от неожиданности и тяжести). – Хватит уже чушь пороть! И вообще, у меня обеденный перерыв закончился, ясно?

– Ясно! – отрапортовала Машка. – А память, мил моя, ты все-таки напряги, напряги! Может, чего еще интересенького припомнишь!

И демонически расхохоталась вослед мне, с рычанием ухватившей куртку с шарфом и выскочившей в распахнутую дверь напрямик под мокро-пронзительный ноябрьский дождь. А, до нашего здания рукой подать, упаковываться основательно не буду – и так распрекрасно добегу!

И разумеется, я угодила в одно время с возвращавшимся в офис Черкасовым. Да еще как будто специально подгадала под схлынувшую волну отобедавших – мы оказались в лифте вдвоем.

Артем нажал кнопку нашего этажа и индифферентно поинтересовался:

– Не удалось вчера до смерти упиться, решила сегодня слечь с чахоткой?

Я проследила его взгляд и поспешно оттянула насквозь промокшую и ставшую прозрачной ткань рубашки. А я ведь не настолько запасливая, как некоторые, и никакой сменной одежды в ящике моего стола не завалилось! Наспех прикрылась шарфом, придется так сидеть, пока не высохну...

Черкасов отвернулся. Деликатничает, прикрывая собой, или просто собирается выйти из лифта первым? Если второе – не получилось. На четвертом завалила толпа шумного полужнакомого народа (едут на наш этаж в общий конференц-зал, у нас же офисное здание совершенно ненормальное, с крайне запутанной человеческой логистикой), с шутками и смехом моментально оттеснив Артема в угол. Ко мне. Полное впечатление, что мы внезапно очутились в забитом утреннем автобусе! Да еще буквально на каждом этаже лифт останавливался по вызову: народ приветствовал ошарашенно пытавшихся втиснуться дружным смехом и шуточками в стиле «пройдите, пожалуйста, в середину вагона!».

Черкасов уперся руками в стены рядом с моей головой, чтобы меня не расплющить. Я глядела снизу в его лицо: губы раздраженно сжаты; то и дело недовольно оглядывается на тех, кто пихает его локтями и твердыми ребрами папок и планшетов. Посмотрел на меня и выразительно двинул бровями: ну что, терпи, Самохина! Я мелко покивала и уставилась ему в грудь: глядеть в его светло-карие глаза так близко оказалось почему-то неловко.

Да еще совершенно некстати в голову полезли слова подружки о нашем с ним «телефонном сексе».

С появлением Стаса я не то чтобы напрочь перестала замечать сексуальных мужиков (кто не любит в жизни-интернетах-фильмах на таких попыриться), но в отношении Черкасова подобных, даже невольно мимолетных, мыслей у меня не возникало.

До этого самого момента.

Как-то слишком быстро после Машкиных безумных фантазий мы оказались рядом. Слишком рядом. Остро ощущался жар и твердость его тела: как Черкасов ни старался сдерживать напор соседей по лифту, все равно то там, то сям его ко мне прижимали. Я пыталась дышать потихоньку, через раз, но не погибать же от удушья

в расцвете лет, в самом-то деле! Потому кроме уже знакомого парфюма я ощущала и запах молодого здорового мужчины, да еще эти его чертоты летучие феромоны, которые никто не может описать, хотя все чувствуют.

Когда мы наконец-то прибыли на наш тринадцатый этаж и народ со смехом облегченно повалил наружу, Артем отлепился – от стен и от меня – и первым делом поинтересовался: с чего это я такая красная?

– Да чуть не задохнулась в этой душегубке! – раздраженно заявила я. – Лучше бы пешком до тринадцатого этажа пошла! Еще и ты всей своей тушей навалился!

Последнее точно неправда, Черкасов честно упирался изо всех сил, только под конец его ко мне полностью придавило. Надеюсь, у него гайморит и вообще толстая кожа и он не почувствовал моих феромонов, которые откликнулись на его собственные!

– Зато согрелась! – как ни в чем не бывало прокомментировал толстокожий Черкасов.

Это да, словно с горячей печкой наобнималась. У Артема, случайно, температура не повышена?

Машинально прикладывая ладонь то ко лбу, то к горящим щекам, я вышла из лифта вслед за Черкасовым и удивленно окликнула его:

– Эй, ты куда? Заблудился, что ли?

Артем почему-то свернул вправо, в направлении черной лестницы. Отозвался не оборачиваясь:

– Сейчас приду.

Курить пошел? Так ведь не курит... Рассеянно покивав тем сотрудникам, кто вообще заметил мое возвращение, я плюхнулась в кресло и размотала уже ненужный шарф.

О, а не ощутил ли Черкасов со мной вприценку в лифте что-нибудь... м-м-м... такое же?! Ведь внезапное физическое влечение от наших мыслей и даже чувств не зависит...

Я втихушку тщательно изучила вернувшегося через несколько минут Артема. Да все как всегда! И физиономия по-прежнему отсутствующе-задумчивая: сразу видно, об очередном проекте размышляет, никаких тебе лишних фривольных мыслишек, просто мужик-камень! Не то что некоторые его легкомысленные сотрудники.

А Машку за ее дикие идеи я просто-напросто убью!

* * *

Конечно, сегодняшний день – после бессонно-пьяной ночи и суматошно-обличительного утра – для обучения чему-то новому был явно неподходящим. Но я в очередной раз (после очередного своего косяка) решила начать новую жизнь, а значит, надо делать что? Правильно: учиться, трудиться, не ныть...

И никогда больше не напиваться!

Или хотя бы реже.

По возможности.

Попрощавшись с коллегами, я заварила крепчайший кофе и разогрела в микроволновке заначенный с обеда кусок пиццы. Хорошо, никто не морщит нос на запахи еды: мол, к нам клиенты приходят, а в кабинете воняет, словно в дешевой забегаловке! Фастфудище – наше все! Не знаю, как Машка без него обходится, семенами чиа, прости господи, наверное, перекусывает, запивая самым модным в этом сезоне смузи и прочей суперполезностью... Бедолага.

Уже некоторое время я втихушку пытаюсь изучать 3D-визуализаторство. Урывками, потому что иногда просто сил ни на что нет, иногда возможности, в офисе сплошь и рядом кто-то допоздна торчит; а мой домашний компьютер нужные программы не тянет, зачастую и вовсе демонстративно перегружается и угрожает мне «синим экраном смерти». Все собираюсь с духом и средствами заменить его на новый, понавороченней, Стас обещал набрать в магазине нужное, но все никак, все ему некогда... Та-ак, опять начала причитать, себя, несчастненькую-заброшенную, жалеть, на своего любимого мужчину сердиться? А как же новая жизнь? Надо элементарно опросить знакомых на предмет надежного компьютерщика, Стас потом не обидится, он о своем обещании даже и не вспомнит...

И обо мне – тоже.

Да что ж такое?! Я от души и с размаху отвесила себе подзатыльник, от которого в голове натурально зазвенело, и уставилась в монитор. Где-то там спрятана моя учебная папочка... Спасибо генеральному: Михаил Юрьевич на оргтехнике и компьютерах не экономит, потому памяти и всяческих софтовских наворотов у нас с избытком, работай (или в моем случае – учись) не хочешь! А вот и сохраненные ссылки на онлайн-уроки, еще бы вспомнить, какие из них попонятней и подешевле: давно уже за учебу не садилась, забыла напроочь...

– А просто спросить слабó? – раздалось у меня за спиной.

Взвизгнув от неожиданности, я рефлекторно оттолкнулась от стола всеми четырьмя конечностями и стремительно покатила на своем кресле назад. Хорошо, не опрокинулась и не вылетела в коридор в услужливо раздвинувшиеся двери: человек за моей спиной принял удар кресла на себя.

Закинув голову, я ошеломленно вытаращилась на него. Даже в темном кабинете, освещенном только моим монитором, узнать его было нетрудно. Как же так, я ведь удостоверилась, что все свалили! Даже о планах на вечер как бы невзначай у каждого поинтересовалась. Кристина собиралась еще поработать (но дома!), Алексей – глянуть какой-то сериал, Макс планировал с друзьями «по пивасику», Юлька с набитой сумкой катилась в бассейн...

Точно, Черкасов же при этом опросе не присутствовал! Ушел на встречу с заказчиком и, как мы считали, сегодня уже не вернется, потому как клиент по фамилии Марков, по прозвищу Маркуша, печально известен своей дотошностью и занудливостью, решения принимает крайне медленно, с постоянными колебаниями, бесконечными уточнениями и настойчивыми уговорами. Потому его проект – самый долгостроистый долгострой в нашем бюро, за три года с ним уже все успели поработать, даже я. Придет какой-нибудь новичок – и ему Маркуша достанется...

Ан нет! «Переговорщики» уложились сегодня в каких-то четыре часа! И после этого нашего ведущего зачем-то принесло в офис, хотя уж у Черкасова-то дома наверняка все в порядке с рабочими инструментами и программами!

– Как же ты меня напуга-а! – выдохнула я.

Артем подпнул коленом спинку кресла, отчего я – правда, с куда меньшей скоростью – вернулась к своему столу.

– А я-то как испугался! Захожу – в офисе темно и кто-то завывает... Думал, у нас в бизнес-центре призрак завелся!

Имеется у меня привычка напевать, когда что-то делаю. Родственники и старые друзья в курсе, а вот новых знакомых (и Стаса в том числе!) это озадачивает и даже раздражает. Так что приходится при них и на работе наступать на горло своей музыкальной музе.

Я поправила с обидой:

– И вовсе я не завывала, а напевала! У меня, между прочим, абсолютный слух, хорошо, мама

в детстве не заметила, а то бы точно засунула вместо художки на музыкальную каторгу!

– Слух-то, может, у тебя и абсолютный, а вот голос... – Артем бросил сумку, а затем и пахнущее дождем пальто на соседний стол. – Да не сворачивай ты страницы, поздно, уже всё разглядел! Учишься?

– Учусь, – со вздохом признала я.

Надеюсь, Черкасов не нажалуется директору на несанкционированное использование офисной техники в нерабочее время! Хотя всегда можно поклясться, что все исключительно заради повышения квалификации и к вящей пользе нашей фирмы...

– Ну и молодец, – неожиданно одобрил Черкасов.

Неужели я наконец-то дождалась похвалы от самого критически настроенного ко мне коллеги? И пока я с открытым ртом переваривала эпохальное событие, Артем плюхнулся в Максимова кресло и, перебирая ногами по полу, подкатился ко мне:

– Дай глянуть, что ты там нарыла!

Я послушно отодвинулась, и Черкасов завладел моей мышкой и моим столом. Глядела, как, придвинувшись к монитору, он изучает ссылки, разворачивает окна, листает страницы и видео. Еще и бормочет при этом: «Ага, годное... фигня... здесь, натурально, гонят, просто инфоцыгане какие-то... вот это надо посмотреть, не помню... ну, для таких тупеньких сойдет...» Даже на «тупенькую» не обиделась, потому как Артем традиционно считает всех окружающих безнадежными недоумками. Просто с клиентами не показывает виду, с коллегами и начальством по большей части сдерживается, зато со мной отрывается по полной. Хотя я ему тоже спуска не даю. Правда, когда мы наедине: при других как-то неудобно, человек же так старался, годами создавал имидж всезнайки, а я ему возьму и напомню, как с начерталкой помогала и еще по сопромату гоняла, потому что у него, видите ли, после армии память сильно подсела!

– Ну что, Самохина? – резюмировал Артем, наконец закончивший с разгребанием моих накопленных сокровищ. – Как ты вообще не утонула во всем этом? Учеба, конечно, дело хорошее...

– Ну вот я и...

– ...только непонятно, почему ты ни к кому из коллег за помощью не обратилась!

Я уставилась на него во все глаза:

– Это ты кого имеешь в виду?

– Ну, хотя бы девчонок спросила...

Ага-ага! Юлька хоть и не откажет, но вечно занята и потому объясняет все торопливо, коротко, буквально на... отвяжись. А нашей Снежной королевой я, конечно, искренне восхищаюсь, но на очень почтительном расстоянии. Было дело, первое время, неопытная, обращалась к Кристине с просьбами рассказать-научить-показать. Меня осадил удивленным взглядом прекрасных глаз (с цветными линзами!) и сообщением, что некогда ей на работе всякими мелочами заниматься, а вообще лично она со всем разбирается сама. Чего и мне желает, мысленно закончила я, глядя в ее повернувшуюся ко мне прямую подкачанную спину.

– Ну, тогда Максима или Алексеича...

Я фыркнула. Всем известно, какой из нашего Алексея Алексеевича учитель: если что-то нужно по работе, излагает он так многословно и бессвязно, что под конец даже самого себя запутывает напрочь. В конце концов махнет рукой и выдаст свою любимую мантру: «А, ладно, я лучше сам все сделаю!» Потому подпускают Алексеича к клиентам напрямую неохотно – разве что к давним, которые научились уже понимать его без переводчика.

А Макс... Всё у него шуточки-прибауточки, и зачастую довольно обидные. Потом еще и вытаращивает на тебя невинные голубые глазки и спрашивает удивленно: «А ты что, обиделась, что ли? Ну прости-извини-не хотел, чего это ты у нас такая чувствительная, ПМС, наверное?»

Артем покрутил головой:

– Самохина, ну в самом-то деле, нельзя же быть такой разборчивой! Где ты найдешь учителя, устраивающего тебя на все сто?

– Вот! – Я демонстративно обхватила монитор. – Я уже его нашла! Интернет – мой учитель! Терпение – безграничное! Никогда не просит пить-есть-отдыхать! Издеваться не издевается, все непонятное для нас, особо одаренных, объяснит хоть тысячу раз подряд и ни разу не взбесится, в любой момент можно отключить и включить с того же самого места... Просто и-де-ально!

– Это да, – кивнул Черкасов.

Уставился на раскрытые вкладки, словно прикидывая, все ли характеристики подходят моему виртуальному наставнику. И спросил, не сводя глаз с экрана:

– А ко мне почему не подошла?

– К тебе?

Я даже рот раскрыла от изумления, не зная, как на этот неожиданный вопрос ответить. Да потому я и учусь, что понимаю: терпение Черкасова скоро лопнет. Призовет он меня однажды под свои хмурые очи и скажет, покачивая талантливой головой: «Знаешь, Самохина, я ведь возлагал на тебя такие надежды, а ты... Давай-ка собирай уже свои вещички и уматывай по хорошему. И не будем больше пересекаться в этой жизни ни-ко-гда!»

Конечно, я не сижу в бюро свесив лапки; каждый день кручусь, как хомячок в колесе, совмещая в одном лице функции секретаря, офис-менеджера и девочки на побегушках. Артем наверняка ожидал от меня феерических проектов и блестящих связей с клиентами. А я суперблистательно увильваю от всех сложных заданий и не могу отстоять самые элементарные малые формы перед напористым или, наоборот, чересчур нерешительным заказчиком – вон уже пару раз мою работу Максиму передавали, чтобы наконец заказ закрыть. Странно, что ведущий еще ни разу не заговорил об этом, хотя особым терпением не отличается...

Потому мне нужно стать крайне необходимой для «Ориона» – или хотя бы уйти отсюда с еще одной специальностью в зачатке.

Артем перевел взгляд с экрана на меня. Смотрел он исподлобья и потому казался рассерженным или... обиженным?

– М-м-м... – выдала я, чтобы хоть что-то сказать.

Перевести бы разговор в шутку, но, как назло, ничего остроумного в голову не лезет.

– А ты бы что, согласился?

– А ты попробуй.

Кажется, реально не догоняет, почему я к нему ни разу за помощью не обратилась: мол, что такого, мы же свои люди! А мне просто элементарно стыдно: все кажется, что Черкасов давно жалеет, что позвал меня к себе работать.

* * *

...Я вообще не собиралась идти на встречу выпускников. Вернее, на юбилей нашего института. Во-первых, чего я там не видела, во-вторых, мне совершенно нечем похвастаться. Семьи нет и даже на горизонте не маячит, карьера менеджера в фирме по установке пластиковых окон тоже никогда не была ни для кого из нас работой мечты. Но Катя все-таки меня утатила:

попробуй-ка противостоять ста килограммам неистощимой энергии и упрямства. «Ты еще чадру себе на все лицо повесь! – орала она на меня. – И вообще ФИО и место жительства смени! А то, не дай бог, с кем-то из наших на улице пересечешься и придется здороваться и разговаривать! Стыдно ей, видите ли! Ты что, убила кого-то? В переходах побираешься? Старушек обманываешь? Быстро оторвала жопу от дивана, оделась, накрутила и пошла! Пожрем, выпьем, натацуемся, поржем, пересчитаем у девок все морщины и лишние килограммы! Не бойсь, я тебя одну не оставлю, всех нашей объединенной массой задавим!»

Обманула. Через полчаса после начала вечера подруга углядела за соседним столом свою студенческую любовь и радостно упорхнула с ней обниматься-целоваться (не подумайте плохого – с ним, с любовью). И больше я Катю – мужнюю жену и дважды заслуженную мать – в общем зале ресторана не видела. Видать, воспоминаниям с любовью предались...

Я уже поболтала – подробно и не очень – с узнавшими меня однокурсниками, к неузнавшим-незаметившим решила не подходить. По Каткиному завету досконально рассмотрела окружающих, пришла к утешительному выводу, что не так уж я плохо выгляжу; опрокинула три бокала шампанского и вчистую прикончила близстоящие закуски. Ответственно подготовившись диск-жокей ставил музыку нашей молодости (кхм-кхм... вот, дожила до такого словосочетания!). Разогретый народ радостно толкся на танцполе, не в такт, но с энтузиазмом и громкостью подпевая, – пойти, что ли, и правда подвигаться? Под эту музыку хоть танцевать можно, не то что под нынешнее «дын-дын-дын»... Второй раз «кхм»!

– Вот что я тебе скажу! – объявила внезапно свалившаяся на соседний стул однокурсница Милка Кашина, мы звали ее – Милки вэй.

Розовая, как молочный поросенок, то ли от алкоголя, то ли от танцев, салфеткой обмахивается.

– Женщина обязательно должна завести семью или хотя бы ребенка родить! А если нет – строить карьеру. А то ни туда ни сюда... Такая моя точка зрения!

– Вот спасибо, что донесла ее до меня, не уронила, – пробормотала я.

Работает Кашина в комитете градостроительства, и обручальное колечко на пальце в на-

личии. Дважды успешная баба, че уж – и семья, и карьера! То есть и туда и сюда...

– Привет, девчонки!

Мы вздернули головы. Опершийся о спинки наших стульев мужчина казался смутно знакомым, но кто...

– Черкасов! – тонюсенько, действительно как поросенок взвизгнула Кашина. – Ты ли это?!

Мужчина засмеялся-закряхтел под весом прямо с места прыгнувшей ему на шею Милки:

– Я, я, Милки вэй! – И протянул мне руку: – Привет, Самохина.

Я от растерянности даже поднялась, как при виде почетного гостя. Неловко пожала твердую ладонь Артема: не привыкшие мы, девушки, к таким приветствиям. Вот кто изменился так изменился! Вечно взлохмаченные, а то и давно не мытые средне-русые волосы сейчас уложены в хорошую модную стрижку. Под распахнутым дорогим пиджаком тонкая сорочка. На носу ни следа от очков, но светло-ореховые глаза смотрят ясно и зорко (линзы, операция?). И уже не такой, как раньше, худой-нескладный... Улыбка, правда, все та же, узнаваемая.

Артем, глядя на меня сверху, пару раз встряхнул мою руку – от души, чуть не вывихнул. Внезапно рассмеявшись, обхватил-прижал к себе длинными ручищами:

– Самохина, привет!

Сегодня все тут без стеснения обнимались-целовались. Или, как Кашина, на шею кидались. Причем искренне, от души, точно внезапно обрели долгожданных потерявшихся родственников, а не однокашников, с которыми раньше обменивались только дежурным «привет, как дела». Вот что пять лет расставания творят! И что мне оставалось делать? Висеть как тряпочка в крепких объятиях Черкасова? Конечно, и я обняла его в ответ, даже по спине похлопала: мол, как невыразимо рада с тобой свидеться!

Честно? Это тоже оказалось неожиданно приятным: он был твердым, теплым, плотным, пах незнакомым парфюмом, свежим алкоголем (фиг бы трезвым подошел или тоже сегодня всех массово обнимает?).

Удерживал меня Черкасов дольше приличного для старых знакомцев и однокашников времени: и ему понравилось? Еще и остался со мной за пустеющим столом: народ уже хаотично курсировал по залу, беседовал, хохотал, выпивал, закусывал, не особо вникая, где его место и столовые приборы. Мы тоже выпили на пару (Милка, вдоволь наобжимавшись с Артемом,

удалилась на неверных ногах искать других неохваченных мужиков) и разговорились.

Ну, то есть я реально разболталась. Почему-то рядом с Черкасовым – внезапно похорошевшим, выглядевшим успешным, уверенным, возможно, давно и прочно женатым – мне было не стремно рассказывать о себе. Парадокс! Он и глазом не моргнул, услышав, где я работаю, только и спросил: «Платят хоть нормально?» Кивнул на мое бодрое: «На хлеб с маслом хватает!» – и подпил еще. В утешение. Потом мы ругательски ругали плановую застройку в городе и главного архитектора, который так охотно прогибается под администрацию и бизнесменов. Выпили за полное единство наших мнений. Потом за успехи фирмы, в которой работает Черкасов: я не то чтобы специально отслеживала все существующие в нашем городе архитектурные, но «Орион» был на слуху.

Потом мы собрали все «медляки»; насколько я помню, танцевали вполне пристойно, пусть и слишком тесно для только что встретившихся однокурсников; да еще все, что говорил Черкасов, казалось мне безумно остроумным и даже... сексуальным. Хорошо, хоть я ему таковой не показала, потому что утром обнаружила себя пусть и с больной головой, но зато в своей кровати и в благородном одиночестве. А на столе в кухне – черкасовскую визитку с подписанным твердым почерком и подчеркнутым трижды «обязательно позвони!». Я хмыкнула: это что, мужской вариант женской надписи губной помадой на зеркале: «Понравилось – набери мой номер»? Решила, что звонить не буду, ни к чему: ну встретились, вспомнили былые годы, натащивались, и хватит! Для общения мне друзей и клиентов на работе хватает, для отношений – Стаса, а давным-давно позабытый однокурсник никуда не вписывается.

Но уже через час проклятая ответственность моими пальцами набирала черкасовский номер: ведь попросил же человек, вдруг что-то важное... а не то, что я себе понапридумывала. И да, нормальное женское любопытство подзуживало, куда ж без него!

Услышанное одновременно удивило и слегка... обмануло ожидания: Черкасов сухим деловым тоном сообщил, что сегодня беседовал с генеральным директором и внезапно выяснилось, что «Ориону» крайне необходим еще один работник с моим образованием и моими способностями. Так что, Самохина, ноги в руки, доку-

менты под мышку и дуй по такому-то адресу на собеседование, пока директор еще на месте! Я промямлила в ответ, что резюме-то у меня реально никакое, вчера же говорила... Артем отмахнулся: на крайняк покажет мои студенческие работы, кому говорят, живо!

Генерального, сухопарого невысокого светловолосого мужчину за пятьдесят, я поймала уже на выходе. Тот окинул невнимательным взглядом меня и мои документы и кивнул на махавшего за его плечом Черкасова:

– Наш ведущий архитектор вас порекомендовал, так что, Евгения, добро пожаловать, оформляйтесь!

Вот так неожиданно я оказалась на новом месте работы...

* * *

Я уставилась на Черкасова с внезапным любопытством:

– Кстати, а откуда у тебя взялись мои студенческие работы?

Это мое «кстати» Артему совершенно не показалось кстати. Нахмурился:

– Меняешь тему разговора?

– Не, ну реально, только сейчас вспомнила!

Повернувшись к столу, Черкасов педантично, по миллиметру, выровнял уже залапанный нами монитор.

– С института еще завалились, все никак руки не доходили папки почистить.

– Зачем ты их вообще хранил? – не отставала я.

– А ты не помнишь, как Баталов тогда на каждом семинаре вещал: «Смотрите на работы Самохиной, смотрите и учитесь!»?

Я заулыбалась, польщенная:

– Что, ты и правда у меня учился?

– Ну да, – буркнул Черкасов. – Было чему!

«Не то что сейчас», – закончила я мысленно.

Артем наверняка тоже об этом подумал, потому что прочистил горло и закончил непривычно для него дипломатично:

– Тогда я у тебя учился, теперь ты у меня. Нормальный бартер!

– Буквально натурообмен, – машинально подытожила я.

В черкасовском взгляде мелькнула смешинка.

– Ну, на «натуре» я совершенно не настаиваю, но если что – обращайся!

Я шлепнула его по твердому плечу:

– Между прочим, это настоящее сексуальное домогательство на рабочем месте!

– Между прочим, ты сама предложила! Значит, это натуральная провокация!

– Да вам, мужикам, что ни скажи, что ни сделай, ни надень – все будет провокация!

– Да-а, Самохина, видать, тебя в нашем бюро регулярно домогаются! Шепни на ушко – кто? Неужели Алексеич у себя в загородке зажимает? Максик заманчивые предложения шлет в месенджере? Или – тьфу-тьфу-тьфу, такая красота для мужиков пропадет! – наша Кристина молчком ориентацию сменила?

– Ха-ха-ха! С чего это вдруг Лазаревой ориентацию менять, когда рядышком ходит такой вот, – я махнула рукой сверху вниз, показывая на Артема – от ухмылявшегося лица до упирившихся в мое кресло колен, – молодой, холостой, незарегистрированный!

– Ну да, я такой, – кивнул Черкасов. – Добавь еще: талантливый, перспективный, нереально сексуальный!

– Да уж, кто-то от скромности точно не умрет! Долго свою речевку сочинял?

– Самохина, ты безнадежно отстала, это не речевка, а целый рекламный слоган! Но так и быть, добавлю в него твои свежие идеи...

– Ага, – возрадовалась я, – вот и я тебе наконец пригодилась!

– И еще больше сгодишься, когда нормально обучишься визуализаторству! – Артем внезапно вспомнил, за каким занятием меня сегодня застукал. – Так что давай по-быстрому спрашивай, что тебе непонятно, пока я добренький!

Я вздохнула. Отказываться дальше было уже как-то по-детски. Да и обижать Черкасова – из-за всего вспомнившегося – реально не хотелось. Я вновь развернула к нему многострадальный монитор.

– С чего мне вообще начинать? С онлайн-курсов? Или роликов на ютубе хватит? Какие программы устанавливать?

– Для начала берешь самый элементарный графический редактор...

Ну, это без проблем, все ж таки архитектурный заканчивала! С Черкасовым на пару. Правда, он дальше, в магистратуру пошел, а я на бакалавре почилала...

Целых полчаса я усиленно вникала, кивала и делала, как мне говорил-показывал Артем.

А потом начала отвлекаться.

Во-первых, уже поздний вечер, практически ночь, какая тут учеба!

Во-вторых, Черкасов сам неожиданно оказался мощным отвлекающим фактором. Сидеть с ним рядом в полумраке офиса, то и дело сталкиваться руками, соприкасаться ногами, иногда чуть ли не щекой... Как-то поневоле станешь рассеянной.

Наконец и наш ведущий, по совместительству обучающий, заметил неладное. Прервался на полуслове, откинулся на спинку кресла и уставился на меня. Я сжалась, ожидая, что мне сейчас выдадут.

Выдал:

– Слушай, Самохина, я думал, это фигня, которой любой дурак может пользоваться. Ты меня переубедила – не любой!

Черкасов в своем репертуаре!

Незаметно выдохнув, я объявила:

– Вот видишь, интернет реально терпеливее! И вообще, глянь на время, конечно, у меня мозги уже не работают! – Я ткнула пальцем на часы на стене и сама ахнула: – Уже полночь?!

Артем со вкусом потянулся, хрустнув суставами:

– Может, здесь и переночуем, а? Все равно утром на работу. Чего туда-сюда мотаться?

В его шутливом предложении мне почудился некий намек. Вот и кто из нас двоих кого домогается? Хотя бы мысленно, теоретически...

Я покачала головой, зловеще предупредив:

– Не советую! Ты в курсе, что ночью по офисному зданию рыщет призрак?

– Призрак? Ого! Какой-нибудь уборщицы со шваброй наперевес?

– Хуже.

– Да куда уж хуже! Тут живая-то уборщица кого угодно запугает, а уж мертвая...

– Призрак заработавшегося бухгалтера! Умер, бедняга, прямо на рабочем месте, но до сих пор ищет несошедшиеся копейки. Вот не бери с него пример, не упластывайся на работе! – И, протянув к шее Артема скрюченные пальцы, я провила: – Отда-ай мои платежные ве-е-домости!

– Страсти какие. – Черкасов отмахнулся.

А я опустила руки и назидательно резюмировала:

– Я к тому, что нужно соблюдать режим труда и отдыха! А мы с тобой сегодня явно перерабатываем.

– Но как же я мог встать на пути твоей любви к знаниям! – Артем с показным кряхтеньем (ой-

ой, притомился, бедняжка!) начал вставать с кресла, но замер и вытаращился на что-то за моей спиной: – Это еще что такое?!

Я фыркнула, собирая свои пожитки:

– Что, полуночный бухгалтер все-таки до нас добрался?

– Ну правда, Самохина, ты только глянь... – таким свистящим шепотом произнес Артем, что я невольно послушалась.

Обернулась – и тоже замерла. По потолку темного коридора, освещенного сейчас только аварийной подсветкой, метался непонятный, то увеличивавшийся, то уменьшавшийся блик. Мы с Артемом одновременно оглянулись на зашешенное жалюзи окно: нет, отблеск фар сюда не попадает, тем более и этаж тринадцатый...

– Прямо офисное НЛО какое-то, – неуверенно пробормотала я. – Пойдем посмотрим, что там такое?

Вместо ответа Черкасов неожиданно с силой надавил мне на шею, укладывая под прикрытие монитора и загородки. Сам привалился рядом, прижавшись щекой к столу и наблюдая за ползущим по потолку кругу света: тот становился то ярче, то тусклее, метался туда-сюда...

– Что это все-таки такое? – выдохнула я. – А?

Не отрывая глаз от неведомого явления, Артем ответил шепотом:

– Это охранник с обходом и фонарем...

– Тьфу, блин!

Все-таки разыграл! Я рассерженно попыталась выпрямиться, но Черкасов удержал.

– Тогда чего мы от него прячемся?

Повел плечом, глаза откровенно смеются.

– Ну, как-то уже неудобно выныривать: подумает еще, что мы здесь с тобой... невесть чем занимаемся!

А. Ну да. Фу-у...

– Ну ты и гад, Черкасов! Реально же меня напугал!

– Сама первая начала стращать своим призрачным бухгалтером, так что мы квиты! Я, кстати, сначала тоже подвис, не понял сразу...

Осторожно приподнявшись, я вгляделась в щель между монитором и принтером: охранник, помахивая во все стороны фонариком, неторопливо удалялся к черной лестнице. Проворчала:

– Чувствую себя школьницей, которая пробралась в учительскую стырить классный журнал и напоролась на сторожа!

– И исправила там свои оценки! – подхватил Черкасов.

– Сразу видно профессионала...

Я подперла подбородок кулаками. Артем, вытянув руку, поудобнее улегся на столе. Смотрел на меня снизу. Свет фонаря и сам охранник уже давно скрылись на лестнице, а мы всё не двигались и молчали. Как будто думали, что он вернется.

Или просто ждали, что будет дальше.

Молчание и неподвижность длились, мне снова пришлось контролировать собственное дыхание, но сердце все равно ухнуло в пятки, когда Артем наконец шевельнулся...

И нас обоих подбросило от звука оглушительно завопившего мобильного. Я захлопала по столу, чтобы поскорее заткнуть его. Кинув взгляд на загоревшийся экран («Мой Стас»), схватила телефон и отошла к окну. Раздвинула пальцами полоски жалюзи, рассеянно глядя на мокрую, залитую светом фонарей и окон улицу.

– Алло? Да, почти дома. Задержалась на работе. Нет, за сверхурочку не заплатят. Ну, ты ведь тоже постоянно работаешь допоздна... Понятно-понятно, для твоей карьеры это необходимо, а моей уже ничего не поможет! Нет, я вовсе не хочу с тобой поругаться... Извини, Стас, я сегодня просто очень устала. Да, спокойной ночи.

Раздраженно нажала отбой: хоть бы на время взглянул, прежде чем звонить, может, я уже давно сплю без задних ног! Стоявший у стола Черкасов методично, по одной закрывал вкладки, хотя давно мог нажать «свернуть все окна».

Спросил не оборачиваясь:

– Тебя подбросить до дома?

– Нет-нет, не надо, – чересчур поспешно сказала я. – Такси вызову, оно за пять минут приезжает...

– Тогда до завтра, – совершенно не расстроился Артем, сгреб свое пальто и скрылся в зеленоматом-призрачном сумраке коридора.

– Уже до сегодня... – сообщила я опустевшему кабинету.

Такси приехало только через сорок минут. Еще столько же мы колесили сложными путями, отыскивая мой дом, потому что водитель оказался новичком (в профессии и в городе), его навигатор тоже как будто только сегодня на свет родился и потому уверенно сворачивал на уже несуществующие проезды и давно переименованные улицы, а мои советы-подсказки эта парочка дружно игнорировала до последнего. Так что к своей девичьей кровати я добралась уже ближе к двум – у-у-у, скоро опять вставать!..

А потом еще пару часов таранилась в неполную темноту городской ночи, разбираясь не то что с мыслями – с чувствами. Мы ведь люди взрослые и давно знаем, что ощущать-оценивать мужскую (женскую) привлекательность вполне нормально, совершенно не аморально (если не предпринимать шаги по направлению к той самой аморальности).

Потому не стоит себя винить, что я на какую-то минуту расслабилась рядом с Черкасовым. Это все гормоны!

Стас позвонил как раз вовремя, словно почувствовал, что мои мысли неожиданно переключились с его драгоценной персоны на другого мужчину! Сыграл роль моей совести и моего тормоза. Я должна чувствовать облегчение... Но что значит должна? Я определенно чувствую облегчение, что меня вовремя выдернули в реальность из освещенного лишь монитором уютного, сузившегося до нас двоих мирка. А легкое – наилегчайшее! – чувство разочарования и предвкушения неслучившегося спишем на обстановку: неожиданная помощь, ночь, мы одни в офисе...

Зарывав, я перевернулась рывком – аж кровать качнуло! – и сердито излупила кулаками раскаленную подушку. Спать! Тебе на работу через... а-а-а, уже через четыре часа, а ты тут натуральной дурью маешься! Размышлениями о том, что никогда и ни за что не может случиться!

СРЕДА

Понятно, что встала я невыспавшаяся, раздраженная и рассеянная: бродила по квартире, не в силах сообразить, зачем зашла туда или сюда. Кофе не взбодрил, а только добавил шума гулко-пустой голове и раздражения мироощущению.

Зато сегодня я пробилась в первый же автобус: даже привычно воинственные соратники по часу пик при одном взгляде на мое лицо молча давились своими претензиями и замечаниями. Иногда полезно побыть в роли осатаневшей тетки. Или пора уже окончательно перековаться?

Приостановилась у знакомой кофейни: возьму себе стакан-макси, чтобы продержаться хотя бы до обеда, а то ведь реально усну прямо на столе! Но сослуживцы же обидятся, если и им не притащу... Я опять рассердилась: сама же ввела эту традицию, навесила на себя еще одну лишнюю обязанность! Пора скидывать привычное ярмо; правильно Артем вчера сказал, сейчас у меня учиться нечему.

Наверное, возьму только себе и ему – в благодарность за вчерашнее. Или все-таки не брать и вообще держаться от Черкасова подальше?

Так я и торчала в бесконечных пустых размышлениях перед запотевшей изнутри витриной, пока меня не потыкали пальцем в плечо:

– Ты чего тут зависла?

Обернувшись, обнаружила перед собой вышеупомянутого Черкасова. Он искушающе провёл перед моим носом двумя упаковками кофе:

– Пошли, я уже все и на всех взял!

И двинулся передо мной ледоколом, разрезающим озабоченные утренние людские волны и сумеречные хляби ноября. За Черкасовым тянулся шлейф свежего парфюма, смешанного со свежайшим же ароматом кофе. За последним в рабочее утро я готова бежать куда угодно. Да и первый тоже весьма и весьма...

В забитом лифте Артему пришлось держать упаковки повыше, практически над головами людей, чтоб не раздавили.

Я так жадно следила за маячившим передо мной утренним наркотиком, что Черкасов изобразил движение «ну-ка, отними!» и скомандовал:

– Служи!

Я ткнула его пальцем в бок.

– С чего это ты вдруг сегодня на кофе расщедрился?

– Знаю же, что после нашего вчерашнего ты не выпалась! – во всеуслышание объявил Черкасов.

Я увидела, как несколько человек оглянулись на нас с улыбками, и двинула его уже кулаком. От души.

– Ох! – Артем покачнулся и укоризненно посмотрел на меня сверху. – И это благодарность за заботу? А если б я прямиком все это на тебя уронил? Кстати, как там моя сорочка поживает?

И вовсе даже не «кстати»!

– Чистится, – сквозь зубы соврала я.

Что ж такое, опять забыла! Хотя где бы я вчера ночью искала химчистку? Наверное, спасти несчастную одежду уже поздно, надо глянуть на ярлык и прикупить такую же новую. А ту просто выбросить!

Черкасов в роли доставщика кофе имел в офисе большой успех, фурор практически. Народ с радостными возгласами живенько расхватал подписанные маркером стаканы. Последние – мой бичерин и свой эспresso – «курьер» почему-то вручил мне.

– Зачем два-то?

– Пей оба! А то ты сегодня прямо на панду похожа, не спала, однако, всю ночь?

И этак участливо на меня смотрит. Испугавшись, что он опять, как в лифте, разовеет тему, я выдала речитативом: «Ага, почему-то спалось плохо, погода, что ли, меняется, спасибо тебе большое!»

И поскорее убралась за свой стол.

Многослойный кофе я обычно не размешиваю и даже не пью – потихоньку черпаю ложечкой. Добравшись через взбитые сливки, эспresso и темный шоколад до самого нижнего слоя белого, я уже почти мурлыкала от удовольствия. Перехватила взгляд Черкасова: сунув руки в карманы пальто, тот обсуждал что-то с Кристиной. Я показала ему сразу два больших пальца: ты меня просто спас! Не прерывая разговора, ведущий постучал указательным пальцем по краю своего рта: ясно, опять у меня «усы» от сливок! Стерев с губ вкусные воспоминания, я запила бичерин Артемовым эспresso, бодрящим и горьким, как брошенный на меня через плечо взгляд Кристины.

Ладно-ладно, все, уже работаю!

* * *

– Дочь, – произнесла мама внушительно, опять невольно напомнив мне Черкасова: тот тоже не тратит время на бессмысленные вежливости типа «привет-как дела-здоровье-настроение», а сразу переходит к делу. К своему делу. – Мне нужно...

– Ма-ам! – прошипела я, прикрывая ладонью телефон: ее по-учительски поставленный голос преодолевал все офисные перегородки. – Я же говорила не звонить мне в рабочее время! У нас не поощряются личные разговоры...

– И что?! Ты даже не имеешь права поговорить с родной матерью? А если у меня что-то случилось? А если что-то очень срочное?

– Хорошо-хорошо, – сдалась я. – Только сейчас выйду из кабинета...

Кидая по сторонам извиняющиеся взгляды, я выскочила в коридор. Как назло, редкий гость – генеральный – сегодня заявился с какими-то перспективными девелоперами. Важные переговоры Михаил Юрьевич традиционно проводит именно в нашем маленьком офисе: мол, это место приносит удачу, ведь он здесь когда-то начал. А может, просто не желает светить встречу в головном: слезают, переманят, уведут!

Вообще-то шеф у нас неплохой, по мелочам не придирается, не самодур, но нападает на него иногда стих «всех построить», особенно в присутствии значимых гостей. Так что мы в такие дни стараемся не высовываться и соблюдать все писаные, а пуще всего – неписаные правила офисного этикета.

Я направилась к лестнице, но оттуда мощно тянуло сигаретным дымом и многоголосым разговором. На другом конце коридора из открытой двери конференц-зала лился звучный микрофонный голос докладчика. У лифта и чуть ли не у каждой офисной двери толпился народ – когда вообще работают, только и снуют туда-сюда!

Пришлось вернуться к нашему офису, а чтобы не торчать за прозрачной стеной (вон Юлька уже делает страшные глаза и машет на меня обеими руками: уйди, не маячь!) – присесть на корточках у пальмовой кадки рядом с дверью. Мобильник в моей руке уже раскалился от гневного мамино: «Але! Але-о! Нет, ты погляди, просто взяла и трубку бросила! Что хочет, то и делает! Але-о, говорю!»

– Але, здесь я, мам! Что там у тебя случилось?

– Обязательно должно что-нибудь случиться, чтобы я могла с тобой просто поговорить? – сварливо отозвалась родительница.

Я попыталась исправить положение:

– Ты вроде сказала, что-то срочное...

– Не срочное, а неотложное! – поправила собеседница. – Мне нужно сегодня передвинуть шифоньер!

– О не-е-ет! – простонала я.

Материн, вернее бабушкин, шифоньер – это наша семейная легенда, реликвия, но главное – семейное мучение! Натурально-деревянный, несокрушимо-монументальный, изготовления этак годов сороковых прошлого века, весит он целую тонну и непременно хотя бы раз в год отодвигается, чтобы наша мама (а в предках у нее явно был енот-полоскун) могла за ним убраться.

– Что значит «нет»?! Уже Новый год на носу...

Ага, всего-то полтора месяца этого «носа» осталось! Вот потому у меня в квартире если кто и убирается, то только робот-пылесос. Когда я вспоминаю его включать. Хватило мне в детстве всех этих генеральных уборок, регулярного выбивания ковров и еженедельного мытья крашеных панелей, дверей и окон!

– Ма-ам, ты же опять будешь потом по стеночке ходить и мазью спину натирать!

Про себя уже молчу, потому что на все мои жалобы на здоровье мама отрезает: «Рано тебе еще болеть!»

– Вот потому вы с Димой и нужны мне сегодня!

– Что, и Димка придет?

– А куда он денется?

Зная своего братца, не сомневаюсь, что он-то как раз и может легко «деться». Диман с малых лет выбрал правильную тактику выживания в нашей семье: родительнице не прекословит, не настаивает на своем, но практически всегда мастерски выскальзывает из напряженных и неудобных для него ситуаций. Да и мама – как бы она это ни отрицала – относится к нему куда благосклоннее, чем ко мне: еще бы, младшенький, да еще с хрупким здоровьем! А ничего, что все эти «хрупкости» остались в пятнадцатилетней давности прошлым и сейчас наш младшій – орясина ростом под два метра, говорящая басом и меняющая девок как перчатки!

– Ма-ам, ну давай я тебе грузчиков вызову и оплачу, а? – безнадежно предложила я. – Двух... нет, для нашего фамильного «гроба» лучше сразу четверых!

– Еще чего! – взъерепенилась родительница. – Не хватало мне еще чужих людей в доме! Оглянуться не успеешь – что-нибудь сопрут! Даже на порог не пушу!

– Да что там у тебя переть-то?!

Из драгоценностей – старое обручальное кольцо и парочка еще советских сережек с янтарем. Родительница до сих пор искренне, поучительно, считает, что золотые украшения и дорогие вещи – это вульгарно. Домашняя техника – без слез не взглянешь, хорошо хоть, мы с Димкой на телевизор приличный скинулись... Остальное «работает, а мне больше ничего и не нужно, отстаньте».

– Короче, я жду тебя к семи! И не вздумай опоздать, ясно?

И, как всегда вовремя, поставила точку в нашем споре – отключившись. Не услышав или попросту проигнорировав мое категорическое: «Нет, я сегодня точно никуда не пойду!» Стиснув замолкший мобильник, я сквозь зубы выдала несколько нецензурных слов – не о маме, конечно (хотя иногда очень тянет!), а о ситуации в целом: до стольких лет дожила, а все не могу настоять на своем, подобрать разумные аргументы! Хотя кто вообще руководствуется в спорах разумом? Сплошные эмоции и кидание банановой кожурой!

– Разрешите пройти? – прохладно осведомились над моей головой.

Я задрала голову и с ужасом обнаружила, что в разъехавшихся дверях за моей спиной торчат четверо: наши гости, наш директор и наш ведущий. Причем последний строит мне зверские рожи, чуть ли ни ребром ладони по шее водит: ну все, каюк тебе, Самохина!

– Да-да, конечно! Извините...

Попытавшись скоренько вскочить, обнаружила, что за время сидения на корточках ноги онемели, да еще разбитое колено никак не желало разгибаться. Пришлось опереться о кадку пальмы, но рука соскользнула, и я случайно – и намертво – вцепилась в твердую ногу ведущего архитектора. Оставалось только подниматься, перебирая по ней руками, как по той самой пальме; хорошо, Черкасов вовремя это действие пресек – наклонившись, подхватил меня под локоть железными пальцами и вздернул на ноги.

– Спасибо, – пробормотала я. – И до свиданья!

Ероша рукой челку, чтобы не видеть, с каким выражением на меня смотрят, и чтобы гости-клиенты точно не запомнили моего пылающего лица, ретировалась на рабочее место. Сжавшая губы Кристина обреченно покачала головой: мол, ты совершенно безнадежна!

Юлька хихикала, Макс оценил лениво:

– Это было эффектно!

– Заткнись, а? – огрызнулась я.

Уставилась на экран, вспоминая, что вообще до злосчастного звонка делала. Уже практически вспомнила, как опять все вышибло внезапно раздавшимся гласом небесным. То есть рыком Черкасова.

– Самохина, зайди ко мне!

А я-то надеялась, что ведущий вместе с директором и гостями свалит либо на объект, либо уже на обмытие удачной сделки! Поплелась, собирая взгляды коллег: насмешливый – Кристины, сочувственный – Юли. Макс вскинул в воздух сжатый кулак: держись, мол!

Я вяло «отнопасаранила» в ответ и, приоткрыв дверь, заискивающе спросила через микроскопическую щелку:

– Можно, Артем Игоревич?

– Нужно!

Мне канты. С утра можно было хотя бы с кофе вперед войти, сейчас не поможет, разве что со свежеевыпеченным пирогом на рушнике: время-то практически обеденное... Я просочи-

лась в кабинет и максимально бесшумно приотворила дверь.

– Ну, и что это такое было?! – с места в карьер начал ведущий.

– Мне надо было срочно переговорить с... ну, кое с кем, я и ушла из офиса, чтобы не мешать и не на глазах...

Скрестивший на груди руки Черкасов переспросил язвительно:

– С глаз долой, значит? Никому не мешать, значит? Мы этих му... мужиков полгода окучивали, Михаил Юрьевич на встречах уже всю печень посадил! Вроде уболтали, внушили, что у нас наикрутейшая фирма, где работают исключительно суперпрофессионалы! И тут выходим такие и видим, как одна из «крутых» сидит на полу и матюкается на все здание! Гоп-стоп натуральный! Тебе бы еще семки в зубы и кепуху на голову, и готово: пацаны, да я ж только-только с зоны откинулась!

Черкасов слишком хорошо живописал – пришлось закусить губу, чтобы не засмеяться: не та ситуация! Но смешок, хоть и нервный, все равно вырвался.

Артем дернулся:

– Ты еще и ржешь?!

Я развела руками:

– Артем, ну прости меня! На самом деле срочный телефонный звонок...

– Самохина, если нас из-за тебя кинут, я просто не знаю, что с тобой Юрьич сделает! Ты можешь свои личные дела дома решать? – Тут Черкасов, видимо, что-то припомнил и поспешно добавил: – Но только не ночью!

– Да я бы рада! – взвыла я. – Но ты же знаешь мою маму! Хотя нет, откуда...

Черкасов меня удивил:

– Почему это не знаю? Знаю, конечно. Так ты это мамочке своей так «нежно» в свидании отказывала?

– Да я уже потом ругалась, она не слышала. Надеюсь... – Я пригорюнилась и тут же встрепнулась: – А ты откуда вдруг ее знаешь?

– Здра-асте! Мы же на третьем курсе вместе проект делали, у тебя тогда зависали, не помнишь?

– А-а-а...

А ведь точно, совсем забыла! За давностью лет, хе-хе.

Выслушав мой оправдательный доклад о шифоньере, Артем задумчиво почесал бровь:

– Да-а... Помню я ее. Светлана... Алексеевна, кажется? С места не сдвинешь.

– Александровна... А шифоньер еще тяжелее! – поспешила я оправдать свое нецензурное поведение.

Черкасов вздохнул:

– Ладно. Иди работать. Сидишь сегодня до последнего, пока я сам домой не пойду! И больше никаких телефонных переговоров: хоть мама, хоть папа, хоть этот... мужик твой! Ясно?

– Йес, сэр! – гаркнула я радостно, но ведущий только раздраженно отмахнулся.

Легко отделалась. Пока. Если заказчики, не дай бог, отвалятся (пусть даже не по моей вине!), всех собак именно на меня повесят.

Кстати, в отсутствие директора все преспокойно болтают по телефону: Юлька вон даже уроки делает с дочкой, Макс со своей очередной воркует, Алексеич неразборчиво препирается с женой...

Опять ко мне исключительное отношение!

* * *

– Самохина, вставай, пошли!

– Куда? – озадачилась я, оглядываясь на натягивающего пальто Артема.

Все, кроме нас, уже отправились по домам или еще куда, а я тянула время, честно исполняя черкасовский приказ. Вот почему сегодня, как назло, никто не дал мне никакого срочного задания, было б чем оправдаться перед родительницей! Хотя никакие отмазки с моей бдительной мамой, как правило, не проходят...

– Как куда? – удивился Артем. – Ваш шкаф двигать!

Я чуть опять не села.

– Ты – собрался – двигать – наш – шифоньер?!

– Ну да, а что? А то будешь кивать завтра на отстегнувшуюся спину: ах-ах, не могу работать, у меня так все болит! Давай-давай, мое время дорого стоит!

И вышел – невыносимо элегантный, с высокомерно задранной носом. Я подобрала челюсть и, наскоро похватав свои вещички, бросилась за ним следом. Чудеса!

Как ни странно, добрались мы через два района куда быстрее, чем с тем ночным таксистом – до моего ближнего. Черкасов только один раз заплутал – не смог проехать через дворы. Оно и понятно: был здесь много лет назад, к тому же в

студенчестве мы пользовались исключительно общественным транспортом...

– Ну наконец-то, дотелепала! – приветливо встретила меня добрая родительница.

Я вздохнула, переступая порог:

– И тебе добрый вечер, мамочка! Ты понежнее давай, а то я не одна, спугнешь еще добровольца!

Родительница поправила очки, всматриваясь в маячившего за моей спиной Черкасова.

– Здравствуйте-здоровствуйте... О, это же Артем, твой бывший однокурсник, да?

Вот что значит учительская память: столько лет не виделись, а опознала с первого взгляда! Артем заулыбался и закивал, польщенный.

– Сколько лет, сколько зим! – продолжала соловьем заливаться мама. – Как ты вырос...

– Он и тогда был не метр с кепкой, – скидывая куртку и обувь, вставила я.

– ...похорошел!

– Бу-га-га! – прокомментировала я, зайдя в мамину спальню и осматривая поле деятельности.

Или, скорее, поле боя: безжалостно выпотрошенный мебельный монстр стоял с распахнутыми дверями, его вынутые наружу внутренности горами и стопками возвышались на кровати и на полу.

– Мама, ты же еще в прошлый раз обещала разобрать старую одежду и отдать на переработку или в социальную службу! Пальто какой давности? Тридцатилетней? Или что, еще бабушкино?!

– Что бы ты понимала! – Родительница отобрала у меня тяжелый, неопределенно-сизого цвета лапсердак. – Это ведь еще советского производства! Посмотри, какой драп, теперь такого не выпускают, один Китай кругом! Если перелицевать и пуговицы заменить...

Я безнадежно махнула рукой. Сотни раз слушала эти песни!

– Да ладно, как хочешь, моли тоже надо чем-то питаться... А где Димка? Уже, поди, на кухне наш ужин приканчивает?

Мама забежала глазами:

– У Димы ЧП...

Вот так и знала!

– И какое же? – насмешливо поинтересовалась я. – Палец заболел? Носик потек?

– Машина сломалась...

– Он не в курсе, что общественный транспорт в городе еще никто не отменял?

– ...и ему обязательно нужно сегодня на СТО!

– Конечно-конечно! Мам, ну почему опять все я? Детей у тебя, между прочим, двое!

Родительница сделала страшные глаза:

– Евгения, давай перестанем обсуждать наши семейные дела в присутствии посторонних!

– Да какой Черкасов посторонний! – отмахнулась я. – Вон ты, оказывается, сколько лет хранила в памяти его светлый образ!

Ухмылявшийся Артем, слушая нашу обычную перепалку, уже снял пиджак и теперь закатывал рукава рубашки.

– Ну, раз я уже буквально свой, надеюсь, меня потом накормят ужином? Светлана Александровна, я ведь до сих пор ваши пироги помню!

Знает, чем взять мою несгибаемую маму – похвалами в адрес ее кулинарного таланта! Кстати, вполне заслуженными. Я вот не в нее, фастфуд – мое все! Родительница от удовольствия буквально превратилась в желе.

Засуетилась:

– Конечно-конечно, вы же оба с работы, голодные! Давайте быстренько передвинем шифоньер, потом я буду тут убираться, а вы как раз покушаете!

– Быстренько, как же! – скептически встала я.

Мама шлепнула меня подвернувшейся кофтой. И работа закипела!

Схема у нас отработана уже десятилетиями: намазать хозяйственным мылом или свечкой паркет, подложить под основание мебели тряпку, а для этого нужно приподнять край шифоньера, что опять-таки «ой!». И потом только непрерывно тянуть и толкать... Причем мама будет периодически вскрикивать: «Ай, пол не поцарапайте, ой, сейчас дверца отвалится!» Ага, отвалится! Этот «гроб» еще к ее внукам перейдет в совершенно цветущем состоянии! Если мы с Димкой сподобимся когда-нибудь родить наследников, конечно.

Наконец шифоньер сдвинули настолько, чтобы в пространстве между ним и стенами могла свободно сновать корпулентная хозяйка с кучей моющих принадлежностей. Отпыхиваясь и потирая натруженные спины-плечи, мы с Черкасовым с облегчением переместились в кухню, откуда давно тянуло завлекательными запахами. Мама, правильный эксплуататор, знает, что занимающихся тяжким физическим трудом работников следует хорошо кормить!

– Опять на целую роту наготовила! – ворчала я, изучая плотно загруженные тарелки. – Будешь

месяц потом доедать? Или завтра Димочка наконец освободится, с судками за припасами припрется?

– Приятного аппетита! – с нажимом произнесла мама.

Вот уж чего желать не стоило: после такой физнагрузки аппетит и без того был зверский! Гора еды на тарелке исчезла быстро, пришлось лезть в сковородки-кастрюли за следующей порцией. Периодически выныривая из спальни, мама ревниво интересовалась: «Ну как, нравится?»; Артем, не переставая жевать, с восторженным мычанием закатывал глаза, я показывала большие пальцы, и довольная хозяйка с «кушайте-кушайте» вновь убегала на конкурс за звание самого чистоплотного енота.

Кстати, управилась она сегодня в рекордные сроки – обычно до полуночи уборку развозит, а тут за каких-то два часа – и пожалуйста, дорогие грузчики, двигать фамильное чудовище обратно!

– Знаете, что вам надо? – осенило Черкасова, без сил прислонившегося к янтарно отмытому боку установленного на законное место шифоньера. – Мебельный транспортер!

– Чего-чего? – подозрительно спросила я, поднимая голову с кровати, на которой валялась поверх всех маминых тряпичных запасов в живописной позе умирающей морской звезды.

– Это такое устройство с рычагом и четырьмя прорезиненными роликами на платформе. Поднимаешь мебель, как домкратом, вставляешь по углам ролики и катай сколько душе угодно! Светлана Александровна, хотите – найду, где продается?

– Ну какой же ты умница, Артем! – умилилась та. – Настоящий мужчина! Идемте, вы ведь еще не попробовали сладкий пирог!

– Ох, – простонала я, потирая живот и сползая на край кровати. – Мама, такими темпами я в зимнее не влезу!

– Я тебе помогу! – неожиданно вызвался Артем. Я томно протянула ему руку, Черкасов глянул на нее с недоумением, легонько пожал мои пальцы и пояснил: – В смысле – помогу с пирогом справиться!

– Ах ты ж!.. – Я запульнула в него первой попавшейся под руку вещичкой, но Черкасов ловко ускользнул в прихожую.

И насчет помощи наврал! Мамин пирог со сливами, конечно, супервкусный, но реально было уже некуда. Под нашими осоловелыми

взглядами мурлыкающая хозяйка – как будто и не устала вовсе! – сновала по кухне, накладывая каждому судки. Первое, второе, десерт...

Прощаясь в прихожей, Черкасов истово прижимал к груди пакет с припасами на добрую неделю и призывал «дорогую Светлану Александровну» бросить на фиг эту школу и идти поваром-пекарем в столовую нашего офисного центра, он поспособствует. Расчувствовавшаяся маман заставила его наклониться и троекратно расцеловала, в промежутках между чмоканьем приглашая заходить в гости, когда захочется чего-нибудь вкусенького.

– Ты давай поосторожнее с такими предложениями! – предостерегла я Черкасова уже в машине. – Мы с братом и так молимся, чтобы она, не дай бог, из школы не уволилась! Куда будет свою кипучую энергию девать? Только на нас!

– Ну и дура ты, Самохина! – констатировал Артем. – Это же здорово, когда ты кому-то нужен, когда тебя так кормят, воспитывают и... даже заставляют двигать фамильные шкапы!

Пораженная его неожиданной серьезностью, я молчала всю дорогу, поглядывая на сосредоточенный черкасовский профиль.

Только уже у своего дома нерешительно спросила:

– А твои родители – что?.. Они...

– Да живы, живы, слава богу! – буркнул Артем. – Только взяли и развелись на старости лет, прикинь?! Еще и разменялись. Теперь отец над своей молодухой трясется, мама своему новому диетическую кашку варит...

Искоса глянул на меня.

– Да знаю, что ты скажешь! Я уже давно взрослый и самостоятельный, а мать-отец имеют право на счастье... новое. Но дома родного у меня теперь нет... Так, все, вылезай уже, устал я с вашей мебелью до чертиков!

Не подобрав, что сказать утешительного в ответ на такую неожиданную откровенность (мы ведь никогда не беседовали о жизни-проблемах самого Черкасова), я вылезла из машины.

Спохватилась:

– Спасибо, что выручил! А то мы бы с мамой реально себе грыжи заработали!

– Сочтемся, – буркнул Артем и уехал.

Я поднималась по лестнице, прикидывая, что бы чувствовала, если б мама – подумать смешно (и страшно!) – завела себе на старости лет... хахаля. Нет уж, пусть лучше продолжает нас с Димкой строить и дергать!

А мебельный транспортер я ей куплю.

* * *

Как ни странно, родительница позвонила тут же.

– Ма-ам? Ничего не случилось? Шифоньер там на тебя, случайно, не рухнул?

– Вот типун тебе на язык, чего родной матери желаешь! Звоню узнать, как вы добрались. Артем же тебя до самого дома довез?

– Ага.

– Что ж ты раньше не сказала, что с ним работаешь?

– Здра-асте, я ведь говорила, что меня в эту фирму сокурсник рекомендовал!

– Но я же не знала, что это тот самый Артем Черкасов!

– А если бы знала, то что? – скептически спросила я. – Запретила бы в «Орионе» работать?

– Помню, помню его, хороший мальчик. И кушал всегда хорошо...

Я фыркнула. А какой нормальный студент, тем более живущий в общежитии, вообще харчами пренебрегает? Подозреваю, что как раз мамина стряпня и предопределила место подготовки нашего проекта!

Однако задумчивая интонация родительницы настораживала.

Интуиция меня не подвела, следующий вопрос был задан якобы небрежным тоном:

– Женат уже, наверное?

– Нет, – коротко ответила я. И, предвосхищая продолжение, торопливо добавила: – Но встречается! С серьезными намерениями!

– Ну во-от, опоздали! – опечалилась мама. – Что ж, правильно, такие на дороге не валяются, умные девушки их сразу подбирают!

– Ты уж определись: если «не валяются», то откуда же их «подбирают»?

– Не умничай! Спать иди! – рыкнула родительница. – Завтра рабочий день, вставать рано! Спокойной ночи!

– Спокойной, – вздохнула я в замолкшую трубку.

Тебе бы, мамочка, самой не мешало помнить об этом, когда затеваешь великие перестановки среди трудовой недели!

Я поддержала мобильник в руке, борясь с неожиданным и глупейшим желанием в свою очередь позвонить Черкасову – спросить, благополучно ли он добрался до дому. Только понятно, куда меня пошлют. И причем вполне справедливо!

Да, кстати! А ведь я сегодняшним вечером ни разу даже не подумала набрать Стаса. Вот что сила фамильного шифоньера делает!

А Димку я просто прибую.

ЧЕТВЕРГ

– И убери с лица эту свою злорадную ухмылку! – распорядился Черкасов.

– А че я? – невинно отозвалась я. – Я ниче! Совершенно!

На самом деле улыбка на лице появлялась сама, когда я замечала, как наш ведущий то шей крутит, то потирает плечо, то выгибает натруженную спину.

– Что, железо вчера перетягал в тренажерке? – сочувственно спросил Макс, тоже заметивший неладное.

Черкасов покосился на меня (прикрыв нижнюю половину лица распечаткой, я беззвучно хихикала) и отозвался размыто: мол, да, лишнего передвигал...

А нечего было нарываться! Хотя без Артемовой помощи это я сегодня ползала бы по стеночке, если бы вообще ползала. Проснувшаяся совесть принялась немилосердно меня щипать, благодаря гуманистически-вредному родительскому воспитанию она у меня вообще переразвита. На пару с суперответственностью. Добилась-таки, гримза, что я понеслась в обеденный перерыв в аптеку! И теперь помахивала купленными пластырями перед лицом хмурого Черкасова, казенным голосом вопрошая:

– Больной, лечиться будем?!

– Что там у тебя?

Я выложила перед ним пластыри веером на выбор: тут тебе и китайские, и корейские, и даже российские! Противовоспалительные, обезболивающие, заживляющие...

– Поправляйся, добрый человек! Я еще анальгетики взяла, надо?

Погремела коробочкой с таблетками, как детской погремушкой над капризничавшим ребенком.

– Для себя сбереги, пригодится, как начнешь мозги напрягать в следующем проекте! – буркнул Черкасов.

Тревожно засосало под ложечкой, но я постаралась сохранить хорошую мину. Пропела:

– Ой, совсем тебе забыла сказать! Надо же было вчера ванну горячую с солью принять:

очень помогает, когда мышцы перетрудишь. Ты же к физнагрузке у нас явно непривычный.

– Как будто ты в тренажерке каждый день упарываешься! – огрызнулся Артем. – Ну, или совершенно без пользы.

И еще, гад этакий, отвалился на спинку кресла, детально и скептически оглядывая меня с головы до пят!

Вот как будто я виновата, что набираю вес лишь при одном только взгляде на пирожные и булочки! И все эти кэжэ неизменно складываются в районе бедер, на которых Артемов взгляд сейчас и задержался.

Я подперла руки в боки, выставила ногу и с вызовом скомандовала:

– Ну, давай, приступай!

Черкасов пару раз моргнул и вскинул глаза:

– А? К чему? Ты сейчас чего от меня ожидаешь?

– Валяй, перечисляй, что конкретно тебя в моей фигуре не устраивает! Можешь подробным списком – чего мелочиться! А потом еще в рабочий чат скинь, вдруг кто из дорогих коллег пунктов добавит! Стыдите меня, стыдите!

Черкасов неожиданно поднялся:

– Самохина, ты чего завелась с пол-оборота? Или я на большую мозоль наступил?

Прямо-таки в точку попал – на большую! Стас частенько намекает да в последнее время уже прямо говорит про мои лишние килограммы и сантиметры. Мол, современные девушки должны успешно совмещать карьеру с регулярными тренировками и уходом за собой. А когда однажды я потыкала пальцем в его уже заметный живот, Стас мгновенно его подобрал и на полном серьезе заявил, что к мужчинам это не относится.

Получается, сейчас я психую не из-за Артемова замечания, а высказываю возмущение своему парню. Заочно. Очно я его берегу, ведь Стас такой обидчивый...

Ага, а ты-то свою обиду потихоньку переживешь. Или выплеснешь вон... на Черкасова!

Артем взмахнул рукой, собираясь продолжить, но тут же, скривившись, схватился за плечо. Признался:

– Вот лично мне габариты Шварценеггера вчера бы оченьгодились!

Фу-ух... Частично успокоенная его шуткой, частично чувством вины, я хмыкнула:

– Что, укатали сивку крутые горки?

– Если бы горки, а то ваш фамильный шкаф! – Артем снова рухнул в кресло. – Ну, говори скорей, что с этими твоими нашлепками делать? Прилепил и носи, пока не отвалятся?

– Ну да, примерно так... – бегло изучила я инструкцию одного из пластырей. – У тебя сегодня, случайно, никаких важных встреч нет?

– А что? Пластыри подпортят мою репутацию?

– Ну, в некотором роде. Судя по составу, будешь благовонять, как целый аптечный киоск...

Артем повел плечами и вновь сморщился:

– Но все равно до вечера я это терпеть не намерен! Лепим!

И решительно начал снимать одежду.

Я наблюдала за ним, пока Черкасов не бросил:

– Что, глаз не можешь отвести?

– Ага, – язвительно отозвалась я, направляясь к выходу. – Пойду сейчас музыку для твоего стриптиза включу!

– Какая подготовленная! – не остался в долгу Черкасов. – Видно, частенько на голых мужиков глазеешь!

– Это уже порно!

– Профессионалам виднее...

Я обернулась от двери. Артем с размаху прилепил парочку пластырей повыше лопаток и теперь, изгибаясь то так, то сяк, пытался пристроить следующий на поясницу. Сейчас скомкает пластырь, фиг же потом раздерешь!

Я не выдержала:

– Давай лучше я!

Артем оглянулся:

– А. Давай.

Я переняла у него пластырь, сообщила нравоучительно:

– Клеить нужно не абы как, а именно на больное место.

– Больное, больное, – согласился Черкасов. – У меня сегодня все больное... Ой!

Это я для проверки ткнула его пальцем в спину.

– Больно? И здесь?

– Ох...

– А здесь?

– Самохина, ты садистка! Клей уже скорей!

– Я садистка, ты поэт...

Я аккуратно приладила ему пластырь на поясницу.

– Еще упаковка осталась?

– Да, вот.

– Где сильнее всего болит?

– Я ж сказал – везде!

Кожа плотная, никаких тебе жировых валиков на боках, ни пивного живота. И мышцы... имеются. Твердые. Еще больше напрягающиеся под моими прикосновениями.

Не оборачиваясь, Артем задумчиво вопрошал пространство:

– Мне кажется или некоторые сейчас пользуются случаем и меня лапают?

– Размечтался! – Я от души шлепнула пластырь на первое попавшееся место.

Взревевший Черкасов повалился в кресло, изгибаясь и потирая спину.

– Напомни в следующий раз, чтобы не доверял тебе меня лечить! И вообще больше никогда не занимался благотворительностью... в виде сдвигания фамильных гробов!

– Благотворительностью?! – Я уперла руки в боки. – Да моя мама накормила тебя до отвала и еще выдала ссбойчики на целую неделю! Это что, нечитово?!

Артем глянул мне за спину и, растянув губы в улыбке, приветственно помахал рукой. Я обернулась: из-за стеклянной перегородки на нас тараторились вернувшиеся с обеда коллеги.

Пришлось тоже лучезарно улыбнуться и пошевелить пальчиками – не прятаться же под стол, в самом-то деле, тем более что ничем предосудительным мы не занимались!

– Считово-несчитово... – Черкасов потянулся за своей одеждой. – Спасибо за экстремальное лечение!

– Вэлкам.

Я уже опять отправилась к двери, когда он обронил:

– Все у тебя хорошо, не парься!

– А? Ты о чем? – оглянулась я.

Уже застегнувший рубашку Черкасов не отвел – сосредоточенно боролся с галстуком.

Я предложила заботливо:

– Помочь?

– Иди вон лучше с наших коллег деньги собери... За погляд.

Сегодня задержались уже двое: я и Кристина. Я-то – понятно: хотела опять втихушку поучиться. А Лазарева остается допоздна или в выходные, лишь когда горит большой проект. Сейчас вроде ничего такого, обычная текучка, так нет же: все разошлись-разбежались, даже веду-

щий, благовонявший своими пластырями, благополучно отбыл, а эта как сидела, так и сидит!

В конце концов пришлось признать, что мои уроки сегодня накрылись, и отключить комп. Кристина наблюдала за моими сборами. Было очень неудобно: до этого меня традиционно не замечали.

Наконец, одевшись, я сообщила чуточку заискивающе:

– Ну, я пошла. До завтра, Кристин!

– Женя, подожди немного. У меня к тебе серьезный разговор.

Уй. Я прижала к себе сумку щитом, судорожно вспоминая, когда и где успела накосячить. Или мне это пока еще неизвестно? Наша Снежная королева обычно придерживается образа цивилизованного менеджера – то есть делает выговор проштрафившемуся исключительно с глаза на глаз. Типа, бережет его самолюбие. Может, оно и правильно, но лично мне от того не легче.

– Да?

Кристина отъехала от стола на кресле и скрестила на груди руки. Окинула меня с головы до ног оценивающим взглядом, прямо как Черкасов раньше. О, кажется, его «все у тебя в порядке, не парься» – вынесенный вердикт после того самого осмотра. Я даже фыркнула тихонько: ну спасибо, утешил!

Похоже, Кристина отнесла смехок на свой счет, потому что прищурила красивые ледяные глаза. Сейчас мне мало не покажется!

Однако первые ее слова были настолько неожиданными, что я чуть сумку не уронила.

– Женя, мне не нравится, как ты ведешь себя с нашим ведущим!

– С ведущим? Это с Артемом, что ли? – глупо переспросила я. – То есть с Черкасовым?

– Да, с Артемом Черкасовым. Ведущим архитектором, – подчеркнула Кристина.

– А как я себя не так веду? – пробормотала я, прикидывая, не поделился ли Артем с ней эпипеей передвижки фамильного памятника Самохиных.

И ведь не поспоришь: мы втроем (я, мама и шифоньер) и впрямь на целый день вывели ценного работника из строя.

– Если ты насчет сегодняшнего, то Артем... в смысле, наш ведущий... он сам не мог поставить себе пластырь на спину, и...

– Да, сегодняшний случай тоже показатель, как легкомысленно ты относишься к его имиджу в частности и имиджу «Ориона» в целом! Хоро-

шо, что подобную сцену застали только мы и все в курсе, что у вас двоих исключительно приятельские отношения. А если бы увидели наши клиенты? Что бы они подумали о нашей фирме?

Ну, наверное, что здесь филиал стриптиз-бара? Вообще, конечно, странно: раздевался-то Черкасов, а жучат сейчас почему-то исключительно меня! Кстати, он мог это все свободно проделать в мужском туалете. Еще и попросил бы там кого-нибудь пластыри наклеить. А может, наш ведущий – тайный эксгибиционист? Я прикусила щеку, чтобы не захихикать, как это часто случается со мной в самый неподходящий момент. Вроде этого.

Между прочим, отлично поставленная у Кристины речь: четкая, никаких тебе заиканий, повторов, сленговых выражений и слов-паразитов! Может, она все свои разности предварительно формулирует-записывает, а потом заучивает, репетируя перед зеркалом?

– Мы, конечно, знаем, что вы бывшие однокурсники и что именно Артем Игоревич порекомендовал Михаилу Юрьевичу взять тебя на работу. Так что и гендир, и мы, и он сам ожидали от тебя многого, но, к сожалению...

Тут Кристина в первый раз сделала паузу. Очень многозначительную. А мне вдруг стало совершенно не смешно: уж слишком ее слова совпали с моими недавними мыслями.

– ...к сожалению, ты эти ожидания не оправдала. Очень надеемся, пока. Потому что твои сегодняшние обязанности может свободно выполнять обычный стажер без законченного высшего.

Опять в точку: я ведь недавно думала о себе как о девушке на побегушках... Но что значит «мы»? Кристину что, делегировали выступить с этим заявлением на каком-то тайном совещании коллег? Юлька, насколько я помню, только посмеялась: «Ну вы даете!»; Алексеич, покачивая головой, скрылся в своем закутке; Макс отпустил какие-то шуточные замечания, которые Лазарева оборвала ледяным: «Обеденный перерыв закончился, хватит болтовни!» Нет, явно сама сделала слона из мухи... то есть из наклеивания пластырей.

– Кристин... – начала я, не слишком представляя, что собираюсь произнести: объяснить, что она все не так поняла? извиниться за лечение ее драгоценного ведущего прямо на рабочем месте? и заодно уж и за собственную некомпетентность?

Но Кристина, оказывается, еще не закончила.

– Так что единственное, что от тебя пока требуется, – придерживаться делового стиля общения. А все личные – дружеские и прошлые – отношения оставлять за порогом. Это все, что я хотела тебе сказать.

Я молча смотрела, как коллега поднялась, взяла уже собранную сумочку, накинула куртку и прошествовала к выходу; похоже, давно уже не работала, выбирая время для выступления со своей пламенной речью! Интересно, почему так долго тянула – аж половину вечера? Или наша Снежная королева не такая уж спокойная и ледяная, как кажется? Или?..

– Приревновала ко мне Черкасова?

Я не успела проконтролировать озвучивание своей внезапной догадки: что-то, а уж лгать я умею!

Остановившаяся Кристина неторопливо обернулась ко мне:

– Что ты сказала? Я не расслышала.

Под таким взглядом или сразу бухаться на колени, вымаливая прощение, или переводить все в шутку. Я, увы, не сделала ни того ни другого – молча уставилась на нее в ответ: да все ты расслышала! Слишком уж обидны были ее слова о девочке, которая с легкостью меня заменит.

Кристина преувеличенно громко и утомленно вздохнула:

– Самохина (с ее стороны это уже буквально грубость: обычно она всех называет по имени или имени-отчеству), ты в зеркало-то хоть иногда смотришься? Ревновать – к тебе?!

Снова пренебрежительный взгляд с головы до ног, четкий разворот через левое плечо, словно Лазарева когда-то служила в армии, звук каблучков в пустом гулком коридоре...

Уф-ф... Я шлепнулась в кресло обратно, расстроенная и сердитая. Машинально принялась стучать себя по груди: при всяческих конфликтах и несправедливых обвинениях у меня там образуется тяжелый камень из обиды, злости, бесвязных слов, невысказанных встречных обвинений. Вообще не понимаю, каким образом скандалисты умудряются получать в ссорах бонусы в виде прилива энергии и удовлетворенного самолюбия! Тут сердце колотится, дышать трудно, заикаешься от негодования; потом долго переживаешь, подыскиваешь язвительные словечки или, наоборот, взвешенные разумные доводы. Да, я из тех, у кого остроумие просыпается на лестнице...

И к чему я это сказанула, действительно? Понятно, что Лазарева давно на нашего ведущего глаз положила, и понятно, кого бы из нас двоих Артем выбрал... если б ему вообще такое в голову пришло. А может, они давно уже встречаются, только скрывают свой офисный роман? Вон на прошлой работе имелась парочка сотрудников, так успешно шифровавшаяся, что мы узнали, что они давно в отношениях, лишь когда в фирму пришла разъяренная жена...

Ну, встречаются – и на здоровье! Дело в другом. Я ведь как-то не задумывалась, что своей... невыдающейся работой подвожу не только Черкасова, но и остальных тоже. Давно, наверное, за моей спиной косточки перемывают... Ага, и так радостно свесили на меня всю черновую рутинную работу, которую до того делали сами! Ладно, не буду себя накручивать дальше. Вычленим основные претензии Кристины: моя работа и мои запанибратские отношения с Черкасовым. А когда, кстати, я себя с ним вела «не так» при всех? Ну, не считая сегодняшнего офисного лечения? Что-то не припомню...

Ну, хватит сидеть – и так сегодня ничего доброго не высидела: учеба сорвалась, Кристина сорвалась. Или не сорвалась, а давно уже готовила эту речь? Тьфу! Правда, хватит! Лазарева уже и думать обо мне забыла, а я тут все соплежуйством занимаюсь!

Вспомнив пренебрежительный взгляд коллеги, подошла к зеркалу и уставилась на свое отражение. На меня напряженно взидала дева юности не первой, одетая во вполне приличные, но обычные джинсы-свитерок под коротким пальто позапрошлого сезона. Ну и что во мне не так? Глаза – имеются, когда подкрашены – еще как имеются! Серые. Нос – ничем не выдающийся, но и не кнопка. Губы... правильные. По-моему, очень и очень ничего. Волосы прямые, до лопаток, тонированные. Фигура... Похвастать особо нечем, но, опять же, лучше поверю Черкасову, чем всяким снежным красавицам и постоянно желающему меня улучшить Стасу.

Я скорчила зеркалу рожицу. Короче, имя девушкам, как я, легион!

Пришлось заесть незадавшийся вечер разогретыми блюдами из соседней кулинарии. При чем поглощала я фастфудовские вредные вкусы с неким алогичным злорадством, адресованным одновременно моему любимому парню

и дорогой моей коллеге: вот глядите, ем, что и сколько хочу, невзирая на всю вашу критику и унижающие мое женское достоинство замечания!

Уф. Переборщила с доказательствами, а попросту – обожралась. Надо было разделить порции пополам, на два дня хватило бы... О! Совсем забыла про судки с маминым ужином! Ну, теперь придется одолевать их завтра...

Перебралась на диван – к телевизору и ленте новостей в мобильнике. Надо бы, конечно, взять абонемент в соседний спортивный центр, хоть пару-тройку раз в неделю ходить в бассейн и что там у них еще есть. Отлично сознаю, что эти мои вечные планы – из области ненаучной фантастики, но такие мысли очень успокаивают. Ведь перестроить мышление – перестроить и поступки, а следовательно, и саму жизнь! Так говорят все эти психологические и прочие коучи. Сознаю, что сама я для спорта смогу подняться только после долгой внутренней борьбы или мощной дружеской поддержки в виде живительного пинка и конвоирования в наручниках до места тренировки. Вот со Стасом бы я пошла со всем удовольствием и через не могу!

Кстати, надо ему позвонить: вдруг случится чудо и он готов со мной встретиться на днях? Ну, или хотя бы поболтать.

Начинать надо осторожно:

– Стас, привет, ты не занят? Говорить можешь?

Чудо малюсенькое, но все-таки случилось: любимый оказался не слишком занят и даже в хорошем настроении. И посему милостиво согласился пообщаться. Правда, отвечал только на навоящие вопросы: как самочувствие, дела на работе, какие новости – но зато подробно. Я вникала, охала, смеялась, уточняла детали – как и полагается любящей женщине. И параллельно думала: рискнуть спросить, когда мы наконец встретимся? Вдруг опять разозлится, вон сколько у него дел и проблем, я между ними никак не могу втиснуться. А может, он и сам сейчас вспомнит-оценит, какая внимательная и заботливая у него девушка?

В разговоре наступила крохотная пауза. Я ждала.

– Ну, а у тебя что нового? – наконец спросил Стас.

Быстренько перебрала в уме события последних дней. Разбила колено? Порвала колготки? Поддала джина и спьяну названивала всю ночь Черкасову на так и оставшуюся неизвест-

ной мне тему? Осваиваю (ну, во всяком случае пытаюсь) новую профессию? С помощью Черкасова. Вчера двигали наш «фамильный гроб»? Опять же, вместе с Черкасовым. Нет, про «фамилию» нельзя! Стас всегда заметно напрягается, когда я рассказываю про наши семейные события или про то, что надо помочь чем-то маме или брату: ему кажется, что таким образом его втягивают в семью, навешивают обязанности и прочее-прочее, чего там еще так опасаются мужчины...

О, повеселить его историей, как меня сегодня внезапно обвинили в посягательстве на святое – на тело и репутацию того же самого Черкасова? Но вряд ли мой любимый парень весело посмеется, узнав, что его девушка с удовольствием разглядывала полуголого мужика и даже (о, ужас!) трогала его, хоть и исключительно в лечебных (хм, ну, по большей части) целях.

– Ты знаешь, – вполне искренне сказала я, – да как-то ничего особенного у меня не происходило!

После того как Стас распрощался этим своим коронным «пока, целую, созвонимся», так и не пригласив меня на свидание, я некоторое время бездумно переключала телевизор с канала на канал, не вникая и не вслушиваясь. Потом решительно поднялась и потопала на кухню. Все-таки мамины пироги следует есть хотя бы сравнительно свежими!

Да и вообще – к чему иметь тонкую талию, если ее некому обнять?!

ПЯТНИЦА

М-да... Вчерашний мрачный марафон, конечно, поднял мне настроение, зато утром отразился на фигуре: живот выпирает, а от выпитых под тортик литров чая не только ноги опухли, но и образовались мешки под глазами. Спорим, Черкасов решит, что это опять из-за «чоканий с зеркалом», а Кристина – что я всю ночь рыдала от ее проповеди? Ну и ладно! Вспомнив старый рецепт, кинула ложки в морозилку. Оделась (сегодня ничего обтягивающего!), залила в далеко не пустой желудок кофе, повбивала по массажным линиям лифтинг-крем и принялась прикладывать к векам ледяную ложку. Сразу заломило кости черепа, мозг, наверное, тоже от холода съехался (куда уж больше?), зато я окончательно взбодрилась и отеки на глазах исчезали прямо на глазах (каламбур!).

Красилась я сегодня тщательней обычного, спасибо Лазаревой, укладка тоже получилась классной. Правда, ноябрь мой новый привлекательный образ не заценил (не узнал, наверное) и живенько навел свой мейкап – осенне-природный. При взгляде на отражение в вестибюльном зеркале оставалось только тяжело вздохнуть: все старания псу под хвост. Нос от холода красный, щеки, исхлестанные ветром, тоже горят, от туши (ну и где ее водостойкость?) черные точки по векам, о прическе даже сказать нечего, потому что ее уже попросту нет... Я как раз пыталась расчесать потяжелевшие от влаги перепутанные пряди, когда в зеркале за моей спиной возник Черкасов. Вовремя – как раз чтобы лицезреть меня во всей моей природной красе!

Глядя на его отражение, я растянула губы в улыбке и пошевелила пальчиками:

– С пятничным приветом, господин ведущий!

– Привет-привет, – отозвался тот.

Думала, он, как обычно, на скорости сквозанет к лифту, так нет, торчит за спиной, наблюдая, как я пытаюсь стереть следы от туши. И правда, где он еще на такое зрелище полюбуется? Решительно взлохматив остатки былой прически, я повернулась к нему и несколько раз выразительно потянула носом.

– Ты чего это ко мне принохливаешься? – поинтересовался Артем. – Вчера не пил, веществ не употреблял, курить давно бросил!

– Да пытаюсь определить, снял ты пластыри или нет. Вроде еще пованивает...

– Вот спасибо!

Артем направился к лифту. Подждал, когда очередная пробка из офисного планктона рассосется, а не меня, как могло показаться.

– Парочку для тебя оставил, можешь сегодня содрать вместе с кожей. Заодно и душу отдашь.

– А, так ты у нас мазохист, понравилось вчера? Ну уж нет! Ты же, как выяснилось, неприкосновенный запас и достояние нашей фирмы! Не то что прикасаться, даже говорить с тобой имеют право только достойные такой чести избранные! Ну, или по особому разрешению.

Черкасов размышлял недолго.

– Кристина? Это она тебе что-то вчера наговорила?

– Я тебе ничего не рассказывала! – пробурчала я, уставившись на указатель этажей.

Вряд ли, конечно, он будет разборки с Лазаревой устраивать: в обычные склоки-дрязги со-

трудников Черкасов никогда не лез – если те не мешали рабочему процессу. Но выдать под настроение что-нибудь нелицеприятное в таком ключе может. И, чего доброго, Снежная королева решит, что задела меня за живое, раз я побежала ябедничать!

– Ни словечка не сказала! – заверил Черкасов. – Просто не обращай на нее внимания, у Кристины характер такой...

– Характер! – ворчала я, выходя из лифта. – У тебя характер, у Кристины характер, у Стаса характер... А у меня, значит, никакого характера, если я «все терпи и не обращай внимания»?

Приостановившийся Черкасов заявил с неожиданной серьезностью:

– Ну так не терпи! Выскажись, поставь всех нас на место. Мужика вон своего брось, если сильно загоняет... Сделай хоть что-нибудь!

Я аж рот раскрыла.

– Ничего себе советики с утра пораньше!

Артем прищурился:

– Что, не нравятся? Тебе решать, конечно! А мне решать, кого поставить на следующий проект! Так что готовься! – И пошагал себе к офису.

Ой-ой-ой! Опомнившаяся, я – два таких удара за нынешнее утро! – кинулась за ним вприпрыжку.

– Артем, погоди! – влетела в кабинет следом, прихватила за локоть. – Давай сначала все обсудим, а?

– Давай-давай, – согласился он, неожиданно похлопав меня по руке. – Только лучше после работы, хорошо? Доброе утро, коллеги!

Я наконец заметила четверых глазевших на нас сотрудников и отпустила Артемов локоть.

– Всем здрасте! Артем... Игоревич, а почему вечером-то? Давай сейчас поговорим!

– Потому что сейчас мне некогда! – отрезал Игоревич. – Макс, зайди ко мне через пять минут по козыревскому заказу.

– Есть! – очень бодро (зарядку, что ли, по утрам делает?) отозвался тот.

А я в расстроенных чувствах сунула в шкаф мокрое пальто и, ероша мокрые же волосы, шлепнулась в кресло. То, чем Черкасов меня уже давно пугал, свершилось: мне дадут собственный проект! А-а-а!

Проходивший мимо с планшетом Макс наклонился и интимно прошептал – на весь кабинет:

– Успели уже поссориться с утра? Ну ничего, ночью помириться... Гы-гы.

– Макс, ты натуральный дебил! – зашипела я. – Мы же по работе!

Максим ернически покивал: мол, мели, Емеля, твоя неделя! Я воровато покосилась на Кристину. Лицо – ледяное, но пальцы лупят по клавиатуре так, словно она с каждой клавишей втыкает иголку в куклу вуду имени меня. Я поежилась. И ведь не объяснишь, что все не так, как показалось... И пришли мы с Артемом раздельно (в смысле, из разных домов), и вовсе не отношения сейчас выясняли, а мой последующий провал со следующим проектом.

Уйду, неожиданно решила я, хотя ни разу за этот год об увольнении не думала. Хватит позориться и Черкасова позорить! Ну ясно же, что не потяну я.

Просто ни-че-го не потяну.

* * *

Целый день пыталась перехватить-зажать Артема в укромном уголке, причем с совершенно не романтической целью – поговорить о работе. И увя мне: наш адский ведущий, как матерый волк, уверенно избегал всех моих ловушек. Потому я окончательно пала духом и принялась ожесточенно, но украдкой искать вакансии в других архитектурных фирмах. Подходящего варианта, как водится, не нашлось, но хотя бы душу отвела: ничего-ничего, работа по городу есть, не пропаду, если что!

К вечеру нам злодейски позвонили-озадачили из головного офиса: мол, бились мы, бились, теперь вся надежда на вас (перевод: ваша очередь мучиться). Случай практически анекдотичный, но совсем не смешной. Когда-то для одного периодического долгостроя закупили плитку и даже успели частично выложить холлы первых этажей; пора продолжать строительство, но никто не в курсе, сколько ее закупили, документы частично утеряны, плитка (наверняка) частично разворована, а частично уже уложена. Сметчики и бухгалтеры уже все волосы у себя на голове повырывали, за чужие взялись: никак не удастся постфактум просчитать в программе, сколько было, сколько есть и сколько еще нужно! Приходится вручную.

Раз за разом посылали стажеров, в последнее время – уже в компании специалистов, но у всех постоянно получается разное количество. И тут наших дорогих головных коллег осенило: а чего это некоторые отдельчики отдельно прохлаждаются, не участвуя в общем кипише? И по-

тому в конце рабочего дня (и рабочей недели!) спустили указание: сверить с документами, сколько плитки есть на складе – не убыло ли с визита последнего счетчика-учетчика, проверить на месте, сколько уложено и – кстати, заодно! – сколько требуется заменить уже разрушенной.

И, как водится: к понедельнику чтоб усе було!

Страсти разгорелись не на шутку. Все разом пожалели, что не удрали сегодня пораньше – на курируемый объект, на встречу с застройщиком, на... Да просто куда подальше! Не архитектурское это дело, кричал Макс, разыскивать пропавшие материалы, это дело строителей и бухгалтеров-материалистов. Или студентов-стажеров. И конечно, совершенно не дело визуализаторов, кивала Кристина. А мне завтра дочку в платную клинику вести на полное обследование, целый месяц очередь ждали, специально в нерабочий день записывалась, причитала Юлька. Только опытный Алексей Алексеевич традиционно помалкивал, лишь иногда похмыкивая и побуркивая в знак солидарности: просто ждал, пока молодые сотрудники довозмущаются до хрипоты и смирятся с неизбежностью того, что все равно кому-то придется жертвовать выходным.

67

– Так, – наконец взяла дело в свои решительные руки наша Снежная королева. – Мы можем обсуждать это хоть до ночи, но кому-то придется пойти. Юля отпадает...

Хоть и с недовольными вздохами и мысленным ворчанием, мы все же согласились: дети – святое!

– У меня, как вы знаете, визуалка горит – с этими вашими бесконечными переделками, элементарно не можете с заказчиками справиться! Все тоже должно быть готово к понедельнику. Так что я тоже отпадаю.

Ткнув нас носом в нашу профнепригодность, Лазарева уставилась выжидающе. Я молчала. Только-только позвонил Стас: мол, наконец-то разгреб свои завалы на работе, готов со мной встретиться. Когда именно? Сегодня совсем без сил, в субботу или воскресенье, там видно будет... Вроде и хорошая новость, нужно кричать «ура!» и в воздух чепчики бросать, но как представишь, что все выходные будешь сидеть на телефоне, ожидая его звонка, а потом вдруг окажется, что планы переменялись, всплыло что-то неотложное, а меня ведь всегда можно задвинуть на полку – и такое бывало...

– Разделиться, – наконец подал голос «домовой». – Один на склад. Другой на площадку.

– Да-да, хорошая идея, – с облегчением затараторила уже ничем не рискующая Юлия, – чего вам целых два выходных дня терять!

– Я на склад. Только в субботу, – продолжил Алексеич. – В воскресенье тещин юбилей. Пропустить никак.

– Теща – это святое! – согласился Максим.

Хорошо бы срочно завести таких же лояльных ко мне родственников. А то представляю, что сказала бы мама, попроси я ее отмазать меня от работы в выходные! «Надо постараться, хорошо зарекомендовать себя в коллективе, потом отдохнешь, на пенсии!» До пенсии еще дожить надо! Если она вообще у нас будет.

Хорошо, конечно, что Алексеич взял на себя склад: ворочать коробки, а некоторые еще и потрошить – дело спиноломательное. Но и уже уложенную плиточку пересчитывать – мягко говоря, устанешь.

Мы с Гончаровым глядели друг на друга без всякого энтузиазма: у него тоже был дефицит понимающей родни, а другую убедительную отмазку придумать он просто не успел.

– Жребий? – предложил Макс.

Я неохотно кивнула: ни в карты, ни в любви, ни в лотерею мне традиционно не везет. Но вдруг наконец?..

Никакого чуда не случилось, и теперь я уныло смотрела на крестик, которым была помечена вытянутая мною бумажка: символический знак на одном из моих выходных дней...

– Во что играете? – поинтересовался возмущительно безмятежный Черкасов, вышедший из своего кабинета: все наши «думские» дебаты он, как ведущий специалист, преспокойно пропустил.

– Да так, кто из нас пойдет плиточку считать...

– А, ту самую? Ну и кто же этот счастливчик?

Кристина кинула на меня взгляд, который иначе как злорадным назвать было нельзя.

– Да вот наша Женя вызвалась!

«Вызвалась», как же!

– И я, – буркнул Алексеич, таща перед собой портфель, словно пропуск на выход. – На складе буду.

– Ай, молодцы! – одобрил нас обоих Черкасов, поправляя шарф. – И в какой день займешься этим богоугодным делом?

Поскольку наш «домовой» уже испарился, вопрос был адресован исключительно мне. Я

глянула в мобильник и успела прочесть сообщение, пришедшее вовремя, как подсказка стоящему у доски: «Давай все-таки в субботу, часам к трем-четырем». Ну, значит...

– В воскресенье.

Ведущий архитектор потрепал меня отечески по плечу:

– Самохина, ты справишься! Я в тебя верю.

И продефилировал расслабленной походкой из офиса вон.

Злодей.

СУББОТА

Все-таки главное для женской красоты – долгий здоровый сон! В этом я еще раз убедилась, открыв глаза в одиннадцать утра субботы. Пятничный вечер прошел мирно, без запоев и заедов, и потому немного припухшее лицо – ото сна, а не от излишеств. Но зато какое свежее и розовое! Неспешно расправившись с бутербродом (прогресс по сравнению с рабочими днями, когда мой завтрак состоит из одного кофе), я лениво заглянула в холодильник. Прикинула, что можно приготовить на обед без особого напряжения, ибо после сорвавшегося прошлого свидания шевелиться лишний раз не хотелось. А не накормить ли мне моего долгожданного глазуньей из двух яиц? А что, полная тарелка животного белка плюс соленая капуста с лучком, натуральные овощи! Чем не здоровое питание?

Я вздохнула: жаль, Стас не оценит. Ладно, сделаем ход конем: закажу мясное в соседней кафешке, рис, так и быть, отварю, да какой-нибудь интересный легкий салатик настрогаю. Алкоголь Стас обычно приносит сам, как и обязательный шоколад. Темный, хотя я каждый раз напоминаю, что люблю молочный, – мне все время втолковывают, что нужно исправлять свой вкус, ибо горький гораздо полезней...

Взгляд остановился на бутылке из-под джина, до сих пор торчащей на сушке. А Стас-то не знает... Потянулась выкинуть, но, видя закрученную крышку, передумала. Имеется у нас с подружками давняя традиция: кому достаются последние капли алкоголя, шепчет заветное желание в опустевшую бутылку, накрепко затыкает пробкой (закручивает крышкой) и хранит до исполнения. Совершенно не помню, что я загадала, но что точно загадала – уверена на сто процентов. Ладно, если просто миллиард долларов или суперуспешный будущий проект, а вдруг что-

то другое?! Нет, надо припрятать, пусть лучше постоит дома от греха подальше!

Так же неспешно, в ритме вальса, убрала разбросанные вещи, смахнула скопившуюся за неделю пыль, прищурила свои прекрасные (накрашенные), лишь немножко близорукие глаза и решила, что дома у меня чисто и уютно.

К трем часам я последний раз заглянула в духовку, полюбовалась на сервировку стола, проинспектировала в зеркале макияж. Все готово, все отлично, сейчас и Стас подъедет...

О, звонок! Но не в дверь.

Уже понимая, что это значит, но все же надеясь, что мой молодой человек названивает, чтобы узнать, какое именно вино я хочу к обеду, схватила мобильник и затараторила:

— Алло? Стасик, ты где? Уже близко?

— Знаешь, — расслабленно заявил любимый мужчина, — я тут только недавно проснулся, еще в кровати валяюсь, неохота одеваться и тащиться к тебе через весь город. Так что давай все переносить на завтра...

— Но как же? — растерялась я, машинально показывая на накрытый стол. — Я уже все приготовила, как ты любишь, жду тебя, жду...

— Ну, так засунь еду в холодильник, — порекомендовал сонный голос. — Завтра и опробую.

— Но завтра я не смогу...

— Что, опять сборище твоих подружек? Да гони ты их всех в шею, сколько раз тебе говорить! Вот присосались! Семейные пусть лучше вон своими семьями занимаются, а с безмужними нечего компанию водить, сама старой девой останешься!

Я поджала губы.

— Похоже, ты уже вполне проснулся, раз опять за моих подруг взялся! Так что поднимайся, одевайся и приезжай! Я подожду.

— Я же сказал, что устал за неделю до чертиков, хочу сегодня дома поваляться, тебе что, совсем меня не жалко? Все, давай, до завтра!

— Завтра я не могу, — повторила я ровно, хотя внутри уже все кипело. — Я работаю.

Пауза.

— Ты мне это назло, что ли? — задумчиво спросил мой мужчина. — Раз не по-твоему, пусть будет вообще никак?

Я задохнулась от возмущения:

— «По-моему»? Стас, ты же сам первый предложил субботу! И я не вру, мне завтра и правда надо работать...

— Да конечно! — с сарказмом прокомментировал тот. — Ты же у нас просто незаменимый специалист, на тебе вся фирма держится! Знаю я эту твою работу, сама рассказывала — принеси-подай!

Да, имела я глупость пару раз ему пожаловаться, что меня в бюро грузят все кому не лень! Ну а с кем поделиться, как не с близкими людьми?

За что теперь и огребаю.

— Но я реально завтра... — попыталась снова, но меня не слушали.

Не слышали.

— Я ведь давно предупреждал, что давить на меня совершенно бесполезно! Нечего тут свои претензии выкатывать и меня для собственного удобства переделывать! Не хочешь видиться — это твое решение, только потом не жалуйся и не приставай: «Ста-ас, я так соскучилась! Ста-ас, ну когда мы увидимся?» — передразнил мой мужчина противным тонким голоском. — Значит, у меня теперь и воскресенье свободный день? Отлично!

И в мобильнике — глухое молчание, равнозначное в прошлом гневному швырянию трубки на телефонный аппарат...

* * *

66

Слезы уже подкатывали к глазам, но я их загнала назад, решительно шмыгнув носом: еще одна моя привычная детская реакция на обидную несправедливость.

...Легче и проще всего нас достают самые близкие люди, досконально знающие наши слабости, страхи, сомнения: мы-то к ним, своим, поворачиваемся доверчиво незащищенным мягким брюшком...

Стас, конечно, здорово устал за неделю и спросонья, наверное, не понял, что я ему пытаюсь объяснить. Не...

Нет.

Это не первый раз. Далеко не первый. Почему-то в последнее время постоянно оказывается, что я в чем-то виновата: даже когда хочу увидиться, поболтать, приласкаться, просто провести с ним несколько часов или — о, ужас! — целую ночь. Раздражаю, отвлекаю, всегда не вовремя, говорю глупости, не тем тоном, не так смотрю, не так выгляжу... Почему-то, прежде чем позвонить или встретиться, я теперь долго собираюсь с духом, подыскиваю слова, репетирую интонации, планирую свою реакцию и поведение на случай, когда он занят, когда раздражен,

а когда, наоборот, игрив и весел: будто готовлюсь вести боевые действия с давним противником, а не общаться с любимым мужчиной...

Да точно ли с любимым? И точно ли его любимая – я?

Я кинула телефон на стол – хорошо, еще посуду не разбила! Сильно потерла лицо, забыв про макияж – да и пофиг уже! Глядела с отвращением на накрытый стол, испытывая огромное желание одним движением смахнуть все на пол, а потом еду и осколки загрузить в большой мешок – и на помойку вместе со своей обидой и не сбывшимися опять планами.

Ну уж нет!

Выудив мобильный из салата, отряхнула, ожесточенно отполировала подолом майки и решительно надиктовала голосовое сообщение в группу «Няшки и кудряшки» (наша с подругами группа регулярно переименовывается в зависимости от ситуации, например в «Загнанные лошади» или «Колобковые коровы»):

– Девки, жду вас у себя, и немедленно! С вас спиртное и сладкое.

Машка откликнулась моментально, будто только и ждала моего сообщения:

- Буду через полчаса! Есть новости!
- И у меня, наверное, тоже... – пробормотала я.
- Чего брать? Водку? Вино? Шампунь?
- Только не джин!

Ольга, живущая от меня через два дома, прислала сообщение: «Не обещаю, если сейчас малого уложу и Дениса уговорю посидеть...»

– Ну и не надо! – прокомментировала Машка бодрым голосом. – Нам больше достанется, а ты все пропустишь, бе-бе-бе!

Тут же прилетело следующее сообщение: «Ну уж нет, теперь назло тебе приду!»

И ведь правда пришла, еще и раньше нашей мобильной Марии! Скинула наброшенное поверх спортивного костюма пальто, стряхнула с короткой стрижки капли дождя и сразу направилась на кухню на запах:

– М-м-м, ты чего это сегодня расстаралась? Своего, наверное, ждала? Что, опять не смог?

– Купленное, – коротко ответила я. – А что, я уже и с подругами не могу просто посидеть?

– Для подруг ты так не напрягаешься, – заметила дотошная Ольга. – Что там у вас опять случилось?

От колебаний – пожалиться или просто забиться в дружеской болтовне – меня спас длинный прерывистый звонок в дверь: это уж точно

Машка! Прилетела – кудрявая, розовая от холода, улыбающаяся, с двумя бутылками в руках: шампанское и вино.

– И куда столько? – принимая стеклотару, построжилась я.

– А, завтра все равно выходной! – легкомысленно отмахнулась подруга.

– У кого как... – проворчала я.

– И вообще, у меня есть что отпраздновать! Собиралась завтра вас собрать, но ты уже... О, сколько наготовила! Олюсик, а ты тортик спекла?

– Конечно-конечно, – в свою очередь пробурчала подруга, – прямо всю ночь не спала, для тебя, обжоры, готовила! Обойдетесь магазинным!

Лучше всего нам удаются именно такие спонтанные вечеринки: если заранее запланируешь, обязательно или у Ольки какой-нибудь деть заболеет, или у нас с Машкой обстоятельства поменяются... Попробовать, что ли, такой же вариант и со Стасом? Не пройдет: мой молчел постоянно твердит, что он человек плановый... Ага, а потом легко меняет планы! Свои и чужие...

Опять начала?!

– Так, быстро за стол, все уже остывает! Машка, сама открывая свое шампанское, я его боюсь до смерти, сейчас бокалы достану... Оль, торт пока в холодильник?

Выпили за встречу по полной: давно не собирались. Пока мы с Олей нагребали салата, Маруся без передышки налила следующую порцию.

Сказала, многозначительно улыбаясь:

– А теперь выпьем за крутые изменения в моей жизни!

– Ты поменяла работу? Ты беременна? – одновременно спросили мы.

Машка с обиженным стуком поставила бокал:

– Ну вы чего?! Вот типунов вам обеим на языки! Мы с Ильей съезжаем!

Оля поглядела на меня:

– Илья?

– Новый. Блогер, – кратко изложила я. – Маш... а зачем?

– Ну как зачем? Позвал! Говорит, столько на тебя времени трачу, блог совсем запустил, давай уже просто перебирайся ко мне!

– Как романтично! – заметила я.

Маруся сарказма не заметила, закивала всеми своими кудряшками, засияла глазами, зубами и ямочками на щеках.

– Ага! Мне первый раз такое предложение делают, вы же знаете! Так-то все норовят ко мне присоединиться.

Это правда: новые знакомцы, видя перед собой яркую блондинку с машиной и квартирой, постоянно пытаются проникнуть не только Машке в душу, но и на ее жилплощадь. Хорошо, у подруги терпения надолго не хватает...

– Сколько ты его знаешь хоть? – осторожно поинтересовалась Ольга.

– Уже второй месяц! – гордо ответствовала Машка, и мы с Олей хором пропели:

– О да-а, это сро-ок!

Выпили за срок. Сиявшая от удовольствия и новизны ситуации Маруся поведала, что они уже ведут канал вдвоем, подписчиков прибавилось, Илья говорит, у нее талант...

– А ты не сильно торопишься сходитьсь? – спросила Оля.

– Да время тут никакой роли не играет! – махнула рукой Машка. – Вон некоторые годами встречаются, а до дела все никак не дойдет... Ой! – хлопнула она себя по губам и вытаращилась на меня: – Жень, я не вас сейчас имела в виду, честно-честно!

Извинялась она и правда искренне, но делала только хуже. В прошлом году я сначала намекала, а потом уже прямо предложила своему парню: может, попробуем жить вместе? Все равно через день то ты ко мне, то я к тебе (да-да, было когда-то и такое!). Наめков Стас упорно не замечал, а на заданный конкретный вопрос ответил: пока не время. «Пока» – это же ведь не отказ, правда? Это задел на будущее?

Вот только это «будущее» никак не наступит.

Надо бы радоваться за подругу, а в душе нудит вопрос: вот почему она? почему не я, а?

Притихшая Машка гоняла вилкой по тарелке салат, поглядывала исподлобья то на меня, то на успокаивающе кивающую Олю. Не портить же настроение и событие подруге, раз у меня самой все сикось-накось складывается.

Прервав благоразумную Ольгу, советовавшую ей не спешить, узнать друг друга получше, привычки там, взгляды на жизнь, на быт, я решительно подняла свой бокал:

– Вот и узнают всё сразу на месте! Машка, за сбычу твоих планов! – И, не удержавшись, добавила: – Не получится – разъедетесь, делов-то!

Взбодрившаяся подруга подкола не заметила, благодарно закивала:

– Да-да, я тоже так подумала! Спасибо, девчонки! А давайте, я еще за вином сгоняю?

– Мне завтра на работу... – честно начала я, но всегдашняя трезвенница Оля неожиданно поддержала Марийку:

– Давай, только живо, пока мой Иванов добрый! Когда он еще согласится один с детьми посидеть.

– Дети-то и его тоже, – заметила я.

Теперь отмахнулась Оля:

– А толку? Ой, девчонки, не торопитесь ни съезжаться, ни замуж, насладитесь свободой по полной!

– Какие речи! Ольга, ты ли это?

Подруга спохватилась:

– Но и надолго все равно не засиживайтесь! Наши ровесники вовсю на двадцатилеток глядят, мы им уже перестарки! Хотя, знаешь, одна моя приятельница – кстати, ее тоже Женей зовут – аж в сорок лет себе тако-ого парня отхватила, пальчики оближешь! Может, и...

– ...и я тоже? Ты что мне, своей любимой подруге, желаешь – сороковника дожидаться?! Слушай, как же легко у Машки это получается – решения принимать! Завидую люто!

И ведь реально легко! Каждое событие или изменение в жизни, даже крушение планов, Маруся принимает не как нечто тревожное или катастрофическое, а как новое-интересное. Не то что я – опасливо, на семь раз отмерив и все равно лишку отрезав, а уж накручиваю себя каждый раз выше крыши...

Оля пожала плечами, заметив философски:

– Потому что вы разные. И ей не так уж легко, как нам кажется, и тебе не так уж трудно...

Очередную попытку рассказать, как мне все-таки тяжело, в очередной раз прервало появление Машки со «снарядами».

– Вот! – выставила она на стол пару бутылок вина. – Чтобы третий раз не бежать!

– Ма-аш, – простонала я, – мне же завтра на работу!

– Ты с ума сошла! Какая работа, завтра воскресенье!

– А у блогеров, если что, выходных и отпусков вообще не бывает, так что готовься! – злобно заметила я.

Маруся тут же мне отомстила, многозначительно поинтересовавшись: будет ли завтра на работе «мой Черкасов»?

– Что еще за Черкасов? – оживилась Оля. – Я что-то пропустила?

– Да все ты пропустила!

Машкин вариант нашей с Артемом ночной неизвестно-про-что-беседы получился таким занимательным, что даже я заслушалась. У Ольги блестящие и без того уже хмельные глаза.

– Что, правда?!

Я отмахнулась:

– Да слушай ты ее больше! Что ты, Машку не знаешь?

Вышеупомянутая Машка уже наливала следующий бокал.

– Давайте выпьем за то, чтобы у Женечки наконец случилось что-нибудь внезапно приятное... А то уже два года только «Стасик» да «Стасик» слышим, а толку от него как... от козла молока!

– Мария! – одернула Иванова.

– Что, Ольга? – уперлась та. – Не, ну правда, сколько можно-то?!

Я со стуком поставила бокал, и девчонки тут же виновато притихли.

– Ты права, – сказала я, – сколько можно? Кто добавки хочет? Мясо хоть и покупное, но вкусное.

Я уже выпила достаточно, чтобы фыркнуть на два одновременно раздавшихся возгласа:

– Жень, ты чего?!

– Женька, вы правда разбегаетесь?!

– Никто никуда не разбегается! Но вот впервые об этом задумалась...

– Так еще подумай! – с нажимом сказала Оля. – Станислав далеко не самый худший вариант...

А наша «блогерша» аж в ладони захлопала:

– Ну и молодец! Девчонки, давайте выпьем за правильные мысли!

И понесло-ось! В три голоса делились тяготами жизни с любимыми мужиками и на работе. Уже два раза звонил Ольгин Иванов с напоминанием, что та «отпрашивалась на часок», а прошло целых пять, а муж еще не кормлен, а дети сырые и сопливые... Мы с трудом удержали Марусю от следующего похода за «снарядами», а потом в четыре руки с великим трудом запихнули в такси: Машка требовала «продолжения банкета» или хотя бы ночевки с любимыми подружками, мы ведь так редко видимся...

Я пыталась застегнуть на Ольге пальто: простынет ведь, далеко идти – пятиэтажка и еще одна о-очень длинная девятиэтажка! Жаркая подруга отталкивала мои руки и все внушала не торопиться, сто раз хорошенько подумать, отно-

шения легкими не бывают, проходят разные стадии охлаждения и раздражения, думаешь, в семейной жизни все так радужно, а мужиками вообще лучше не разбрасываться, даже такими...

Я кивала и легонько подталкивала подругу в сторону дома: сама уже задрогла в одной брошенной поверх открытого платья куртке.

Ольга окончательно распрощалась, но внезапно вернулась с распахнутыми руками:

– Дай-ка обниму тебя на дорожку!

Я засмеялась. Обремененная семейством, Иванова с отвычки совсем расклеилась: хоть и продолжала рассуждать практично, но формулировала свои мысли уже не совсем связно.

Подруга покачала меня в крепких объятьях и произнесла неожиданно трезвым голосом – только излишне громким и медлительным:

– Жень, не слушай меня, дуру! Гони ты этого Стаса, пока не поздно. Он же к нашей Маруське появился по зиме, приставал грязно, еле отбилась и из дома выперла! Только тс-с-с! Она мне по секрету, не говори ей, хорошо? Спокойной ночи!

– Спокойной... – машинально ответила я, провожая взглядом тающий в мокром осеннем сумраке силуэт подруги.

69 Лифт несколько раз призывно распахивал двери на мое машинальное нажатие кнопки и разочарованно закрывал, прежде чем я догадалась совершить следующее действие – в него войти. Так же зависая на каждом движении, вставляла ключ в замок – несколько раз, пока не поняла, что он от другого замка – нижнего. Оглядела слепопосиделковый беспорядок, но, испытывая почти физическое отвращение к любому возможному усилию, просто погасила свет на кухне и шлепнулась в гостиной на диван. Уставилась на темный телевизор.

Вот так вот, значит.

Вот и вся загадка странной неприязни между моей подругой и моим же молодым человеком!

Я, конечно, уже взрослая девочка и в курсе, как часто парни, а то и мужья подруг и знакомых подкатывают к свободным девушкам, прощупывая почву: а вдруг обломится? Кто намеками, кто прямым предложением, а кто и визитами, как, видимо, случилось и с Машей. Просто говорить об этом не принято, ведь в любом случае останется виноватой женщина: кокетничала, соблазняла!

Маруся, видимо, исходила из тех же соображений, потому и молчала.

Я достала из кармана мобильник и некоторое время тупо рассматривала экран, жизнерадостно горевший весенними цветами: установила обои в противовес мрачному ноябрю. И кому я сейчас собираюсь звонить? Машке? Зачем — узнать все грязные подробности? И так все понятно. Стасу? И что я хочу от него услышать: все вранье, ничего не было, она сама на меня вешалась... Посоветоваться с мамой, как с пожившей многоопытной женщиной? Но как-то не принято у нас в семье говорить о личном. Да и знаю я, что услышу, вот прямо как вживую слышу мамин голос: ты, наверное, сама себя так повела, что Станислав решил загулять; может, ничего и не было вовсе, все болтовня позавидовавшей тебе подружки, ни к чему тебе такие ненадежные друзья; а вообще, мужчину нужно уметь контролировать и постоянно работать над отношениями... Может, не совсем так, но вывод неизменно один и тот же: во всем виновата сама...

Внезапно обнаружила, что мой палец завис над номером Черкасова. Этот-то мне сейчас к чему?! Освежающе поругаться по работе? Потребовать, чтобы он держал ответ за весь предательский мужской пол? Или элементарно пожаловаться на незадающуюся жизнь? Наверное, это и было основной темой нашей понедельничной ночной беседы...

Да ни к чему сейчас никакие разговоры!

Я наконец скинула куртку и вернулась на кухню.

Все-таки мамины гены сильны: в моменты неприятностей, нервотрепки, душевных бурь она точно так же принимается мыть, чистить, скоблить, а то и ремонт затевает. В психологии этому существует объяснение: когда мы не в силах повлиять на происходящее, то пытаемся очистить и улучшить свой маленький мирок, а через это уже получаем чувство успокоения и контроля (скорее всего, ложного) над собственной жизнью...

Так я и контролировала свой мир аж до двух ночи: перемыла всю посуду, шкафчики-столы-кафель, разгребла забытые завалы продуктов, набрала полный пакет мусора (Стаса бы туда головою!). Потирая натруженную спину и распухшие от воды руки, со стоном облегчения упала на кровать. Полежала немного, взяла мобильник и, отослав пару слов, отключилась.

Уснула я, как ни странно, моментально.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Утро началось хотя бы не в семь, как в рабочие дни, а в девять: столько раз сосчитанная плитка может и подождать. Я даже не сразу сообразила, отчего чувствую себя такой заторможенной и вялой. Еще и плечи со спиной ноют. Да, ночью же была внезапная генеральная уборка кухни! А до того девичья вечеринка, в конце которой...

Я даже зажмурилась, вспомнив, что было в конце.

...Выбор я свой, похоже, сделала. И даже не вчера. Наверное, все то время, что мы начали отдаляться со Стасом, а может, и гораздо раньше; каждый раз, когда я извинялась, подлизывалась, смирялась, звонила-писала-просила, где-то внутри — так глубоко, что и сама не чувствовала, не подозревала, — во мне вызревало решение. Просто требовался какой-то толчок, событие, которое вытолкнет его на поверхность. Вот вчера и...

Будем пытаться решать проблемы по мере их поступления. Сегодня главная задача — плитку пересчитать. Никогда бы не подумала, что буду страшно рада работе в выходной! А то так бы и страдала целый день в пустой квартире, не зная, как жить дальше. Еще и рискнула бы разобратся, кто прав, кто виноват, а то и вовсе устроить очную ставку... У-у-у, нет, вот это — ни за что! Ненавижу ссоры, скандалы, выяснение отношений... Болею от этого. К тому же, как правило, все без толку.

Так, надо строго контролировать свои мысли: во-первых, сегодня воскресенье, мой законный выходной, нечего его себе портить (и так уже ревизией плиточки испортили). Во-вторых, сегодня у меня рабочий день, а работа, как известно, сама себя не сделает. В-третьих... Ну, что-нибудь еще потом придумаю. Где там кефирчик и творожок? Поощажу нынче желудок и нервы, обойдусь без привычной дозы термоядерного кофе.

* * *

Через несколько часов я жутко об этом жалела.

Лежала без сил на полу в холле второго этажа недостроя и безнадежно смотрела на такую же безрадостную картину в стеклянной стене: сплошные, как вата, серые тучи, а непрерывно барабанившие в эту самую стену дождевые кап-

ли словно предлагали раздолбать здесь все на фиг, чтобы не мучиться.

Я была полностью с дождем согласна. Ну, стояло себе здание столько лет, никого не трогая, тихо разрушалось; нет, обязательно надо было выкупить его у разорившегося застройщика! А теперь через то страдает все наше архитектурное бюро, а конкретно сегодня еще и я!

Легендарная плитка оказалась именно «плиточкой» – мелкой мозаичной, кой только дурак такой дизайн придумал!

Я с трудом разделалась с третьим этажом, досконально пересчитав плитку на несколько раз, и малодушно вывела средний итог. Хоть бы шпаргалку дали, у кого сколько получалось раньше. А то вдруг выделюсь больше чем на десять штук, еще заставят пересчитывать... Ну уж нет, больше никаких жребиев тянуть не буду! Пойдут как миленькие остальные мучиться!

Шаги поднимавшегося по лестнице человека гулко разнеслись по пустому зданию: от лифта, естественно, была одна только шахта. Строители сегодня не работают – вот нормальные же люди! – так что это идет Василий Васильевич, сторож, дежурящий на площадке. С утра открыл мне двери, дыхнув щедро свежачком, строго велел зря свет не жечь, выше третьего этажа не подниматься, плиточку себе на ремонт в квартиру не выколупывать... И вообще пригласил в вагончик заглядывать, ежели устану или проголодаюсь, у него всё (подмигнул) есть.

Крикнула, глядя в потолок:

– Василь Васильич, рано идешь, мне тут работы реально до самой ночи!

– Судя по тому, как ты работаешь, хватит еще и до следующих выходных!

Я резко села на расстеленных на полу строительных мешках:

– Ты?!

* * *

Черкасов.

Явился не запылится!

Оглядывает фронт (с временно объявленным мной перемирием) работ, небрежно покачивая пакетом с чем-то съедобным свежеразогретым на отставленной руке.

Заклучил наконец:

– Так и думал, что у тебя еще и конь не валялся!

– Лучше бы здесь какой-нибудь жеребец и валялся, – проворчала я, – а не я. Что, контролировать меня пришел?

– Покормить.

– А?

Черкасов подошел и непринужденно уселся на мешки передо мной, скрестив ноги. Одет он был, кстати, сегодня вполне демократично: джинсы, теплая красно-сине-клетчатая рубаша под расстегнутой курткой.

– «А»! Обедать, говорю, пора.

От запахов у меня просто желудок свело, не до расспросов, зачем да почему.

Я нетерпеливо вытерла руки о пыльные джинсы и простерла их к заветному пакету:

– Золотой ты наш человек! Дай, дай скорее, а то загнусь прямо на твоих глазах!

– Вот и что бы ты без меня делала?

Впрочем, и сам Черкасов уплетал будь здоров – реакция из серии «не жалко, но убывает же»! Салат, жареное мясо, картошка и – боже, наш ведущий просто святой! – огромный стакан кофе. И заварное со сливочным кремом. Все то, что в нынешние печальные времена категорически запрещено: это же канцерогены, холестерин, жиры, углеводы! Все как я люблю.

Сложив опустошенные коробки и пластиковые приборы обратно в пакет, я сыто потягивала через трубочку кофе и наблюдала, как Черкасов слоняется вдоль стен. Объем работ изучает.

77

Доложила с бодростью, которой совсем не чувствовала:

– Третий этаж отработан! Осталась половина этого и вестибюль.

– А как ты считаешь?

Я продемонстрировала – как. Тыча пальчиком:

– Раз, два, три...

Черкасов смотрел скептически.

– А прикинуть по размеру, сколько плитки помещается в квадратный метр, и просчитать по плану помещения?

Я разозлилась:

– Думаешь, самый умный, да? А все остальные до тебя были дебилы дебилами? Погляди, какая здесь геометрия!

Черкасов огляделся снова и вынужденно признал: сложная.

– Ну ладно, давай показывай, где остановилась. Ты идешь с того конца, я с этого.

Не веря своему счастью, я осторожно уточнила:

– Артем, ты собираешься мне помочь?

– Ну а что делать? Не то будешь торчать тут до завтрашнего утра, а мне еще на следующий кофе разоряться...

– Не-не, ни в коем случае! Я ж тогда тебе такой пир закачу! – щедро пообещала я.

– Я тебя за язык не тянул!

* * *

Покончили мы с расчетами только поздним вечером. Даже Василич, которому сегодня явно не хватало компании, несколько раз наведывался: то ли проверить, не ушли ли мы, ему не сказавшись, то ли узнать, чем вообще тут, помимо работы, занимаемся. Щедро попытался «плеснуть маленько» и нам, но Черкасов отказался – за рулем, а я – чтобы реабилитироваться в глазах ведущего: не такая уж я и пьяница. Отчаявшийся сторож проворчал, что надоело ему над нами надзирать, велел, как будем уходить, постучать в вагончик и отдать ключи от входных дверей.

Мы сидели на полу уже вестибюля и при ярком освещении времянки-переноски подбивали итоги вместе со сброшенными на почту Алексеем Алексеевичем складскими данными. Сверившись с предыдущими отчетами, добытыми предусмотрительным Черкасовым, единодушно решили, что наша «циферка» самая верная из всех! Или, по крайней мере, максимально приближенная к правде.

Я с облегчением рухнула на расстеленные мешки – все равно всю одежду стирать! – и подвигала руками-ногами, словно изображая «снежного ангела» в сугробе. Простонала:

– Господи, неужели наконец-то все?!

– Я не Господи, дочь моя, но подтверждаю: все!

Черкасов аккуратно сложил в файл наши листочки с записями, расчеты, замеры и метражи, предварительно нащелкав их на мобильник. Вставить тоже не спешил – и сам ухайдакался. Сидел и смотрел на двойные темные двери выхода, из-за которых к нам неумоимо прорывалась осень. Повернув голову, я поглядела тоже: в стекле отражался вестибюль и наши неясные силуэты. Словно призрачные. Призраки людей в призрачном здании – пока оно не достроено, не обжито, будто и не существует вовсе.

Чтобы удостовериться, точно ли мы все существуем, я крикнула:

– Э-эй!

В ответ – слабое эхо.

Артем аж вздрогнул:

– Ты чего?

– Э-ге-ге-ей!

Здание отозвалось неясным, но звучным гулом огромного пустого пространства, как будто и оно радовалось, что теперь не одиноко, что история и жизнь его наконец продлятся.

– Смотри, сейчас Василь Васильевич примчится! – предупредил Артем. – Еще и со своей заветной бутылочкой: решит, его наконец-то позвали!

Я засмеялась:

– Да и пусть! Сейчас я готова хлопбыстнуть даже самогонку! Это ж какую работищу мы с тобой провернули!

Черкасов неожиданно улегся на живот, уставившись мне в лицо:

– Что, довольна? Давненько я тебя такой радостной не видел – с института, наверно. – Подумал и добавил: – И то на первых курсах.

– А на последних я взяла и резко погрустнела? – продолжила я беззаботно.

Артем скривился:

– Да нет, с этим своим связалась, как его... Ищенко.

Я от неожиданности забарахталась и впрямь как в глубоком снегу, но все-таки перевернулась на живот – нос к носу с Артемом.

– С чего ты вдруг сейчас о нем вспомнил?

– Думаешь, никто не догадывался, что ты вместо него курсовики делала? Что мы, идиоты, твой стиль не узнаём?

Я открыла рот.

– Ну-у... строго говоря, мы все-таки вместе их делали. Просто Вите... Он лучше умел защищать проекты и...

– И приписывал себе все твои заслуги! – беспощадно закончил Черкасов. – Его диплом – тоже ты?

– Ну... да.

Артем громко вздохнул-выдохнул.

– Потому и в магистратуру не попала? Ты что, не понимала, что тебя просто-напросто используют?

Поняла, хоть и с опозданием. Я, конечно, дура, но не настолько! Подозрения возникали и раньше, но на мои редкие робкие вопросы Витка расширял глаза и укорял, что я его ужасно обижаю, что у пары все должно быть неделимо, ведь это вклад в наше общее будущее. А потом целовал так, что любые лишние мысли мигом вылетали из головы... В общем, все по классике: «Ах, обмануть меня не трудно!.. Я сам обманываться рад!»

Из-за его диплома я запорола свой собственный, пришлось – с большим трудом – переносить дипломирование на осень, какая уж там магистратура, а через год я попросту махнула на все рукой: не очень-то мне она и нужна, и так проживу!

А мой «неделимый» тем временем поступил в Москве и через полгода там женился. На «коренной».

Но я даже не подозревала, что кто-то кроме моих близких друзей знает о происходящем! Конечно, не я одна в институте делала чужие курсовые и дипломные проекты, но, наверное, единственная делала это бесплатно...

Ну как бесплатно? В благодарность за любовь.

Дурацкий характер (или все-таки воспитание, которое не получается изжить?): я по-прежнему считаю, что близкие люди, родные, друзья, любимые должны помогать, заботиться друг о друге. Еще и окружающих поддерживать. Но чаще всего получается, что так считаю только я, а остальные просто принимают все как должное, совершенно не отвечая взаимностью. Или выдавая его точно отмеренными, поощрительными порциями за хорошее (нужное!) поведение. Частенько я ощущаю себя маленькой беспомощной девочкой, выпрашивающей похвалу и любовь – сначала у мамы, потом у друзей и учителей, потом у возлюбленных и сослуживцев...

Но все это – мои ошибки и проблемы, моя жизнь! Можно еще потрындеть на эту тему с близкими подругами, но уж никак не с давним однокашником, а теперь коллегой и начальником!

Я села и сердито уставилась на Черкасова.

Но не успела и рта открыть, как коллега и начальник тоже уселся, скрестив ноги, и выступил первым:

– Да знаю я, что ты мне сейчас скажешь! Что это не мои проблемы и вообще дела давно минувших дней...

Я проворчала, оглядываясь в поисках своей сумки:

– Вот и хорошо, что сам все знаешь, не придется слова, нервы и время тратить...

– ...и ошибаешься, – неожиданно закончил Черкасов.

На втором этаже, что ли, забыла?

– В чем ошибаюсь? Придется все-таки тратить?

– Думаю, как раз из-за того Ищенко у тебя до сих пор проблемы!

Ничего себе заявленьце! Собиравшаяся встать, я от неожиданности осела на пятки, уставившись на своего оппонента. Следовало показательно удивиться: какие такие проблемы? Все у меня распрекрасно, не выдумывай! Но от растерянности я только спросила:

– С чего ты это взял?

* * *

Мы ехали домой. Молча. Каждый уставился в свое стекло: Черкасов – в лобовое, я, максимально отвернувшись от него всем телом, – в боковое. Рассеянно глядела на размытые дождем огни фонарей, витрин и окон. Переживала. Нет, я уже практически успокоилась – прооралась там, в вестибюле темного недостроенного центра, поддерживающего мои вопли одобрителем эхом. Со стороны улицы, наверное, та еще была картинка: стою я, широко разевая рот и размахивая руками, как ветряная мельница, а передо мной сидит Черкасов и внимает.

Выдохлась я очень не скоро – то есть по моим меркам не скоро, ведь обычно меня хватает всего на пару-тройку возмущенных реплик. Выдохлась, охрипла и только собралась развернуться и гордо раствориться в дождливой ночи, как Черкасов поднялся и, отряхивая джинсы, спокойно заметил:

– А вот со мной ругаться и спорить ты почему-то никогда не боишься, с чего бы это, как думаешь?... Да вон твоя сумка, под моей курткой спряталась! Поехали домой.

И, распахнув дверь, выжидающе поглядел на меня. Пренебрежительно фыркнув, я прошествовала мимо него на улицу. Эффектный уход оказался испорчен: я тут же поскользнулась на нанесенной на крыльцо грязи, Черкасову еще и пришлось ловить меня под локоть.

Конечно, я собиралась уехать без него, но до автобусной остановки шлепать было далеко, а такси все как один отказывались ехать поздним вечером на строительную окраину города. Так что я просто безрезультатно металась вдоль забора в ожидании попутки, пока Черкасов закрывал навесной замок на цепях и достучивался до сторожа.

Вышел, мельком глянул на меня:

– Замерзла уже? Садись быстрее в машину.

Я с тоской глянула налево-направо на пустую и темную дорогу и сердито плюхнулась на переднее сиденье. Хорошо, Черкасов сразу включил обогрев, меня и впрямь колотило уже больше от холода, чем от злости.

Возмущение и уязвленное самолюбие – как посмел, психолог доморощенный, лезть в мою жизнь, еще и диагнозы ставить?! – до сих пор вздымались во мне, но все уменьшавшимися волнами.

* * *

...Ты была похожа на световой фонтан, сказал Артем. Идеи кидала просто влет – и какие! Да из тебя, натурально, искры сыпались! А потом этот твой м-му... мужик взял тебя и выключил.

Сравнение с фонтаном – идей и света – от нашего совершенно неромантического ведущего настолько ошарашило, что я лишь моргала в ожидании продолжения. Артем, видимо с непривычки вести такие беседы, и сам смущался: у него опять начали краснеть уши.

– Мама как-то сказала: твоя судьба зависит от человека, который идет с тобой по жизни рядом. Я тогда только фыркнул: это все ваши стариковские заморочки, наше-то поколение умное, сильное, независимое, если вдруг кто тебе существование реально портит-усложняет – развернешься да уйдешь, какая там еще судьба?! А вот, глядя на тебя, поверил...

* * *

...Почему все кому не лень тычут меня носом в мои ошибки, продолжала негодовать я. Молча. Можно подумать, никто в жизни не ошибается, не тупит, не проигрывает!

Всем-то я нехороша!

Мама в детстве-юности постоянно ставила в пример кого-то с лучшими оценками, лучшим поведением, лучшими достижениями, а теперь размахивает рекламными плакатами отличной карьеры и сложившейся семейной жизни дочерей своих знакомых.

Ищенко твердил, что я слишком уж теряюсь от внимания, въедливых вопросов и критики, потому обязательно провалю защиту даже самых классных своих проектов, лучше он все возьмет на себя... Тогда я воспринимала это как свидетельство любви, мужской заботы и защиты, хотя где-то в глубине шевелилась мысль: а почему для начала не дать мне попробовать, а не предрекать сразу позорный провал?

Не тогда ли, в самом деле, появилось чувство бесконечной неуверенности в своих силах, ведь все окружающие гораздо сильнее, умнее и успешнее меня?

Ну, про Стаса уже много чего сказано...

* * *

...Слушай, Самохина, я тут понял: был не прав. Реально дурак. Думал, попадешь опять в архитектуру, оглянешься, очухаешься, воспрянешь. А если еще и подпирать тебя в нужном направлении – вообще взлетишь. Хреновый я пока руководитель. Забываю, что каждому нужно свое: кому кнут, кому пряник... Самохина, давай разбираться, что нужно конкретно тебе. Говори, сделаем.

И смотрит на меня с честным ожиданием.

Пламенея ушами.

Тут, обалдевшая, я наконец открываю рот и говорю ему...

Вернее, ору.

* * *

– Спасибо, – буркнула я, безуспешно пытаюсь скоренько выпутаться из ремня безопасности. – Что подвез. С плиткой помог.

И за непрошенный сеанс психоанализа, да.

– Самохина.

– Ну что еще?!

Смотрит безмятежным взглядом – словно не на него только что рывкнули. И не орали почти час назад.

– Как там твоего нынешнего зовут?

– Что? Зачем тебе?.. Ну, допустим, Стас, Станислав. Чего ухмыляешься?

– И имя у него противное.

– С чего это? – вскинулась я.

Со мной покончил – за моего парня взялся? Пусть и почти бывшего...

– Мы в общаге так тараканов звали. «Стасиками».

– Почему?

Пожал плечами:

– Не знаю, так повелось почему-то. Может, у кого-то самого первого был очень противный знакомый с таким именем...

Внезапно представился Стас с длинными тараканьими усами, и я почти улыбнулась. Успокоилась, даже отстегнуться получилось без проблем.

– Он не прусак, а козел! – объявила я, вылезая из машины. – Я ему так вчера и сказала.

Вернее, сегодня ночью. Написала: «Ты козел!!!» – и заблокировала контакт. Специально сегодня поглядела: с десяток звонков и целые простыни сообщений, которые у меня пока духа не хватает прочесть. Не привыкшие мы к такому общению, да. Но зато от души.

– Вот это правильно! – одобрил Черкасов, вылезая вслед за мной. – А ведь я тебе то же самое говорил!

– Ты? Когда это?

Что-то не припомню, чтобы мы обсуждали мою личную жизнь!

– Как когда? – удивился ведущий. – Да в понедельник же ночью! Ты мне там нарасказывала... У-у-у, Самохина, похоже, ты и впрямь ничего не помнишь!

– Да, кстати! – Я протянула руку: – Дай-ка мне свой телефон, хочу уже послушать, что там было на самом деле!

Черкасов ухмыльнулся:

– Что, внезапно расхрабрилась?

– Давай, давай!

– И что мне за это будет?

– А чего хочешь? – по инерции препиралась я, уже не стремясь по-быстрому удрать домой.

Ну, раз так странно сложились мои выходные, почему не покончить еще с одним тревожащим вопросом?

Артем поглядел на окна подъезда:

– До квартиры тебя проводить.

– С чего это? – насторожилась я.

Вроде бы ничего криминального в этом предположении нет, но фиг знает, какой именно подтекст в него вкладывает данный конкретный мужчина! Мужчина ухмыльнулся, явно считав мой подтекст.

– Не бойсь, Самохина, не напрашиваюсь ни на чай, ни на кофе! Ты же после обмена любезностями с этим... надеюсь, бывшим... еще не делась? Ключ от твоей квартиры у него есть?

– Нет... – Теперь уже я тревожно уставилась на свои темные окна. – Думаешь, он может меня там поджидать? Да ну, Стас не такой!

Он слишком ленив даже для того, чтобы доехать до вкусного ужина и уютной постельки со ждущей его девушкой. А уж часами торчать у закрытой двери...

Черкасов скептически хмыкнул:

– Такой, не такой! Не он же поставил в ваших отношениях точку, тут самый смирный мужик дозреет до разборок!

– Ну... тогда лучше и правда проводи на всякий случай, – смиловилась я.

– Вот спасибо за разрешение! – Еще и поклонился, широко распахивая передо мной подъездную дверь.

Мне бы задуматься о настрое бывшего (вдруг и впрямь не ограничится гневными сообщения-

ми, а нагрянет с визитом!), но в лифте я опять начала требовать от Артема мобильник с таинственными записями: лопну же от любопытства и беспокойства, что я там еще ему сдала, пока была в неадекватности! Черкасов отнекивался, пришлось шарить по его карманам; хозяин искомого гаджета дергался, отпихивался, вереща испуганным фальцетом: «Спасите-помогите, меня помогает неизвестная женщина!» – и угрожал нажать кнопку «SOS».

Вот такую занимательную картину и увидела моя соседка Леночка в разъехавшихся дверях на нашем этаже.

– Же-еня, приве-ет! – пропела она, окидывая Черкасова любопытным взглядом.

– Добрый вечер, – сказал тот, выходя на площадку.

– Тогда уж но-очи, – томным голосом протянула соседка, уже совершенно не торопясь никуда ехать.

Артем посмотрел на таравившегося снизу пекинеса:

– Ты Пакет?

– Ваф-ф, – неуверенно подтвердил тот.

– Симпатичный, – оценил Черкасов.

И это единственное его достоинство... Я бодрой рысью обежала площадку, заглянула в нишу мусоропровода, осмотрела темные марши лестницы, ведущие вверх и вниз. Фу-ух!

– Нету? – спросил Черкасов.

– Не-а.

– Вы едете или остаетесь? – поинтересовалась Леночка у Черкасова, поддергивая поводок.

– Еду.

И мне как-то резко представилось, что они останутся в лифте вдвоем (Пакет не в счет). А потом, может, еще и гулять пойдут. Со всеми отягчающими последствиями.

– Остаемся! – выпалила я.

Черкасов поглядел на меня, вскинув брови, но подтвердил:

– Уже не еду!

Леночка наконец-то вошла в лифт, который удерживала нажатой кнопкой, и подмигнула мне из его глубины:

– Этот гора-аздо лучше!

И укатила.

Зараза!

– Вы только что прослушали мнение опытного эксперта! – победно прокомментировал Черкасов.

И уставился на меня в ожидании. Чувствуя себя идиоткой, я огляделась по сторонам в поисках темы для разговора. Тема пряталась.

– Может, все-таки чаю? – предложил Артем. Помедлив, добавил осторожно: – Или даже кофе?

Я насупилась – именно потому, что мне захотелось рассмеяться. Или даже залихватски согласиться – на чай, на кофе, на... все.

Отрезала:

– На ночь вредно!

– В общем-то да. – Артем потер двумя пальцами переносицу – привычка с тех времен, когда на носу у него красовались очки. – А, так мы же еще не договорили!

Я напряглась. Уж лучше б отпустила его с Леночкой!

– Если ты опять про мои комплексы и моих неудачных мужиков...

– Почему это неудачных? – удивился Черкасов. – Очень даже удачных. Вернее, удачливых: повезло же им встретить такую, как ты!

Сомнительный комплимент – или издевка? Опять сейчас начнет про судьбу толковать? Но вместо этого Черкасов сказал:

– С понедельника берешь следующий проект.

Из меня словно выпустили весь воздух. Я прислонилась к холодной стене. Сразу вспомнилась мимолетная мысль уйти из «Ориона». А что, квест «на выходных расстаться с парнем» практически выполнен, в начале недели еще уволиться с работы, и новая жизнь – прямо с понедельника – точно, обеспечена!

– Артем, ну говорила же, я правда не справлюсь... Ты же видел, как я...

– Почему это не справишься? Справишься. Я тебе помогу.

Я от неожиданности чуть не выпалила детский вопрос: «Честно-пречестно?!» Обычно ведущий прикрепляет меня в пару то к одному, то к другому архитектору проекта, будто... пятое колесо к телеге. Ну, будто чернорабочую. И потом попросту не обращает внимания, решая и контролируя дальнейшее не со мной и не меня.

Похоже, Артем прочел все на моей физиономии, потому что заявил: мол, он полагал, мне будет слишком неудобно работать с бывшим конкурником в роли начальника.

Я глядела на него с легкой оторопью.

– А-а-а, так ты все это время пытался быть тактичным?!

Стоило бы припомнить Черкасову все проявления его «тактичности», но в этом случае мы проторчим на лестничной площадке как раз до полуночи.

Черкасов хмыкнул – почти смущенно:

– Что, сильно достаю? Это ж я любя...

– Ага, кого люблю, того и бью!

– Просто я знаю твой потенциал и... – вновь почесал нос, – ну, это я уже говорил, ни к чему повторяться. В общем, с завтрашнего дня работаем вместе. Нет, ты работаешь, а я на подхвате. Что так смотришь? Ругаться и возражать мне ты умеешь, это мы уже выяснили, так что сработаемся.

Я продолжала безмолвно таращиться на него. Мне так редко предлагают какую-нибудь помощь и поддержку, что и не знаешь, как реагировать! А представить Черкасова «на подхвате» уж точно выше моих сил. Ситуация немыслимая, волнующая и... притягивающая. Впрочем, сам ведущий, похоже, ничего особенного в ней не видел, обронил: «Ну все, до завтра» – и направился к лифту.

Да, понедельник вновь обещает быть тяжелым...

Но интересным.

Я очнулась:

– Угу, пока. – Зашарила в сумке в поисках ключей.

А уже нажавший кнопку лифта Черкасов вдруг сказал:

– А, да! – и пошел обратно так целеустремленно, что я даже машинально огляделась, соображая, что он вдруг забыл.

Оказывается, меня.

– И-и-и... что это такое сейчас было? – еле вымолвила я, когда наконец-то смогла нормально дышать.

Соображала, правда, все равно не очень, поскольку сама намертво вцепилась в отвороты черкасовской куртки.

– Давно собирался...

– ...да все как-то подзабывал? – спросила я скептически.

Хотя подобные интонации удаются с трудом, когда тебя прижимают к твоей родной двери, губы горят от долгого поцелуя, а Артемовы глаза так близко. Представилось вдруг, как ведущий архитектор вместо традиционного «Самохина, сделай», «Самохина, а где», «Самохина, просчитай» – вдруг вспоминает: «А, Самохина, меня поцелуй!»

И я неизбежно захихикала.

– Буду считать, что это ты так радуешься, а не надо мной потешаешься! – сурово заявил Артем.

– Я совме... щаю!

– Самохина, если ты сейчас же не прекратишь хихикать, буду целовать, пока не перестанешь!

Нашел чем напугать! Но едва Черкасов приступил к исполнению угрозы, я поспешно прикрыла свой рот ладонью и сказала в эту ладонь:

– Слова!

– М-м-м?

– Мне нужны слова!

– Какие слова?

– Желательно русские. Хотя инглиш элементарно тоже сойдет. С какой стати, почему, не знаю... – Но тут же сама догадалась: – А-а-а! Я сказала, что разбежалась со своим парнем, и ты решил: зеленый свет?

– Какой свет? – Похоже, и Черкасов сейчас не слишком-то соображал.

– Этот свет! – свирепо сказала я. – Говори давай!

– Уф-ф! – Артем наконец отлип от меня и прислонился к стене рядом. – Прямо как на допросе! Ты еще мне лампу в глаза направь! И ногти маникюрными щипчиками вырви!

– Какой ты затейник, однако. Ласку еще надо заслужить!

Черкасов заржал – так громко, что я испуганно закрыла рот уже ему: сейчас все соседи сбегутся, они у нас активные; удивительно, что еще не вылезли выяснять, кто тут в подъезде болтает ранней ночью.

Артем убрал и сжал мою ладонь, сказал с досадой:

– И чего зря болтать, и так ведь все ясно!

– Мне – нет!

Черкасов длинно вздохнул и уставился в потолок:

– Так ты же с самого начала без умолку про своего... трындела: Стас туда, Стас сюда, Стас сказал... Куда там втиснешься? Хорошо, в понедельник напилась и проболталась, как у вас все... «распрекрасно».

– Артем, – спросила я со сладким замиранием сердца (ну кому такое не понравится?), – ты, может, в меня еще в институте влюбился?

Но полнейший неромантик Черкасов глядел озадаченно.

– Что-то не припоминаю такого... От твоих проектов реально тащился, да. Может, что и намечалось, но тут к тебе Ищенко приклеился... Вертихвостка ты! – сердито резюмировал он. – Бросай ты этого своего... таракана, а? Хочешь, я еще раз ту свою «рекламную речевку» зачитаю?

– Лучше поцелуй!

И Черкасов с готовностью поцеловал. Раз. И еще раз. И еще...

«Как подростки, прячущиеся по подъездам», – туманно подумалось мне. А про рубашку я ему так и не сказала... И есть ли та запись на самом деле, не выяснила...

А потом стало совершенно все равно. Даже если бы сейчас явились Лена со Стасом вместе, я бы только обрадовалась: ведь всем и все сразу бы стало ясно.

Кажется, я все-таки знаю, о чем попросила джинна...

**Вера
ЛАВРИНА**
ОБИТЕЛИ

В кромешной тьме забрезжил...

В кромешной тьме забрезжил осторожный, пронятый теплом сумрак. Он начал медленно клубиться. Спирали теней высветлялись. Раскручиваясь, они становились все прозрачнее, истаявали, уступая место ясному золотистому свету. Ульяна ощутила себя растворенной в нем. Она не чувствовала никаких границ между собой и светом, и свет был блаженством. Он освободил ее от тяжести, свербящей боли и непрестанной давящей заботы. «Почему раньше было не так? Ведь это же и есть подлинное. Это! Когда ты и свет — одно!»

Свет начал зримо сгущаться и темнеть по округлым линиям. Ульяна увидела проступившую из него проселочную дорогу, излучину реки, невысокие холмы на другом берегу. И дорога, и река, и холмы были так прекрасны и совершенны в своих изгибах. «Я люблю тихие реки, проселочные дороги, холмы, но я не знала, что и они любят меня и так внятно свидетельствуют об этом. Как? Чем свидетельствуют? Да вот этим безупречным видом. В них полнота и радость». Она пошла по дороге. Каждый шаг, поворот головы, скольжение взгляда приносили неуловимые перемены, тонкие сдвиги видимого и новые оттенки чудесных ощущений.

78

Ульяна приблизилась к берегу и низко наклонилась над водой. Из глубины всплыло отражение. Сначала не узнала себя. Не увидела прежнюю — где узкие глаза с нависшими мятыми веками, иссохшая кожа в морщинах и бурых пятнах, тяжелая складка на переносице? И вдруг вмиг поняла, что та старая износившаяся женщина была лишь когда-то прилипшей к ней маской. Что теперь наконец-то она свободна от маски и может соединиться с тем беспредельным желанным, дарящим трепет и восторг абсолютной полноты, к чему она порой так близко подступала, но оно неизменно ускользало. А теперь — нет! Они вместе!

На водной глади отражалось молодое лицо: тронутые улыбкой губы, лучистые глаза. Ульяна счастливо рассмеялась.

Одно за другим на поверхности воды стали проступать отражения контуров деревьев, облаков. Она поднялась и осмотрелась. Вверх бежала деревенская улица. Ладные пятистенки четко впечатывались в яркий свет. Ульяну охватило сладкое чувство узнавания чего-то очень дорогого, давно ушедшего невозвратно. И теперь вдруг чудом явившегося.

— Это же... Это деревня моей бабушки!

ЛАВРИНА (Правда) Вера Леонидовна родилась в Казахстане, в с. Лавровка Кокчетавской области. Окончила исторический факультет Томского университета. Стихи и проза публиковались в журналах «Огни Кузбасса», «После 12», «Дружба народов», «Наш современник», «Врата Сибири» и др. Автор более двух десятков книг стихов и прозы, учебников. Член редколлегии журнала «Огни Кузбасса». Член Союза писателей России. Живет в Кемерове.

Ульяна легко зашагала вверх по улице. У ворот домов играли дети. Их было много. Веселые крики и смех неслись от двора к двору.

Около плетня она увидела рыжего жеребенка. Тот весело перебирал тонкими ножками, качал головой.

– Какой же ты хорошенький! – невольно воскликнула Уля.

Жеребенок, словно долго дожидавшийся ее здесь, с готовностью подбежал и ткнулся мягкими губами в лицо.

– Ой, целуется! – радостно вскрикнула Ульяна и обняла его за шею.

В детстве ей часто хотелось вот так обняться и поласкаться с жеребенком, но боялась подойти близко.

– Это на-а-аш малышонок, – услышала Ульяна певучий голос.

Незнакомая девушка низко поклонилась ей.

– Ждут, ждут тебя. Вон глянь-ка.

Ульяна повернула голову. К ним быстро шла женщина в легком длинном сарафане и кружевной блузке. Уля еще не узнавала ее, но волнующее предчувствие уже охватило душу.

– Бабушка! – Ульяна кинулась ей навстречу.

Та раскрыла объятия. Бабушка нежно поглаживала и похлопывала ее по спине.

– Ты... ты так помолодела! – выдохнула Ульяна. 79

– Мы все здесь такие, доча!

«Доча... Сынок... Так бабушка называла всех маленьких и молодых. И другие женщины в их деревне так называли младших», – вспомнила Ульяна.

– Почему ты здесь? – спросила она.

– Как почему? Вышла тебя встречать.

– Ты знала?

– А как же, мы здесь всё знаем. Пойдем домой, там тебя ждут.

Они зашли в избу. Навстречу ей бросились дети.

Они вмиг облепили ее, галдя и вскрикивая:

– Уля! Уля пришла! Мы тебя ждали!

Каждый старался прикоснуться, крепче обнять гостью. Их живые лица сияли от радости.

– Сколько их! – изумилась Уля.

– Все наши, все наши. – Бабушка с улыбкой поглаживала детские головки. – А ну-ка, пострелята, – на улицу! Дайте гостье передохнуть.

– Мы хотим с Улей побыть! С Улей!

– Ну, тогда по лавкам и тихонько сидеть! – распорядилась бабушка.

Уля огляделась. Внутри изба оказалась очень просторной – с большой изразцовой печью, украшенная кружевными занавесками, вышитыми рушниками. Комната была залита плотным золотистым светом.

– А меня узнала, внученька? Деда своего?

Навстречу гостье поднялся моложавый, юношески подтянутый дед.

– Какой ты дед?! Ты парень! – воскликнула Уля, обняв своего молодого дедушку.

– Вот, прибыла наша внученька. А сейчас тетушка прибежит.

– Тетя Валя?

Тут же стукнула дверь.

– Ах ты, моя золотая! Айда ко мне, айда, моя рыбонька! – Тетя Валя ласково обняла гостью, не отпуская руки, посадила рядом с собой. – И ты теперь здесь, у нас, мой ты дитенок!

– Как у вас красиво, по-старинному! – Уля с восхищением оглядывала большую нарядную комнату.

– Мы так любим, доча, – кивнула бабушка. – Сами все ткем, вяжем, плетем да шьем. Такими рукодельницами стали, все с Божьей помощью, во всем Он нам помогает. А Валентина-то как вышивает. Увидишь потом. Садись, доча, к столу.

– Я, баб, есть не хочу.

– Да мы и не едим. Вот яблочки только грызем.

Стол был уставлен блюдами с алыми, багряными, желтыми и зелеными яблоками.

– Глянь, какие! И у каждого аромат на особинку. Возьми-ка! А я и пирожки испечь могу, блинчики. Сами не едим, конечно, но отдаем.

Ульяна уселась на широкую лавку и взяла одно яблоко. Их пряный дух витал в комнате.

Она не совсем понимала, почему она здесь встретилась со своими родными, лишь смутные догадки бродили в ее душе. Но точно знала: не надо об этом спрашивать сейчас, все откроется, обязательно прояснится. Очень скоро.

– Ну, расскажите мне, как вы здесь живете? – спросила гостья.

– Живем и Господа славим, доча. Наши крестьянские труды – все в радость, все в радость. И коровки у нас есть, и овечки, курочки. Мы за ними как за малыми детьми ухаживаем. Без дела не приучены сидеть. Кто ткет, кто вяжет, вышивает, что кому нравится, то и делает. Мы без труда не можем. Только, доча, труд-то теперь в радость, без натуги и тяжести. И все ради Господа.

– Бабушка, если вы не едите, куда все это де-
ваете: молоко, мясо? Огороды у вас большие. –
Уля взглянула в окно.

– Ну, мяса-то у нас нет, упаси Бог, мы скотин-
ку не режем. Она у нас вольная: день пасется на
лугах, вечером сама приходит. Коровку подоим,
как без этого. А все мы отдаем.

– Отдаете? Кому?

– Под закат приезжает Василий. Мы ему на
подводу бидоны с молоком ставим, яйца в лу-
кошках, стряпню нашу, овощи, он и увозит кому
надо. Господу так угодно. А Василий нам яблоч-
ки привезет или подскажет, куда можно за яблоч-
ками сходить, в какой лесок, где они поспели.

– У вас нет в избе икон, а всегда стояли, –
вдруг заметила Уля.

Она помнила, что деда с бабой без крестного
знамения не садились за стол.

– Стояли, пока мы в разлуке с Ним были. А те-
перь в каждой душе Он начертан – сияет! Живой! И
разговор у нас с Ним, доча, как вот с тобой – течет
и течет в душе. Просим Его и о тех, кого ждем, и кто
в дальних обителях томится, обо всем Он нам гово-
рит, что в мире происходит. Да ты сама разве не
чуешь?

– Я чувствую такое блаженство, что и слов
не надо мне.

– А вот попривыкнешь, блаженства твои по-
чину встанут, будешь Его речь различать. – Ба-
бушка ласково погладила внучку по волосам. –
Она вроде и без слов, но все понятно.

– Неужели всегда будет все это с вами? Эта
деревня, покосы, печки, самовары, эти дивные
просторы и леса? – Ульяна широко развела ру-
ками.

– Нет, доча, Господь говорит, что в другие
обители нас призовет, но больше нам неведомо.
Когда и куда – не говорит. Молчит до срока, – от-
ветила бабушка.

Дед разгладил смоляную бороду:

– Сегодня вечером на горку пойдем. Хорово-
ды будем водить, танцевать, песни наши старин-
ные петь, душевные и духовные, Бога славить.

– А что это за горка?

– Это холм высокий у реки, Величальным зо-
вется.

– Каждый вечер мы там все собираемся. Ох
и блаженно все это, – вступила бабушка. – Пой-
дешь с нами?

– Обязательно пойду!

– Вот увидишь, какие наряды мы пошили, ка-
кую красоту приготовили. Все для Него. Мы и тебе

сшили, чтоб оделась ты по-нашему. Обрядом – бу-
дешь павой! Пойдем-ка, примеришь.

Бабушка взяла Ульяну за руку и повела в
светлицу.

Когда за окном золотистый свет загустел, по-
дернулся охристыми рукавами, все начали соби-
раться на горку. Бабушка нарядила Ульяну в рас-
шитую рубаху с кружевными вставками, клетча-
тую поневу, подпоясала рушником. Оглядела ее.

– Красота! – залюбовалась бабушка. – Вот
Валентина рубаху расшила шелком. А эти кру-
жева прабабушка моя плела, Лукерья. Тут она,
недалеко обитает, увидишь ее нынче.

Они шли по лугу, усыпанному золотистыми
лютиками и белыми цветами клубники, мимо па-
сущихся вольно жеребят с матками. На Вели-
чальный холм всходили со всех сторон наряд-
ные обитатели. Стайками бежали дети. Строй-
ным ладом звучала протяжная песня. Звуки
чарующих напевов изливались на зеленые луга,
перелески, охватывали все пространство, откли-
кались в душе сладостным волнением.

Ульяна вдруг заплакала так светло и счаст-
ливо, как если бы смеялась от радости. Тот кре-
стьянский мир, мир ее предков – вспоротый,
много раз разграбленный, оплеванный, распя-
тый, немилосердно раздавленный, – оказывае-
ся, пребывает нетронутым в заповедной обите-
ли вместе с невинными страдальцами, творящи-
ми его здесь.

Наконец-то брод закончился...

Наконец-то брод закончился. Двое вышли на
берег мелководной широкой реки. В ботинках за-
чавкала вода, вытекая мутными струйками.

Они пошли по бурой равнине, поросшей чах-
лыми кустиками карликовой березки и усыпан-
ной осклизлыми камнями. Над сумеречным по-
лем нависал низкий, серенький, в темных пят-
нах, будто провисший к центру небесный полог.

Один из идущих, толстый, кривоногий, по ви-
ду татарин, нес на спине большой деревянный
стол-тумбу. Щелеватый, немудряще сработан-
ный деревенским мастером стол послужил не-
мало времени. Грязно-голубая краска облупи-
лась, обнажая ядовито-зеленую. С двух сторон
тумбы виднелись коричневые липкие потеки жи-
ра с прилипшими лохмотьями пыли, паутины и
высохшими дохлыми тараканами. Растрескав-
шиеся ножки махрились гнилыми волокнами.

Толстяк кряхтел, обливался потом, тяжело
припадая на одну из своих кривых ног. Другой – в

добротном костюме, с портфелем-дипломатом, коротко стриженный – шел чуть впереди, недовольно оглядываясь на толстого.

– Слушай, на кой тебе этот стол? Брось его, наконец! – раздраженно сказал он.

– Не могу, я его украл, – тяжело прохрипел толстяк. – Дома сносили, в них уже никого не было. Я ночью пришел с соседом, утащил этот стол, на дачу увез, на летнюю кухню. А утром бабка прибежала, стала верещать: «Ворюги, оставить ничего нельзя, стол поганный и тот унесли!»

– Дурак! Я ничего, кроме народного достоинства, не крад! – Стриженный осклабился. – Мы ведь тоже из народа, верно? – Он изящно побарабанил пальцами по дипломату. – Не буду тебя ждать, пойду вперед. Тащишься как клыча.

Толстяк тяжело опустил стол на камень, отер пухлой рукой лоб, сел на землю, опершись спиной на тумбу.

– Иди, – равнодушно сказал он.

Стриженный двинулся дальше, немного отошел и остановился. Оглядел безжизненный пейзаж. Остаться одному не хотелось. Вдруг он услышал какой-то отдаленный, едва различимый крик, похожий на человеческий. Стриженный замер, прислушиваясь, обернулся.

– Слышишь? – спросил он спутника.

– Что?

– Как будто кричит кто-то.

– Не слышу.

– А сейчас?

– Это тебе кажется.

Но стриженный отчетливо слышал крики, теперь они сопровождалась то ли всхлипами, то ли стонами.

Через некоторое время он двинулся дальше, нервно озираясь. Вдруг боковым зрением заметил, как слева мелькнула темная тень. Резко обернувшись, стал пристально вглядываться, но ничего не увидел. Переложил дипломат в другую руку, вытер о пиджак потную ладонь, покопался на толстяка. Тот с натугой переставлял ноги, тяжело сопел, уперев взгляд в землю.

Стриженный увидел, как впереди замаячили темные силуэты, то приближаясь, то отдаляясь так, что совсем исчезали в сумерках. Спутник не обращал на них внимания.

«Наверное, не видит», – понял стриженный. Теперь он опасался идти один, шагал рядом с толстяком, со страхом всматриваясь в мрачные тени. Они перемещались странно – будто не шли, а ехали на колесах. И от этого выглядели

зловеще. Их длинные плащи медленно развевались. Непонятно было, что им нужно. В отдалении они двигались вокруг путников.

Из размытой сумеречной мглы стали проступать неясные очертания какого-то строения.

– Это... это... – Стриженный всматривался в здание, явно что-то узнавая. – Это же моя вилла на Давайях! – воскликнул он. – А там причал, яхта! Там вертолеты и самолеты! Там – все! Вот оно! Собирайте сокровища! Они все в сохранности с вами пребудут! – довольно расхохотался он.

Вид его дорогой виллы, неизвестно как оказавшейся в этом мрачном месте, безмерно воодушевил стриженного. Забыв про страхи и мрачные тени, он резво побежал навстречу величественной громаде, выраставшей из сумерек. «Родные стены помогут!» – приговаривал он. Толстяк с облупленным столом остался далеко позади.

Стриженный бежал все быстрее и быстрее, чувствуя, что уже не ноги несут его. Непреодолимая сила, как чудовищный магнит, влекла вперед. Попробовал остановиться, но тело не слушалось. Вилла стремительно приближалась. В мгновение бегун очутился перед распахнутыми коваными воротами. Попытался зацепиться за их боковую стойку, но какая-то дьявольская сила легко оторвала его. Он пролетел по въездной аллее и с размаху впечатался в большую бронзовую дверь. Дикая боль исказила лицо. Стриженный рухнул на мраморные плиты перед парадным входом. Тут же его подхватили подоспевшие тени и втащили внутрь.

Кривоногий подошел к вилле. Его стол заметно уменьшился и полегчал. Он остановился отдышаться. Взору открылась удручающая картина. Засохшие метелки елей и гортензий топорщились на пустых клумбах и бурых газонах. пышный фасад виллы растрескался. Черные потеки покрывали облупленные колонны и обитые скульптуры в нишах. Пожелтевшие пучки трав торчали из глубоких трещин в стенах.

Толстяк прошел через парадный вход. В больших залах стоял мертвенный холод. Запущение и разруха царили здесь. На полу лежали куски штукатурки, с купольного потолка капала мутная вода. Мебель выцвела, покорежилась. Лица на портретах странно исказились. Стриженный с окровавленным лицом безвольно повис на стуле. Голова его то закидывалась назад, то падала на грудь. Темные тени бесшумно скользили по комнатам, открывали шкафы, ящики столов,

двигая обветшалую мебель. Они осматривали все, будто проводя инвентаризацию, что-то подсчитывали и записывали.

Осмотревшись, кривоногий направился к выходу.

– М-м-м... – промычал стриженный. – М-м-меня-я-я заברי-и-и-и...

Толстяк оглянулся и в нерешительности остановился. Но тут две тени подхватили его под руки и через черный ход вывели прочь. Он зашагал по заросшей аллее и скоро скрылся за частоколом высохших деревьев.

Создавший мя...

«Создавший мя и реки ми: яко земля еси и в землю отыдеши, аможе вси человеци пойдем, надгробное рыдание творяще песнь...»

Голоса чтецов смолкли.

– Аллилуйя! Тройная аллилуйя дальше! Почему не читаете?! – строго высказал отец Михай чтецам.

Никто не ответил.

Над головой со свистом закрутился вихрь. Он ввинчивался внутрь и как магнит вытягивал, выдавливал, выдирали живой поток из тела.

– Господи, помилуй, Господи, помилуй, – бормотал Михай.

Вихрь выбросил отца в гудящую тьму. Через некоторое время все стихло.

– Ну, вот и слава Богу, – облегченно произнес Михай.

Его голос глухо прозвучал в сдавленной полутьме. Он огляделся и увидел, что оказался в сводчатом тоннеле, плавно уходящем вниз. Далеко внизу был едва заметен тусклый свет. Михай начал спускаться. Он будто не шел, а быстро скользил над поверхностью каменного пола. В сумраке были видны грубо обработанные бугристые стены. Прошло много времени, но выход не приближался: то же мутное пятно едва брезжило далеко впереди. Тоннель не расширялся и не сужался, монотонными сводами накатывал на Михея.

«Почему же вниз, а не вверх?» – с беспокойством думал тот. Он слышал позади себя ритмичные негромкие хлопки. Но, оглядываясь, видел только непроницаемую тьму, будто цементирующую обратный путь.

«Где ангелы и черти? Как без них мытарства проходить? – В душе нарастал страх. – Не один же я умер! Где другие души? Господи, помоги!» – взывал Михай.

Тягостный путь длился и длился.

«Что же это такое, Господи! Что такое? Когда же конец этому?!» – роптал отец.

Время исчезло, он не мог бы сказать, час или год пребывал в мрачном тоннеле под мерные хлопки непроницаемой тьмы. Размытое пятно впереди не исчезало, но и не прояснялось.

Вдруг Михай заметил в стене высокую двухстворчатую дверь. Он остановился. Дверь распахнулась.

Навстречу ему выскочил молодой служитель в дьяконском облачении и громко сказал:

– Отче, пожалуйста сюда! Пора службу начинать!

Михей переступил порог и очутился в храме.

– Слава Богу! Слава Богу! – забормотал он.

Дьякон проводил его в алтарь.

– Какую службу сегодня служим? По какому дню? – спросил Михай.

– Сегодня? – переспросил дьякон. – По обстоятельствам.

– Что за служба такая – по обстоятельствам? – строго спросил Михай.

– Наш архиерей такую службу учредил.

Отец озадаченно посмотрел на дьякона.

– Да вы, отче, служите, а мы все в положенных местах подскажем вам, – торопливо бросил дьякон. – Сейчас вседневные часы начнем.

После проскомидии отец Михай в сияющей ризе вышел на каждение. Храм был заполнен народом. Прихожане имели вид благообразный и аккуратный. С умильными лицами кланялись и молились.

«А хор-то как чудно поет! Как поет!» – восхитился Михай.

– Елицы оглашении, изыдите, оглашении, изыдите, елицы оглашении, изыдите! – громко произнес дьякон.

После этих слов Михай явственно услышал шелест.

«Видно, ангелы слетаются!» – благостно думал он.

«Яко да под державою твоею всегда хранимы...» – негромко читал Михай тайную молитву.

Хор замолчал.

– Почему херувимскую не поют? – спросил отец у дьякона.

– Певцы все вышли.

– Как вышли?

– Недостойные! – Дьякон нахально подмигнул отцу Михею.

Тому стало не по себе.

– Выйди и с прихожанами пой, – стараясь держать себя в руках, сурово сказал он.

Дьякон вытянул трубочкой губы, закатил глаза и, причмокнув, выпрыгнул на амвон. Раздалось нестройное пение херувимской. Голос дьякона дребезжал, фальшивил.

«Хоть бы уж службу эту быстрее закончить! Что-то здесь не то!» Нехорошие догадки зашевелились в голове Михея.

После открытия завесы дьякон наклонился к уху Михея и громко сказал:

– «Символ веры» не поем. Архиерей запретил.

– Почему?

– По уставам древней церкви, – важно поднял дьякон указательный палец и дернул головой.

На мохнатом лице заиграла наглая улыбка.

Михей быстро отвернулся и перекрестился подрагивающей рукой. Он с особым старанием прочел положенные молитвы.

– Святая – святым! – провозгласил он, поднимая чашу над дискосом.

– Отче, нельзя причащаться! – Дьякон грубо схватил иерея за руку.

– Отойди от меня, Сатана! – с приглушенной яростью сказал Михей.

– Дух Святой не сошел! – взвизгнул дьякон. – Нет здесь Духа! И чаша твоя не чаша, и ты – ряженый!

В чаше зашипела бурая жидкость, поднялась горячей пеной и, выплеснувшись, обожгла руку Михея. Тот выронил чашу. Облачение его высохло, как осенний прах, и облетело.

– И церковь – не церковь! – визжал дьякон.

Дьяконские одежды почернели. Паникадила, светильники и свечи в тот же миг погасли. В темноте запахло гарью. В разных углах замигали тусклые зеленые огни. Пространство наполнилось гулом и грохотом. Стены корежились и ломались, словно их сминала чья-то могучая рука. Когда огни сменил ровный ледяной синий цвет, Михей увидел себя в громадном зале, стены которого едва виднелись в сгустившейся мгле.

Коренастая женщина, похожая на охранницу, усадила его на жердь, висящую перед длинным столом, и придавила тяжелой рукой, не давая возможности встать с неудобного насеста. На столе, закинув ногу на ногу, сидела девица в полупрозрачном брючном костюме из цветастого шифона.

Затягиваясь длинной сигаретой, она со скупым видом диктовала услужливо склонившемуся над бумагами невзрачному клерку:

– Двоеженство. Причем двое детей в маргинальной связи. И, знаешь, ничем не смущался. Пожертвования четырех дней недели забирал на личные нужды. Записал? Чревоугодие. Тайно по ночам ел мясо в пост. Записал? – Она ткнула пальцем в бумагу.

Михей вжал голову в плечи: «Иерея обличать?!»

– Почему у вас обличье человечье, если вы дьяволы?! – зло крикнул он.

Девица, ухмыльнувшись, повела плечом:

– А у вас там разве так не бывает? Обличье человечье, а сами давно уже не люди. Знаете, в иные времена нам вас и переплюнуть трудно. Как начнете всех в наш свет отправлять, давить, душить, жечь, так здесь просто аврал, ни днем ни ночью... Знаете... кофейку попить некогда.

Жердочка, на которой сидел Михей, треснула. Он рухнул вниз и, проломив пол, исчез в образовавшейся дыре.

Неотразимый задержал взгляд...

Неотразимый задержал взгляд на своем отражении в темном стекле напротив. Хорош. Светлые, стильно подстриженные волосы. Голубые глаза с черными ресницами делали его взгляд тягучим и клейким. Прямой нос и изящная линия губ. Вот и лощеная блондинка с округлым задом призывно вперилась в него.

«Да-да, красотка, я тот, за кого ты меня принимаешь: красавчик, бабник, люблю эксперименты в той сфере, которая тебя интересует, и, если ты сможешь меня зацепить, у тебя тоже есть шанс».

Регистрация на рейс «Москва – Краснодар» шла уже второй час. Оценивающим взглядом он пробежался по очереди: «Вот это неплохой экземпляр. Да и все, пожалуй». Всех, кому за тридцать, он пропускал – староваты. Только молоденькие, свеженькие и крепенькие тела, никакой геронтологии.

Вдруг взгляд его остановился на регистраторше – и Неотразимый замер. Та была в фирменном костюме авиакомпании. Каштановые волосы забраны в аккуратный хвостик. Но вместо лица мохнатая полуобезьянья, получеловеческая морда. Пассажиры, казалось, не замечали этого, спокойно подходили к ней один за другим. Та старательно смотрела их паспорт, билет, шле-

пала печать волосатой лапой и отдавала посадочный талон. Неотразимый с недоумением осмотрелся.

— А что это с ней? — негромко спросил у губастой женщины, стоящей впереди.

— С кем?

— Ну, с регистраторшей?

— Не знаю, может, акция какая в защиту животных. Или специально маски надели, чтобы пассажиров привлекать, — равнодушно ответила та. — Сейчас что только не придумают.

Неотразимый занял свое место в самолете. В салоне появилась прелестная стюардесса. Наряд в цветах авиакомпании соблазнительно оголял пышную грудь и длинные ноги. С губ не сходила блудливая улыбка. Она так сладострастно демонстрировала привязные ремни, спасательные жилеты, кислородные маски, будто приглашала к соитию.

«Завела, — отметил Неотразимый. — Считаю, что твой номер телефона у меня в кармане».

Самолет стал набирать высоту. После нескольких рекламных объявлений из динамика полилась музыка. Неотразимый вслушался. Что-то знакомое, берущее за душу, сладко трепещущее было в ней. И чем дольше она звучала, тем более властно погружала в себя. Будто небесная гармония обрела звуки и изливалась в мир. У Неотразимого повлажнели глаза.

«Что это? Никогда со мною такого не было! Из-за музыки? Стареть начал, что ли?»

Музыка резко оборвалась. Кто-то матерно ругнулся в микрофон.

— Ой! Прошу прощения! Гы-гы!

— Да ладно уже! Че притворяться?! — откликнулся другой голос. — Пусть узнают.

— Ты че, тумблер, дурак, переключил? Рано еще.

— Пошел ты!

Пассажиры напряглись.

Послышались выкрики:

— Что происходит?!

— Они что, сдурели там?!

Выбежала разбитная стюардесса:

— Уважаемые пассажиры, просим прощения!

Это запись посторонняя вклинилась! Полет идет нормально. Мы набрали расчетную высоту и направляемся к месту назначения, которое нам пока неизвестно.

Из бизнес-класса раздался громкий голос:

— Ну, я вам устрою! Придурки! Мрази! Один звонок — и вы мусор! Федя, готовь в аэропорту группу захвата. Придурков надо...

Последние слова потонули в реве моторов. Самолет завибрировал. Раздались отчаянные вопли и крики. Пассажиры начали вскакивать с кресел. Дико завывали бортовые сирены. В салон высыпало десятка полтора стюардесс. С веселым видом они сновали по салону и ставили уколы особенно буйным пассажирам. Те с застывшими лицами вдавливались в кресла и замирали.

— Красавчик, укольчик не желаешь? — подскочила стюардесса к парализованному от страха Неотразимому. — Успокойся. Тебе надо. Перед испытанием.

Тот слабо дернул головой.

Сирены замолкли. Пассажиры сидели в диком оцепенении.

Из динамика раздался спокойный приветливый голос:

— Наш самолет совершил посадку в порту назначения. И почему вы нервничали? Просим всех на выход.

Неотразимый посмотрел в иллюминатор. В темноте ничего не было видно. Над зданием аэропорта горели только первая и последняя буквы: А и Т.

«Только бы выбраться отсюда! Хоть к черту на кулички! Быстрее прочь!»

Он спускался по трапу, напряженно всматриваясь во мглу, укрывшую аэродром. Одна из дежурных на нижней ступеньке трапа энергично махала рукой, нетерпеливо подпрыгивая на месте. Встретившись взглядом с Неотразимым, она с визгом ринулась к нему и повисла на шее.

— Ну наконец-то, наконец-то! — верещала она и крепко чмокала его в губы.

Неотразимый слабо отбивался. Дежурная поволокла его к зданию аэропорта, без умолку рассказывая о какой-то Лене, та составила график встреч по картам Таро, об Анжеле, она тоже здесь.

Дежурная втолкнула Неотразимого в здание вокзала. В огромном помещении за стеклянной стеной стояло множество кроватей. На них сидели и лежали в расслабленных позах полуголые девицы.

— Видишь, их всех надо оприходовать. Тебе же это нравится, сукин ты сын. — Дежурная куснула его за щеку. — Смотри, какие! Мы их год для тебя выдерживали. Правда, девочки?

Девочки взвыли. И тут же стали демонстрировать свои внушительные груди, зады и прочие прелести.

– Да там вон и эта, Людка твоя, и Нинка, вон она.

– Быстрее, котик! Быстрее! – орала рыжая девица, перевитая тонкими цепочками. – Я уже очередь заняла, 1276-я. Как я люблю *это*! Ты сделаешь мне это, забавник?!

Дежурная схватила дико озирающегося Неотразимого и грубо затолкнула за стекло. Самки с воем ринулись к нему.

Алекс затормозил...

Алекс затормозил: «Странно, никогда здесь раньше не было шлагбаума». Он огляделся – железнодорожного полотна или каких-либо других поводов устанавливать шлагбаум не приметил. Рядом стояла будка, окруженная цветником. Весело пестрели ромашки, ноготки, вздымались стебли космеи, густо усеянные крупными бордовыми цветками. На несколько мгновений всколыхнулось сладостное воспоминание детства: он, маленький мальчик, сидит в цветочной клумбе, а над ним, словно деревья, нависают стебли космеи. Алекс чувствовал себя лилипутиком в сказочном лесу среди цветов-деревьев. Он может залезть по стеблю прямо в чашечку цветка и качаться в ней, как в колыбели.

Алекс очнулся. Шлагбаум не поднимался. Он посигналил. «Здесь всегда тянулся поток машин, почему сейчас никого нет?» Он стал нервно сигналить – шлагбаум не двигался. Алекс стал сигналить не останавливаясь. «Что за чертовщина! Мать вашу!» – выругался он.

Потеряв терпение, Алекс достал из-под сиденья пистолет, сунул в карман, выскочил из машины и побежал к будке. Со злостью дернул дверь – та неожиданно легко распахнулась.

– О! Алекс! – радостно воскликнул лохматый будочник. Он поставил чашку чая и поднялся из-за стола: – Заходи, дорогой, давно тебя жду!

«Откуда он меня знает?!» – мелькнула мысль, но Алекс был в такой ярости, что отбросил ее, как несущественную.

– Какого черта здесь шлагбаум поставили?! – завопил он. – Какого черта ты не поднимаешь его?!

– Какого черта, какого черта... – миролюбиво заворчал будочник. – Такого черта, главного. Раньше еще открывать, побудь здесь немножко, куда спешишь?

– Что?! – взревел Алекс и сунул под нос лохматому пистолет. – Открывай! Собака!

– Ух ты! – радостно удивился лохматый, с интересом разглядывая оружие. – А что, чаю не попьем?

– Не выводи меня. На два я стреляю. Раз.

Лохматый с любопытством заглянул в дуло пистолета одним глазом.

– А если так?

Он дунул в дуло. Пистолет в руках Алекса вдруг обмяк, расплылся как тесто. Тот дико взглянул на бесформенный черный комок, стряхнул его, выскочил из будки, ввинтился в машину и ударил по газам. Шлагбаум протаранил правую часть машины, разбил стекла, вырвал часть дверей, но все-таки машине удалось проскочить в зазор между прогнувшимся шлагбаумом и железным ограждением.

Алекс погнал машину по дороге.

«Что за дичь!» – бесился он, оттого что никак не мог привести мысли в порядок. «Все было нормально, пока не появился этот чертов шлагбаум. И с пистолетом что-то не то. Может, я сплю?» Алекс подергал себя за волосы, пощипал за щеки, повертел рулем машины – та послушно завияла. Все подчинялось его контролю.

Впереди показался знакомый указатель: «Добро пожаловать в город Подобас». «Фу! – вздохнул он с облегчением. – Все на месте. Да, машина, что-то с машиной надо делать. Заеду в авторемонтную, пусть хотя бы посмотрят».

Он свернул направо, в проулок, где была станция обслуживания. Но, проехав метров двести, Алекс вдруг перестал узнавать город. Вокруг высились большие дома, сверкающие стеклом и бетоном, тогда как Подобас был застроен дорогими коттеджами и особняками. Алекс остановил машину, нервно осмотрелся: «Опять начинается чертовщина!» Он развернулся и направился к выезду. Однако там теперь тоже возвышались башни из стекла и бетона.

Он стал суматошно колесить по городу, стараясь увидеть хоть что-нибудь знакомое.

«Надо у кого-нибудь спросить, куда я попал». Осматривая улицы, он вдруг заметил, что город пуст. Остановился у супермаркета. На входной двери висело большое объявление: «Мы закрылись!»

Машина двинулась дальше. Наконец он увидел девушку в коротком облегающем платье. Опустив голову, она стояла на остановке.

Алекс выскочил из машины, бросился к ней:

– Э-э-э, скажите, это какая улица?

Та не поднимала головы и не обращала на Алекса никакого внимания.

– На какой улице мы находимся? – нетерпеливо повторил он.

Девушка захлопала большими ресницами.

– Послушайте! Я к вам обращаюсь!

Алекс резко дернул ее за руку – и рука отвалилась.

Он в ужасе уставился на обломок руки:

– Манекен...

Алекс отбросил руку и побежал к машине. Из-за рекламной тумбы внезапно появилась тощая старуха и резко перегородила дорогу.

– И не погружаются в глубины несозданные сущности, и тени их не отойдут в вышину! – Она говорила зычным голосом проповедника, подбородок ее дергался, глаза безумно сверкали. – И все несозданное обратится, и подступит к границе мира, и встанет стеной. Будет пребывать несокрушимо, устрасит и низринет...

– Скажи, это какой город? Где я? – мучительно морщась, спросил Алекс.

Старуха взглянула на него совершенно разумно и четко произнесла:

– Никаких комментариев. No comments! – и снова зашла за тумбу.

Алекс заглянул за тумбу, несколько раз обогнул ее, но сумасшедшая всякий раз успевала скрыться из вида.

Алекс подбежал к подъезду ближайшего дома, дверь оказалась закрытой.

Он стал колотить в нее изо всех сил:

– Откройте, суки! Что вы все прячетесь?! Что за дурдом устроили?! Ненавижу! Откройте!

Алекс вернулся к машине. Дверца приоткрылась. Из нее бочком выполз потрепанный мужик в обвисшей шляпе и синем плаще.

«Почему он сидел в моей машине?»

– Ты что здесь делаешь? – зло спросил Алекс.

Мужик в ужасе отпрянул и бросился бежать.

– Стой! Стой! Я только спросить хочу! – кинулся за ним Алекс.

Но тот, втянув голову в плечи, побежал во всю прыть по безлюдной улице, кидаясь при этом то влево, то вправо, как заяц, спасающийся от погони. И наконец скрылся в какой-то подворотне.

Алекс сел в машину и стал сигналить, надеясь, что кто-то откликнется. Но пронзительные монотонные звуки только нагоняли еще большую тоску. Он поехал по безлюдным улицам, по-

ворачивая наобум то вправо, то влево. Городской пейзаж не менялся. Это была одна и та же мрачная улица с однообразными небоскребами и фонарями.

Машина заглохла. Алекс открыл дверь и тупо уставился в лобовое стекло.

Вдруг послышался громкий стук каблуков. Мимо него прошла высокая женщина в узкой черной юбке.

– Я хотел спросить... – Алекс выскочил из машины и помчался за прохожей.

Женщина четко печатала шаг. Туфли на высоких каблуках цокали по тротуару как копыта. Она не спешила, но догнать ее Алекс не мог, хотя и бежал что есть силы.

– Остановитесь же! Мне только спросить!

– Спрашивай. – Женщина продолжала вышагивать, не поворачивая головы.

– Что происходит? Что это за чертовое место?!

– Угадал, чертовое место! Именно, именно чертовое место, ад-ско-е! Смотри-ка, атеист, а соображает.

– Вы что, сдурели, что ли!? Посмотрите: вокруг XXI век! Какой ад?! Бога вашего давным-давно нет! – задыхался от бега и ярости Алекс.

– Правильно, любезный, Бога нет, а мы есть! Женщина, мерно чеканя шаг каблуками, стремительно удалилась.

Алекс в бессилье опустился на тротуар.

«Так. Я Алекс Линц, я... богатый человек, мое богатство составляет... составляет... Я поехал на машине... Да я ведь долго лежал в больнице, до того как поехал на машине, и уже не ходил! А сейчас хожу. И у меня была жена, последняя, и еще несколько. Одну я убил. Нет-нет, не я ее убил, не убил, так случилось. Почему же я сейчас хожу? Я хожу. Я здесь. А где? Что это все означает? Как я сюда попал? Как сюда попал?»

Вконец отчаявшись, он бесцельно брел по городу. «Все кончается, и это тоже когда-нибудь закончится».

Дома редели, становились ниже. Он сел на лавку и закрыл глаза. Все эти дома, мостовая, чахлые деревья вызывали у него невыразимое отвращение. До дрожи и тошноты. Мечтал, что откроет глаза и увидит перед собой стены своей комнаты в большом особняке, окруженном садом. Открывал глаза, но вновь и вновь видел белесый столб фонарный, угол дома, выщербленный бордюр.

С юга стали наплывать тучи. Наливаясь сильным цветом, они плыли так низко, что бороздили землю. Вглядевшись, Алекс увидел, что это не тучи, а плотная пелена. Она стояла отвесно на всю высоту от земли до неба и неумолимо приближалась к городу.

Вдруг с противоположной стороны до Алекса донесся слабый звук, очень неприятный, похожий на шипение. Он повернул голову и увидел, что с запада надвигается черная туча. Присмотревшись, понял, что это не туча, а расплывающееся черное пятно. Дома, столбы, небосвод медленно разрушались, будто кто-то стирал их ластиком, только ластик оставлял после себя непроницаемо-черный след. Алекс затравленно смотрел то на сизую пелену, то на растекающуюся черноту. Он поднял палку, подошел к пелене и ткнул ее. Палка легко, как в туман, вошла в пелену. Пошарил палкой – никаких препятствий не было. Засунул туда руку. Туман был мертвяще холодным, омерзительно склизким на ощупь и таким густым, что руку невозможно было разглядеть и в полуметре. Алекс втянул голову в плечи и медленно вошел в бесцветную мертвящую пелену, шаря перед собой палкой. «Когда-нибудь это должно закончиться», – тупо шевелилось у него в голове.

И будто в ответ он услышал какое-то бульканье и слабый сдавленный смех, потом с трудом различил прошелестевшие будто сквозь толщу воды слова: «Это никогда, никогда, никогда, никогда, никогда, никогда, нико-о-о-о... нико-о-о-о... ни-и-и-и...»

Легкое дрожание...

Легкое дрожание началось в кончиках пальцев, побежало по рукам и ногам, охватило все тело, будто невидимый музыкант легко тронул невидимые струны. Внутри шевельнулось и начало подниматься это невесомое, легкое, отличное от тела, но хранящее его форму. Сознание заполнил ослепительно-белый свет.

Время свернулось.

Расстояния стянулись в точку.

Все покрылось тишиной...

Прикосновение было легким и нежным. Ляля открыла глаза.

– Ты Ангел? – спросила она у существа, склонившегося к ней.

– Если хочешь, называй меня так.

– Но у тебя нет крыльев.

– Сейчас ты их увидишь.

За спиной у существа вспыхнуло округлое золотое сияние.

– Они не из перьев? – удивилась Ляля.

– Хочешь из перьев?

– Нет. Так красиво. Это энергия светится?

Тот, которого Ляля назвала Ангелом, тихонько рассмеялся:

– Пусть будет так.

Ляля огляделась. Вокруг ничего не было, кроме безбрежного белого света. Она немножко испугалась и крепко ухватила за руку Ангела, так она его назвала.

– Ты куда не уйдешь от меня?

– Я буду с тобой, пока ты сама этого хочешь.

Он провел рукой по волосам девочки. Беспечность, предвкушение чего-то необыкновенно радостного охватили ее.

И потом она увидела этот чудесный поток, удивительный поток воды – глубокий, прозрачный до голубизны. Он как будто струился в воздухе, внизу под ногами. У него не было берегов, он тек как широкая играющая струя.

– Прыгнем в него? – спросил Ангел.

– Да.

– Не боишься?

Ляля покачала головой.

Прыжок был легким, как полет лепестка. Они медленно погрузились в воду. Дышать и двигаться в ней было так же естественно, как и на поверхности. Девочка отпустила руку. Вода ласкала и нежила Лялю, играла с ней, качая на волнах и кружа. Из струй потока возник челнок, подхвативший обоих. Такой же прозрачный, как вода, челнок понес их по течению.

Ляля потрогала свое платье. Оно было сухим.

– Это вода, которая не мочит?! – удивилась девочка.

Поток становился шире и медлительнее. Дальние горизонты стали насыщаться цветом. Волны кармина, охры, лазури и зелени накатывали все ближе и ближе. И вот они уже одели берега изумрудными полянами, рассыпали по ним цветы, окрасили в темную зелень леса и поднявшиеся за ними сопки, а выше расprostерлись лазурные небеса. Ляля с восторгом разглядывала это волшебное преображение. Вдоль берега тянулись необыкновенные деревья. Их стволы поднимались высоко, а ветки, покрытые мягким зеленым мхом, ниспадали до самой земли.

– Эти деревья похожи на мохнатые зеленые стожки, – сказала девочка.

Ангел согласно улыбнулся.

Редкие кустарники шелестели у воды большими веерообразными листьями серебристого цвета. Челнок заплыл в небольшую заводь, всю усеянную лилиями и кувшинками, между ними блестели плоские глянцевые листья.

– Они такие красивые, что я даже не хочу их срывать. – Ляля пальчиками касалась нежных белых лепестков.

– Не бойся, они особенные.

Ангел сорвал лилию на длинном стебле, и на ее месте тут же появилась новая.

– Я сплету тебе венок, хочешь?

Девочка радостно кивнула.

– Они никогда не увянут, – сказал Ангел, надевая на голову Ляле венок из лилий.

Челнок направился к берегу и причалил к деревянным мосткам. Ляля увидела, как из леса выскочил небольшой полосатый зверек, добежал до берега и запрыгнул на мостки. Это был тигренок. Он весело перебирал лапками и, казалось, улыбался Ляле.

– Ты узнала его? – спросил тот, кого Ляля называла Ангелом.

Девочку охватило непонятное радостное волнение, как перед долгожданной встречей.

– Это...

Девочка всматривалась в тигренка. Усов с одной стороны у него не было, а к ушку было приклеено сердечко.

– Это мой Тига! Он ожил! Он живой! – воскликнула девочка.

Ляля узнала свою любимую детскую игрушку. Когда-то она не расставалась с ней ни днем ни ночью.

– Тига, иди ко мне! – позвала она своего друга.

Тот живо запрыгнул в челнок и принялся усердно лизать ей лицо и руки.

– Тига, Тига, какой ты стал красивый! И подрос. Это сердечко я приклеила к уху, когда Васька ему усы обрезал с одной стороны. А я сердечко приклеила, чтоб ему лучше было. Я выговорить не могла «Тигр» и называла его Тига, – рассказала Ляля, не переставая гладить и ласкать тигренка.

Тига пропал на даче у бабушки. И три дня Ляля безутешно плакала, не желая принимать никакого другого игрушечного тигра.

– Он теперь всегда будет со мной? – спросила девочка.

– Теперь всегда, – кивнул тот, кого она считала Ангелом.

Ляля прижала к себе Тигу и запела песенку, которую напевала ему раньше перед сном. Песенку про то, какой хороший и пушистый ее полосатый любимец.

Поток ширился, один берег отодвинулся к горизонту, а на другом теперь вместо леса расстился огромный луг. Ляля увидела, что луг этот усеян причудливыми домиками-цветами и залит будто все связующим золотым светом. Повсюду над лугом порхали... порхали...

– Это дети?! – изумилась Ляля.

– Да, мы тоже здесь будем, пока не отправимся дальше.

– Значит, ты будешь со мной?

– Здесь у каждого ребенка есть тот, кого ты называешь Ангелом.

– Он как мама?

– Да, как мама.

– А мама...

– Ты ее увидишь. – Тот, кого Ляля называла Ангелом, охватил ладонями ее лицо. – Обязательно увидишь. Потом. А сейчас мы полетим туда и найдем наш домик.

– Полетим?

– Да.

– Но я же не умею летать.

– Умеешь, – улыбнулся тот, кого Ляля называла Ангелом. – Надо просто вспомнить, как ты летала прежде. Во сне. Закрой глаза.

Ляля крепко обхватила Тигу, закрыла глаза. И вдруг поняла, что да, она сможет взлететь! Ангел поднялся вверх, легко потянув за собой девочку. Та почувствовала себя невесомой и, обмирая от восторга, полетела вслед за ним.

Замелькали лица...

Замелькали лица. Они наплывали одно за другим – узнанные и неузнанные. Что-то говорящие и молчащие.

«Много. Почему их так много? Я столько видела в жизни?» – думала Ева. И не то чтобы она думала, но странным образом ощущала мысль.

Мелькание лиц слилось в неразличимый поток, который рассеялся в беспредметном пространстве. Это пространство стало накатывать, натягиваться на нее, как новая кожа. И новые контуры пространства кожа ощущала по-иному.

Всплыл закат над степью. Тот, который она видела прежде, будучи девочкой. Она запомнила его не потому, что он был как-то необыкновенно красив: дивные краски и линии будто о чем-то благовествовали.

Полнеба алеет. В облаках, как в перламутровой раскрытой раковине, шар солнца. И с обратной стороны этого заката (или чувства, вызванного им) совсем близко есть, угадывается то самое важное и абсолютное, чему предназначена ее жизнь. Так ласково овеивает теплый ветер, будто и он несет из-за горизонта весть *оттуда* о будущем нескончаемом счастье. И в этот миг связь с запредельным сомкнулась. Душа Евы слилась с ним, растворилась в Божественной радости.

Она закрыла глаза и вслушалась в себя. «Кто-то должен встретить меня здесь. Я это откуда-то знаю точно. Я жду...»

– Ева, Ева, – позвал ее голос из глубины.

Открыв глаза, она огляделась и увидела, что очутилась в цветущем саду. Из-за деревьев к ней шла девушка.

– Я Агнета, – произнесла та, ласково взяв Еву за руку.

Ева всматривалась в лицо: «Я где-нибудь видела ее?»

– Нет, ты не знала меня прежде, – сказала девушка в ответ на мысли Евы. – Нас разделяло лет пятьсот. Но мы связаны генеалогическим деревом.

Еву охватило безграничное доверие и любовь к этой хрупкой девушке, и она сразу заговорила о том, что поразило ее в эти первые мгновенья:

– Агнета, если есть этот чудесный и восхитительный мир, где сейчас мы с тобой, совершенный, прекрасный... как будто в каждую пору моей кожи вживлен рецептор счастья... если так возможно, почему там был ужас и мрак, страдания и муки? Для чего они были и есть? И раз есть совершенный Космос и совершенное бытие, почему оно не объемлет все?

– Тебе покажется банальностью то, что я скажу, но, чтобы родиться в свет, нужна тьма. Одно без другого невозможно, одно вырастает из другого. Это пока все, что я могу тебе сказать. Пока все, но пока. Тебе будет открываться вся глубина и величие замысла по мере того, как ты будешь возрастать. И я помогу тебе.

Агнета обняла Еву за плечи и повела к дому, виднеющемуся в глубине сада.

– Это твой, – сказала она. – Ведь ты же мечтала о домике с садом, – лукаво улыбнулась девушка.

– Но... Он слишком большой и такой роскошный, почти дворец, – качнула головой Ева. – Я... я хотела просто маленький домик.

– Маленький домик?

– Да.

– Так создай его. Представь ясно, что ты хочешь.

– Представить? – неуверенно произнесла Ева.

– Да-да!

Ева закрыла лицо руками и сосредоточилась. А когда отняла руки, увидела небольшой строгий домик с белыми стенами и высокой черепичной крышей.

– Подходит?

– Как во сне...

– Почти! – рассмеялась Агнета.

– Удивительно...

– Пожалуй, это то, что так же сильно поражает вновь прибывших, как и охватывающее пронзительное блаженство. То, что имело ценность там, на что тратились десятилетия, огромные силы, средства – зачастую в виде неустанной тяжелой работы или в виде лести, воровства, мошенничества, убийства, – здесь создается и исчезает в одно мгновение. Ценность у нас имеет только душа. А все это... – Агнета махнула рукой, – это фантом, который лишь на какое-то время становится иллюзией реальности. Потом ты и без меня сможешь создать дворцы, как когда-то умела чистить картошку, – рассмеялась она. – Помнишь?

*Мы копаем картошку,
Пьем студеную воду.
Осень серою кошкой
Бродит по огородам.*

– Это стихотворение Андрея, моего мужа, – узнала Ева.

Агнета кивнула.

– Но ведь оно нигде не было опубликовано.

– Разве для Бога нужна публикация? Все написанное – от мыслей. А они не пропадают. Все мыслимое запечатлено. А если это не так, то наши молитвы – тщета, пустота. И это ты потом научишься делать – извлекать нужное из бесконечного мысленного потока. У нас впереди много чудесных занятий! А пока зайдем в дом и поговорим о том, кем еще ты захочешь его заселить и чем наполнить.

Агнета распахнула дверь.

Инна
КИМ

КОЛЛЕКЦИОНЕР

Повесть

La tristesse durera toujours
(«Печаль будет длиться вечно» –
последние слова Винсента Ван Гога)

15

Помню, в пятнадцать я была убеждена, что это навсегда – эгоистичная физическая радость простых движений меня в безостановочно движущемся мире.

Шла – нет! – летела по солнечно-пятнистому кудрявому маю: ветер касался руки, розовые яблони щекотали взгляд. Они стояли невесомыми облачками на морщинистых ножках. И по-детски загибали пальчики-лепестки – будто загадывали желания.

Из кипящей благоуханной бездны стонал и причмокивал невидимый скворец. А внутри меня все пружинилось, тянулось, звенело – было очень приятно чувствовать свое тело полностью. Как сокращаются мышцы и бежит веселая кровь. Как кожей ощущается теплота и движение воздуха. Как я различаю и фиксирую все разноцветные вспышки весны. Все звуки и запахи.

И новенькие туфли, конечно. Они немного терли уже горячую пятку, но были невероятно красивыми.

Я тогда с недоверием смотрела на женщин за сорок. Некоторые из них были даже по-своему красивыми, увереннее и красивее пятнадцатилетней меня, но все – непредставимо старыми.

Уж я-то никогда не постарею. И сорок мне ни за что не будет – в это невозможно поверить. Я сочувственно улыбалась, глядя на сорокалетних людей. Они казались мне несчастными, скучными, больными: угораздило же их подцепить возраст. Но уже через минуту я об этом не думала, опьяненная своим нескончаемым пятнадцатилетием.

Даже то не смущало, что тогда я все откладывала на завтра: славу, любовь, приключения. Казалось, они ждут за порогом: сделаю шаг – и все станет моим. Все земные царства, что лягут у ног. Все плоды, что мне предстоит вкусить.

Но в пятнадцать я не торопилась жить. А зачем? Впереди-то бесконечность, которой хватит на все, что захочу. О чем молчаливо розовею.

Пожалуйста, подожди еще немного, и я раскрою все свои лепестки, чтобы принять твои радужные дары и печальные искушения. О милая Утренняя звезда. Буду нежно, вечно, сколько захочешь, перебирать мелкий жемчуг скучно-одинаковых дней – и бархат счастливых снов в осторожных стежках ночей.

КИМ (Степанищева) Инна Юрьевна родилась в Осинниках. Кузбасский публицист, критик, прозаик, драматург. Член Союза журналистов России. Лауреат международных литературных и драматургических конкурсов, в том числе «Русского Гофмана», «Антоновки 40+», «Ремарки» и др. Лауреат премии им. В. Г. Белинского в области литературной и театральной критики. Публиковалась в журнале «Огни Кузбасса». Живет в Новокузнецке.

Только кто же грустит в пятнадцать лет? Когда такой май на свете. И можно просто задохнуться от оглушающей тяжести начинающейся жизни.

А каким тот пятнадцатилетний мир был на цвет – с ума сойти.

Я помню сиреневые сугробы: они были как густая диковинная сирень, кипящая в колодцах дворах, и окружали незыблемыми высокими волнами беспомощные желтые круги от наших черноногих фонарей. И пахли те сугробы невероятно – свежими и сладкими спящими подснежниками.

Небо: как врубелевская «Жемчужина», или «Звездная ночь» Винсента Ван Гога, или оранжево-пурпурно-лиловое неведомо что – и никогда не монохромное, а всегда будто взрыв в голове сумасшедшего художника.

Я удивлялась, почему это люди говорят: белый снег, белая зима, голубое небо? Ведь они разноцветные! Смотрела на окна, по уши заросшие сказочным синим лесом, который вспыхивал оранжевыми огоньками наледи, – и видела там аukaющих снегурок и любопытных посят.

Белым было лето: непроглядно-белое кружение гладкокожих звонких берез в прохладной роще; летящий слипшимися мягкими хлопьями невесомый белый пух – одуванчиков, тополей.

Помню, как я изнемогала от белого летнего солнца, лежа с книжкой на белом ромашковом поле. Они такие большие, эти ромашки, и я вижу, заглядывая снизу, как по голубоватым от собственной тени лепесткам на зеленовато-желтые серединки сползаются коричневые муравьи.

По страницам моей книжки – то ли это «Братья Карамазовы» Достоевского, то ли «Мастер и Маргарита» Булгакова, то ли, может, «Потерянный рай» Джона Мильтона, неважно, – скользят таинственные отражения местного микрокосмоса. Меня отсюда, под ромашками, никому не видно – как под одеялом девчоночьих снов. А я вижу все: отважные цветочные стебельки, упрямых муравьев, небо, попавшее в заволаживающую паутину сахарно тающих июньских облаков.

Еще один беспечный и загадочный летний день: белое небо и черный пруд, затянутый желто-зелеными водорослями и твердыми сине-золотыми кувшинками на скользких пурпурных стеблях; я вытаскиваю их мокрую длину из

холодной глубины, где мне мерещатся утопленницы с широко колышущимися мягкими волосами.

В темноте они распускаются, как светлые ночные цветы или светящиеся парашюты медуз.

Над головой висят и вдруг выстреливают в стороны зыбкие ультрамариновые стрекозы, а под ногами засела минометная батарея ледяных ключей. И после каждого меткого попадания все мои нервные волокна, замораживаясь, на пару секунд выключаются.

А потом я выскакиваю на солнце, к маме, делающей бутерброды из кисло пахнущего хлеба и ежащихся колючими пупырышками огурцов. И греюсь, весело капая челкой на короткую жесткую травку.

Какое счастье! Лето. Оно начиналось еще в марте, когда мир вокруг стремительно становился серым и наполнялся водой, а шелковистая кожа берез явственно пахла продолжением березьего рода.

Но сначала вчерашние сугробы сжимались, превращаясь в шуршащие сахарные россыпи острых льдинок-ловушек. Зачерпнешь, чтобы разглядеть: в каждой стучится, пытаюсь вырваться, пойманное солнце.

Дольше всего снег оставался за городом, под высокими пятнистыми соснами – розово-золотыми от солнечного пожара и бархатно-зелеными от мха. Снег был как хрустальные осколки разбившейся вдребезги зимы. А снизу с любопытством выглядывали головки кандыков: испуганные и восхищенные, как у всех детенышей.

Март – это плач голубых сосулек, неумело притворяющийся дождем, и лежащие на школьной парте прозрачные солнечные полосы. А уроки с каждым днем все томительнее и невыносимее – и такая маята до конца мая.

И сразу грозы! Громыкает и хлещет, будто небо стало невидимым парусом, надувшимся громадным мокрым пузырем. И молнии, идущие сквозь дождь, расплываются в стакане ночи фиолетово-розовой акварелью. Губы покалывает и жжет, как от кислого леденца, а из распахнутого окна пахнет прохладной водой.

Наутро я рисую нехитрый пейзаж. У нас пленэр: девочки и мальчики с длинноногими этюдниками разбрелись кто куда по первому летнему дню.

Я забралась выше всех, откуда все видно, и осторожным кончиком кисточки переносу на бумагу крохотных черно-белых коровок с пригорка. Тот ярко-оранжевый – это от цветущих огоньков, жарков, купав, купавниц, купавок, колупаленок, колотушек, бубенчиков, балаболок, авдоток, похожих на капельки солнечной крови или на рассыпавшиеся в траве горящие угольки.

Так хорошо: вокруг и внутри пульсирует и взрывается непостижимый свет, какой наверняка наполнял новорожденную Вселенную и – от светом – попал потом в живопись впечатлительного Клода Моне (и на мою наивную картинку с огоньками и коровками).

Ну почему в детстве и юности всегда так много света? И куда он пропадает потом, будто весь воздух из прохуdivшегося воздушного шарика?

В пятнадцать я не понимала: мы рождаемся в звездных рубашках – плодных пузырях Вселенной. Они изнашиваются, рвутся; свет стирается от прикосновений пальцев и взглядов.

Он как волшебная пыльца, отрывающая детей от земли, едва те зажмуриваются. И сначала оставляет на коже бесцветные бархатистые следы, но со временем полностью исчезает.

Я еще не знала, что и не замечу, когда это произойдет со мной: просто однажды проснусь, а вместо привычного счастливого сияния – сморщенная резиновая тряпочка наступившего скучного дня.

И больше никаких ночных полетов – никогда.

Юность как лампа дневного света: она выхватывает и окружает нестерпимым сиянием, ослепляет и рождает мельтешение разноцветных фигур и пятен, а нередко – режет глаза и выбивает слезы. Но стоит щелкнуть выключателем – и обрушивается непроницаемая бархатная чернота, в глубине которой прячутся улыбающиеся или страшные истории. И ни за что не угадать, какая приснится.

Раз за разом я оказывалась в непостижимых землях – будто и не на Земле. Помню белую дорогу: ноги диковинными шерстяными носочками облепляла горячая мелкая пыль. Шершаво дыбившаяся травка была коричневой от дремлющих ящериц. Я ловила руками их маленькие скользкие тела и плакала от одиночества.

Еще помню, как я – безудержная радужная сила – куда-то неслась и с кем-то билась. Чьи-то

неразличимые, ненавистные, по-родительски отчитывающие меня голоса. Помню обиду и гнев. Звук рассекаемого падением воздуха. Удар о твердое. Ошеломление.

Часто сны повторялись. Больше всего мне полюбился унылый одинокий берег сливающегося с горизонтом серо-синего всклокоченного моря. Над облаками – я знала – летел невидимый снизу красный дракон. А на высокой зеленой дюне утопал в махровых кивающих розах вечно вечернего сада близоруко щурившийся окошками домик. Будто прислушивался к шуму прибора.

Иногда он стоял не у моря, а в горах, куда бежала уютная тропинка. Там меня всегда ждал кто-то родной.

Над заснеженной крышей вился дымок, а в сугробе каталась счастливая собака-улыбака, и на держащих небесный свод темных плечах деревьев-атлантов нетерпеливо пританцовывали синички-невелички с эмалево переливающимися перышками – вот-вот вспорхнут.

Бывало, на берегах моих снов я играла со сказочными существами, походившими на персонажей средневековых рукописей об обитателях неведомых земель. И хотя они наполовину, а то и полностью были вымышленными, в их завораживающую реальность я верила безоговорочно.

В благодарность невиданные чудовища становились моими друзьями. Нередко пугающий вид скрывал невероятную нежность: таким было закованное в броню печальное чудовище с торчащим из лба бугристым рогом, с зазубренным гребнем, морщинистой мягкой мордой, робкими синими глазами.

Мой друг будто вышел из гравюры золотистого Альбрехта Дюрера, которую тот изготовил по зарисовкам с лиссабонского носорога, привезенного в 1515 году португальскому королю Мануэлу в подарок от князя индийской провинции Камбей. Бедное животное! Сначала выставленное на всеобщее улюлюкающее обозрение, а потом отправленное на потеху Римскому Папе – и утонувшее вместе с кораблем.

Обычно мы гуляли рядом – я легко касалась плечом надежного бронированного бока. Дюровский носорог – нежный гигант единорог Северного Возрождения – грациозно ступал чешуйчатыми тумбами-ножищами по мокрому пе-

ску, и я ничуть не боялась, что он отдавит мне ноги.

Нам здорово вместе молчалось! Каждый думал о своем. В маленьких носорожьих глазках пряталась несказанная грусть.

А однажды я очутилась в башне, зависшей в небе, населенной наводящими ужас полуженщинами-полуптицами.

Было много пустого пространства и печальной прохладной тишины, какая всегда наступает после оборвавшейся гулкой теплоты знакомых шагов и голосов, наполнявших день. Головокружительные сахарно-белые стены словно светились изнутри. Только свет был мертвящим: казалось, он делит время здешней вселенной на щемящее «до» и неясное «после», а вокруг – в изменчивом, тревожащем «сейчас» – шевелились непонятные тени.

Стены башни будто пачкала кровь: везде, куда ни погляди, ртутно застыли блестяще-темные капельки сидящих на странных насестах фигур. Сложив крылья, те дремали, переступая неспокойными когтистыми лапами, или переругивались друг с другом, проснувшись и топорща металлические бритвы перьев.

Я тоже была крылатой, но местная нежить как-то раскусила, что я живая. Вся стая мгновенно слетелась, кружа и воя; ближние гарпии вцепились когтями-крючьями в мои перепуганно вырывающиеся руки. И тут кто-то невидимый заботливо меня подхватил и выдернул из страшной башни.

Проснувшись, я заметила рваные царапины у себя на коже. Они еще долго не заживали.

Или вот: я находилась в пустой и темной, угадываемо большой комнате, намертво запечатанной складками чего-то душного. А за ними был не живой свет привычного городского вечера, делающий стекла горячими и голубыми, а фальшивые окна и дальше сразу обрыв в ледяную пустоту.

Было похоже, что тут никто не проветривает и не убирает. Пахло чем-то приторно-сладким, отчего странная комната становилась еще реальнее, а ощущение, что, кроме нее, во Вселенной ничего нет, – почти непереносимым.

Я понимала: за границы этого неуютного, но осязаемо-настоящего места выходить нельзя. Иначе произойдет что-то жуткое. Но выйти не-

медленно из комнаты тянуло неодолимо – и я пошла по такому же темному и безвоздушному длинному коридору.

И пришла в новую комнату – намного больше. Просто огромную! Пространство внутри плескалось и билось беззвучными высокими волнами темноты, будто я оказалась глухой ночью в Сикстинской капелле или Третьяковке. И в этом пугающем прибое – я ощущала – стояли люди. Бесконечные вереницы людей, которые напирали и выдавливали один другого, протискиваясь поближе ко мне и не издавая ни звука.

Вдруг рядом оказалась женщина – красавица актриса XX века, чьим необычным для слуха именем меня наградили романтические кинолюбы-родители. Все газеты писали о ее сравнительно недавней кончине.

И вот пожалуйста! Она стоит напротив и с торопливой надеждой заглядывает мне в лицо, беззвучно открывая и закрывая рот и настойчиво добиваясь моего понимания.

Только я не могла разобрать ни слова – хоть плачь. Будто меня перенесли на дно Марианской впадины, где на барабанные перепонки давит невероятная тяжесть. Она-то и глушила все, что пыталось пробиться из мира актрисы в мой. В облепившей нас черноте – как на зернистой киноплёнке 1930-х годов – мерцали ее знаменитые змеиные глаза. Слабо светилась длинная белая шея. Лицо. Пальцы. Умершая потерянно протягивала руки, стараясь прикоснуться к моей руке. Печально улыбалась. И говорила не останавливаясь, хотя невозможно было разобрать о чем.

Такие сны, конечно, пугали, но одновременно нестерпимо притягивали, как всех детей – страшилки. И нередко я сама их торопила, предвкушающе вглядываясь в завораживающую темноту по ту сторону зажмуренных глаз.

До места прибытия меня доставлял какой-нибудь необычный транспорт: странный поезд, метро или лифт. Иногда со мной ехали другие люди, но мы не разговаривали и вообще не смотрели друг на друга.

А обратно я почему-то добиралась на стареньком раздолбанном трамвае, который нигде не останавливался. И сердце подпрыгивало к горлу от ужаса, что я не успею запрыгнуть в него на ходу и уже никогда не смогу вернуться домой к маме и папе!

Каждый раз, просыпаясь в пятнадцать, я резко, одним рывком, поднималась из таинственно колыхающихся глубин к свету и воздуху, не понимая, где я и кто я, не в состоянии сделать вдох или хотя бы заплакать, с острым ощущением произошедшей со мною беды.

В эти первые минуты бодрствования я еще помнила, нет, я знала: там, во сне, кто-то меня бесконечно любит, кто-то мне удивительно дорог!

Он снился так давно – я уж и привыкла. С пяти лет, двенадцати, пятнадцати – сама не помню. И сна наутро никак не вспомнить, только ощущение – чьей-то теплоты и нежности, обнимающей меня бережными крыльями.

41

Поэтому-то я и просыпаюсь по утрам с чувством смутной утраты. Словами ее не выразить. Только страшно глядеть в лицо одиночества: такое же привычное и родное, как и мое собственное. Я отлично вижу все его морщинки – от бессонницы, от усталости, от никем не утешенных слез в проклятую ортопедическую подушку (у меня профессиональный хондроз: слишком много сижу за компьютером).

И чтобы избавиться от горечи, мешающей даже дышать, я начинаю думать о параллельных мирах. В одном из них – я уверена – кто-то ждет и любит меня так сильно, как я намечтала в пятнадцать. Но зачем же тогда все остальное множество миров, если я не могу быть в них счастлива?

Последний рывок со дна весеннего сна, ставшего давней привычкой, – и я снова вернулась в реальность и дала себе обычный утренний отчет о том, что есть, а чего не бывает. Я ведь не сумасшедшая, чтобы верить в потустороннего любимого!

А чтобы заполнить ледяную пустоту, образовавшуюся от его внезапного отсутствия, я смотрю в окно. На весну. Как она пробегает быстрыми пальчиками дождя по звенящим клавишам черно-белого апрельского дня.

Улыбаюсь: законные клены смахивают на взъерошенных дворняжек. И явно пытаются подпевать, задирая в небо смешные мокрые морды.

Жизнь промелькнула, слившись в невнятный серо-буро-малиновый мазок. Мне сорок один – сегодня. Эта цифра отчего-то напоминает бе-

зыходно-бронированного дюреровского носорога: та же громоздкая туша чешуйчатой зазубренной четверки и печально вздыбленная рогом острая единичка.

Я представляю далекого друга детства: его робкие синие глаза и грациозную походку нежного гиганта. Наше молчание. Мокрый песок. Всклопоченное море. Незримое летящее присутствие исподволь наблюдающего за мною красного дракона.

Кроткое синеглазое чудище ни о чем меня не спрашивает. Старых друзей не принято смущать неудобными вопросами. Но я молчаливо отвечаю, почему не приходила целых двадцать шесть лет.

Говорю: понимаешь, всё дела, то да се. То замуж выходила – три раза. Не считая мимолетных влюбленностей. Только руки, которые обнимали, каждый раз оказывались другими, непохожими на однажды выдернувшие меня из страшного сна.

Искала любовь – и не нашла. Такое бывает. И вот итог: я снова свободна. Хозяйка сама себе и доставшимся от родителей квадратным метрам в спальном районе. Ни котенка, ни ребенка. Сначала-то, лет до тридцати, я не могла нарадоваться своей бронебойной незабеременемости. Подружки не вылезали с абортот, а мне хоть бы что: влюбляйся не хочу. Но потом страсть как захотелось ребеночка.

Выла в подушку, представляя уткнувшуюся в мое плечо или в сгиб локтя золотистую головку. Невесомое влажное тепло родного дыхания. Как сжимаются крошечные пальчики. Как морщится от солнца вылитый мамин нос. Как мой сын – или дочка – улыбается.

Побежала по врачам, но те неумолимо твердили: никаких отклонений от нормы нет. Не помогли ни психологи, ни экстрасенсы. А взять чужого малютку я не решилась.

Носорог терпеливо слушает. Не перебивает неуклюжим сочувствием. Да и что тут можно сказать?

Нечаянно взглянув на часы, я ойкаю – гости же! Они шумно ввалиются вечером: коллеги, замужние и одинокие подруги, бывшие мужья. С моими любимыми лилиями и бестолковыми подарками. Веселые и голодные.

А у меня и конь не валялся! Засучив рукава, я бодро принимаюсь за дело: килограммы свежих и консервированных овощей и фруктов, мя-

са, птицы и рыбы, ветчины и колбасы, сыра, яиц, майонеза превращаются в море закусок, горы жаркого, башни салатов.

Незатейливая домашняя работа убаюкивает разыгравшиеся нервы – как всегда. Уже явственно подмурлыкивая какую-то навязчивую мелодийку, я привожу в деньрожденный вид волосы и лицо, влезаю в новое платье, окутываю шею розовым облачком духов. В общем, готовлюсь к липиям и поцелуям.

И даже не замечаю, что печальный носорог давно исчез. Вероятно, отправился восвояси. Туда, откуда я невольно его призвала. В закоулки несбывшихся и забытых детских снов.

Тосты, танцы, пьяные признания, эвересты грязной посуды – словом, вечер удался. Выпроводив последнего гостя, я падаю спать.

А наутро после дня рождения № 41 получаю неожиданное письмо. И с ходу чуть не отправляю его в спам! А разве есть еще смешные розвоочковые личности, которые верят, что их очередная нетленка на «Прозе.ру» была увидена и оценена неким всемогущим издателем, пожелавшим заключить с ними авторский договор? И я о том же.

Но что-то такое, видно, витало в воздухе: может, нержавеющее желание писательской славы, а скорее – обидно приклеившееся ко мне прозвище «всемирно неизвестного автора», которое вчерашние друзья снова не преминули обшутить под водочку и праздничную селедку в шубе. Вот я и кликнула по странному письму (а оно – вернее, звучащее в нем предложение написать за нескромное вознаграждение книгу – действительно выглядело странно).

И вот, представьте, какого-то черта еду неизвестно куда – на встречу с таинственным незнакомцем, сделавшим мне это несусветное предложение.

Толкаю приоткрытую обшарпанную дверь квартиры № 50, а по кажущемуся бесконечным коридору уже спешит, излучая доброжелательную радость, предполагаемый издатель (или все-таки просто маньяк, а в лучшем случае гордской сумасшедший?).

Несмотря на небывалую закатную жару и на домашнюю обстановку, он был в дорогом сером костюме, в заграничных, в цвет костюма, туфлях... И в сером же, блин, берете, лихо заломленном на ухо! Хм.

«Два глаза уперлись Маргарите в лицо. Правый с золотой искрой на дне, сверлящий любого до дна души, и левый – пустой и черный, вроде как узкое игольное ушко, как выход в бездонный колодезь всякой тьмы и теней».

Поймав мой недоумевающий, почти испуганный взгляд, хозяин прекрасно знакомых глаз широко улыбается: «Я знаю, вам нравится Михаил Афанасьевич, – вот и постарался». Оторопев, я позволяю себя усадить и беру дрожащими руками протянутый мне лафитный стакан.

Растерянно делаю глоток. Задыхаюсь. А никто и не стал бы наливать даме водки – естественно, там чистый спирт!

Что за дурацкий карнавал! Кто все это подстроил? Я вспыхнула от негодования: ну точно, тут чувствуется иезуитское чувство юмора моего второго мужа. Он вечно придумывал идиотские розыгрыши. А может, это мой прошлогодний ami intime постарался? Он ведь как раз актер местного ТЮЗа. Наверное, подговорил какого-нибудь товарища по цеху и тому сделали мастерский грим.

Или в этом замешаны оба стервеца? Сняли на сутки заокраинную квартирку с говорящим номером. Приготовили соответствующий антураж. То-то вчера у обоих были такие возмутительно довольные рожи. Прямо лоснились от удовольствия.

Но зачем же было разыгрывать такую сложную комбинацию? Ради чего? Похихикать над бывшей возлюбленной? Как-то глупо. Нет?

Издатель – он просит называть его Коллекционером – осыпает меня комплиментами. Не гнушаясь неприкрытой лестью, говорит, что я Королева (пера). Что в моих жилах – это очевидно – течет подходящая кровь. А Михаил Юрьевич (Лермонтов) мне случайно каким-нибудь троюродным прапрадедушкой не приходится? Или нет, моим «прапра», вероятно, был сам Михаил Александрович (Врубель)!

«А что? Я бы не удивился, – юлит псевдо-Воланд, – ваши прозаические полотна чрезвычайно живописны».

Я в растерянности: не понимаю, что Коллекционеру от меня нужно. Неужели и правда маньяк? Дрессированное воображение услужливо рисует блеск ножа, хлещущую на обои кровию (мою) и дьявольский хохот хозяина 50-й квартиры. Но... Ничего не происходит! Коллекционер

даже не бросает на меня кровожадных – или хотя бы плотоядных – взглядов.

Мы мило беседуем, потягивая спирт из зеркалящих стаканчиков на носорожьих ножках. И вообще, несмотря на леденящую схожесть с вымышленным персонажем знаменитого романа (грим) и даже на разность глаз (цветные линзы), фальшивый Воланд все сильнее мне нравится. Очаровательный старичок! Заметно, что в годах – наверняка играет на тюзовских утренниках дедов морозов. Но и бодрый свежий ум бросается в глаза. Поневоле распускаешь уши, когда он принимается жечь глаголом.

А кроме того, он действительно читал все мои опубликованные на интернет-площадках рассказы. Отбросив приторную маску лести, Коллекционер толково их разбирает, приятно похваливая и необидно критикуя. Ну какой писатель от такого не растает?

Неудивительно, что я очарована, заинтригована. И неприкрыто обрадована, когда, прощаясь и с интересом изучая мое пылающее вдохновением и испугом лицо, он предлагает встретиться снова.

Наши встречи – всего их было шесть – навеки меня изменили. С тех пор я часто думала: а вдруг странное письмо все-таки ушло бы в спам? Или я заподозрила бы неладное и развернулась прямо на пороге таинственной квартиры? Не пришла бы на вторую встречу? Отказалась ставить подпись под договором?

Но все случилось как случилось. И во время незабываемого четвертого randevu – хотя любое из них ошеломяло – мы окончательно обговорили условия нашего договора.

Тот был безумно прост. Я в течение тринадцати месяцев живу на необитаемом острове («Но, заметьте, со всеми удобствами и с выходом в лучшие интернет-библиотеки Земли!»). И за это время я должна написать тринадцать романов, повестей, рассказов – любых текстов, о каких только мечтала, но все никак не доходили руки, занятые бодрым выстукиванием на клавиатуре рекламы трусов, гонорары от которой я тратила (какая ирония!) на покупку этих самых трусов.

А тут ничего подобного – полное обеспечение всех потребностей моего сорокаоднолетнего организма. Пиши не хочу. Все, что душенька пожелает.

Правда, есть один нюанс: все тексты я обязана передать своему новому знакомому и больше не интересоваться их судьбой.

Но есть и приятные бонусы: после своего добровольного писательского заточения я получу тринадцать самых дорогих бриллиантов мира, чистопородных красных алмазов, почти таких же баснословных, как драконьи слезы («Нет, Грета Юрьевна, вы не ослышались»).

А главное, каждый месяц я буду молодеть на два года!

Ну какая женщина от такого откажется? Я тоже не смогла: слишком велико оказалось искушение однажды снова проснуться пятнадцатилетней. А с этим не потягаться даже власти над всеми земными царствами!

Бредовый договор мы обмываем из тех же лафитных стаканчиков. И никакой заштампованной классики – вроде подписи кровью или хотя бы зловеще оплывших черных свечей.

Молчаливый шофер отвозит меня на частный аэродром, откуда шустро взлетает серебристый самолетик, на котором я и прибываю в пункт назначения в растревоженно-растерянном одиночестве (только на идиотский розыгрыш происходящее уже совсем не похоже).

Взлетно-прилетная полоса бежит, кажется, прямо из синего-синего моря, так что мой самолетик, садясь, почти зачерпывает полные крылья веселых шипящих барашков. Потом он снова взмывает в небо, а я с почти детским восторгом оглядываюсь вокруг.

Я всегда любила путешествовать, но денег не было даже на более-менее необитаемый пляж. А тут целый остров, будто из рекламного ролика лучших земных царств! Белоснежные скалы. Полные моря сети солнца. Тишина.

И двухэтажная вилла с бассейном на крыше. И вокруг нее сад, в котором произрастают все мыслимые и немыслимые плоды.

13

Иду в дом – мой на ближайшие тринадцать месяцев. Умопомрачительная вилла с настоящими колоннами и портиком книжно отражается в гладком море. Она стоит на спине зеленой дюны – как девочка-акробатка на цыпочках. И дюна такая шелковистая, что пальцы ног внутри туфель начинают ныть от желания немедленно

разутся и ощутить ласкающую травяную щеку.

Рядом с домом я попадаю в пятнисто-солнечное благоухающее марево. Благоклонно кивают густо-красные розы. Нарядные персиковые деревца прячут под растрепанными кружевными зонтиками румяные бархатистые лица. Маслянисто, загадочно, улыбкою зрелой женщины улыбается инжир.

Вообще в саду непостижимо соединяются весна и лето, цветение и плодоношение – будто кто небрежно и насмешливо перемешал все картины Клода Моне, изображающие его желанный Живерни. Густой пеной из теплых бутылок выплескивает цвет майская груша, а по соседству оранжево покачиваются августовские апельсины. Плывут розовые облака сакуры и синие – стыдливой пролески. Взрываются ядерные бомбы тюльпанов и гиацинтов. Мостики и беседки обвивают лиловые кисти матовой глицинии и глянцевого винограда.

Обхожу комнату за комнатой, восхищенно ойкаю. В выходящем на террасу кабинете немного показушно ежится от ветра какая-то старинная раскрытая рукопись. Перелистываю пару страниц – это украшенный фантастическими картинками средневековый комикс-бестиарий. Включаю комп, чтобы проверить соединение с интернетом – оно идеальное.

Выбираюсь по лесенке на крышу, трогаю воду в бассейне. На лежаке заботливо сложен мягчайший махровый халат. Тут же с еле сдерживаемой услужливостью сияет суперофигительная кофемашина – о такой я и мечтать не могла.

Из профессионально оборудованной кухни я спускаюсь в прохладную кладовую, поневоле любуюсь послушными армиями высоких плетеных корзин. Те доверху наполнены лакомыми сокровищами: поющими в ладонях тонкокожими гранатами, глянцевито-блестящими лимонами и маслинами, душистыми связками лука и чеснока, гладкими картофелинами, бело-красными кометами редиса, высушенными до вязкой сахарной черноты виноградными гроздьями, ароматными оранжевыми ломтиками манго и прозрачно-молочными искушающими кружками ананаса.

Там же стоят глиняные горшки с топленным маслом и желтеют жирные круги домашнего сыра. Рядом белеют шершавые мешки с тяжелым золотистым сахаром и невесомыми чайными листьями, чечевицей и булгуром; надменно мерца-

ют серебряные консервные банки; висят громадные лоснящиеся окорока.

Этого не съесть и за несколько лет! Если только под хорошее вино: уютно устроившиеся в квадратных деревянных гнездышках бутылки понимающе тянутся к моим пальцам длинными покорными шеями. А из угла стыдливо выглядывает неуклюжий малыш бочонок с ромом.

Недалеко от дома я набрела на купальню, скрытую оранжево-изумрудной кудрявой тенью. Раздвинула свисающие плети с бархатно-фиолетовыми виноградинами и погрузилась в золотую тьму и прохладу.

Я была в замешательстве. Почему-то я думала, что это место чуть ли не специально для меня обустроили. Вилла действительно выглядела новехонькой. Вся техника едва сошла с конвейера. Бассейн буквально вчера наполнили. И даже сад словно только что взрастили, мастерски скопировав с «ботанической» живописи французского художника-садовода.

Но купальня казалась очень старой: мрамор потемнел и раскрошился, сквозь щели крыши сочился словно бы и нездешний свет. Он раскрашивал купальню бело-желтыми полосками и горько пах незнакомыми цветущими травами. Почему-то накатывало отчаяние.

И дело было даже не в трещинах и щелях – здесь просто сразу становилось как-то не по себе. Неуютное ощущение: будто я оказалась на этом же острове, но, допустим, миллион лет назад.

А вынырнув из купальни, я сразу же ухнула с головой в разноцветное лето. В его оглушительные шорохи. Веселый невнятный гул. Сшибающий запах парной травы. Где безостановочное мельтешение и жадное желание жить.

Мимо тысячекрылым серафимом прошлестело облако бабочек. Их было видимо-невидимо: такие дурашки! Вдруг отрывались от материнского облака, лепились щекотными лапками на голую кожу моих рук – и снова взлетали.

А вокруг – сколько мог удержать взгляд – мачты головокружительных сосен, легко и важно идущих в солнечном море. Словно я попала в другой мир. А времени просто не существует.

Иииихуу! Обалдеть, на меня будто свалилось незагаданное наследство – целый остров. И первые дни я и думать забыла, зачем я здесь:

странный договор словно выветрился из продырявленной восторгом головы. От будоражащих ощущений я спала не больше шести часов, а остальное время исследовала доставшийся мне ни за что ни про что волшебный остров.

Во все стороны вверх от виллы разбегались колючие от можжевельника и барбариса тропинки, скользко раскисающие под дождем. В расщелинах скал росли гранаты и хурма. Поджавшие невообразимо-голубые ноги олуши высиживали птенцов. Через крошечные пропасти перелетали золотоглазые козы.

Они меня совсем не боялись! Только поднимали от земли инопланетянские глаза и тут же вновь погружались в мечтательное пережевывание.

Уже через неделю я приманивала их хлебом из хлебопечки. Гладила за ушами, называла ласковыми смешными именами, и они терпеливо вздрагивали, ожидая, пока я надою себе чашку молока (хитрое искусство козьего доения я освоила на каком-то мастер-классе в интернете).

Уютно жужжали пчелы; воздух дрожал радужной пленкой зноя. Где-то щекотно журчала вода. Я пошла на звук: тот становился все звонче. Наконец в моих барабанных перепонках остался только ласковый грохот – будто пойманный в спичечный коробок гремющий ветер.

Водопад походил на туманную радугу, прорванную сквозь солнце. Я болтала в чернильной воде ногами, чувствуя, как их касаются невидимые рыбки. Из-за этих осторожных скользких касаний и идущего из глубины холода купаться в водопаде совсем не тянуло, хотя было до чертиков жарко.

Оцарапываясь, я забралась наверх, откуда падала радуга, – и увидела словно игрушечную белую виллу в маленькой синей бухте. Как кубик сахара в аккуратном блюдецке. У выхода в море горбились камни-стражники: они были как плывущие куда-то лодки.

Сразу за ними море обрывалось в густую синеву. Искристую и удивляюще прозрачную. И я чуть не задохнулась: на меня смотрел погрузившийся на дно древний город.

Море в расплескавшейся сине-золотыми мазками бухточке лениво шуршало разноцветной галькой. Карамельно-гладкие камешки были как радужные рыбки, запутавшиеся в бликующей узорчатой сети. В желто-зеленом жидком

солнце воды над мягкими от водорослей пурпурными камнями покачивались игольчатые георгины морских ежей.

Я шутиливо преследовала золотисто-коричневого пугливого ската, надеявшегося если не сбежать, то слиться с песком на дне. Или часами висела внутри прозрачно-бирюзового хрусталя, как распустившаяся цветком медуза.

Иногда к горлышку бухты подплывали дельфины, и я тщательно – как слепая руками – ощупывала взглядом их распахнутые в широкой ухмылке острые зубки и обтянутые мокро блестящей кожей круглые лбы. А они издавали громкие гортанные звуки, странно похожие на речь.

Надо мною сияло нереальное многослойное небо, и каждый слой отсюда, снизу, был непонятно почему и куда движим собственным ветром. Смахивающее на человекообразного гиганта пылающее облако опиралось на солнечный луч, как на меч. Оно пронеслось над скалами, чуть не касаясь цепкого можжевельника, и вдруг сгнуло, будто его и не было никогда.

А с молочно-голубых небес уже неслась гигантская белая птица. Она становилась все ближе – я увидела клекочущий клюв и сердитые глазки. Приблизившись, птичье облако растаяло, уступив место играющей своим хвостом собаке, а та – дракону. Чудище рассекало воздух лучистыми крыльями летучей мыши и выпускало миниатюрные облачка из тающих ноздрей.

Стоило выплыть из бухты за скалы, которые ее закрывали, как море неузнаваемо менялось. Крутясь и шипя, оно захлестывало камни, за чьими широкими спинами млел и нежился золотисто-уютный прибрежный мирок.

Вместо ярких камешков на дне извилистые каменные лабиринты. То ли улочки затонувшего города, то ли заросшие водорослями и ракушками подводные скалы. Я плыла, опустив лицо в воду, чтобы лучше их разглядеть.

Непонятные нагромождения обрывались головокругительными провалами. Только вода оставалась просвеченной солнцем – море там походило на небо. Подводные ущелья наполняло невесомое сияние, а я парила в нем, будто находясь высоко над Землей, – не имеющая тела, тяжести, смерти.

Словно снова летала.

Боязливая свита скатов сопровождала меня скользкой по дну длинной светотенью. В золотом кружении внизу вырастали фигуры людей и птиц, львов и драконов.

Дальше песок был черным, окутывающим все непроницаемым облаком. Я ощущала, какая там холодная вода, и будто слышала идущий от туда гул неясных умоляющих голосов. Слово несло над глубинными монстрами, затонувшими кораблями, загадочно улыбающимися утопленницами. А те перебирали безвольно-длинными руками лежащие в прогнивших сундуках сокровища. Чудилось: чувствуя мой взгляд, они обращают вверх тоскливые лица.

В моем испуганном воображении оживали все захватывающие истории из книжек детства. Торопясь и обжигаясь шлепками соленой воды, я возвращалась.

И опять становилось тепло и уютно, улыбалась веселая галька, мягко покачивались морские ежи.

Так дни и летели. В общем, опомнилась я только к концу месяца и тут же дисциплинированно засела за обещанную работу, в считанные дни одолев первый рассказ. Не хотелось узнавать, что будет, если я не выполню заключенный с Коллекционером договор.

Ночью я вдруг проснулась. Кто-то деликатно постукивал в распахнутую створку окна. Может, ветка или птица? Стало неудобно.

Носорог! Он стоял, облитый сахарной газурью луны. Робко щурился. И тихонько покачивал бугристым рогом – будто звал за собой. Выбравшись к чудищу, – носорог ждал меня терпеливо и послушно, как посланная кем-то собака, – я успокаивающе положила руку ему на спину.

Мы двинулись не понять куда. И очутились в странной купальне: луна и звезды заглядывали прямо в дырки, проделанные в крыше по-детски любопытным временем.

Носорог стал подталкивать меня рогом внутрь. Настойчиво ловил мой взгляд. Напекающе кивал. Похоже, я должна была залезть в дряхлую купель, наполненную грязноватой водой (очевидно, дождевой).

Я была не в восторге, но синеглазый приятель не оставлял мне другого выхода. Ну ладно, как скажешь. Я залезла в воду и брезгливо закрыла глаза.

Невероятно! Она была такой теплой, что я не ощущала тела.

А удивительнее всего: я почувствовала нежную тяжесть изначального света, который од-

нажды исчез из моего мира. Будто за зажмуренными глазами клокотала и взрывалась пылающая вселенная.

Теплота надавливала на кожу, как прогибающий гладкую воду ветер. Бархатно гладила. Обволакивала.

Время вместе с объемом куда-то пропали, и все заполнила протяжная тишина. Это длилось и длилось, как вкус прилипшего к зубам мятного леденца.

Единственное, что я чувствовала кроме родной тяжести вернувшегося света, – это дразнящую щекотку запахов. Гуще меда. Зеленее травы. Так пахнет переспевшее лето юности.

И сразу за обонянием включился слух: невидимая ночь исходила одной сладко томящей птичьей нотой.

И вдруг волшебство оборвалось. Я открыла глаза в щелястую лунную темноту, выбралась из неприятно остывшей каменной купели. Носорога и след простыл!

Вернулась в постель и крепко заснула. А на утро со мною начало происходить нечто несусветное.

Я словно продолжала спать наяву – и видела окружающий мир каким-то древним глубоководным чудищем из сказочных мифов. Щелкая от переизбытка электричества, оно парило лилово-розовым сияющим цветком в густых чернилах хаоса. За микросекунду до того, как все стало ярким, объемным, отчетливым, только что созданным.

Мои ощущения путались, а органы чувств вскрикивали от перенапряжения.

Я осязала воздух, перебирая обожженными пальцами каждую шершавую нитку запаха, вплетенную в общий узор из солнца, дождя, ветра, медовой сосновой коры, сиреневого можжевельника, беспомощной пыльцы с крыльев бабочек, теплой пыли, в которую рано или поздно превращаются красные и зеленые камни.

Слышала, какого цвета становится море перед самым рассветом, меняя оттенки, глубину, настроение, тысячи лиц в течение дня.

Вдыхала обжигающий звон всех звезд небесных и бесконечную, звонкую, льдисто-голубую песню Большой и Малой Медведицы.

Видела прозрачный шум ручья. Пробираясь в солнечных пятнах травы, он становился мягким шелестом змеиного тела.

Пробовала на вкус движение – голодного полета крылатого убийцы и смертного ужаса пищащих созданий, оказавшихся в его тени. Себя и несущихся по небу облаков, туманящих потемневшие горы.

Эти облака и еще солнце, которое то тонуло, то снова всплывало на клубящуюся поверхность, ежесекундно лепили новый рельеф, делая его ближе, дальше, выше, шире. Будто скалы тоже двигались, вздрагивали, вздыхали.

Пытаясь сохранить равновесие, я балансировала в острых кисло-сладких вспышках молний – они стекали по стеклянным стенам дождя.

А самым пугающим было ощущение присутствия. Словно меня осторожно разглядывало, обнюхивало, дышало в затылок, прикасалось. Нечто, вроде бы не имеющее ни глаз, ни носа, ни дыхания, ни тела... Или все-таки имеющее?!

Я знала, оно могло использовать подручные тела: бабочек, щекотно садящихся пятнистыми ангелами на плечо; липкую невесомость паучьих сетей, поймавших мое лицо в насквозь солнечной рощице; теплую шершавость широкой сосны под спиной; тонкий трепет нежного синего цветка в пальцах; нетерпеливо вздыхающее мокрое фырканье золотоглазого детеныша козы, выискивающего хлеб в зажатой руке; холод и морщинки еще не успевших согреться скал.

Все это вместе со мной сливалось в одну круговерть, заполняло вселенную так, что немного переливалось за край, неподвижно застывало разноцветной мшистой скалой на границе миров, где не бывает времени. Оно дробилось на миллионы отражений, в которых с промокшей хвои свисали капли солнца, сотрясались от грома небеса, вертелись волчком моря, появлялись и исчезали звезды.

И я становилась его частью и целым, одновременно бабочкой и мирозданием, живым и никогда не жившим, человеком и богом. А оно – без остатка мной.

Думаю, это была реакция моего тела (и мозга) на происшедшее в купальне, когда время повернуло вспять. Тот еще эмпирический опыт!

Через несколько дней все вернулось в норму.

Я внимательно изучала свое отражение, ища признаки омоложения. Но, если честно, не увидела существенной разницы.

Я встаю до рассвета, иду в сад и на кухню, пью кофе и сижу за компьютером, пока не спадает жара, а потом спускаюсь к морю, где встречаю первые звезды.

В пугающей близости от пенящихся волн, но каждый раз успеваю взлететь выше, куда-то в непонятную даль самоотверженно летит бабочка. И что ей на цветочках не сидится? Чайки подныривают вниз и снова взмывают с полным клювом отчаянно вырывающегося серебра.

А раз в месяц в окошко стучится носорог и сопровождает меня в купальню. Как верный пападин Прекрасную Даму (La Belle Dame sans Merci).

Моих зажмуренных глаз привычно касается изначальный свет – и весь следующий день я сама не своя.

Но первые полгода изменения почти незаметны.

А может, ничего и не было никогда? И весь мир – это белый дом и разноцветный сад, пойманная солнечной сетью рыба моря, козы-инопланетянки, шум прилива, бархатистые розы и низкие звезды, приходящий во сне синеглазый носорог, мое сладкое одиночество.

Я уже и не помню, что может быть по-другому.

Бездумно замираю в головокружительном морском хрустале – как беспомощная муха, перенесенная сюда чужой необъяснимой волей. И время тянется бесконечно-солнечной смолой.

Остановись, мгновенье!

Но вот тринадцати месяцев уже нет как нет – точно ушуршали сквозь пальцы непослушной галькой. Я отправляю по электронной почте оговоренный заказ – тринадцать текстов, которые мне самой очень нравятся. Получаю уведомление, что они доставлены. Поднимаюсь на трап прилетевшего за мной самолета. Немой (похоже) пилот вручает мне ключ от обещанной банковской ячейки.

Мое новое (старое) пятнадцатилетнее тело звенит от ликования позабытой юности.

Оставшись одна в подземельном банковском хранилище, я опрокидываю бархатный мешочек на ладонь – и на ней оказывается тринадцать камешков. Они горят и взрываются алым пламенем – то ли внутренности новорожденных звезд, то ли слезы на глазах красного дракона.

6

И первое время я просто с большим удовольствием пользуюсь своими деньгами (и своим телом). Путешествую куда захочу. Покупаю что пожелаю. Безнаказанно поедаю пирожные. Ношу немыслимые наряды. Кручу романы. Прожигаю жизнь: ее ведь еще практически бесконечность.

Но нет-нет да и вспоминаю Коллекционера, наши шесть встреч. И среди самого жаркого веселья меня вдруг обдает прохладной грустью.

Я думаю, думаю. Кто он такой? Или что он такое? Чего желает? Тоскует ли о потерянном — как я тосковала о юности?

Каждый раз Коллекционер недвусмысленно намекал на собственную природу. Насмешливо менял свои обличья. Очаровывал. Искушал. Пугал и притягивал.

Впервые он явился в образе булгаковского Воланда: «Я знаю, Грета Юрьевна, вам нравится Михаил Афанасьевич, — вот и постарался». А наивная тогдашняя, я решила, что кто-то мастерски меня разыгрывает, используя театральный грим и разноцветные линзы.

Старичок актер, то ли нанятый шутником-мужем № 2, то ли подговоренный моим прошлогодним ami intime, блестяще ломал комедию. В общем, я была заинтригована. Боялась одного: что на этом потрясающий розыгрыш оборвется.

А когда получила новое приглашение, сама захотела подшутить. А что? Подыграю лже-Воланду, вместе посмеемся. Перманент, правда, делать не стала, но кудри накрутила (всю ночь спала на бигуди). Надела туфли с бантами и кокетливый берет. Взяла черную сумочку. Хотела найти мимозу — да был не сезон.

Толкаю знакомую обшарпанную дверь в дурацком виде якобы булгаковской Маргариты, а там... Пышущий жаром молодости соблазнительный двухметровый красавчик!

Ух ты. Бугрящиеся силой плечи. Напряженно вздымающаяся, будто мраморная шея. Закованная в металлическую броню широкая грудь. Роскошный древнеримский нос.

Мощную колонну мужского колена ласкающе обвивает змеею длинный шнурок кожаной сандалиии. Сверкающие очи презрительно полуприкрыты. Гордая складка искушающе обрисованных губ таит невыразимое одиночество. Но со-

вершенная рука рассеянна и лукаво играет созревшим яблоком.

Обескураживающе прекрасный незнакомец протягивает яблоко мне. Взгляд. Улыбка. Я чувствую, как тону в золоте Евиного сна.

Вчера был умница старик. Сегодня офигенно симпатичный парень. Ничего себе, бывший муж не поленился нанять целую тюзовскую труппу, чтобы меня разыграть. Только не дождется: усилением воли я сбрасываю с себя соблазняющий морок — и от яблока тоже отказываюсь.

Красавчик усмехается. Устраивает меня в невероятно мягком кресле, садится напротив. Но не перестает катать пальцами яблоко. И я поневоле следую за крутящимся сочным плодом за гипнотизированными глазами — до головокружения. Чтобы спастись, поворачиваю лицо к стене, где висят очень качественные живописные копии «Сотворения светил» и «Отделения тверди от воды»: день четвертый и день третий трудов Саваофовых.

Как всегда, мысленно ахаю: микеланджеловский Творец предстает непостижимым и грозным, почти измученным творческим актом и устало, светло умиротворенным. Еще бы! Он — художник Вселенной — победил хаос, создал невиданный мир, населил его жизнью.

Извечное вселенское колесо вот-вот повернется: нестыдливо распахнется нагое утро, кто-то пожертвует собой — и кто-то его оплатит, люди научатся бороться, понимать, сострадать.

Перехватив мой взгляд, парень-актер капризно хмурится. Кого же неуловимо знакомого он изображает? Эта головоломка завораживает и дразнит, будто втягивая в сияющий круговорот чуда и неодолимой печали.

Ну конечно! Картинно сидящий передо мною «персонаж» воссоздан с играющих светом и тенью серебристых гравюр Гюстава Доре — это ими был проиллюстрирован мильтоновский «Потерянный рай», которым я зачитывалась в пятнадцать.

Итак, снова Сатана. Но на этот раз не интригующий, а искушающий. Приятно познакомиться.

Мы поболтали о том о сем. И, довольная собой, прилежно разгадавшей предложенную шараду и к тому же справившейся с искушением, я отправилась восвояси.

Но уснуть в ту ночь не смогла: вечерний красавчик, цепляясь пальцами за выступы скал, погружаясь в море и в небо, «пробивался вперед

руками, ногами, крыльями, головой. Он плыл, нырял, пускался вброд, полз, летел» – и к рассвету окончательно меня измучил.

Не помню, что я ела днем и где была. Я вся превратилась в торопящееся ожидание заветной третьей встречи с Коллекционером.

Интересно, кто его будет играть? И кого он станет изображать? Но, толкая дверь квартиры № 50, я и не ожидала встретить внутри такого обидно обычного немолодого мужчину с сильной проседью в темных густых волосах и в клинышке подстриженной бородки.

Одет он был в мешковатый коричневый пиджак, изжеванную годами шею шиковато обматывал шарф. Руки безостановочно мяли мягкую белую шляпу. Выражение же лица (тоже мягкого и мятого) оказалось сладко-любезным. Будто единственной радостью всей его жизни было непременно мне угодить.

«Часов на нем не было, но был черепаховый лорнет на черной ленте. На среднем пальце правой руки красовался массивный золотой перстень с недорогим опалом».

Что за черт! Неужели тот самый? Мучитель Ивана Карамазова?

Только я это подумала, как что-то неодолимое стянуло мне руки и ноги – оплетающей муху паутиной. Попыталась шевельнуться – никак. В панике нашла вчерашнее кресло, плюхнулась туда.

Услужливый актер, игравший черта из моего любимого романа Достоевского, куда-то метнувшись, принес чуть теплый чай с печеньками. Попросил разрешения называть меня Гретхен. Растерявшись, я кивнула.

Позабывшее ласкательное «Гретхен» – уменьшительное от Греты – придумал папа, когда мне (его маленькой врубелевской пшеничноволосой Маргарите) было лет пять.

Раздухарившийся актер начал разглагольствовать. О том, что любит истину и искренно желает людям добра. О желании верить в Бога. О своей художественной восприимчивости. О тайных мечтаниях безвозвратно воплотиться в какой-нибудь безмозглой худосочной блогерше.

И мне казалось, что он говорит чистую правду. А в следующую секунду я видела, что он надо мною просто насмехается.

Обиженная, недоумевающая, я покинула третьего Коллекционера. Чертыхалась и клялась больше не участвовать в идиотском розы-

грыше, но стоило мне получить четвертое приглашение – сразу же примчалась.

Тогда-то все и разрешилось.

В квартире никого не оказалось. Только под ногами крутилась собака – карликовый черный пудель. Он посверкивал чрезвычайно умными янтарными глазками-горошинами и явно напрашивался на ласку. Я наклонилась, чтобы почесать малыша за ушами. И вдруг!

Прямо на моих глазах собака превратилась в мужчину неопределенного возраста с заостренными чертами лица.

Он прихрамывал на одну ногу и опирался на шпагу. Вообще устроил невообразимый маскарад: красный камзол, шляпа с петушиным пером, золотые монетки в перебирающих пальцах. Зловещий смех. Пронзительный взгляд. В общем, «я часть той силы, что вечно хочет зла и вечно совершает благо». Естественно. Куда же без «Фауста» Гете!

Дух разрушения был ожидаемо красноречив и язвителен. То иронизировал, то балагурил, то презрительно и хладнокровно рассуждал о человеке и человечестве. Говорил: все зло на земле от людей.

И красочно живописал ожидающие меня удовольствия – надо только подписать договор.

А что я теряла? Не душу же! Всего лишь тринадцать сочиненных историй, которые в любом случае мало кто прочитал бы.

Мы обмываем договор из зеркалящих лафитных стаканчиков на носорожьих ножках. Шофер отвозит меня на частный аэродром, серебристый самолетик взмывает в небеса.

И я оказываюсь на необитаемом острове, где провожу незабываемые тринадцать месяцев и опять становлюсь пятнадцатилетней.

Вернувшись, я часто вспоминаю Коллекционера. Улыбаюсь собственной наивности. И как я могла вообразить, что меня водит за нос труппа актеров?

И вдруг получаю письмо от своего «издателя» и снова стою на пороге памятной квартиры.

Мой визави чем-то сильно смущен, отчего становится похожим на мальчика: взъерошенные невидимым ветром мягкие черные волосы, упрямые юношеские губы. Нечеловечески прекрасные (и печальные) глаза.

Опять дежавю! Неужели на этот раз врубелевский сидящий Демон? А не перебор?! Мне кажется или я слышу шелест готовых счастливо подняться крыльев?

Нет, этому парню уже не взлететь. Несмотря на кажущуюся юность. Коллекционер сидит в кресле, напряженно и рассеянно выворачивая кисти рук и не чувствуя боли.

Грустное зрелище: непокорный дух, навечно закованный в тело. Облитые закатом золотые бугры юных мышц. Сомкнутые колени. Согнутая спина. Отсвет хрустальной слезинки на щеке.

В квартире шевелящаяся фиолетово-сиреневая тьма. Везде цветы, каких я раньше здесь не видела. Они похожи на тревожно и загадочно переливающиеся гранями кристаллы. Они как упрямые драконьи слезы.

И тут меня ошпаривает неожиданная мысль. А с чего я взяла, что я единственная избранница Коллекционера? Да наверняка их тьмы и тьмы! Целая армия восторженных мальчиков. И среди них три нежных Михаила, летящие по небу облаками.

Я представляю мою любимую у Врубеля «Сирень» – гибельные душные мазки вокруг сверкания глаз – и окончательно убеждаюсь в своей правоте.

Любопытное совпадение: Михаил Александрович создавал своего «Демона сидящего» около тринадцати месяцев. Может, в те дни он просто бродил по волшебному острову?

Что же такое им всем обещал Коллекционер? И стоило ли оно уплаченной цены?

Знойно-белым пятигорским летом 1841 года в нелепой злой дуэли нечаянно, глупо застрелен в грудь двадцатилетний насмешливый поэт, очарованно воспевающий духа полуночи.

А полвека спустя – тоже в июле – Винсент Ван Гог пишет полное ветра «Пшеничное поле с воронами», а затем приставляет револьвер к сердцу. Но по неопытности попадает ниже, скончавшись только через двадцать девять часов от медленной потери крови. Его последние слова: «La tristesse durera toujours» – «Печаль будет длиться вечно».

Ну, а Врубель... Он полностью теряет связь с реальностью: сначала сходит с ума, потом слепнет, навсегда погружаясь в нездешний мир. Наконец, доведя себя до воспаления легких и скоротечной чахотки, он захлебывается собственной кровью в психиатрической больнице.

Но со мной-то такого не произойдет никогда! В это просто невозможно поверить.

Правда?!

Юноша как с картины бессмертного Михаила Александровича застенчиво улыбается: «Вообще-то я ни для кого этого не делал, но вы, Грета Юрьевна, помогли мне завершить мою коллекцию. Хотите взглянуть?»

Кодовый замок, музыкально щелкнув дернувшим нервы «Le veau d'or est toujours debout» («На земле весь род людской»), открывает двери в колышущуюся тьму, где на бесконечных полках стоят испускающие чудный свет диких шары-уотерболлы.

Только внутри не снежинки и домики, а живые прекрасные миры!

Хозяин удивительной коллекции ловко достает самый верхний шарик: «Узнаете? Это вы написали».

На следующий день я проезжаю мимо – и впервые оказываюсь перед дверью Коллекционера без приглашения. Не иначе дернул черт!

Та только прикрыта – как всегда. Иду по длинному коридору, попадаю в красно-коричневую пустую темноту, намертво запечатанную складками чего-то душного, приторно пахнущего.

Зверски холодно, будто я на самом дне Дантова ада. Где сидит шестикрылый трехликий ангел, терзающий предателя и отцеубийцу.

Когда глаза привыкают, я вижу, что в комнате действительно кто-то есть.

Это невероятное существо – семиголовый обнаженный гигант с мощными колоннами ног и громадными спиралями рогов. Сияющая спина играет широкими мускулами. Из позвоночника рвется могучий хвост. Лучистые крылья возбужденно хлопают.

Великий Красный Дракон.

Он в ярости оборачивается. Я в ужасе бегу.

Еще одна личина! На этот раз созданная сумасшедшим Уильямом Блейком, считавшим, что видит рай наяву.

Малышу Уильяму не было и пяти, когда в окно детской просунул голову Некто, кого он принял за Бога (и завопил от ужаса). Позже, в саду, восторженному мальчику пригрезилось крылатое дерево, облепленное ангелами.

Он увлеченно рисовал «головы призраков», ему позировали являющиеся по ночам Вирсавия и Навуходоносор, Сократ и Христос.

В день смерти Блейк иллюстрировал Данте. Умирая, пел гимны и стихи. Его могила была уте-

ряна. Многие работы так и не нашлись – будто кто-то забрал их себе.

Но почему Коллекционер выбрал нас? Меня?

Виновата ли в том никем не видимая червоточина – печать неодолимого давнего проклятия? Горечь и свобода одиночества. Сны. Видения. Обостренное восприятие. Талант.

А может, и моя неспособность к обыкновенной беременности?

∞

И вот мне опять сорок один – хотя на самом деле шестьдесят семь. Прошло двадцать шесть лет. Да нет, не прошло – пролетело. Хотя грех жаловаться: моя жизнь все эти годы была максимально приятной. Я по камешку продавала алые «драконы слезы» и наслаждалась исполнением любых желаний.

Единственное – Коллекционер меня об этом не предупреждал – я больше не смогла написать ни строчки. Как ни старалась и где только ни пыталась поймать вдохновение.

Словно в тех тринадцати романах, рассказах, повестях навечно остался мой писательский дар.

Моя душа.

Или я все-таки ее продала? За земное царство и хлеба, богатство и новую юность?

Вот только с юностью вышло не очень. Физически-то я стала пятнадцатилетней. Но невероятный свет и рождаемая им крылатость ко мне не вернулись – лишь подразнили издалека.

В общем, отец лжи и здесь меня обманул.

Поняв, чего я в итоге лишилась, я поехала к Коллекционеру... Чтобы что? Опротестовать наш договор? Еще раз подержать в руках нежную тяжесть странного уотерболла, в котором теперь заключена тринадцатая часть моей души, ставшая единственным и неповторимым миром?

Не знаю.

Только квартира № 50 была безнадежно закрыта. Я даже прижалась, прислушиваясь, к обшарпанной двери. Тишина.

Странно, но до встречи с Коллекционером я, сорокаоднолетняя, несмотря на нескончаемый душевный раздрой и общую тоску существования (сочинение идиотской рекламы, кредиты, к

морю раз в год, купить туфли уже событие), была по-настоящему счастливой.

Потому что сдавала очередные «труссы» и, открыв еще пустой, гулкий файл, создавала новый прекрасный мир.

А сейчас, когда у меня есть так много (и деньги, чтобы в сорок один выглядеть максимум на тридцать), я уже давно ничего не хочу.

И даже купленный недавно домик, мой приют – с заснеженной крышей и в окружении подпирающих небо плечистых атлантов-деревьев, высоко в горах, куда уютным серпантином бежит тропинка, – нисколько меня не радует.

Только одно заставляет шевельнуться мои омертвевшие эмоции (удивление? испуг? любопытство?): я получила конверт от нотариуса с завещанием таинственного незнакомца. Лично знавшего Михаила Юрьевича, Михаила Александровича, Михаила Афанасьевича – и еще тьму очарованных и обманутых мальчиков (все-таки интересно, что же он им предложил?).

Этот документ сделал меня владелицей непредставимых богатств: новых красных бриллиантов, гигантских счетов в швейцарских банках, личного самолета с аэродромом, собственного острова – и квартиры № 50.

101

Нет, я не полетела тотчас туда, где можно снова стать пятнадцатилетней. Я живу в квартире Коллекционера (в ее пятом измерении) и уже навсегда останусь сорокаоднолетней.

Здесь будто нет времени, а пространство – и я сама – становится таким, как я пожелаю.

Я завела собаку (карликового черного пуделя). Она чрезвычайно умна – умеет ходить на задних лапах и приносит мне трость (ни с того ни с сего я иногда начинаю прихрамывать).

Еще я сменила идиотскую мелодию на кодовом замке, и, открываясь, он теперь поет щемящее «Michelle, ma belle».

Но за этими дверями пусто... пока.

Вся коллекция исчезла вместе с ее хозяином, придумавшим, как создать новую – свою – вселенную из чужих, выписанных текстов-душ, уловленных им в волшебные шары, которые стали живыми мирами.

Да, дьявол действительно сам не способен к творчеству. Но умело пользуется человеческими талантами и слабостями.

Последнее время (а теперь его и правда бесконечность) мне снятся тоскливые сны, где мечтаю остаться.

Я вижу – вернее, ощущаю – странное пространство. Оно плоское, как бумага, и играет изменчивыми гранями (как невообразимый кристалл). Тесное – и не имеющее края.

Ни света, ни звука. Тепло и пусто. Только в глубине, которой еще нет, шевелятся крылатые тени. Вроде бы их три. И одна из них я.

Мы возбужденно, нетерпеливо чего-то ждем. Как зрители на премьере. Может, Большого взрыва?!

Или вот: я вижу, как на серой земле перекачиваются мягкие волны травы. Чужой пустой мир. Робкая теплота ждущей жизни. Тишина.

Мне кажется, что я помню, или это просто приснилось: однажды в иной, непредставимой пустоте – не имевшей ни глубины, ни движения и даже ожидания, не знавшей, что такое тоскливая нить, вытягиваемая из теплого клубка уютного времени, – появился свет. Сначала как белея кипящая капля.

И я была его частью, удивленно раскрывающейся навстречу всему, что прямо сейчас неумолимо менялось. А все другие поступили точно так же.

Не было ничего, и вдруг стало так горячо и тесно, что я не могла даже вздохнуть (а ведь это был бы первый вздох во Вселенной!).

Свет взрывался и бил кипящими тысячецветными радугами, поднимался гигантскими башнями из переливающегося горячего газа. И те медленно плыли, заполняя собою новорожденное пространство, сталкивались и разрушались, колыхались, клубились, опять росли и снова падали.

Грохот стоял такой, что хотелось зажать уши, а лучше – куда-нибудь убежать. Но даже это не могло заглушить удивительное пение, тянущееся огромным чистым звуком, и звонкие голоса звезд (моих сестер), которые только что появились на свет и старались докричаться друг до друга.

Казалось, это так весело: грохот и пение рождающейся Вселенной, горячие башни из взрывающегося газа и невиданный разлетающийся свет, из которого можно было вылепить хоть что. Он продолжал расти, бешено раскручивая раскаленные газовые лучи. То одна, то дру-

гая сестра, оторвавшись, с криком куда-то уносились.

Я задрожала от ужаса, пытаюсь удержаться под маминой защитой, но свет, ставший глубокой, движением и обещанием, дернул, оторвал, потащил и выбросил меня на пустой планете. И сначала я одиноко и вольно носилась над бескрайними тусклыми водами, которые покрывали землю, клубясь и тая, как темно-лиловый туман. Сколько времени это длилось? Я не помнила. Да и не было в мире никакого времени.

А потом мне стало скучно, и я придумала небо и землю, отделила свет от тьмы, создала твердь посреди воды. На планете заплескались моря, выросла трава, потянулись вверх высокие деревья.

Они звенели от невидимого дождя. А на месте моего падения блестело озеро. Оно не отражало высоко бегущего солнца из-за похожих на пуховые варежки облаков, которые закрывали небо, будто детские руки, закрывающие глаза маме, чтобы та рассмеялась. И все это было как дыхание и глубина прохладного древесного ствола, уже готовящегося вытолкнуть изнутри клейкую новорожденность жизни.

Иногда я опускалась на дно озера, чтобы вспомнить, кто я и как тут оказалась. Прикасалась к радужной шершавости своей сброшенной оболочки, ставшей твердым холодным железом, и улыбалась, думая о маме. Но однажды ошметки звезды полностью ушли под песок, хотя и продолжали подспудно светиться (как зеркало, погруженное в воду).

Тогда я поняла, что больше никогда не увижу сестер и, вдруг проснувшись, уже не почувствую маминой теплоты... И проснулась!

О, я всегда просыпаюсь. И вообще мало сплю. У меня появилась жуткая привычка сидеть в кресле, до боли выворачивая кисти рук. Но я не чувствую никакого дискомфорта, хотя по щекам бегут слезы.

Очнусь – взгляд упирается в Микеланджело. Как выяснилось, «Сотворение светил» и «Отделение тверди от воды» не копии, а эскизы, собственноручно сделанные мастером.

Творец там непостижим и грозен, почти измучен творческим актом и невероятно, светло умиротворен. Он – художник Вселенной – победил хаос, создал невиданный мир, населил его жизнью.

А я... я бессильно опускаю руки – и одну мгновенно подхватывает ласкающаяся, счастливая черная голова кудлатого янтарноглазого пуделька, привычно подлаживаясь под мою ладонь. Еле дождался, чтобы погладила!

Вторая моя рука успокаивающе ложится на бронированную спину печального чудища с торчащим из лба бугристым рогом, с зазубренным гребнем, морщинистой мягкой мордой, робкими синими глазами. Он появился внезапно тоскливой лунной ночью и, кажется, поселился у меня навсегда. Мой верный паладин! Дюреровский носорог. Нежный гигант единорог Северного Возрождения. Грациозно ступавший чешуйчатыми тумбами-ножищами по мокрому песку моих сбывшихся детских снов.

Нам и сейчас здорово вместе молчит. Каждый думает о своем. В маленьких носорожьих глазках прячется несказанная грусть.

Когда я вглядываюсь в робкую синюю нежность, то понимаю: он, носорог, тоже это знает. Что все сотворенное конечно. О том и грустит.

И грустил всегда.

Я устало закрываю глаза, а складку губ, тающую печаль и одиночество, оберегаю поднятой рукой.

Рядом с микеланджеловскими днем третьим и днем четвертым Творения – его же «Страшный суд». А вот это действительно копия, правда, чрезвычайно талантливая.

Она величественная и пугающая. Запечатлевшая гнев и ужас последнего кипения людских страстей. В апатичном отчаянии хватается за лицо человеческая фигура; раздувает щеки надрывным трубным плачем провозвестник Апокалипсиса; кто-то пытается спастись, кто-то – спасти.

А это «Всемирный потоп»: мужчина терпеливо несет испуганную женщину (очевидно, любимую). Отчаявшаяся Она и продолжающий бороться Он, хоть и понимающий безнадежность своей борьбы. Хрупкостью и отвагой любви невозможно не восхищаться, юной радостной сосредоточенностью друг на друге, готовностью пожертвовать собой.

И, глядя на копию знаменитой фрески, я тоскую. Все глуше. Тише. Неизбывнее.

Еще одна копия, выполненная по моему заказу тем же даровитым, «всемирно» неизвест-

ным художником, – «La creazione di Adamo»: только что сотворенный первый человек тянет к своему Творцу совершенную руку, будто мраморную и облитую масляно-желтым солнцем.

Чтобы извечное вселенское колесо повернулось по новой.

Я думаю, это лучшее, что вообще можно сказать о человеке. О юности. Об эгоистичной физической радости простых движений тебя в безостановочно движущемся мире. Когда внутри все пружинится, тянется, звенит. Когда очень приятно чувствовать свое тело полностью. Как сокращаются мышцы и бежит веселая кровь. Как кожей ощущается теплота и движение воздуха.

Сделай шаг – и все станет твоим. Все земные царства, что лягут у ног. Все плоды, что тебе предстоит вкушать.

Но всегда наступает вечер: круг замыкается.

А я теперь новый Коллекционер. Перебираю бесчисленную гальку на «Прозе.ру», хожу на художественные выставки.

Привередливо ищу первую прекрасную жемчужину, с которой начнется моя коллекция.

Какая форма у мира? Диковинной призмы детского калейдоскопа, полного беспрестанно сменяющих друг друга чудес? Манящего лабиринта? Выставки картин, играющей культурными сюжетами, выдуманными историями, возвращающимся неприкаянным временем, моими погасшими чувствами?

Постижение искусства – это вообще нескончаемое схватывание и ускользание. Путешествие по лабиринту. Любование.

Я брожу по развилкам светлого и легкого выставочного пространства. Они обещают начало удивительных путей, цель которых – разгадать неподступную тайну бытия.

И вдруг набредаю на чудо: прическа разлетающегося летнего одуванчика, восторженные синие глаза.

За спиной забавного незнакомца – его картины. Они чудесные. Будто выступающие из тумана небытия. Где персонажам словно не хватает места в рамках, и поэтому они пытаются выбраться оттуда, из сотворенных художником длины, ширины, высоты и времени, – в реальные.

Это почти пугающее ощущение – экспансии, вторжения, попрания личных границ. Вполне вещественного присутствия чужой души внутри тебя.

Позже, когда мы познакомились (Улыбка. Взгляд. Вечный безмолвный вопрос... Мой лукавый полуответ...), я поняла: так Миша выражает мир, человечество, себя.

Все то, что помогает людям одолеть проклятие Адамова одиночества.

И вот я открываю глаза. Прямо в нереально яркий свет, заливший пустую Мишину мастерскую холодом и трепетом наступившего дня.

Такие прозрачные дни, делающие все предметы четкими и плоскими, лишенными объема и тени, бывают в самом начале осени, когда густой туман исчезает единым неуловимым мановением, унося из вселенной суть вещей. Точно творец, мучимый болью ностальгии, ставит на дряхлый проигрыватель любимую пластинку, и в волнах дребезжащих гармоник колыхнется сумрачное, рыхлое, полное неясной жизни Ничто, а потом вдруг включается свет, и наступает оглушительная тишина, и в теле Хаоса вырастает стальной скелет Порядка.

Это будет потом, а может, и никогда – визг падающей с ледяных высот Утренней звезды, несущей боль и смерть, и тень. Но пока вся вселенная заполнена только режущим светом Первого Дня – трепещущего, прозрачного и ломкого, как осенний лист.

Я лежу на шершавошкурое скрипучем диване. Он и продавленное, обожженное десятками случайных курильщиков кресло, пара пластиковых стульев, шатающийся древний стол – это все, что заполняет пустоту Мишиного жилища. Ах да! Еще картины. Невероятные. Нездешние. Выворачивающие наизнанку. Являющие неизвестные дивные миры.

Ясное утро ранней осени. Окна в небо. Холодно.

И вдруг я кажусь себе жалкой, пугающе старой. Вовсе не тридцатилетней – какой выгляжу. И не сорокаоднолетней – каков физический возраст моего тела. И даже не шестидесятилетней – какую реально являюсь. А крошечным первобытным насекомым, застывшим в твердом янтаре неправдоподобного света.

Время вместе с объемом куда-то исчезли, и мир наполнила протяжная тишина. Это длилось и длилось, как вкус прилипшего к зубам мятного леденца.

От яркого света заболели глаза и пересохло горло. И будто въяве слышался шепоток ненавистных, крылатых, наблюдающих извне то, что происходит внутри. Я упрямо усмехнулась.

Впрочем, додумывать эту мысль было лень, да и невозможно. Свет не просто давил – он выдавливал меня из реальности, будто косточку из вишни. Я снова закрыла глаза, но веки были слишком слабой защитой от немыслимого света, и под ними все равно хлопотала и взрывалась пылающая вселенная.

Правда, окружающий мир все-таки исчез, и я, оставшись без зрительной пищи, вся превратилась в слух, который послушно принес звуки льющейся воды, фыркание и даже какие-то смешные рулады, выводимые довольным юным голосом.

Двадцатилетний синеглазый мальчик, препоясанный большим махровым полотенцем, горячий и влажный, счастливый, сияющий, вышел из душа и весело, как избалованный щенок, прыгнул на диван. Тот жалобно взвизгнул!

Наклонившийся Миша коснулся моей кожи мокрыми волосами. И, замерев, я всем телом впитывала тихие быстрые поцелуи в уголок опущенных век, в мочку уха, в шею. А где-то далеко, за гранью ощущений, в теплом космосе ленивой истомы, дрейфовала приятная мысль, что так можно целовать только бабочку, боясь стряхнуть с невесомого крылышка золотую пыльцу, делающую ее способной летать.

А еще он шептал мне нежное, вечное: «La Belle Dame sans Merci».

Мы попали в Мишину мастерскую ближе к полуночи. Почему-то свет не зажгли, и молодой неизвестный художник, с которым я только что познакомилась на выставке, все время обо что-то стучаясь, искал в крошечной тьме свечи, спички, чайник.

Пили чай. Миша захлебывался разговорами ни о чем и своим взволнованным, уже почти волнующим меня дыханием. По стенам металась тень от вставшей за окном луны и щелкающего и шуршащего сине-оранжевого свечного огня. И вдруг мне нестерпимо захотелось нежности, до боли закусанных губ, теплоты чужого тела, бездумья.

И когда в пустынных окнах забрезжил осенний туман, мы как-то незаметно перебрались на диван. Лежали, обнявшись, сначала одетыми, а

потом абсолютно естественно случилось то, что, в общем-то, и должно было случиться.

От всепроникающего света, физически давящего на каждый сантиметр кожи, я ничего не ощущала – даже своей обнаженности. Будто он, свет, уничтожил все мои оболочки, оставив лишь некое живущее собственной жизнью Нечто, созданное именно для этого мальчика, который прямо сейчас заполнял меня без остатка.

Проголодавшись, мы нашли в холодильнике половинку вареной курицы и вскрытый пакет дешевого вина. Валяясь на диване и смеясь, ели руками и пили из коробки. А утолив голод и жажду, снова потянулись друг к другу.

Чтобы на какое-то безмерное мгновение стать совершенным восьмикрылым существом.

Мне даже показалось... О, я отчетливо почувствовала внутри какое-то незнакомое, сладкое, родное шевеление – чье-то, кого-то?!

Я тогда заказала Мише копии бессмертных фресок Микеланджело. И осталась с ним. На единственную ночь.

И с тех пор он повсюду меня ищет. Преследует счастливыми синими глазами, жадно впитывающими красоту.

Молодой талант, Буонарроти, мальчик с горячими губами и золотой июньской головой.

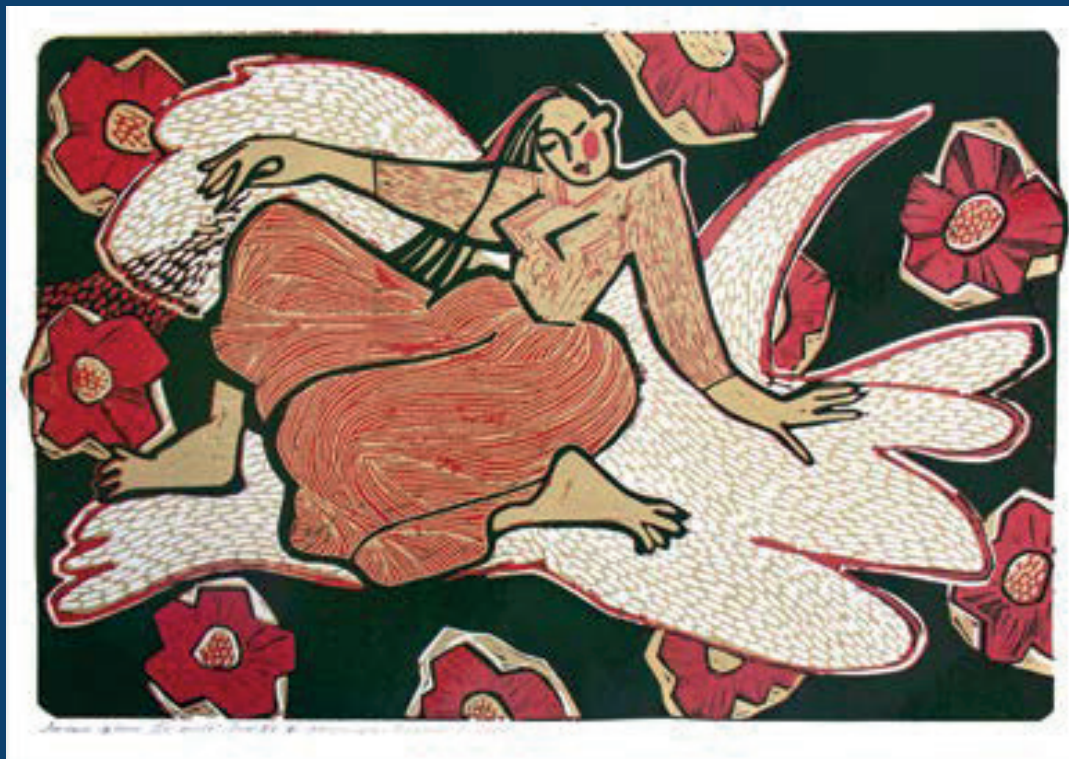
Мое смятение.

Я ведь все-таки женщина (Гретхен) и поэтому продолжаю надеяться на спасение.

И на то, что печаль не будет длиться вечно.

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ МОЛОДЕЖНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ВЫСТАВКА-КОНКУРС «НОВОЕ СЛОВО»

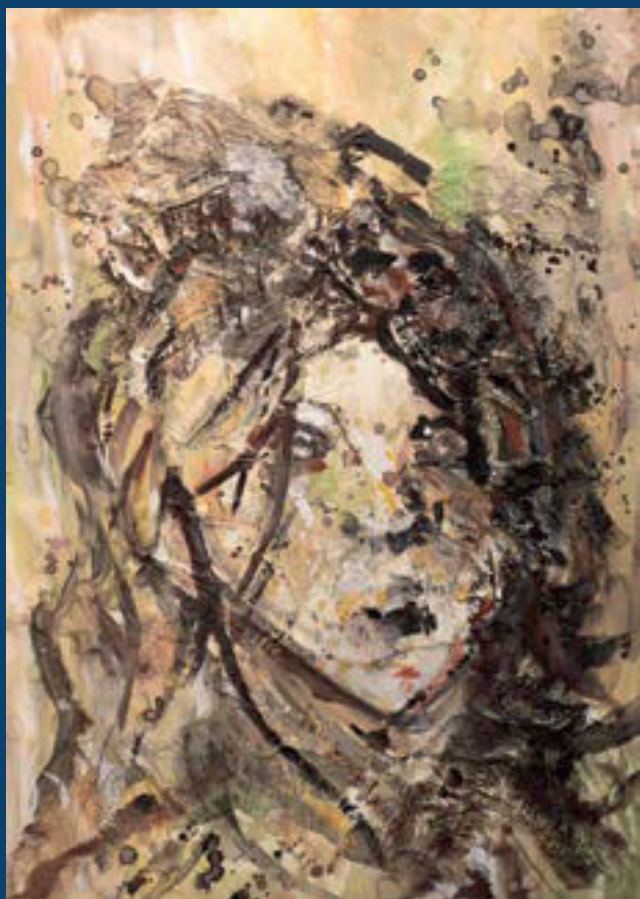
К. Романенко (Омск). Летящая. Из серии «Про любовь». 2022. Цветная линогравюра

Д. Смирнова (Кемерово). Желтая ваза. 2022.
Холст, акрил

Р. Буглеева (Екатеринбург). Мгновение Петра. 2022.
Холст, масло

А. Лариов (Комсомольск-на-Амуре). Она. 2020.
Бумага, смешанная техника

А. Косарева (Кемерово). Буря внутри.
Глина, ангобы, вошение

В. Аверкова (Оха). Творческий процесс. 2023. Компьютерная графика

Л. Плехоткина (Новоалтайск). Схватка. 2022.
Цветная ксилография

С. Сенина (Омск). Граффити. 2022.
Холст, смешанная техника, акрил

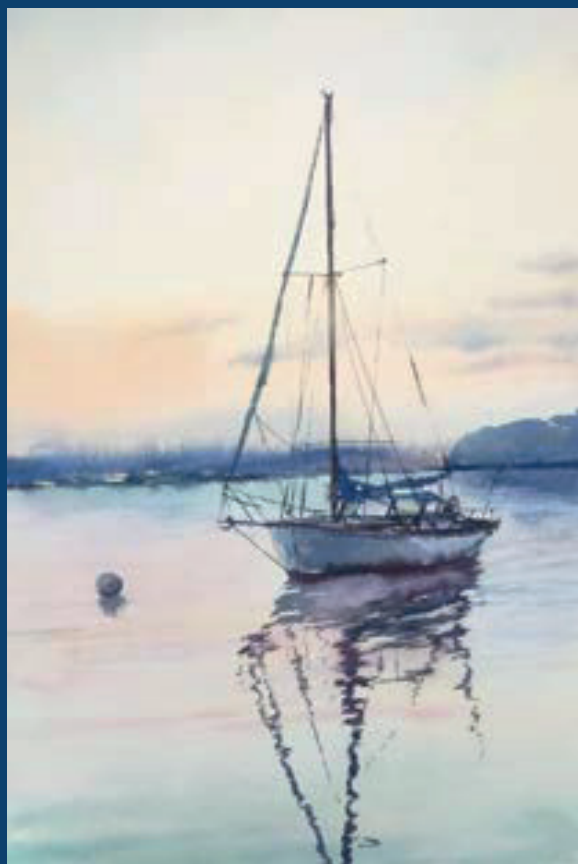
А. Пейнович (Кемерово). Высокий ветер. 2023.
Смешанная техника

Н. Лукина (Тюмень). Вечер. 2021.
Бумага, акварель

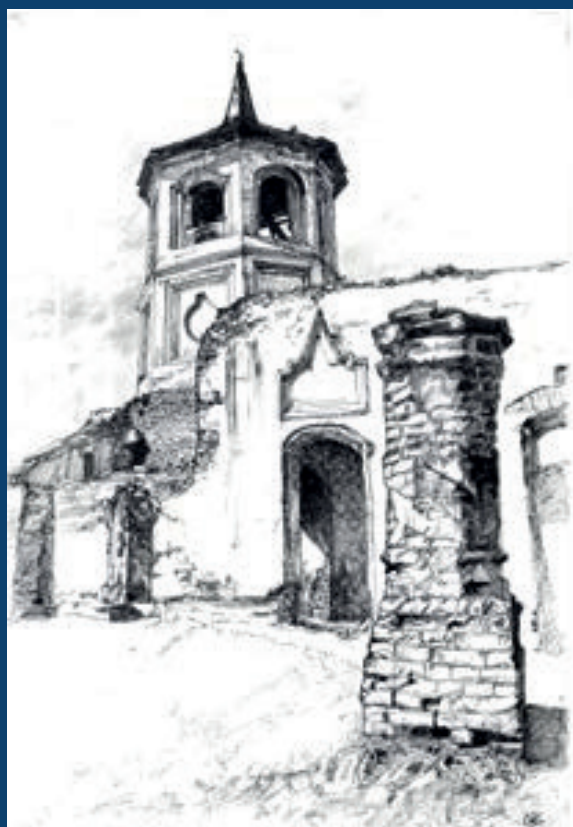
А. Надёжкина (Хабаровск). Домик с красной крышей. 2019. Холст на картоне, сухая пастель

К. Сапига (Хабаровск). Парус. 2022. Акварель

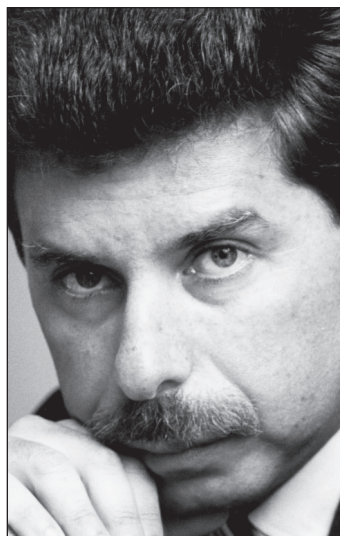
Н. Зеленая (Новоалтайск). Из серии «Двери». 2021. Холст, масло

В. Худякова (Иркутск). Церковь Сретения Господня. 2022. Бумага, тушь

**Дмитрий
БИРМАН**

РАССКАЗЫ ИЗ ДЕТСТВА

РЫЦАРЬ КРУГЛОГО СТОЛА

Мое детство прошло сначала в коммунальной квартире, где на общей кухне толкались внушительными попами четыре хозяйки, а потом в малогабаритной хрущевке, с кухней аж в четыре с половиной квадратных метра.

Моя детская мечта была приземленной и неромантической.

Я не хотел стать космонавтом или продав- 113 цом газированной воды.

Мне не нравилась военная форма. Я не хотел быть регулировщиком уличного движения с красивым жезлом в руке и звонким свистком во рту.

Я мечтал о... большом круглом столе!

Я видел этот стол – круглый, большой, стоящий на кухне (соответственно, тоже не в четыре с половиной квадратных метра), за которым собирается вся семья!

Тогда я наивно полагал, что несколько поколений могут ужиться на одной кухне, конечно, если это не лающие соседи, а дружная большая семья.

Кстати, вспоминая классика: не только «квартирный вопрос» портит людей – сколько семей

распалось, сколько семей просто не сложилось из-за «кухонного вопроса»!

Коммунальная кухня в те времена была нормой, мои мама и папа мечтали об отдельной квартире, которая тогда казалась роскошью, а зачастую просто смыслом жизни.

А я... Я мечтал о большом круглом – не знаю почему, но обязательно круглом! – столе... Может быть, потому, что, когда мы кое-как втискивались в габариты кухни и рассаживались за прямоугольным столом производства Киевской мебельной фабрики им. Тараса Бульбы, моя бабушка говорила: «Не садите ребенка на угол, не женится до кладбища!»

Прошло много лет... У меня на кухне стоит большой круглый стол, за которым время от времени мы собираемся с компанией друзей.

С большой семьей как-то не получилось...

Ушла бабушка, за ней дед и мамина сестра; мои двоюродные сестры уехали жить в другую страну, а папин брат в пух и прах разругался с моей мамой...

Время от времени, когда уходит прочь дневная суета и дом погружается в сон, я выхожу на кухню и, не зажигая света, усаживаюсь за большой круглый стол. И вижу то, чего уже давно нет, и тех, кто уже давно ушел.

БИРМАН Дмитрий Петрович родился 18 апреля 1961 года в Горьком (Нижний Новгород). Поэт, прозаик, организатор культурных проектов. Лауреат национальной литературной премии «Писатель года», Международной литературной премии им. Э. Хемингуэя, Международной литературной премии «Писатель XXI века». Книги автора изданы в России, США, Польше. Произведения печатаются в периодических изданиях, журналах, альманахах, сборниках издательств «АСТ» и «Эксмо». Член Союза писателей России. Член Русского ПЕН-центра. Председатель оргкомитета Международного литературного фестиваля им. М. Горького. Живет в Нижнем Новгороде.

Я думаю, что правильно мечтал. Только, наверное, все же немного недомечтал?

ДЯДЯ ЛЕНЯ

Лет с пяти мы, взрослые пацаны из песочницы, стали определяться с планами на будущее.

Сергея мечтал о фуражке с кокардой, толстому Женьке снилось, как он продает мороженое, Колян говорил, что уже умеет ездить на машине. А я... я хотел быть дядей Леней!

Дядя Леня поселился в доме напротив за месяц до моего пятилетнего юбилея и сразу полностью завладел моим вниманием.

В нашем унылом микрорайоне, полном серых панельных домов и неулыбчивых людей в серых пальто, появился сказочный герой.

Ярко одетый, вызывающе красивый и какой-то... свободный.

Конечно, все это я осознал не сразу, но сразу захотел быть таким же.

Лет в семь я понял, что он работает врачом, потому что папа однажды, когда мы, гуляя, встретили дядю Леню, спросил его о средней температуре по больнице.

В другой раз мы с друзьями решили препарировать (в то время, правда, я такого слова еще не знал) дохлую лягушку. Колян положил ее на лавочку, а толстый Женька принес из дома кухонный нож. Стояли мы, смотрели на нее, а решиться не могли. Вдруг подошел дядя Леня, взял из потной, толстой Женькиной руки нож, в два-три взмаха сделал из лягушки демонстрационный материал и ушел. Мы были в шоке, Женьку рвало, а Сергей добил нас неведомым словом: «Хирург!»

Так вот, я не хотел быть хирургом, как дядя Леня. Я хотел стать дядей Леней-хирургом!

Лет в двенадцать я окончательно убедился в правильности своего выбора, потому что увидел, как моя мама, здороваясь с ним, чуть сморщила нос. Она всегда делала так, когда ей не нравилось мое поведение, и, конечно, дядя Леня стал просто моим кумиром!

В четырнадцать я дико завидовал джинсам «Вранглер», которые были в нашем микрорайоне только у него. А с каким шиком он ходил в чуть сдвинутой на лоб фетровой шляпе!

В шестнадцать я, прыщавый юнец, вдруг понял, что дядя Леня просто красавец! Высокий, широкоплечий, с сильными руками и уверенной походкой, а рядом очередная красотка. Ведь

этот мужчина с большими серыми глазами, смуглой кожей, тщательно постриженными усами и гривой густых черных волос не мог не привлекать внимания женщин. Правда, по какой-то неведомой мне тогда причине дольше трех-четырех месяцев они с ним не оставались. И было это, конечно же, постоянной темой для разговоров микрорайонных бабушек.

В общем, человек-загадка был моим идеалом. И моей тайной. Никогда и никому я не рассказывал о своей мечте.

После окончания школы папа настоял, чтобы я пошел в строительный институт, по его, так сказать, стопам. Я не возражал, потому что знал: не поступлю – буду дядей Леней-врачом.

Поступил. Но как-то так получилось, что дядя Леня стал для меня... запасным вариантом.

Ну, например, на первом курсе обиделась на меня Светка и перестала разговаривать, а я думаю себе: «Да и ладно, вон дядя Леня каждые три месяца женщин меняет».

Или на втором: половина группы в джинсах, а у меня нет – так не беда, хожу себе в папиной фетровой шляпе, чуть сдвинув ее на лоб, как дядя Леня.

В общем, жил я себе с этой мысленной палочкой-выручалочкой, институт окончил, в другой город по распределению уехал, потом женился, потом мир вокруг стал совершенно другим, бизнес-шмизнес и т. д. и т. п.

И вот мне уже за пятьдесят, папы, увы, нет, ладно мама, слава богу, жива. Сидим мы как-то у нее, чай пьем и учебу мою в институте вспоминаем. То да се, и тут я про дядю Леню спросить решил.

– Слушай, мам, а помнишь, дядя Леня в доме напротив нашего жил? Ты все морщилась, когда с ним здоровалась, а папа про среднюю температуру по больнице спрашивал.

– Конечно, помню, – отвечает мама, – красавец мужчина...

– Так чего же ты морщилась?

– Понимаешь, сынок, все же надо иметь особенное свойство психики и характера, чтобы работать патологоанатомом!

Я ехал домой в автомобиле, медленно и без музыки, с полным ощущением того, что жизнь прожита зря...

А потом прибавил газу, включил «Русское радио» и улыбнулся, радуясь, что так и не стал дядей Леней!

МЕСТО СИЛЫ

Во дворе нашей школы стоял турник. Знаете, такая П-образная железяка, их много лет тому назад ставили во всех школьных дворах для массового оздоровления и «физкультуризации» населения (что, кстати, само по себе очень неплохо). На самом деле железяк было три: для малышей, подростков и старшеклассников. Каждый год турники (мы их называли «перекладины») шкурили, красили, и энергичная детвора принималась лазить по ним, время от времени сваливаясь в песок, который был уложен под турниками «для мягкости».

Я уже не помню, кто первым начал летними вечерами приходить на турник и болтаться на нем, пытаясь изобразить некие гимнастические трюки. Но точно помню, что это был вызов.

Тогда, в далекой юности, считалось особым шиком расположиться на огромной пришкольной территории в высокой траве с бутылочкой красненького и гитарой. По сигаретному дыму, поднимающемуся над лебедой, сразу можно было определить, где и сколько компаний отдыхает после тяжелого дня тягучих летних каникул. И вдруг...

Через неделю рядом с турником начали собираться человек семь. Каким-то непостижимым образом стало интересно, кто, извиваясь червяком, подтянется большее количество раз, а кто сумеет сделать «выход на руку», «выход на две», «склепку», «краба»...

Эти словосочетания и обсуждение успехов (или неудач) на турнике наполнили нашу жизнь новым содержанием и, главное, изменили наши отношения.

Теперь около турника каждый вечер встречались человек двадцать – двадцать пять. Это были «ботаны» (хотя такого термина тогда еще не было) и хулиганы, старшеклассники и выпускники, которые, готовясь к институтским экзаменам летнего семестра, приходили на перекладину отдохнуть от зубрежки.

Кстати, термин «перекладина» абсолютно утвердился в нашей жизни. На перекладине назначали разборки и свидания, устраивали показательные выступления и соревнования. Неожиданно ботан Олег Пятаков стал героем перекладины, и хулиганы перестали отбирать у него деньги, полученные от родителей на школьные обеды, а Толстый Костян, головная боль учителей и гроза микрорайона, похудел в стремлении сделать «склепку обратным хватом».

Когда меня спрашивают о ярких воспоминаниях юности, я, конечно, рассказываю об учителях, надеждах, мечтах... Но если начистоту, то самое яркое воспоминание – это встречи «на перекладине», а мечта – крутануть «солнышко» и не сорваться.

Школьный турник стал знаковым местом. Окончив школу, мы еще лет пять собирались на перекладине, красили эту стареющую железку и болтали о жизни. Я знаю как минимум восемь пар, свадебное шествие которых началось от перекладины.

Прошло тридцать пять лет. Но каждый год в день выпускного мы собираемся на перекладине. Седые мужчины, многие из которых уже стали дедушками, скидывают пиджаки, галстуки и начинают возвращение в юность, лаская мозолистыми ладонями старую железяку.

ЗАПАХ СВОБОДЫ

Я влюбился сразу и навсегда. Она была на год старше, училась в десятом классе, и за то, чтобы носить ее портфель, сражались главные мачо (даже не знавшие тогда этого слова) нашей школы.

Каждое утро я прибежал в школу за час до начала уроков, вставал в угол недалеко от входной двери и ждал.

Сутилась малышня, носились пятиклассники, входили серьезные и деловые старшеклассники, но я не видел ни их, ни моих одноклассников, которые, посмеиваясь, хлопали меня по плечу.

Я ждал. Она появлялась в белом сверкающем облаке, которое светилось и благоухало. Это был запах чуда... Чудо звали – Инна.

После того как она проплывала мимо меня, я погружался в тяжелые раздумья. Как и, главное, чем я мог заинтересовать ее? Я, среднестатистический ученик, не отличник, не спортсмен?

Только через месяц мучений меня осенило. Я должен сразить ее наповал тем, как я буду одет и, главное, как я буду пахнуть!

С одеждой решилось само собой. Старинный папин друг дядя Веня привез из командировки на Кубу (о, как же это тогда было круто!) удивительно модные вельветовые брюки.

Они были последним западным шиком. Широкие темно-синие и желтые полоски чередовались, создавая атмосферу солнца и океана. Я тут же примерил их и упрямился маму немедленно подогнуть их по моему росту.

Теперь осталось придумать, чем я буду пахнуть. Выбор был не очень большим. Одеколон «Тройной» и «Шипр» я отмел сразу, а «Саша» мне был не по карману. Собственно, выбирать больше было не из чего. Еще немного помучавшись, я уговорил папу позвонить дяде Вене и спросить, нет ли у того какого-нибудь волшебного запаха. В результате я стал обладателем крошечной пробирочки, которую мне с улыбкой вручил дядя Веня. Он сказал, что это самый модный кубинский запах.

Я летел домой на крыльях любви (которая теперь-то уж наверняка станет взаимной), зажав в кулаке волшебный эликсир счастья.

Мой триумф был назначен на 20 мая.

Ранним солнечным утром я принял душ, впервые побрился папиным станком с бритвой «Нева», надел бесконечно модные вельветовые брюки в сине-желтую полоску, белую рубашку навывпуск, папины белые парусиновые туфли (на два размера больше моего), полил из пробирочки расчесанные на идеальный пробор волосы дурманящим запахом острова Свободы и двинулся в школу с гордо поднятой головой.

Надо сказать, что люди в нашем микрорайоне на окраине города не очень привыкли видеть с утра экзотических персонажей, которые вышагивают в самой модной одежде и пахнут самым модным запахом.

Сначала я объяснял их удивленные взгляды тем, что они поражены, насколько я красив. Потом, когда шедшая мимо бабушка сплунула и перекрестилась, насторожился.

О, как я запомнил 20 мая, конец учебного года в девятом классе!

В тот день дежурной по школе была завуч по воспитательной работе Агнесса Павловна. Она первой увидела меня, когда я взлетел на школьное крыльцо и уверенно распахнул входную дверь.

Она схватила меня за руку, быстро зажала в углу холла (того самого, из которого я обычно любовался Инной) и прошипела: «Ты что в пижаме в храм знаний приперся?! Совсем с ума сошел?!»

Здесь необходимо сказать вот о чем. Я, конечно, представлял, что такое пижама, но у меня ее никогда не было, а спал я, как все нормальные люди, в трусах и майке.

«Агнесса Павловна, я... Дядя Веня... Куба...» — выдавливал я из себя в полном ступоре.

«Да ты еще и накурился с утра! Дышать нечем! — взвилась Агнесса Павловна. — Вон из школы! Чтобы вечером с родителями пришел!»

Откуда же, ну откуда я мог знать, что запах острова Свободы — это запах моря, солнца и... сигар!

Прошло два раза по столько лет, сколько мне было тогда.

Я был во многих странах, покупал одежду в бутиках, а на полочке в ванной комнате у меня неплохая коллекция мужских ароматов.

Инна, моя любовь, к счастью, не видевшая моего позора, уехала в Москву, поступила в институт и навсегда исчезла из нашего микрорайона.

Река времени все унесла, выровняла и стерла.

Вот только я никогда в жизни не надевал пижаму и терпеть не могу запаха сигар!

ДЖИНСЫ

В одна тысяча девятьсот семьдесят восьмом году самой желанной, важной и недостижимой для меня вещью были джинсы.

Да, те самые джинсы, в которых ходили кривоногие ковбои в далекой Америке и которые в СССР тогда только начали появляться.

Мы знали их в лицо. Поименно. По отстрочке определяя фирму. От их названий веяло радостью и свободой: «Супер Райфл», «Вранглер», «Левайс».

Мы смаковали эти чуждые советской идеологии слова, а Галина Сергеевна, наш классный руководитель, пренебрежительно скривившись, втолковывала нам, что предмет нашего поклонения — это просто рабочая одежда.

Нам было, если честно, наплевать на ее слова. Мы до судорог хотели эту рабочую одежду, даже если ее до нас уже долго носили заграничные пролетарии. Тем более что ношенные («тертые») джинсы стоили значительно дешевле «новья», за которое нужно было отдать целое состояние.

Я не мог и мечтать о новых джинсах, а вот на «тертые» упорно копил.

Лето после окончания девятого класса я провел во вспомогательном цеху макаронной фабрики, постигая высокое искусство подготовки листов картона к изготовлению из него упаковочных ящиков для пачек с макаронами.

Через два месяца ударного труда меня выгнали за пререкания с вечно пьяным мастером цеха. Получив честно заработанные тридцать рублей, я загрустил. Моя мечта находилась от меня на расстоянии в двадцать рублей. Огромные по тем временам деньги для школьника!

До весны последнего, десятого учебного года я брался за все что угодно, лишь бы приблизить желанный миг обладания чудом. Я помогал дворнику убирать снег и заливать каток, в зимние каникулы разгружал хлеб в булочной. И даже продал Юрке Дяхову любимую серию марок эмирата Оман – с картинами великих мастеров, на которых, по странному совпадению, были изображены раздетые женщины.

Таким образом я заработал еще пятнадцать рублей, но этого все еще было недостаточно.

Я пребывал в отчаянии...

А все дело было в том, что в конце девятого класса я влюбился. Перед самыми каникулами, когда стало уже тепло и девчонки надели юбки одна короче другой, оказалось, что Ольга Макова стала ослепительно хороша. Тогда у меня и созрел план, как завоевать ее внимание.

Но теперь мой план был под угрозой: после десятого класса Ольга хотела ехать в Москву поступать в МГИМО, и тогда я уже вряд ли смогу ее чем-нибудь удивить...

Из предсудуицидального состояния меня вывел Андрюха Ветров, единственный мой друг, который не только знал про мой план, но и сам ждал джинсы: их обещал привезти ему из заграникомандировки папа – к окончанию школы и вступлению, так сказать, во взрослую жизнь.

И вот в середине апреля, накануне моего дня рождения, Андрюха ворвался в нашу малогабаритную хрущевку, сразу заполнив весь ее объем.

– Во, Диман! – кричал он, потрясая чем-то, упакованным в плотную бумагу, перевязанную бечевкой. – Забирай, отдадут за сорок пять, только там молния сломана!

– Тетя Маша! – тут же взял Ветров в оборот мою маму. – Вы же сможете молнию заменить, правда? Вон машинка-то у вас стоит, я давно заметил!

– Дядя Петя, – это уже папе, – а что, Диман давно так на диване валяется?!

При этом ответы Андрюхе были не нужны. И пока я нехотя вставал с дивана, еще не осмыслив сказанное другом, он развязал бечевку, эффектно разорвал бумагу и, как фокусник, разложил передо мной... джинсы.

Это были «US top» – «Вершина Америки», пошитые, как потом выяснилось, в Бразилии.

– А-а! – заорал я, метнулся на кухню и достал из жестяной банки в красный горошек, на которой было написано «сода», заветные сорок пять рублей. А потом, сунув их Ветрову, вырвал у него из рук долгожданное чудо!

Андрюха очумело молчал, мама растерянно смотрела то на меня, то на Ветрова, а папа довольно усмехнулся и пошел курить на кухню.

С того самого момента мне, как принято сейчас говорить, «поперло»!

Я надел джинсы с замененной мамой молнией на последний звонок – и он закончился для меня первым поцелуем с Ольгой Маковой.

Я был в них на вступительных экзаменах – и поступил в институт.

Я хорошо учился и был любим, я легко шел по жизни уверенной походкой победителя в тертых джинсах, плотно и надежно обтягивающих мой костлявый зад.

На третьем курсе я их продал и купил «Вранглер» – новые, с особенно любимыми мною «хулиганскими» карманами.

И вот что интересно. Вадик Галкин, друг моих друзей (ему «US top» были проданы уже за шестьдесят рублей), через двадцать пять лет стал вице-президентом «Лукойла».

И когда мне становится тяжело, когда кажется, что жизнь зашла в тупик, я задаюсь одним и тем же вопросом: «Если бы я тогда не продал джинсы, стал бы я вице-президентом «Лукойла»?»

117

ЧОКНУТЫЙ

Первое самостоятельное (и очень удачное) решение я принял, стоя на подоконнике раскрытого окна в кабинете химии.

Декабрьский ветерок бросал снежинки на мое лицо. Они мгновенно таяли, создавая иллюзию слез, которые катятся по моим щекам.

Действительно, очень хотелось плакать. Олю Маркову, первую красавицу нашего класса, видели вчера с Михой Лягиным, моим закадычным другом.

Они шли (так мне рассказала дурнушка Хохлова), держась за руки, и смеялись. Наверняка Муха рассказывал очередную тупую историю из своей жизни чемпиона школы по боксу и отличника.

В общем, я проспорил.

Конечно, посмотрев раз пять фильм «Девчата» (блокбастер времен молодости моих родителей), я знал, что, если предметом спора является девушка, это очень некрасиво.

Провокатор Лягин втянул меня в спор, зацепившись за слова.

Я признался ему, что влюблен в Маркову и пишу ей записки. В стихах. Она пока не отвечает, но уже заинтересованно смотрит на меня.

– Фигня! – сказал Миха и зевнул.

– Что фигня? – обиженно вскинулся я, ожидавший дружеской поддержки. – Стихи фигня? Да ты не читал, а говоришь!

– Фигня, что она поведется на записки! – Миха снова зевнул и потянулся. – Лучше духи ей подари.

– Дурак ты! – покраснел я от негодования. – Ничего не понимаешь!

– Давай я ей духи подарю, и она будет за мной бегать.

– Ничего у тебя не получится! Она не такая!

– Спорнем? – Он протянул ладонь, которой легко можно было закрыть мое лицо.

– Давай! – хлопнул я своей ладонью по его лопате.

– Но! – Миха поднял указательный палец. – Кто проиграл, тот прыгает из окна кабинета химии.

Я согласился, совсем не подумав, что кабинет химии находится на третьем этаже.

Вечером прямо возле дома меня подстерегли трое пацанов из соседнего микрорайона. И, воспользовавшись тем, что Лягина не было рядом, прилично отколошматили.

Дело в том, что наши микрорайоны враждовали. Однако магазины недобрых соседей были к нам намного ближе (от нашего с Лягиным дома нужно было просто перейти дорогу), и Миха все время ходил туда. Местные ребята побаивались его кулаков и не трогали. Время от времени я становился его попутчиком.

Накануне я первым вышел из магазина и ко мне тут же подошла эта троица. Но только их главный, сплюнув, начал разговор типа «а че ты тут делаешь», появился Лягин и быстро разобравшись с хулиганами.

Вот они на мне и отыгрались.

Потом была годовая контрольная, стрижка под ноль (протест против запрета носить прически как у Битлов), и я совсем забыл о нашем споре.

Вернее, не то чтобы забыл... Если честно, я был уверен, что Марковой я уже небезразличен.

Вот как она ответила на мою очередную записку с виршами: «Димочка, у тебя талант. Мне очень нравится».

Да, она была троечницей.

Да, она написала «нравиться» – с мягким знаком.

Да, она начала курить в восьмом классе (это было ужаснее ужасного).

Но тогда в моих глазах это только добавляло ей привлекательности.

И вот стою я на подоконнике раскрытого окна кабинета химии.

Класс замер.

Химичка – толстенькая, похожая на поросенка Эльза Ювенальевна – застыла с широко открытыми глазами.

А дальше...

Раз – я поворачиваюсь к Марковой. И кричу:

– Я или Лягин?!

Два – наша красавица отворачивается от меня и с улыбкой смотрит на Миху.

Три – мысленно извинившись перед родителями, я прыгаю вниз. С третьего, напомним, этажа.

Сугроб мягко принял меня в свои объятия. Я начинаю различать чьи-то крики, но громче всего звучит злорадно-победный хохот моего лучшего друга.

Два последующих дня прошли в разборе полета.

Родителей вызвали к директору, собрали экстренный педсовет с единственным вопросом в повестке – о дальнейшем моем пребывании в школе.

В результате все обошлось.

Вечером второго дня папа (мама принципиально не разговаривала со мной) позвал меня на кухню и, закулив, сказал:

– Сынок, спорить нехорошо. Но если проспорил, надо отвечать. Так что, в принципе, молодец. Правильное решение.

Папины слова про правильное решение оказались пророческими.

Маркова вышла замуж за Лягина, когда тот учился на третьем курсе университета. А на пятом бросила его вместе с годовалой дочкой, уехав с новым возлюбленным в неведомые края.

Но главное – я стал ходить в магазины через дорогу.

При этом хулиганы из соседнего микрорайона показывали на меня пальцем и говорили:

– Пацаны, этого не трогаем, он чокнутый!

МОРОЖЕНОЕ

Мороженое «Пломбир» было самым вкусным на свете. За девятнадцать копеек вы получали радость, счастье и удовольствие в вафельном стаканчике.

– Мам, ну купи, ну купи! – канючил семилетний я.

– Завтра, сынок! Завтра после работы куплю.

– Хочу сеча-а-ас! – Я начинал подвывать, демонстрируя полную готовность к переходу в рев.

– Завтра, сынок! На улице жарко, мороженое холодное, можешь горлышко простудить. Завтра принесу домой после работы, дома поешь.

– Не-е-ет! – продолжал я ныть. – Вон все едят! Я сеча-а-ас хочу-у-у!

Мы стояли на автобусной остановке. Совсем рядом был киоск с волшебной надписью «Мороженое», к которому выстроилась небольшая очередь.

– Купи, купи, купи-и-и! – Это уже было по нарастающей, и люди, которые вместе с нами терпеливо ждали автобуса, стали посматривать то на меня, то на маму.

– Неужели нельзя подождать до завтра? – раздраженно прошептала мама.

Стоявший рядом солидный мужчина с портфелем, в красивом бежевом костюме и бежевых сандалиях громко, на всю остановку обратился к ней:

– Женщина, ну купите ему мороженое!

Дама в белой панаме и темных очках подхватила:

– Мамаша, что вы ребеночка нервничать заставляете? Или вам денег жалко на мороженое?

Мама вспыхнула, крепко взяла меня за руку и повела к заветному ларьку.

– Но есть его ты все равно будешь дома! – сказала она, покупая выстраданный мной пломбир. – По дороге мороженое немного подтаит, я дам тебе ложечку, и будешь брать по чуть-чуть!

Я был на все согласен и радостно уселся к окошку в только что подошедшем автобусе.

– Граждане, оплачиваем за проезд! – Громкая и необъятная кондукторша двинулась вдоль сидений.

Когда она добралась до нас, мама, вежливо улыбнувшись, показала проездной билет и положила руку мне на плечо.

– А мальчику вашему сколько будет? – пытливо спросила бдительная кондукторша, видимо, озадаченная маминой улыбкой.

– Ему можно без билета, – вежливо ответила мама, зачем-то доставая из сумки мороженое.

– Мне уже семь лет! – гордо заявил я.

«Семь лет» утонули в пломбire, который мама ловко поднесла к моим губам.

Для меня это явилось, с одной стороны, насилием над личностью, и я обиделся. С другой стороны, в моих руках неожиданно-негаданно оказался приз, который мгновенно отрешил меня от реальности.

– Сколько? – Бдительная тетя нависла над нами грозовой тучей.

– Да мы выходим скоро, – тихой скороговоркой ответила побледневшая мама. – Маленький он еще, давайте я его на руки возьму.

Шум на задней площадке отвлек королеву рейса № 26. Пока она выступала третейским судьей в споре дяди в бежевом костюме и тети в белой панаме (на предмет, кто первый толкнул, а кто испачкал новые брюки), нам удалось благополучно проехать еще три остановки. Необходимость сбора оплаты проезда с других пассажиров подарила еще одну остановку.

Все это время мама сосредоточенно смотрела в одну точку перед собой, а я самозабвенно откусывал (и не по чуть-чуть!) кусочки вафельного стаканчика – разумеется, вместе с его содержимым.

– Дамочка впереди! – пророкотала туша на весь автобус. – Собираемся за проезд оплачивать?!

Пунцовая мама встала и, подталкивая меня перед собой, пошла к выходу. Дверь за нами хлопнулась. До дома было еще три остановки.

Я, гордо-обиженный, шел, слизывая с пальцев остатки мороженого, и еле успевал за мамой.

– Все! Устал! – выкрикнул я ей в спину.

Мама обернулась, и я увидел, что по щекам ее текут слезы.

– Мама, мамочка, не надо! – крикнул я, тоже заплакал и бросился к ней.

Она села на пыльную траву, усеянную шелухой от семечек и окурками, крепко обняла меня и прошептала на ухо: «Все хорошо, сынок! Я люблю тебя!»

Неведомо тогда было мне, семилетнему, что у мамы в кошельке оставались последние двадцать копеек (на которые пришлось купить мороженое), а зарплату она должна была получить только на следующий день.

Последние тридцать лет каждый год 5 июля я приезжаю к маме и привожу два пломбира.

Мы едим с ней это (пусть уже не самое лучшее на свете) мороженое, смеемся, вспоминая сцену в автобусе, и я снова чувствую себя маленьким мальчиком, который перестал плакать, обнимая маму.

МУЗА

Она жила в доме напротив. Окна в окна. Рыжая, полногрудая и крепконогая.

Утром она раздвигала занавески и расчесывалась, стоя у окна. Волосы были рассыпаны по ее спине, ночная рубашка открывала моему жадному взору круглые плечи и сильные руки, усыпанные веснушками.

Потом она брала в левую руку зеркало, в правую – то пинцет для выщипывания бровей, то пудру, то помаду. А вот ресницы она не красила. Вообще непонятно, как у рыжей и голубоглазой женщины могли быть черные, густые и длинные ресницы.

Затем она уходила вглубь комнаты, исчезая из моего поля зрения, и возникала в кухонном окне с чашкой кофе и сигаретой. Она задумчиво смотрела в никуда, выдыхая дым в открытую форточку. Докурив сигарету и поставив пустую чашку на подоконник, она растворялась до следующего утра.

Каждый раз, наблюдая это действие, я хотел спуститься вниз, выйти из подъезда, попытаться заговорить с ней или пойти следом, чтобы узнать, где она работает.

Каждый раз, когда она плавно опускала сигарету в пепельницу, делала последний глоток кофе и растворялась, я бросался к письменному столу и начинал писать. Стихи. Они рвались на-

ружу, царапая изнутри грудь и полностью подчиняя меня себе.

Однажды жаркой июльской ночью я проснулся от жажды и пошел на кухню попить воды. Сделав несколько глотков, я поднял глаза и увидел свет в ее кухне. Абсолютно голый мужчина стоял спиной к окну и тоже пил воду.

Я был раздавлен. Я поклялся себе, что утром прослежу за ней и найду повод для знакомства.

Я не увидел ее утром следующего дня. Она пропала. Исчезла. Растворилась.

Я не находил себе места, у меня пропал аппетит и сон.

Зато как много я стал писать! По три-четыре стихотворения в день.

Они были о далеком и близком, неизведанном и странном, о том, что заставляет кипеть кровь и леденит душу.

Тогда я думал, что они о смерти.

Теперь считаю, что они о любви.

Через неделю я снова увидел ее. Она налила красную жидкость из бутылки в стакан и, чуть запрокидывая голову, пила. Ее движения были легки и неторопливы. Когда бутылка опустела, она повернулась лицом к солнцу.

Я спрятался за занавеску, мое сердце разрывало грудную клетку и стучало в висках. На нее было невозможно смотреть.

Тогда я подумал, что она очень устала.

Теперь я думаю, что это была боль и страдание.

Я начал писать поэму. Моя разорванная в клочья душа требовала слов и рифм.

Лихорадка охватила меня и не отпускала, пока не была поставлена последняя точка.

Я решил во что бы то ни стало прочитать ей свою поэму.

Я был уверен, что она все поймет. Я не сомневался, что после прочтения она снова станет прежней и позволит мне быть рядом.

Еще через неделю, возвращаясь домой тихим звездным вечером, вдыхая сладкий аромат свежескошенной травы и разглядывая яркие точки неведомых звезд, я увидел ее спящей на лавочке у подъезда дома, на который я смотрел каждое утро и каждый вечер.

Юбка задралась, обнажив крепкие ноги до трусов, блузка была расстегнута, и белый бюст-

гальтер едва удерживал грудь, которой, видимо, было очень тесно.

Одна туфля валялась рядом, а у скамейки аккуратно стояла пустая бутылка и стакан.

Кашель начал душить меня, я бросился прочь и нос к носу столкнулся с нашим соседом, очень известным и уже очень пожилым профессором философии.

Он взял меня за плечи и спросил:

– Что случилось?

Тут только я понял, что не кашель, а рыдания сотрясают меня. Торопливо и не очень вразумительно я рассказал ему все, что мучило меня и не давало покоя.

Помнится, даже начал читать ему свою поэму, но сбился и остановился.

Профессор взял меня под руку, и мы пошли под его неторопливо-рассудительную речь.

У нашего подъезда он остановился, посмотрел на меня с мудрой, доброй улыбкой и спросил:

– Кстати, молодой человек, а вы знаете, что такое катарсис?

Позвольте, ну откуда же я мог знать, что это такое?

В свои-то тринадцать лет!

ИЗ АНТОЛОГИИ ДОНБАССКОЙ ПОЭЗИИ «ВЕЛИКИЙ БЛОКПОСТ»

ДОНБАССКИЙ СОБОР

Дорогой читатель! Вернее, так: дорогой перечитыватель! Искренне верю, что поэзию необходимо именно перечитывать, хотя, разумеется, никакое перечитывание не заменит дивный восторг первого узнавания текста, но открывает иные двери, иные калитки в мир зачитанного до слез стихотворения. Перечитыватель оголяет провода, срывает покровы, сам становится текстом. Есть мнение, что автор во время работы над стихотворением словно созывает всех своих читателей из будущего. Всех до единого...

Дорогой перечитыватель, ты держишь в руках антологию донбасских стихотворений «Великий Блокпост», хотя на самом деле это он, великий и трагичный, держит тебя в своей горсти, подносит к близоруким глазам, рассматривает тебя, когда ты открываешь первую главу «Предчувствия войны», и словно бы спрашивает: «А ты чувствуешь?»

<...>

Девять донбасских лет. С 2014 трагического года, когда «От Одессы остался только звук О...», до 2022 года, в котором постоянно звучат новости о невинно убиенных донбасских детях — ангелах Донбасса. Какими были эти годы? Разными. Сколько в них было горя и сколько было нечаянной хрупкой радости выживших, день за днем вспоминающих наших павших. Главные герои антологии — люди. Шахтеры, поэты, военкоры, филологи, врачи, скрипачи, модели, Авели и каины, перевозчики, рабочие, ветераны, мертвые и живые, бессмертные наши донбасские люди.

<...>

«Великий Блокпост» — это антология-путешествие в край терриконов, в бескрайнюю донбасскую степь, изрытую траурными лентами окопов, в самую суть долготерпения русских людей, которые готовы до последней капли крови сражаться за поэтический язык главного русского божества — Александра Пушкина.

<...>

Под обложкой антологии «Великий Блокпост» собраны стихотворения сорока пяти авторов. Сорок пять разных голосов, презревших смерть и воспевающих жизнь.

<...>

Сорок пять — это, конечно, и про Победу. Про попытку магического воздействия на пространство, про личный вклад каждого в общее дело Победы. Мы победим — так было, и так будет всегда. В этом нет никаких сомнений. Это мне на ушко вчера нашептал в очередной раз артобстрелянный бронзовый и навсегда тридцатисемилетний поэт и военкор Александр Пушкин. Русское слово всегда побеждает.

<...>

Разреши мне вольность, дорогой перечитыватель, я хочу признаться тебе в огромном, обрушившемся на меня счастье всматриваться в эти доподлинные тексты. Общим знаменателем для стихотворений поэтов-воинов является уникальное отношение авторов к своим лирическим героям, это взгляд прямо из окопа или с брони, взгляд из-под каски и через прицел. Это особое братство.

<...>

«Великий Блокпост» — это время долготояния и долготерпения, это и час мужества, и кевларовый век, это время «до»... А что после него? Воскресение. Пасха. Победа.

Анна Ревякина,
28 ноября 2022 года

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВОЙНЫ

Дмитрий МУРЗИН

* * *

Подушка противная.
Одеяло интерактивное.
Вечеринка корпоративная.
В слове «оранжевый» слышится
«г» фрикативное.
Кокнули Яндарбиева.
Фильмы Димы Месхиева.
«Окна» Нагиева.
Русский язык не доведет до Киева.
Югославские мины.
Со взрывчаткой машины.
Синие апельсины.
Бедная Украина.

* * *

За окнами хмуро и сиром,
уснешь и увидишь во сне,
что мир разделен на два мира
в какой-то ужасной войне.
В какой-то продуманной бойне,
в каком-то тумане и мгле...
И колокол на колокольне
звонит обо всех на земле.
Ты держишь винтовку, как палку,
от страха и злости дрожишь,
такой близорукий и жалкий,
кого-то убить норозишь...
Окопы, обстрелы и взрывы,
и будет все именно так,
пока не увидишь красивый,
пробитый осколками знак:
до вражьей столицы две мили.
И тут же проснешься без сил
от счастья, что мы победили
и ты никого не убил.

2006

* * *

Прибыль растет, растут объемы продаж.
Даже зарплата – медленно, но растет.
С прошлой полочки приобретен трельяж.
С этой полочки можно купить комод.
Случка «американ дрим» с русским «давай»,
этой страны бездонные закрома...
Яблоко капитализма, советский рай.
Если не пить, то можно сойти с ума.
Я и не пью. Я и почти сошел,
глядя на эти нравы и времена.
Кроха не знает, что плохо, что хорошо,
если что и спасет – так только война.
Только война расставит все на места,
только война и только враг у ворот.
Только странная надпись на пол-листа:
«Офис закрыт. Офис ушел на фронт».

2007

НОВОЕ КИНО

Прогуляться выйти субботним днем,
завернуть в кафе невзначай.
И давайте папе пива плеснем,
маме с дочкой заварим чай.
Но в кафе какой-то холодный свет,
пиво – теплое, чай – с тоской,

потому решит семейный совет
двинуть дружно в сад городской.
Там в саду стоит голубая ель,
там когда-то белка жила,
там в саду лошадка и карусель
и пинг-понговых два стола.
Продают какую-то ерунду,
постоять – устроит цена.
Духовой оркестр в городском саду
так хорош, словно завтра война...

2012

* * *

Тяжела атлетика Мономаха,
асинхронно плаванье, квел футбол.
Проигравшего ожидает плаха,
победителю достается кол.
Выпьем за победу, да где же кружка?
И, по ходу, нечего наливать...
Коротка дистанция, как кольчужка,
а мы еще не начали запрягать...

2013

Анна РЕВЯКИНА

* * *

Если Он важен не просто тебе,
а в рамках Вселенной,
Он не отвалится, не станет
монетой разменной
для автомата с шипучей лимонной водой.
Если Он важен тебе – тысячи лет неживой.
Вдруг, как иголкой игольщик, –
нащупана вена.
– Пленных не брать! Война
здесь обыкновенна.
Пустая скорлупка сработавшей гильзы,
у автомата щелчок – принимаемый вызов.
– Пленных не брать, добивайте!
К ужину гости –
пустые глазницы, лохмотья,
гремящие кости.
Ешь телевизор, ерься печатных продуктов.
Эта война на заказ – жуткая шутка.
Не истери, у правды о Нем нет срока.
Находишь еще в себе подобие Бога
или уже стесался, истерся духом?
Видишь, земля пылает десятым кругом!

2011

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Безнадежность вежливо
вынимает из одежды
и голым на снег.
До границы идти из этой страны,
но бережно сохранять ее
где-то у основания рода.
Погоду, лицо одноклассницы,
моду на мех, бижутерию и поролон.
Двигаться вон из комнат,
в которых погром.
Смерч, проносющийся,
словно внутри метроном.
Потактово: в нищету и неверие в Бога.
Дома без порогов стоят – недоτροги.
И плачут потеками серых фасадов.
Вон из страны разбредаются чада.
Кому-то на запад, там
жирная паперть и новый язык.
А кто-то идет на восток
проращать корнеплодом,
катать вдоль коронок знакомое слово.
Тайник
за печатями, в клубнях проводки.
Что толку скрывать
гнойники-недомолвки?
Поодиночке бегущие волки –
дети двуликости, стадных рефлексов.
Вы ростом уменьшитесь
в вытертой холке,
но вряд ли найдете лучшее место.
Мне тоже, бывает,
хочется с вами бежать,
забывая за окнами пустошь
и черный грибок зеленых подъездов.
Но я остаюсь, впиваясь зубами
в свою же костлявую руку.
Ведь если нести, то честно.

2011

* * *

Я люблю тебя, город мужчин
с подведенными черным глазами;
я начну свой визит от вокзала
и продолжу в металле машин.
Возвратиться в него навсегда,
а не просто неделя с родными –
в сентябре на мои именины,
расписание конца сентября.
Этот город – свиданье с тобой:

мы увидимся, золотом листья
расшивает деревьям бариста –
эта осень кофейной рукой.
Моя радость под пудрой видна.
Ты – мой город, мой город простецкий.
Как прекрасно здесь все, по-донецки,
так приятно глазеть из окна.
Мой оставленный дом у реки,
мой проспект Ильича и больница –
мне все это открытками снится:
пешеходы, афиши и ты.
Ты стал большим теперь для меня,
мой уютный, застенчивый город.
Этот ком, распирающий горло,
я все так же в тебя влюблена.
Ты меня обнимай, не робей.
От вокзала и до отъезда
мне твой воздух для легких полезен
и вальяжность твоих голубей.
Меня городом ты обнимай,
я приехала только за этим.
У меня два обратных билета,
на сегодня – в потерянный май.

2010

ВОЙНА

Дмитрий МУРЗИН

* * *

Принесли на Авеля похоронку.
Тишина стоит, что ни звук – то всхлип,
тишина стоит, только треск в колонках.
И не в курсе Каин, во что он влип...

....

Если б Ева сама не рвала где тонко,
то Адам, как трепетный сомелье,
пригубил бы яблочную самогонку,
настоящую на змее.

Анна ДОЛГАРЕВА

* * *

А ты что такой умный,
как будто бы знаешь точно,
стоит ли умирать,
стоит оно того?
Слушай, не надо лозунгов,
и так-то тошно.
Я-то?

Да я об этом совсем ничего.
Нет, я не знаю.
И ты не знаешь.
Разве о том, что ордена удостоят.
Может, в газете еще пропишут
и пустят слухи.

А если хочешь знать,
стоит ли,
стоит? –
то вот спроси у Андрюхи.
А Андрюха ходит по яблоневому саду,
на ветру струится ковыль.
А Андрюха смеется, ему ничего не надо,
на лице у него пыль,
голова у него в цвету, в цветах,
голова у него в кустах.
И роса на яблоках, и в каплях солнце,
у заката лицо огнево.
А Андрюха оборачивается и смеется:
ничего не знаю, мол, ничего.
Может, и хотел бы что-то ответить,
но становится темнота,
налетает, уносит его ветер
за черные леса, за далекие города,
и ничего он не скажет тебе
никогда.

...И исчезают яблони, и становится
тишина,
и только горит костер,
а ты иди, раздвигая мрак, ничего не знай,
до далеких морей, до высоких гор.
Там, у дороги, в лесополосе,
упадешь, уставившись в темноту.
И когда-нибудь будет радость,
и солнце в росе,
и яблони во цвету.

Мария ВАТУТИНА

ОДЕССЕ

Отойди на шаг. На два.
В красный угол.
Видишь, это не дрова.
Это уголь.
Это – недра. Это с шахт
тянет дымом.
Боже, выходи на шлях,
помоги нам.
Все теплей, еще теплей,
жарко, меркло.
Не подбрасывай углей

в это пекло.
По углам их разведи,
по майдамам:
и с напалмом из груди,
и с метаном.
Кто заломится в бреду
над сыночком?
Кто поделится в аду
уголочком?
Ищет третьей мировой
семя жлобье.
Этот уголь – образ Твой
и подобье.

Анна РЕВЯКИНА

* * *

Что ни дом, то короб пустой,
что ни слово, то сух язык –
эта боль посильней зубной.
Бог, как опытный ростовщик,
назначает такой процент –
не расплатишься до зимы.
После смерти не будет цен,
только свечечки зажжены.
Под ногами горит асфальт,
и не слышно колоколов,
в этом городе плавят сталь,
проливают свою же кровь.
А за городом светлячки
освещают победный путь,
я гляжу сквозь твои очки,
я желаю к слепцам примкнуть.
Что ни дом, то сплошная скорбь,
что ни голос, то вой сирен.
Этот город был слишком горд,
и теперь он пошел в размен.
Бог торгуется, как банкир,
не уступит и двух монет.
Бог смеется, что Божий мир
утверждает, что Бога нет.
Его смех – канонада дня,
город плотно берут в кольцо.
В этот город пришла война,
я боюсь ей смотреть в лицо.

* * *

И хотя моя цель – не вырасти, но расти,
ужасаясь дремучести воздуха над головой,
я всегда вспоминаю,
что здесь полегли костями,

уходя в забой. Уходя в запой,
по стеклянное горлышко узких шахт –
четверенили потихоньку, как муравьи.
Не отмыть под ногтями и в пальцах
суровый такт –
сама соль земли, сама боль земли.
Словно стон роженицы – выдох, вдох.
Нарастает рокот внутренних галерей.
Уповай на Бога, но помни, что этот Бог
не жалеет даже собственных сыновей.
Но руда-земля тебя любит – вторая мать,
подземелий пыль непохожа
на стылый прах.
Если цель твоя – выстоять,
так учись стоять,
но тебе в этом не помощник страх.

РОДНАЯ РЕЧЬ

Мой язык кому-то становится поперек
горла.
Говорить на нем все равно что терпеть
сверла
по металлу в кости подъязычной и рядом
с небом.
Мой язык поэтический уродлив для
русофоба.
Моя личная фобия – договаривать все
до точки,
моя личная точка там, где ушная мочка
переходит в хрящ. В нем нервическая
основа,
перевод синхронный влетевшего птицей
слова.
Отстранившись прилюдно, перебираю
смыслы,
мой язык гениален, выдыхается
углекислым.
Лишний повод расти деревьям, цветам
и травам,
лишний повод закату стать навсегда
кровавым.
Мой язык для кого-то сложен
и неприемлем,
он впитал весь пот, что отдан был
русским землям,
он звучит внутри, как то, что молчать
не может.
Мой язык – пятно несмываемое на коже.

* * *

Я люблю этот город –
обетованную степь,
на лице его порох,
он видел воочию смерть.
Он безумен, как шляпник,
разливший нечаянно ртуть.
Этот город внезапен,
но мне не в чем его упрекнуть.
Он стоит на границе –
силы света и силы тьмы.
Он немножечко рыцарь,
его горы – всего-то холмы.
Его вены, усталые вены –
потемневший асфальт дорог.
Его все обвиняют в измене,
сочиняют ему некролог.
Я люблю его, как ребенка,
не болеет ли, не озяб?
Как же тонко в нем все, так тонко,
но об этом сейчас нельзя.
Впрочем, в тонкости тоже сила,
тоже правда и благодать.
Я заранее его простила,
если будет за что прощать.

Мария ВАТУТИНА

* * *

Лучше подставить другую щеку:
на тебе.
Лучше известно, кто в руках,
чем журавль на небе.
Лучше в хате иконостас,
чем в море сокровище.
Лучше братья по крови,
чем по сукровице.
Если уж тут затронута гематология:
целый ребенок лучше его надгробия.
Лучше череп носить на плечах,
чем сажать на шест его.
Лучше хмельной Майдан,
чем толпа с Грушевского.
Весело вам, вольно вам, кобза с окариною?
Что же вы, братцы, сделали с Украиною?
Что же вы добиваете,
злы и жертвенны,
то, что за двадцать лет
не успели гетманы?
Истинно говорю вам,
как у Матфея в записи:

есть кому предавать
на славянской трапезе.
Лучше смерть в нищете –
благополучья рабьего.
Лучше стоять у пропасти,
чем у Яра Бабьего.
Лучше искать в себе,
чем винить правительство.
Лучше место жизни,
чем место жительства.
Лучше молиться всем миром,
чем украинской ночью
небо прокалывать, «і» завершая
точкою.

* * *

Окно. Компьютерное кресло.
Незащищенный свет в окне.
Я выжила или воскресла
в братоубийственной войне?
Смогла спастись ценою малой?
Воскресла страшною ценой?
И кто на снег, от крови талый,
сложил любимых предо мной?
Мне страшно, Господи, от этих
от верещагинских красот
в коммуникационных сетях,
откуда кладбищем несет.
Мой ангел, я теперь другая.
Все изменилось. Я теперь
умею жить, преодолевая
сопутствующий вид потерь.

Анна ДОЛГАРЕВА

* * *

В гильзу от АГС помещается 20 грамм,
в данном случае – виски. Мы пьем без звона,
ветер с востока хлопает дверью балкона.
Пьем за тех, кто более не придет к нам.
Пьем за любовь, за свою мирную жизнь,
за наше большое будущее, поскольку все мы
относительно молоды;
неубедительнейшим «держись»
пытаемся поддержать друг друга на время.
Сентябрь начался, с востока идет гроза,
молчат минометы,
автоматы притихли даже.
Один комроты, смотря на меня, сказал,
что мечтает увидеть
женщину не в камуфляже.

Здесь земля отверженных,
нам уже от нее не деться,
ветер степной пахнет смертью,
мятой и медом.
Мы пьем за любовь, за правду,
за счастливое детство,
пьем не чокаясь из гильз от гранатомета.

* * *

Проходили эпохи, генсеки, цари,
разгонялся же, ветер, и пламя – горы,
саранча проходила, и плыли века,
и текли времена, как большая река.
Оставались земля и деревья на ней,
деревянные домики между дождей,
оставалось сплетенье размытых дорог,
оставались сады, что никто не берег,
одичалые яблоневые сады,
оставались старухи да их деды,
потемневший портрет да икона в углу,
черный хлеб да похлебка из лука к столу.
Перемешаны: чудь, татарва и мордва,
разгорайся, огонь, разрастайся, трава;
все цари да чиновники тенью пройдут,
ну а мы-то навеки останемся тут,
от курильских морей до донбасских степей
в эту землю вращаем и останемся в ней.
И когда ты по черной дороге придешь
через мокрое поле и меленький дождь –
будет теплая печь, будет хлеб на столе
и не спросят, какой нынче век на земле.

Дмитрий МУРЗИН

ПАЛЬЦЫ БЛОГЕРА

Ваши пальцы пахнут...
А. Вертинский

Пальцы пахнут никотином,
мышкою, клавиатурой,
пальцы пахнут Украиной,
кровью, гарью, миной-дурой.
Пальцы пахнут Волновахой,
Славянском, Донецком, Счастьем,
пеплом, Горловкой, и прахом,
и расстрелянной медчастью.
Сиротой, убитым сыном
да непризнанной виною.
Пальцы пахнут мертвечиной,
мертвечиной и войною.

Анна РЕВЯКИНА

* * *

Осторожно, двери закрыты,
 водитель сосредоточен,
 пассажиры смотрят в окна,
 как убегают обочины.
 С шакальей улыбкой минометчик
 выпустит мину,
 громко крикнет: «За Україну!»
 Раньше за Украину пили, закусывали,
 а теперь убивают,
 минометчик улыбается миномету,
 говорит: «Баю-баю...»
 Спите, суки, босоногие сепары,
 русские пропагандоны,
 а я, моторный, поїду додому.
 А ви вже приїхали. Выходите,
 чего разлеглись-расселись,
 минометчик будет улыбаться,
 пока не заболит челюсть.
 Минометчику скажут дома:
 «Розкажи нам, Рома,
 вони насправді зайва хромосома?»
 Рома кивнет, дотронется
 до ямочки на подбородке,
 попросит борща с чесноком,
 черного хлеба, водки
 и расскажет о том, как миномет
 с первого выстрела дал осечку.
 Мама заплачет: «Боже мій, як небезпечно!»

* * *

В моем городе бой,
 и отчаянный боу,
 одержимый войной,
 надевает портки,
 его руки теперь – кулаки,
 боу – бугристые желваки.
 Ни намека на страх,
 боу в отцовских портках:
 «Хочешь в глаз или в пах?»
 Его тень как скала,
 его мысли – смола.
 Вне добра или зла
 боу умеет крушить,
 врач не сможет зашить.
 Боу – спартанец, и щит
 говорит за него, как скрижаль.
 И безумный февраль

отпускает спираль,
 где виток за витком
 в полотне городском
 боу становится мужиком.
 Убережь бы тебя,
 чтоб в разгар февраля
 в черном слове «война»
 появился застенчивый луч
 на полу, что скрипуч.
 И мой глаз, что текуч
 был весь год напролет,
 вдруг заметил, что льет
 не внутри, а снаружи, и лед,
 как короста, сходит с реки...
 И не слышно, как взводят курки,
 и останутся только стихи...

РЕКВИЕМ

Как уходят герои? Молча.
 Растеряв все рефлексy волчьи.
 Вместо слез для них море горечи,
 вместо роз для них залп тройной
 холостыми, и серый в штатском
 что-то скажет нам о солдатской,
 о судьбе двух народов братских,
 пофлиртует с седой вдовой.
 А над кладбищем, там, где дымка,
 реют ангелы-невидимки,
 их не видно на фотоснимках,
 но ты слышишь шуршанье крыл.
 Это ветер в густых березах
 прячет наши с тобою слезы.
 Наша жизнь – череда наркозов
 да пролитых на лист чернил.
 Развяжи мои губы словом,
 я парю над изрытым полем,
 я привык, что тобою болен,
 я привык уже умирать.
 Я лечу, и мне светят звезды,
 и рябины алеют гроздьа,
 и вся жизнь теперь то, что поздно,
 то, что вряд ли воротишь вспять.

* * *

Кто читает все эти чертовy сводки?
 Налей мне водки, промой мои раны,
 мы с тобой в подвале сидим,
 как в подводной лодке,
 имени русой Марии, имени плачущей Анны.

Наша лампа-лампочка,
наша маленькая лампада,
желтая, жуткая,
внутриматочная спираль мира.
Не гляди на меня, Мария,
я боюсь твоего взгляда,
помолчим, Мария, здесь
каждое слово – гиря.
Наш подвал укромен,
четыре стены и стулья,
а еще эти полки с помидорами-огурцами.
Нас подвал уменьшает,
сжеживает, сугулит,
мы становимся даже не сестрами –
близнецами.
А на завтра сводки, от которых
мне сводит душу,
а на завтра снова учиться ходить по краю.
Мы идем по улице – два морячка по суше,
мы с тобою еще ни разу не умирали.

Анна ДОЛГАРЕВА

В город пришла война.
В город ложатся мины.
В городе разорвало водопровод,
и течет вода мутным потоком длинным,
и людская кровь, с ней смешиваясь, течет.
А Серега не воин и не герой.
Серега – обычный парень.
Просто делает свою работу,
чинит водопровод.
Под обстрелом, под жарким
и душным паром.
И вода, смешавшись с кровью,
фонтаном бьет.
И конечно, одна из мин
становится для него последней.
И Серега встает, отряхиваясь от крови,
и идет, и сияние у него по следу,
и от осколка дырочка у брови.
И Серега приходит в рай – а куда еще?
Тень с земли силуэт у него чернит.
И говорит он: «Господи,
у тебя тут течет,
кровавый дождь отсюда течет,
давай попробую починить».

дети восьмидесятых и девяностых –
кто в штабах, а кто на погостах.
небо тысячу раз прострелено
южными звездами,
когда все еще были в живых,
в благословенных откормленных нулевых
нам так не хватало страны,
любимой большой страны,
нам не хватало войны.
позже
нас назовут придонбашенными,
нас назовут страшными.
мы действительно станем страшными –
для родителей, для друзей,
для соседских ребят,
но более всех для себя.
рожденные восьмидесятыми
и девяностыми
лежат под южными звездами,
расстреляны южными звездами,
и над нами стоит весна.
и лежим мы в своей стране,
и из нас вырастает наша страна.

Ничего не знаю про ваших
полевых командиров
и президентов республик.
На передовой до сих пор
шаг в сторону – мины
и снайпера пули.
Его звали Максим,
и он был контрабандистом.
Когда началась война,
ему было тридцать.
Меньше года
он продержался.
Недолго.
Под Чернухино
он вывозил гражданских.
Его накрыло осколком.
Мне потом говорили тихо:
«Вы не могли бы
о нем не писать?»
Все-таки контрабандист,
бандитская морда,
позорит родину-мать».
Ее звали Наташа.
Она была из Лисичанска.
Прикрывала отход сорока пацанов.

Белая птица поднимается над сгоревшим домом. Пахнет гарью и порохом и чем-то уже знакомым – сладковатым смертным запахом. Слушай, кто мы – кто мы ныне, с нашей молодостью военной, провожала тебя с утра – не ревела, в стены коридора – только – вцепившись, стояла. И молчала, молчала, молчала, молчала. Но над сгоревшим домом поднимается белая птица. Здесь в золу и камни втоптаны белые блюдища, самовар блестящий.

чашки. Лежит и дымится деревянный стол. Сюда уже не вернуться.
Но поднимается белая птица – выше и выше, и разевает клюв она, и крыльями белыми машет, выше выбитых окон, выше сгоревшей крыши, выше всех тревог и печалей наших. И сердце мое, горячее и живое, дергается и хочет – всегда с тобою, посреди войны, посреди сгоревшего города, посреди распахнутых глаз, полных горя и голода, посреди военной молодости исковерканной. У сгоревшего дома лежит разбитое зеркало, отражаются в нем белоснежные кудрявые облака. Белая птица летит, далека она, далека.

Анна РЕВЯКИНА

* * *

Сама не знаю, как я их пишу,
как будто и дышу, и не дышу.
И буквы, превращаясь в отпечатки,
канючат их под утро отпечатать,
предать огласке, высвободить пядь,
как будто словом можно повлиять.
Но точно можно обозначить время,
суровость быта, свист в печной трубе.
Прошу, мой свет, ни слова о войне,
ни слова про завышенную цену,
которую приходится платить,
нанизывая бусины на нить.
Ни слова про поджилки и юродство,
про вечное безденежье в плену,
про то, как пустошь, топи, целину,
сверяясь по картинкам садоводства,
я еженощно превращаю в книги,
не применяя тяпки и мотыги.
Одни лишь пальцы, стертые к утру,
и если я когда-нибудь умру,
во что не получается поверить,
ты помни, что мои стихи как двери,
в замочной скважине которых диск луны
и облака донецкие видны.

* * *

Наши степи гуманитарные,
наши улицы вне закона.
Выходи, поиграем в Нарнию,
выходи, поиграем в зону.
Потанцуем, пройдемся под руку,
сумасшедшие – божевильные.

Нам и врозь не бывает холодно,
в рукавах у нас связь мобильная.
Март – разлапистый, разухабистый,
раздраженный и разреженный.
Мне с тобой бы бродить до старости
в нашем марте вооруженном.
Мне с тобою играть бы в крестики,
нет, не в крестики, лучше – в нолики.
Мне бы малость твоей чудесности,
мне бы крайность твоей риторики.
Наши степи никем не признаны,
наши улицы артобстреляны.
Нас дурачат из телевизора,
то мы разные, то мы целые,
то мы красные, то мы белые...

* * *

А в Донецке снова гудит земля,
словно в худшие времена,
только мама считает, что худшее впереди.
Дом – четыре стены, но одна стена
говорит: «Беги!»
Моя мама устала бояться
и устала вот так стоять,
словно вкопанная в беду.
Если вспять пространство
и время вспять,
то не смей подходить к окну.
Это зарево сызнова – не заря,
это зарево – зуб за зуб.
Моя мама, ни слова не говоря,
унимает дрожь, умирляет зуд.
Ей давно не страшно, она кремь,
серый памятник площадной.
Мама точно знает: она мишень.
Или кто-то из нас с тобой...

* * *

Мой отец мне ночами пишет
из другой галактики:
«Ты хорошо рисуешь, но тебе
не хватает практики,
хочешь, я соберу для тебя
золотые фантики
от конфет?
Хочешь, пришлю их курьером
тебе под утро?
Тончайшие фантики
звездного перламутра,
растолчешь их в ступке, сделаешь пудру,
нарисуешь велосипед,

на котором по радуге объедешь
Евразию и Америку.
Согласись, это пошло бы на пользу
такому, как ты, холерику.
Представь, причаливаешь без визы
к любому берегу,
говоришь: «Привет!
Я приехала из волшебной страны
Терриконию,
я решила, что теперь вы будете ее
колонией...»
И тебя селят в красивом дворце
с колоннами,
окнами на рассвет.
Дарят кисти, краски, холсты
и хитрые разбавители,
самого главного живописца приставляют
к тебе учителем,
у него на носу два стеклышка
увеличительных,
он смешно одет.
Он владеет искусством
художественного гипноза,
ты рисуешь войну, а выходит
алая донецкая роза,
и дымится кисть твоя,
словно бы папираса,
оставляет след...»

Анна ДОЛГАРЕВА

* * *

так покупали чашки и тарелки,
как будто жить планировали вечно,
и синий газ грел турку на горелке,
и звездный свет тягучий тек и млечный.
так собирали коврики и шторки,
как будто в небе отменили войны,
как будто от готовки до уборки
не грянет гром и не накатят волны,
не смоеет эту старую квартиру
с зеленой сеткой – на лето – на окнах,
и в холодильнике пакет кефира –
окрошки для, и шляпка вот на локонах.
но этот дом – его поднимет ветер,
пятиэтажный дом поднимет ветер
и понесет за горы и моря,
туда, где дом войну совсем не встретил,
и эти чашки были все не зря,
и будет жизнь задумчивой и длинной
и солнечной, как листик на просвет.

а во дворе зеленом, тополином
у краешка воронки – их портрет.

* * *

Бог говорит Гагарину: Юра,
теперь ты в курсе –
нет никакого разложения
с гнилостным вкусом,
нет внутри человека угасания никакого,
а только мороженое на площади
на руках у папы,
запах травы да горячей железной подковы,
березовые сережки, еловые лапы.
Только вот это мы носим в себе, Юра,
смотри, я по небу рассыпал
красные звезды,
швырнул на небо от Калининграда
и до Амура,
исключительно для радости, Юра,
ты же всегда понимал,
как все это просто.
Мы с тобой, Юра,
потому-то здесь и болтаем
о том, что спрятано у человека внутри.
Никакого секрета у этого, никаких тайн,
прямо как вернешься –
так всем сразу и говори,
что не смерть, а яблонев цвет
у человека в дыхании,
что человек – это дух небесный,
а не шакалий,
так им и рассказывай, Юра,
а про меня не надо.
И еще, когда будешь падать –
не бойся падать.

Мария ВАТУТИНА

* * *

Не светел свет, и темень не темна.
Все замерло. Тревога бьет рекорды.
И в воздухе не то чтобы война
звучит, не то чтоб первые аккорды,
но мир затих, указка взведена,
и ждут ее решительности орды.
О, тонкий дирижерский инструмент,
как мелкий бес дрожащий надо мною!
Великий скульптор создал монумент
предчувствию беды, моей страной
забытому: взмах палочки, момент
переполнения воздуха войною.

Нет-нет, я с этих игрищ убегу,
мне сына класть, во тьме латать заплаты,
пока друзья на дальнем берегу
всё предвкушают первые раскаты
в империи, где тихо, как в снегу,
и спят мои возможные утраты.

Дмитрий МУРЗИН

* * *

Накосячил наш конь с бороздой.
Накосячил со щукой Емеля.
Поманило нас небо звездой –
вот и цель. Ну а кто мы без цели?
А куда нам без цели? Куда?
Лишь на кладбище либо к острогу...
Путеводная светит звезда,
освещая, к примеру, дорогу,
по которой – ни славы, ни mzды,
по которой шагаем повзводно
мы на свет путеводной звезды.
Биполярной звезды путеводной.

* * *

Снимается наш Афоня
на фоне Левиафана
то трезвый, то в шлемофоне,
то, извините, пьяный.
Снимается наш Афоня, да там
этих снимков – с горкой,
в Берлине, и на Афоне, да
в Пальма-де-блин-Мальорке.
Афоня дерзит – но в меру,
Афоня наш меру знает,
терпеть не может премьера,
но Путина – уважает.
Афоня такой спокойный,
Афоня такой понятный,
откроет окно Овертона,
потом закроет обратно.
Афоня будильник вертит,
ему на работу рано...
Пройдут и Левиафаны –
Афоня и не заметит.

Анна ДОЛГАРЕВА

* * *

А воздух жаркий и липкий, и так его мало.
Пропустите, говорит, пропустите,
я Его мама,

но ее, конечно, не пропускают,
ад хохочет, трясется и зубы скалит,
торжествует.
А она говорит: дайте мне хоть ручку
Его неживую,
подержать за ручку, как в детстве,
я же мама, куда мне деться.
Вот она стоит, смерть перед ней,
в глаза ей смеется,
пасть у смерти вонючая, зрачки-колодцы,
смерть идет по земле,
стирает гранит и крошит,
а она отвечает:
маленький мой, хороший,
ты уж там, где ты есть, победи,
пожалуйста, эту дрянь.
Ты вот ради этого, пожалуйста, встань,
открывай глаза свои, неживые, незрячие.
И плачет, сильно-пресильно плачет.
Он войдет в ее дом через три дня.
Мама, скажет, мама, послушай,
это и правда я,
не плачь, родная, слушай,
что тебе говорят:
мама, я спустился в ад, и я победил ад,
мама, я сделал все, как ты мне сказала.
Смерть, где твое жало?

133

* * *

А они говорят: миру мир,
пису, говорят, пис,
искусство всегда превыше,
так что улыбайся давай, крепись,
давай совместно с Киевом
запишем поэтический клип.
Из меня вместо текста вырывается хрип.
Я не вернулась с войны.
Нет, это все правда, искусство превыше
вражды, нелюбви, Сатаны,
локальных конфликтов, мелких калибров,
границ страны,
но я не вернулась с войны, понимаешь,
не вернулась с войны.
Я бы хотела вернуться, но я
не вернулась с войны.
Сердце мое в степи клюют
черные вороны.
Тело мое разметало на все
на четыре стороны.
И я осталась в этой степи,
осталась на этой войне,

где пьем не чокаясь со взводом связи,
 где в белый выходит снег
 белая группа, вся в маскахалатах,
 белые ходоки,
 и смерть с терриконов глядит,
 залегли стрелки.
 И прячутся танки в рощице у реки.
 Так что я не спорю, искусство выше,
 любовь всегда победит,
 снимай свой клип, езжай в свой Киев,
 танцуй под бит,
 а я уже все сказала.
 и сердце мое разрывается на шматки,
 как донецкое сало.

Мария ВАТУТИНА

ГЕНЕРАЛ

Киев, Печерск, перекопанный сад,
 памятник, словно огромный снаряд,
 пленные немцы, крихтя, в январе
 ставили памятник тот на горе.
 Призрачный храм Александра на том
 месте, где он захоронен потом
 прямо в фундаменте, вот кирпичи.
 Двое вояк здесь дежурят в ночи.
 Если дорогу вот так перейти –
 все, что успел он от смерти спасти:
 где-то живехоньки Курск и Оскол,
 освобожденный Майдан и Подол.
 Помнишь ли, в сорок четвертом году
 траурный марш в Мариинском саду,
 мрачен Ковпак, и салют не грошов,
 плачет над гробом товарищ Хрущев.
 Чья мне фамилия слепо дана,
 спит, одноногий, и воет жена,
 мать возле третьего сына за год
 хочет молиться, да слов не найдет.
 Хочет спросить, да не знает – с кого,
 кто рыжеусый угробил его,
 кто бородавчатый здесь властелин
 так и не выпросил пенициллин.
 Над покрывающим труп кумачом
 плачет Бурденко и знает – о чем.
 Прячет Вучетич в карман карандаш:
 снято с натуры, отличный типаж.
 ...Велес прострелян, и ты не жилец,
 сплавили лес из набухших телес,
 пливших – как будто кольчуга – Днепром,
 так что торосы вставали бугром.
 Сколько их в руслах болотных протоков

ил затянул, и Харон уволок,
 с сидором плотным, с балластом наград,
 с тихим приказом: ни шагу назад.
 Вот и закончились, мой генерал,
 битвы, походы... А кто замарал
 памятник твой на священной горе –
 новые выродки: вор на воре.
 Что вы бодаетесь там, сорванцы,
 на убиенных оскалив резцы,
 блудные дети у градских ворот,
 ишь ты, поди ж ты – украинский фронт!
 Лжелетописцы времен СНГ.
 Глыба с кровавым пятном на ноге.
 Стертая память. В кустах блиндажи.
 Ставят и мрамор уже на ножи.
 Нет, возвращаться в столицу – не страх,
 страшно стоять на Печерских горах.
 Стелется чад по-над старым Днепром.
 Завтра начнут генеральский погром.
 Стой, как стоял, благодарный гранит,
 стой, даже если взорвет динамит.
 Здравого смысла разумных существ
 не отменить, как победных торжеств.
 Стой – вокруг тебя, не колышась, висят
 ангелы-кроны, под ними распад,
 лава, чернея, по склонам ползет.
 Где ты, великий советский народ –
 освободитель, прошедший войну?
 Твой генерал у своих как в плену,
 каменный, плачет, взирая, как тут
 шобле Крещатик обратно сдают.
 Стой, генерал, до победы – рукой.
 Стой над великою русской рекой.
 Светлый Ватутин, с тобою в строю
 все, кто фамилию помнит твою.

137

* * *

Твердишь: у победы цена высока,
 чины не признали вину,
 не так, не туда, не такие войска...
 Представь на мгновение издалека,
 что мы проиграли войну.
 Ну, ты же хотел: не тревожить солдат,
 и на переправе коней
 менять, и блокадный отдать Ленинград,
 журишь холокост, но с ключами у врат
 (под немцем-то все посылней).
 Представь: навсегда отошли за Урал.
 Ушли потихоньку в тайгу.
 А с башен кремлевских все звезды содрал
 рейхсканцлер и свастикой небо попрап.
 Представил? А я не могу.

Ты хочешь вернуться в такую страну:
колбаски, баварский пивас?
Немецкие земли на тихом Дону?
Ты хочешь, чтоб мы проиграли войну?
Хотя бы сейчас?
И кто бы ты был да и был бы вообще?
Когда штурмбаннфюрер
в шуршащем плаще,
не переставая курить,
уже позаботился, прян и медов,
чтоб ты не возник на этапе дедов.
О чем мне с тобой говорить?

(Стихотворение написано после выступления
Д. Быкова о «Гитлере-освободителе»)

Дмитрий МУРЗИН

* * *

Неужели, люди, так можно было?
Тут и там собрались примерно по трое...
Если я в запой – я алкаш и быдло.
Если ты в запой – то это другое.
И так будет всегда, и так было прежде,
Обличителям праведным нет покоя:
Если я ошибся – дурак и невежда.
Если ты ошибся – то это другое.
У тебя, конечно, ума палата,
У меня – ветер носит, собака лает.
Если я за Россию – рашист и «вата».
Если ты за Россию – то так не бывает.

Анна РЕВЯКИНА

* * *

Вослед шипели: «Гордячка...»
Евдокия – дочь горняка и сама горнячка
обушком по-изотовски,
оставляя в земле полости,
на-гора поднимала гору,
поднимала город
с колен, на которые он не стал.
За кварталом квартал,
за кристаллом кристалл.
«Крепи, – кричит Королёва-мать, –
мы крепки, нас никому не взять,
не размазать оземь, мы и есть земля,
земля Шубина, земля черного короля!»
Под косынкой косы – черное серебро.
Евдокия не женщина,
не косточка, не ребро.

Евдокия сама по себе хребет.
Говорила так: «Пашка-то наш поэт,
остальные рифмуют,
но не до мяса и позвонков,
а у Иванова гляди,
как отскакивает от зубов.
Не вешай нос, лампонос,
прославишься через век,
будет время другой войны,
будет в розах снег,
но уголь во все времена
чернее черного, сам мрак.
Что стоишь и топчешься,
заходи в барак!»
А в бараке свет из всех щелей
да углы, что всех углов углей,
уголек потрескивает в печи.
Сколько же в Донбассе еще будет сволочи.

* * *

У меня есть брошь из Белграда.
Я броши рада.
И она мне рада.
Мама охает: «Пятьдесят ойро,
вот оно тебе надо?
Собираешь безделки со всей земли!
Купить бы лучше риса и гречки,
а не брошь, оставшуюся
после мертвой девочки».
Мама, она живая,
в ней чернота воды Дуная
и бомбежка Белграда,
в ней человек с мишенью над головой:
«Стреляй в меня!»
Брошь – серебро и оникс.
Бомбежка Белграда – забытый комикс,
словно и не было ничего.
Но посмотришь в черную брошь,
как в зеркало,
и увидишь серба,
который ее когда-то купил для дочери,
но не успел подарить.
Война – это то, что никогда
не может быть кончено
для живых.

Анна ДОЛГАРЕВА

* * *

Когда я пишу,
как видела мертвых людей,
разбитые окна, сожженные крыши,

как стреляли и жгли,
и не было правды среди земли,
и казалось, что нет и выше,
как над зимней степью кричали вороны,
как пальцы прилаживались к патронам,
то это я пишу о любви.
Когда я пишу,
как подыхали мы в девяностых,
как полыхали кресты на погостах,
и черные с головы до пят
проходили женщины,
и черным становилось все на земле,
то это я пишу как умею,
пишу вслепую во мгле,
это я пишу о любви.
И о чем бы я ни писала,
и кричала бы ни о чем,
она была посреди всего –
ангел с горящим мечом,
когда хоронили,
когда расставались,
когда кольцо надевала на мертвый палец,
она была среди черных,
изломанных, сгоревших людей,
она была ветер степной
и звон колокольный.
И я говорю о ней.
Все, что я есть, отмечено ею.
По большому счету,
я вообще ни о чем не умею,
кроме любви.

* * *

Генерал Василий Филиппович Маргелов,
командующий ВДВ,
уверен в успехе проекта
«Боевая машина десанта».
Это многотонный железный
гроб на колесиках,
с живыми человеками внутри,
который предполагается
выбрасывать с самолета,
с высоты нескольких сотен метров.
Никто не верит.
Генерал Василий Филиппович Маргелов,
командующий ВДВ,
выбирает для испытаний
младшего сына Сашу.
И, пока самолет с Александром
Маргеловым набирает высоту,
Василий Филиппович курит
беломорину за беломориной,

не смотрит в небо.
Позже журналисты напишут,
что он поберег для себя пистолет
с одним патроном.

Это неправда.
Чем выше, тем холоднее.
Боевая машина десанта
со старлеем Маргеловым Александром
промерзает до кишок.
Скоро заброска.
Когда холодно, не растают твои крылья,
скрепленные воском.
Тысячелетия
мы жили со знанием, что Икар упал.
Поднявшись выше человеческого закона.
Беломорину за беломориной курит Дедал
посреди Тульского полигона.
Как нам жить в мире, где Икар выжил?
Как нам жить в мире, где Икар долетел?
Нет еще этого мира,
никто его не рисовал.

Мария ВАТУТИНА

СОФИЯ

Вялый азан. Занавешенный свод.
В позах зародышей – свита.
С тела турецкого падает пот
на христианские плиты.
Капает пот на ворсинки ковра.
Близится некрофилия.
Мы тебя сдали без боя вчера,
Айя-София!
Что нам музейные стены твои
под известковой скорлупкой!
Что нам босфорские наши ладьи
с предвозвестившей голубкой!
Разве что вспомним порою, откель
в жилах у нас ностальгия
по бирюзе, наполнявшей купель,
Айя-София!
Разве что вздрогнет двуглавый орел
над православным Сенатом,
да у Зевесовой копии скол
сыщет музейный анатом.
Разве что вспомнит слюна с языка –
так, что заломит ключицы, –
вкус передержанного молока
капитолийской волчицы.
Эллинский космос и римская твердь,
святости гордая выя:

этим замесом тебе и владеть,
Айя-Россия!
В мире смятенном завалит любой
тесты на аутентичность.
Катится, катится шар голубой
в антиантичность!
Вот и остались мы нынче одни
с Китежем нашим и Римом...
Пусть себе молятся, в мертвой тени,
в храме, веками хранимом.
Эта скорлупка еще затрещит,
лики откроет стихия.
Третий – стоит. И Небесный – стоит.
Ave, София!

Анна ДОЛГАРЕВА

* * *

по колосьям ржавым-ржавым
бабы новых нарожают
да не ссы хлебни полста
белым-белешенька верста
если ты красный комбриг
то хорошо умереть в двадцать
скажем седьмом
до начала партийных чисток
если ты честный большевик
то где-нибудь в тридцать шестом
до воцарения наркома ежова
червивоголового десятиглазого
если ты дошел до берлина
молодым красивым пламенным
лейтенантом
то умирай в восьмидесятих
не дай тебе бог пережить андропова юру
дожить до валютных обменников
ваучеров
приватизации
это ж вообще неважно как долго ты жил
ходил по траве под небесным жаром
бабы новых нарожают
бабы новых нарожают
ветер степной хлобись по морде
нет у бога никаких мертвых
у бога они живые
и комбриг этот жегший церкви
познавший что нет смерти
и этот большевик не заставший
тридцать седьмого
и наркома ежова
и лейтенант увешанный орденами

вставший как раз девятого мая под знамя
схватившийся вдруг за сердце
нет у них никакой смерти
а только трава степная горячая
да товарищи верные да шальная удача
поднимается в небо жаворонок
а бабы новых нарожают
бабы новых нарожают

* * *

говорит:
а здесь был наш дом.
дедушка учил нас играть
в шашки и домино,
в саду был стол под деревом
с птичьим гнездом,
мы ходили на речку, где было видно дно –
такая чистая была вода, знаешь,
такой не бывает теперь,
нигде не бывает такой воды.
я, говорит, помню: в чешуйках
краски зеленая дверь,
папа был молодым.
и где-то посреди этого – совсем
небольшая я.
бабушка пекла хлеб, а я
отщипывала у него края.
в августе начинались арбузы,
папа щелкал по ним –
спелый арбуз в ответ звонко гудел.
папа был молодым, век наш был молодым,
и впереди так много приключений и дел.
и у дедушки кололась щетина,
и у бабушки коса посеребрена.
хорошо, что они умерли
до того, как наступила война.

Мария ВАТУТИНА

* * *

Короткий волос, вид потусторонен,
в костюме брючном – кофта и штаны –
привез невестку старший сын Матронин
в родительскую мазанку с войны.
Не жить, а навестить приехал рідних,
привез жену – москвичку, медсестру,
нездешнюю, из малогабаритных,
не подходящих этому двору.
Пока она в телеге восседала
среди трофейных даровых даров,
сбегались бабы, мать в саду взрыдала

и сестры подхватились из дворов.
 Воз встал, и молодуху сняли с трона,
 и сын готов был шапку заломать...
 Но бросилась суровая Матрона
 сначала эту кралю обнимать.
 На миг воскресла мертвая сетчатка,
 и матір запитала тишину:
 – Так вот какая ты, однополчанка.
 Та хто ж дитя відпустив на війну?
 О летописец! Летопись кропая,
 упомяни в истории села,
 как та Матрона, издавна слепая,
 мою родную бабку приняла.
 Потом неделю улица гуляла,
 Петрович хвастал в силу естества.
 И мать моя уже осуществляла
 свое деленье первое на два.

Анна РЕВЯКИНА

ТЕСТО

Смотрят дети
 на войны отметины.
 И ничего не спрашивают.
 Сами знают, что между нашими
 и не нашими
 поле пашенное,
 только не комбайнами, а танками.
 Видел ли ты когда-нибудь,
 как у танка отрывает башню?
 И башня эта летит метров двадцать,
 а потом как врежется...
 Если хочешь узнать цену войны,
 поговори с беженцами.
 С теми, чьи дома на улице,
 ведущей к монастырю,
 стоят шкафами наружу.
 С теми, кто вещи, пропахшие дымом,
 заворачивали в простыню.
 Я рассказывала о них мужу,
 а потом и друзьям мужа,
 они кивали, но до конца
 мне никто не верил.
 Я рассказывала о них и плакала,
 я написала о них не одну сотню текстов.
 «Послушай, но ведь раньше
 вы были одинаковыми,
 зачем вы воюете, если
 вы одного народа тесто?»
 Нет, мой хороший, представь себе
 тесто, вымешанное руками хозяйки.

Если от него отнять кусок
 и поставить в печь,
 как ты этот кусок
 снова сделаешь клейким?
 Как его снова сделать тягучим и белым?
 Этот кусок обгорелый и твердый,
 о который сломаются любые зубы.
 Если ты хоть раз спал в коридоре одетым,
 если ты хоть раз
 вжимался в асфальт всем телом,
 если ты хоть раз
 бежал домой под обстрелом,
 ты это никогда не забудешь.

* * *

Ничего-ничего, а бывает, как вспомнится:
 на Горсаде сгорбленный дом и шелковица,
 мама с папой в живых еще числятся,
 я – кирпатая бойкая пизалица.
 Мама с папой в живых, не на небе.
 Дом был прост: деревянная мебель,
 разноцветный палас, стол обеденный.
 Мы тогда всей страной были бедными,
 но мы были беспечны и молоды
 вместе с этим натруженным городом.
 Моя дочка умеет построчно
 промыть раны водою проточной,
 приложить, примотать подорожник.
 Я дрожу, я полна этой дрожью.
 Я прошу ее твердо, но редко:
 «Напиши, как шелковицы ветки
 на Горсаде гнулись в июле,
 как в окно, окрыленное тюлем,
 мне махали и мама, и папа,
 пока шла я в парк через двор».
 Я машу им в ответ до сих пор.

* * *

Катерине Катиной

У них был спор, кто больше ему жена.
 Вторая или третья?
 За первое место не бились,
 знали, на первом – война.
 Говорят, все воины, ставшие степью,
 из птиц невест себе выбирают.
 «Я стану птицей», – сказала третья.
 И стала.
 Самураем.
 Что до смерти – официальной версии –

в нее верить не надо.
Ее волосы пахли персиками
и ладаном.
Только в это верить и стоит.
У них был спор. И она его выиграла.
Я знаю, они сейчас занимаются любовью
в поле ковыльном.

* * *

По Донецку на кабрио по коменде.
Я твой Питер, ты моя нежная Венди.
По брусчатке вверх, как в старые времена.
Я менял айфоны, страны и города,
но вернулся, пусть и на две недели,
в наш панельный дом

с вечным звуком дрели.
Этот город сам по себе и биток, и текст.
Развелось как грязи в нем поэтесс.
Развелось девичек без чувства слова.
Слушать их стишки

словно есть в столовой.
Рулит массажи поэтический общепит.
Не все то поэзия, что шипит.
Мам, насыпь борща мне тарелку с горкой.
Как красиво, мама, горят конфорки.
Я давно не видел, как на газу
варят что-то с пенкой в большом тазу.
По Донецку на кабрио по коменде.
Жить везде нормально, были бы деньги.
Прокачу мою Венди

по Пушкина с ветерком.
Знаешь, дед мой был
заслуженным горняком.
Мой отец был тоже шахтерской масти.
Я родился, чтобы продолжить династию.
Мать сказала, что только через ее труп,
ткнула пальцем в мой подростковый пуп:
«Пока я твоя мать, у меня есть право
не пускать тебя в чертову черную лаву».
Отец запил, дед подливал, но был трезв.
На том и решили, что это не мой крест.
Мам, откуда в донецких женщинах
столько силы
жить в современной брошенной Хиросиме?
Откуда в тебе столько силы, мать,
каждый день умирая, не умирать?
По Донецку на кабрио по коменде,
как в хреновом фильме, в самом его энде,
мы летим с моей Венди по Ильича.
Венди, а выйдешь замуж за рифмача?

ЛАРИСА

Можно я без фамилии?
Не то ее все узнают.
Имя оставлю подлинное – Лариса.
В четырнадцатом году, на излете мая,
она доела последнюю горстку риса.
Центр еще не бомбили, ждали приказа,
брали измором, так кошка
играет с мышью.
В том году с нами впервые
случилась фраза:
«Спи, своего не услышишь».
Мне говорят, что особенно проникновенно
я пишу о войне и о могиле отца в Докуче.
Семь лет я мечтаю
встать перед ней на колени.
Папа колготки называл
почему-то «дольчики».
Господи, почему я об этом помню?
О такой малости из отцовской речи.
Папа, папочка, обещаю
слушаться беспрекословно.
В середине июня Лариса
доела последнюю горстку гречки.
Все, кто пережил наше первое
военное лето,
помнят, какими пустыми
были проспекты и улицы.
Рядом с театром оперы и балета
двое суток металась хромая
рыжая курица.
Около синагоги, под окнами
кабинета моего дантиста,
поселилась холеная перепуганная чау-чау.
Последнюю картофелину
разделила Лариса.
Выпила последнюю чашку чая.
Лариса не любит,
когда ей задают вопросы
о лете четырнадцатого,
о том, как здесь все горело.
«Я бы не выжила,
если бы не дикие абрикосы,
я варила из них суп. И его ела».

* * *

Жизнь так несется, что кажется,
врезается в стену.
Было ли детство под солнцем города роз?
Были ли руки отца, колдовские,
над острым коленом?

Были ли слезы? Были.
 Как в детстве без слез?
 Слезы... Они что вода из донецкого крана.
 Были, лились, а теперь их дают по часам.
 Лягу укладывать дочку –
 и вспомнится спинка дивана.
 В стылом Донце
 стоит этот белый диван.
 Я за ним сына качала в потерянном мае.
 Сонные степи с тех пор
 у нас топчет кирза.
 – Мама, я слышал или слышалось:
 снова стреляют?
 – Спи, мой хороший, это,
 должно быть, гроза.
 Слезы дают по ночам,
 чтобы дети не знали.
 Слез этих таз жестяной,
 для мытья головы.
 Что о нас скажут потом?
 Мы жили, мы воевали.
 Мы воевали за то,
 чтобы не было больше войны.

МАРИУПОЛЬ

Есть у русских качество наживное.
 Коль потоп, добудут чертеж
 адмирала Ноя.
 И построят ковчег, настоящий
 ковчег для всех.
 Над страной моей летит близорукий снег.
 Где страна моя кончится,
 там она и начнется.
 Над Азовским морем восходит солнце,
 над азовским горем
 взойдет окровавленная пшеница.
 Господи, доведется ли помириться?
 Мариуполь мой, бездыханное твоё тело,
 сколько дней оно тлело,
 плавилось и болело.
 Сколько дней твои люди – тусклые свечи –
 до чего же хрупок
 мариупольский человечек.
 Это новый вид, ещё не известный Ното,
 обреченный выжить под обломками дома.
 Обреченный смотреть
 на хлеб и глазам не верить.
 Обреченный хранить ключи
 от сорванной с петель двери.
 Мариуполь мой, на два берега поделенный,
 принимавший в себя

смертельные батальоны,
 отдававший людей через узкие коридоры.
 О тебе на высоком небе
 ведутся переговоры.
 А с небес, как водится,
 горе заметно ближе.
 Вот Азовское море берег песчаный лижет.
 Вот стоит мальчонка на берегу –
 прогоревший факел.
 Это брат мой двоюродный по отцу –
 Володя Ревякин.

А в Донце цветет магнолия.
 Наш Донецк – моя внутренняя Монголия.
 Я хожу по нему раскосая.
 И ни одного вопроса.
 Все ответы здесь.
 В этом раю военном.
 Нет здесь слова «мечь».
 Лишь работа в четыре смены.
 На-гора поднимают правду –
 донбасское золото.
 Слышь, работают «грады» –
 аккомпанемент для русского мата.
 А в Донце цветет магнолия
 на бульваре солнца русского ямба.
 Моя внутренняя Монголия
 вне бессовестной пропаганды,
 вне всего, что имеет цену,
 бесценная моя родинка
 на израилевом колене,
 на руке, не закрытой броником.
 А в Донце цветет магнолия
 медовая, бесконечная.
 Много ль знаю о боли я,
 много ль знаю о смерти я?
 На бульваре торгует ландышами –
 цветами из Красной книги –
 просто женщина ненакрашенная.
 Приглядишься – глаза Марии.
 Все там будем, в той книге Красной,
 вымирающий вид растений.
 Во дворах ландыши – рясно –
 нашим мертвым постели стелют.

Если вам скажут другое, не верьте!
 Война бывает только в кино.
 На ней не гибнут ни старики, ни дети,
 ни мужчины, одетые в камуфлю.

Если я была бы мальчиком,
выросла и пошла бы на фронт.
Взяла бы себе позывной Вата –
по фамилии.
И я – ватница.
И я – мягкая.
Или выбрала бы позывной Генерал,
в честь героя-однофамильца,
но командиры были бы против.
Выбрала бы разведку,
потому что в детстве
любила прятки.
Или, если бы война
застала меня в моем
теперешнем возрасте,
просилась бы в танковые войска,
потому что не люблю ходить пешком.
Есть у танкистов позывные?
А в детстве, когда я родилась девочкой,
у меня был позывной Ватрушка.
Но это было давно,
когда было голодно и радостно жить.
А теперь я не могу пойти на фронт.

Я не могу делать снаряды,
и кажется,
все заводы вывели из Москвы.
Я не могу шить форму или носилки,
как моя прабабка,
потому что у меня болит спина
и я слепну.
Я собрала вещи для беженцев.
Все вещи.
И еще вещи.
И еще три сумки.
Но как бы я хотела быть санитаркой,
медсестрой, как бабушка.
Но я не могу работать
даже нянечкой в госпитале,
потому что я убита в девяностых.
Могу только писать стихи.
И мне непонятно,
как еще я могу искупить
свою беспомощность.

* * *

Ты все боишься, что война
начнется там и тут.
Что это, если не она?!
Вот беженцы идут.
Вот беженцы идут в ночи
с младенцами в руках.
И ты поэтому молчи
про свой поганый страх.
Ты рассуждаешь: кто виной?
Ты знаешь, где вранье!
Но входят беженцы стеной
в отечество мое.
Они уже зашли во двор,
и дети их орут.
Скажи им, кто тут зверь и вор
и кто там добр и крут.
Он не ударит, он не съест,
он вообще не ест.
Он вон какой поставил крест
на карте этих мест.
Ты любишь сына и жену.
А для хлебнувших бед,
как говорили в старину,
чужого горя нет.
Послушай глупеньких детей
из дальней стороны.
Кого тебе еще святей
в свидетели войны?

* * *

я не молчу не молчу вот она я кричу
немо кроваво зло толку-то сгусток крови
звуки кричу рычу носом мычу учу
сына молчать кричать
об оскверненном крове
кто же теперь молчу
кто же теперь любви
нас удостоит сын нет никакой надежды
но ведь и раньше кто
кто по локоть в крови
кто они хоть когда нас любили прежде?
ангелы соберись в наших-то полесах
только лютей вокруг шепоты и шипенье
а у кого какой размах такой
и окрестный страх
и вот оно подтвержденье
раньше мы были то что заплывало в сеть
нынче мы сами сеть
с фильтрами для печати
заражены войной и надо переболеть
перекричать перемолчать печали
скоро отключат ад все вернутся назад
внутренности соберут с асфальта
выведут из потребления слово брат
вот тебе и финал навязанного гештальта
а пока ты коробка дома с провалом внутри
шепчущая не молчите
братцы изверги на причале
живые мертвые вы мои черт вас дери
вы-то что же восемь годков молчали?
знаю что правы мы
как бы теперь понять
где она правда девочка из Содомы...
я кричу кричу я молчу хорошо что мать
умерла а сын хорошо что дома

* * *

Повесь фотографии прадедов
перед собою.
Их трое. Четвертый сокрыт
вековой слепотою.
Один в вышиванке, другой в гимнастерке,
а третий в шинели.
И все – воевали. Вот снимки одни уцелели.
Прильнули к плечам их –
юны и суровы – прабабки.
Спроси эти лики святые о миропорядке.
Как воинов жены у нас провожали на сечи.
Как резали щеку погонами мужнины плечи.
Где это вот все, для чего

расставались и бились?
 Во что их тела молодые
 в боях воплотились?
 Вселились в тебя и землю тебе перепали.
 И вот еще в банке от бабки
 и деда – медали.
 Достань, поддержи эти смыслы
 на теплой ладони.
 Почувствуй себя новой ветвью
 в раскидистой кроне
 и сфоткайся в дембельской форме
 для пущего веса
 на фоне бескрайнего
 вечного русского леса.

Дмитрий МУРЗИН

* * *

Выйду на улицу – будто и нет войны.
 Солнышко светит,
 слышится птичье пенье.
 Стрельнуть пытаются курево пацаны,
 на автомате ворчу о вреде куренья.
 Всюду покой. Налаженный легкий быт.
 Едут машины, кругом самокаты, дети...
 Хочется верить: если сюда прилетит,
 за нас отомстят и враг наш
 за все ответит.

* * *

На здорового мужика
 накатила печаль-тоска.
 Нет, не баба. На этот раз
 тянет мужика на Донбасс.
 На войне, он думает так,
 проверяется человек.
 Но не так, как казенный банк
 перед выдачей ипотек.
 На Донбасс! Суету отринь!
 Наконец-то посмей посметь!
 На войне – настоящая жизнь.
 На войне – настоящая смерть.

* * *

Европа, как большое стадо,
 мычала про вину Белграда,
 и был в Европе каждый рад,
 что разбомбили в хлам Белград.
 А мы терпели всё и дальше,
 так некогда спартанский мальчик
 решил укус лисы терпеть...

Нам обещали только смерть.
 Потом замучили Каддафи...
 Пусть мир, как девочку на шарфе,
 нам Пикассо изобразит.
 Как мир на ниточке висит.

Анна ДОЛГАРЕВА

ГОРЕТЬ

*

Октябрьский дождь, переходящий в снег,
 и за окном вагона человек
 глядит на это отражение тленного,
 на тлеющее пламя дня последнего,
 когда еще ненужное – хранится,
 когда еще приносит проводница
 зеленый чай, и тапочки, и штопор.
 Глядит, глядит, глядит,
 запомнить чтобы.
 И мох растет со всех сторон деревьев,
 и мимо полустанки и деревни,
 плацкарт, осины, тягостные рельсы.
 Прости, Господь, я честно постарался.

*

Не призван, но призвание. Заметь:
 не разбирает сих деталей смерть,
 ни у кого на безымянных кольца,
 ни кто бездетный двинул добровольцем.
 Ей все едино. Знаешь, а ведь в этом
 покой и правда. И сиянье света.

*

Да, свет. Да, смерть. Да, это не финал.
 Андрюха снился, он мне так сказал.
 Он нынче в курсе более, чем мы,
 которые лишь в поисках ответа.
 Земля замерзнет к первым дням зимы.
 И двинут танки по земле по этой.

*

А Сашка снился матери. Она
 тогда еще не знала, но узнала
 потом, когда до них дошла война.
 Так вот, так вот: касаясь финала.
 Вошел он в хату, был по пояс голый,
 вспотевший, и уставший, и веселый,
 и попросил водицы из колодца.
 И вот он пьет, вода по шее льется,

и мама говорит ему: останься,
хоть на денек, на час, давай хоть чаю.
А он смеется, головой качает:
мол, дальше мне, дойти еще до станции.
Там, говорит, такая же война.
Мирняк, вояки — все, мол, вперемешку.
Напились и рюкзак на плечи вскинул.
Ушел, и свет был по следам, как вешки.
Тогда и зарыдала в голосину.

*

Вот бывший, говорит, туда поехал,
и думаю: чего мне не хватало?
Такие ссоры глупые — до смеха.
А всё, а всё, а не начать сначала.
На связь выходит разве раз в неделю,
на пару фраз хватает еле-еле.

*

Когда его не стало, то почти
еще неделю проверять боялась,
но тест одну полоску показал.
И говорила: «Вот и хорошо,
а то куда бы я одна с ребенком,
и что с ним делать, кроме как назвать
вот этим именем, и мертвым,
и любимым».

В те дни шли на окраинах бои,
и реки были красными, как борщ.
И говорила: «Прямо отлегло,
я ж вообще ребенка не хотела,
так почему же, Господи, болит?»
В те дни рождались дети без отцов.

*

Мордва, карел, бурят, чечен, калмык —
едино русский воин, что привык
идти в ружье, и таять, и гореть,
гореть — сгорая, побеждая смерть.
Так вот: сквозь листья серого дождя
видна Россия от конца до края,
и человек, ее запоминая,
в свет невечерний смотрит, уходя.

* * *

Офицер в Изюме мне говорил такое:
«Не пиши геройство, мы не герои,
мы не то что сражаемся в высшей лиге,
максимум — упоминание в полковой книге».
Русский борщ кровавый с укропом варили,
говорили, разное говорили.

Мол, земля мы и прах, и порох, и артснаряд —
за соседку Таню, за продуктовый у дома,
за старух на лавке, за дворников,
за котят,
за своих и чужих, знакомых и незнакомых,
не расспрашивай, пусть другие
потом говорят.
И они, действительно, о себе не умели.
Потому я перестала быть женщиной,
стала гобоем,
пела о них, целовала их в лоб перед боем.
Помяни, Господь, Заката,
Скрипача, Паганеля
и прочих, променявших имя в крещении
на короткий, как выстрел из РПГ,
позывной.
Наступает осень, ветер в оконные щели
входит, и больше никогда
не остаешься одной.

* * *

Русские солдаты — лучшие из людей.
Впереди — свет и более ничего.
Мы побеждаем Господним чудом,
оно сильнее,
чем логика, разум и даже наш бабий вой.
Наши кости станут
стенами новой империи.
Наша кровь станет
космическим топливом.
Мы потомки Юры Гагарина
и Лаврентия Берии,
винтики госмашин неповоротливой.
Однажды я сказала:
«Россия здесь навсегда».

А потом мы мучительно отступали.
И тогда на горизонте взошла звезда,
Звезда высокой печали.
Но к чему прикоснулась Россия —
то навсегда Россия.
Мы излучаем Россию, в Бозе почия,
мы возвращаемся живыми аль неживыми,
на истлевших нашивках неся ее имя.

Григорий ЕГОРКИН
(позывной — Сид)

ПУСКЕПАЛИС. ЗА ДОМ — СПАСИБО

Встал — и уехал. Был — и нет.
Теперь далече.

А на душе саднящий след,
как от картечи.
Как от трассирующих, как
от «джавелина»...
Изгиб шоссе, дорожный знак,
пунктир резиновый,
лохмотья стали на стерне,
как росчерк мины.
Бывает: гибнут на войне
бронемашины.
А с ними хлещет наповал
всех, кто не с краю.
Не устоять. И он упал,
в бою бывает.
Не умер, нет. Шагнул в ряды,
пополнил списки
тех самых – вечно молодых,
что с обелисков.
Мужья, племянники, зятья,
сыны, папаши...
Ни взвод, ни армия. Семья –
все братья наши.

.....
Войдет без стука, всем знаком,
услышит, типа:
«Ну что, здорово, Управдом!
За дом – спасибо».

ЧЕТЫРЕ МУЖИКА

Мороз отчаянный – до злости,
оградки в хлопьях куржака.
И землю долбят на погосте
четыре дюжих мужика.
А почва стылым монолитом
спеклась в гранит – дубак такой.
Ее бы надо динамитом,
а не лопатой и киркой.
Кто упокоится в могиле?
Прораб? Артист? Шофер? Солдат?..
Трудаги плечи распрямили,
из рук не выпустив лопат.
Взгляд отстраненный – как с цифира,
от мокрых спин идет парок.
– Кому готовите квартиру?
– Так, – отвечают, – роем впрок.
Работа трудная, но сдюжим,
на наш товар особый спрос.
А стужа... Мало ли что стужа!
Ловчей копаются в мороз.
...Я уходил. А эти снова
взялись за труд – к руке рука:

Навет, Коварство, Зависть, Злоба –
Четыре дюжих мужика.

СОБАЧИЙ РАЙ

Боец, а не молокосос –
я это о себе.
Все говорят: военный пес,
хороший, умный, сильный пес,
отличник БПП.
Зачеты сдал во всей красе,
других опередив:
прошел на пять по полосе,
по очень трудной полосе,
превысил норматив.
Я чую все: где фронт, где фланг,
где «мессер» и где «Ил»...
Без страха я ползу под танк,
под черный и рычащий танк –
вожатый так учил.
Простой надежный паренек.
Строг с виду, но тайком
со мной он делит свой паек,
солдатский суточный паек
и чешет за ушком.
Вчера же я не мог уснуть,
от радости скулил:
мне шлейку новую на грудь,
как орден воинский на грудь,
а в шлейке той – тротил.
Не надо слов! Мне легче без...
И скоро будет так:
с наградой той наперевес,
сомненьям всем наперерез
я поползу под танк.
И доберусь (отличник ведь!)
сквозь пулеметный лай...
Не плачь, вожатый, и ответь,
ты псу по-честному ответь:
он есть – собачий рай?

СЕСТРИЦА

Тяни меня, сестрица,
тяни, сколь хватит сил.
Какое там жениться!
Я ж толком не любил.
Покой и сон, сестренка,
иглой в меня вдави,
когда свинцом по бронхам,
бойцам не до любви.
Не морищи нос, сеструччо,

что нес в бреду муру,
вообще-то я везучий –
так просто не умру.
Вливай в меня, сеструха,
весь здешний физраствор,
шепчи, склонившись к уху:
«Не трусь, терпи, сапер!»
Бинтуй сильней, сестричка,
стерплю, сама не трусь.
В тебя, в твои косички
поправлюсь – и влюблюсь!

ТИК-ТАК

Он как все: раздолбай,
весельчак и не жмот,
повод есть – по сто грамм не дурак.
Ну а если прищучит, а если прижмет –
подмигнет вам: «Все будет тик-так!»
Да, такой: без нужды
не возьмет лишний груз,
не охотник до споров и драк...
Но попробуй задень! Сразу губы взакус,
и с прищуром: «А в тик, блин, не так?»
В штаб таких не берут.
Пусть надежен вполне,
но не любит казенных бумаг.
Но когда на зачистку с таким на броне,
понимаешь: прокатит тик-так.
...Мы до леса дошли, до раскидистых ив,
до опушки. А дальше – никак.
Пули ныли до боли знакомый мотив:
тик и так, тик и так, тик и так...
Из-под каски взглянув на зарывшийся взвод,
процедил он: «Поправим косяк».
И рванул с автоматом куда-то вперед,
чтобы стало все тик и все так.
На вечерней проверке усталый комбат
после зычного «мать вашу фак!»
закурил. И негромко спросил у ребят:
«Живы все? Ну и ладно... Тик-так».

ХРАНИ МЕНЯ...

Ядрен комбатов перегар:
«Брат, касок нет совсем.
Трофейный вроде был кевлар,
поглянь у пэказм*.
Ну что, берешь?»

Беру, комбат,
кевлар бойцу броня.
А там три слова – где подклад:
«Христос храни меня».
И кто же, палец сняв с курка,
на каске жег тавро?
Андрей, наводчик «василька»**?
Телефонист Петро?
Максим ли, Ян крестили лоб
под гуд свинцовых ос?
Шептали, падая в окоп:
«Храни меня Христос».
Витек-танкист,
Тарас-начкар,
корректировщик Стас...
Кому из них помог кевлар?
Кого из них не спас?
Где ты жужжишь, моя оса,
отсчитывая дни?
Трофей надвину на глаза:
«Христос меня храни».

НА ПРИВАЛЕ

Чудно:
считали, что покатит,
а взяли к ночи с гулькин шиш.
Взвод закрепился в старой хате,
сарай сараем, а поди ж...
На крыше толь, на стенах глина,
ворота вкось... Но боже мой:
в углу, у койки, пианино.
Откуда?
Как?
Кому?
На кой?
Притих устало ратный табор,
когда привал – какой азарт?
От печки хриплый бас начштаба:
«Отставить сон. Давай, Моцарт!»
Не увильнешь, коль старший в теме,
коль знает он про твой талант.
Вздыхнул боец в потертом шлеме,
Артем.
В той жизни – музыкант.
А в этой – снайпер он. От Бога,
как говорится, высший сорт.
Сел Тема, клавиши потрогал.
Аккорд, другой, еще аккорд...
Чудно:

* ПКМ – пулемет Калашникова модернизированный.

** «Василек» – тяжелый миномет.

Рахманинов – в сарае!
 Гудит начштаб, усами рыж:
 «Вон что, зараза, вытворяет!
 Всего семь ноток, а поди ж...»
 Не счесть талантов у артиста,
 с таким на службе благодать.
 Ему что сбацать чардаш Листа,
 что часового с вышки снять.
 Бьет в точку – если без помехи,
 будь цель в окопе, будь в траве...
 Там, где приклад у эсвэдэхи*,
 зарубки.
 Счетом тридцать две.
 Дым у ставка? Шумок в низине?
 Шмальнет разок – в низине тишь.
 Чудно:
 патронов в магазине
 десяток только.
 А поди ж...

ЗА ПОЛЧАСА ДО РОЖДЕСТВА

...А нас накрыло на нейтралке,
 мне точно в грудь,
 в висок его.
 В воронке не на катафалке,
 но, в общем, тоже ничего.
 Кому-то – нет, а нам цикаво
 упасть на свежий наст ничком.
 Метель убитому что саван,
 подушка – мерзлой глины ком.
 Салют прощальный среди ночи
 даст «ураган», расплавив высь.
 Все честь по чести.
 И, короче,
 лежи, солдатик, не журись.
 Где ты уснул, там и могила,
 на захид лишь бы головой.
 Ракета кружится кадилом
 под поминальный мины вой.
 Садится робко на погоны
 снежинка...
 две...
 Потом еще...
 «Ты, кстати, как, сосед, крещеный?
 Чего молчишь? А я крещен».

.....
 Воронку в белую бумагу
 пакует снег – видна едва.
 ...Зачем нас подняли в атаку
 за полчаса до Рождества?

* СВД – снайперская винтовка Драгунова.

ТРИ ВОГА**

В подсумке у Жеки три ВОГа,
 латунью затертой темны.
 Три выстрела.
 Вроде немного –
 по весточке с каждой войны.
 ВОГ первый – соседних чернее,
 как будто на гильзе нагар,
 подобран в разбитой траншее,
 когда зачищали Джохар***.
 Другая зарубка из стали,
 что Жека хранит про запас, –
 привет из февральской Дебали****
 от парня с нашивкой «Спецназ».
 И третья по Жекиной мерке
 закладка на память важна:
 ее на вечерней поверке
 в Латакии дал старшина.
 Бушлат вместе с торбою жидкой –
 весь Жекин нехитрый багаж,
 на локте суровой ниткой
 заштопан его камуфляж.
 Повадкой и ростиком – школьник,
 хотя и дожил до седин.
 Не витязь.
 Но держит подствольник
 в готовности номер один.
 Побудет – и снова дорога,
 а спросишь чудилу: на кой?
 Отшутятся: мало три ВОГа,
 подсумок уж больно большой!

ЗАСАДА

Не стал бы упокойником
 под стон про маму родную –
 не зацепись он броником
 за стойку пулеметную.

 От густобронебойного
 гудит бойница круглая.
 Засада – дело гнойное,
 засада – дело тухлое.
 Сталь плющит пули всмяточно –
 что град о подоконники.
 Фигня, рожков достаточно,
 херня, я нынче в бронике.

** ВОГ – выстрел одиночный гранатометный.

*** Джохар – название города Грозного в период между первой и второй чеченскими кампаниями.

**** Дебаля – сленговое название города Дебальцево.

В виски толчками колкими
 кровь бьет многоамперово,
 когда сечет осколками
 по туше бэтээровой.
 Прилет,
 другой,
 еще прилет,
 тротила вонь противная.
 Корму качнуло резко от
 весьмакумулятивного.
 Горим!
 Ужом-изжогою
 вползает дым зашикочно.
 Старшой, как там с подмогою?
 Сосед, а вдруг не выручат?
 У башни цинк с гранатами
 исходит треском шиферным:
 вlepили между скатами
 отменноподкалиберным.
 Похоже, все капутово,
 кирдыково,
 каюково.
 Качусь от пекла лютого
 туда, где прорубь люкова,
 где небо беззаботное,
 вода в ключе холодная,
 туда, где братство взводное
 и служба незалетная,
 подмышка ее потная –
 такая приворотная,
 где жизнь моя пехотная
 еще кому-то годная.
 Туда, где куст крыжовника
 и грядка огородная,
 где вкусный чай с шиповником,
 туда, где мамка родная...

Ох, эта лямка броника!
 Эх, стойка пулеметная!

ЭТОТ МАЙ

Ушедшим однополчанам
 и командирам посвящаяю

Ох, этот глупый май,
 чтоб драли его черти!
 Подходит он, и ты
 невольно вспоминай:
 кто в мае вступит в брак,
 промается до смерти –

народная молва.
 Что делать – месяц май.
 Ах, этот гордый май!
 Пройдя в строю едином
 с портретами бойцов,
 по полной наливай.
 Чтоб не забыть Хатынь,
 «катюши» под Берлином,
 блокадный Ленинград.
 Таков он – месяц май.
 Ух, этот гулкий май!
 В казачьем батальоне
 делились пополам
 и «прима», и сухпай.
 Короткий бой, наряд,
 НП на терриконе,
 ночные трассера...
 Все это – месяц май.
 Эх, этот горький май,
 от слез мужских кипящий!
 Мы здесь пока, а те
 шагнули через край.
 Кто в мае с честью пал,
 бессмертие обрящет –
 окопная молва.
 Воздай им, месяц май!

178

ДУША. УРОКИ СЕРБСКОГО

Мы ехали споро,
 мы мчали на ноль*,
 мы бережно в скорой везли его боль,
 везли его стоны, бинты по виску,
 потертый рюкзак и по дому тоску.
 Петляли в посадках,
 пылили в степи
 с молитвой единственной: Душан, терпи!
 Споешь еще «Лейлу»**,
 ведь любишь ты петь.
 Кто знает, братва,
 как по-сербски «терпеть»?
 Как, парни, на сербском
 звучит слово «брат»?
 Хороший товарищ,
 надежный солдат –
 мог шуткой на шутку, а мог по сто грамм,
 последнюю «приму» ломал пополам.
 Дружище, ты здесь по судьбе? По злобё?

* Ноль – обозначение российско-украинской границы.

** «Лейла» – сербская лирическая песня.

*Помедлив, негромко ответит тебе:
– Я кучу* покинул, пошел воевать,
чтоб русским российскую землю отдать.
Матчасти знаток и крестов кавалер –
всей роте бойца приводили в пример.
Но под Вергулевкой попал под замес,
свинцом поперхнулся его АГС.
Серьезная тема,
крутой переплет.
Бинтов не жалел санинструктор, и вот –
уазик пыхтит, на подъемах дрожа,
в нем хлопец белградский по кличке Душа.
А мимо – окопы, деревья без крон,
воронки, скелеты сгоревших колонн.
Была допомога и вправду швидка**,
но тихо с носилок упала рука.
Стояли.
Курили.
Плели невпопад
под реквием ветра, под мессу цикад.
Закапало сверху, листву полоща...
Ребята, как будет по-сербски «прощай»?*

Мария Ватутина

Родилась 4 мая 1968 г. в Москве. Русская поэтесса и журналистка, редактор, прозаик, юрист. Член Союза писателей Москвы. Автор 14 книг стихов и постоянный автор толстых журналов. В 2022 г. начала активно ездить с выступлениями, выступать перед военными, много пишет о донбасской трагедии и героизме жителей Донбасса и воинов.

Анна Долгарева

Родилась 4 августа 1988 г. в Харькове. Лауреат Григорьевской поэтической премии, первой премии VII Международного поэтического конкурса «45-й калибр» (2019), Всероссийской

литературной премии им. А. И. Левитова (2021), Международного Волошинского конкурса (2022), победитель VII Всероссийского фестиваля молодой поэзии им. Леонида Филатова (2022). Член Союза писателей России.

Григорий Егоркин (позывной – Сид)

Родился 22 ноября 1963 г. в поселке Черлак Омской области. Журналист, поэт, драматург. Автор трех книг стихов и прозы. Освещал войну в Чечне и воевал в Донбассе. Живет в Челябинске.

Дмитрий Мурзин

Родился 28 апреля 1971 г. в Кемерове. Окончил математический факультет Кемеровского госуниверситета (1993) и Литературный институт им. М. Горького, семинар И. Л. Волгина (2003). Ответственный секретарь журнала «Огни Кузбасса». Лауреат Всесибирской премии им. Л. Мерзликина (2015). Автор восьми книг стихов. Член Союза писателей России. Член Русского ПЕН-центра. Живет в Кемерове. С 2014 г. поддерживает выбор Донбасса.

Анна Ревякина

Родилась 22 сентября 1983 г. в Донецке. Член Союза писателей ДНР, Союза писателей России. Автор восьми сборников стихотворений и поэмы «Шахтерская дочь». Стихи переведены на девять языков. Обладатель и финалист множества международных и национальных премий. Продюсер серии документальных фильмов «Лики Донбасса». Доцент факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, заместитель председателя Общественной палаты ДНР.

* Куча, кућа – дом, жилище (серб.).

** Швидка допомога – скорая помощь (укр.).

**Александр
БАЛТИН**

ПРЕВРАЩЕНИЕ ОБЫДЕННОСТИ ЖИЗНИ В ЧУДО

К 130-летию В. Маяковского

Обветшал ли язык русский к началу двадцатого века? Рифма износилась точно – как платье, что использовали многие; рифма истрепалась, стала скучной, чуть ли вовсе не нужной. Требовалось перетряхнуть пласты языка – и изобрести новую рифму, давая образцы работы поэтам будущих поколений. И Маяковский, вламываясь в крепость литературы, принялся за работу с истовостью и всей щедростью своего дара.

1

Не слышали ранее таких созвучий – и показались они грубыми... Не слышали и не рассчитывали услышать после нежной и грустной музыки символизма. Не предполагали, что такую лестницей можно идти – с широкими ступенями лестницей нового стихосложения.

Маяковский гремел, блистал; слова сталкивались, как шары в бильярдной игре, которую он так любил, – и высекали, что искры, новые значения. А суммируясь, давали неведомую доселе образность – дикую и яркую, в рост нарождавшемуся веку. Кабы не эксперименты Маяковского с рифмой, вся сегодняшняя поэзия писалась бы верлибром...

Если бы не глыбы трудов горлана, развитие поэзии остановилось бы. Но он вершил труды – сквозь все преграды и препятствия, сквозь мешчанскую косность мировосприятия. Он шел от бездны, ведомой только ему, и бездна эта обеспечила блестящую метафизическую победу – несмотря ни на что... И на маяк Маяковского пошли корабли поэтов будущих поколений.

Демонический Маяковский – в плаще и шляпе итальянского карбонария... Или как? Демоническая роль Маяковского в фильме «Драма в кабаре футуристов № 13» (а какой еще мог быть номер? только такой). Из Мартина Идена вырастает «Не для денег родившийся», ибо футуризм видел планету, купающуюся в солнце счастья измененных отношений людей. Но у денег свое мнение по этому поводу. Не оттого ли не сохранилось ни одной копии фильма?

Более-менее отчетливо Маяковский-актер и Маяковский-режиссер представляется по ленте «Барышня и хулиган», хотя едва ли кто-то вспомнит рассказ, по которому он сделан. Выразительность хулигана, отмеченного живым монументализмом огромного (во всех смыслах) поэта, врезается в память так, что не вытравить. Маяковский не мог не интересоваться кинематографом: во-первых, он был будущим, как футуризм; во-вторых, есть нечто общее в принципе монтажа и построении стихотворения – особенно стихов Маяковского, чья монтажная лесенка сама часто организует зримые кадры.

Был еще эксцентрический бурлеск «Октябрь» и «Декабрь»... Но, представляется, все было бы иначе – иной яркости, будь кинематограф во времена Маяковского более развит. Впрочем, и той, дополнительной к поэтическому дару, яркости Маяковского в кино хватает.

3

Мальчик-самоубийца, так остро описанный в поэме «Про это»: с раскатами уже узнаваемого «р», с нежностью и презрением к процыганенному романсу, со сравнением с собой – поэтом, перелопачивающим груды слов ради решительного обновления общего поэтического словаря, сравнением, ради которого, возможно, и создан был образ мальчика, попавшего в страшную ситуацию бездны жизни.

Век стал ломать привычные устои, век делегировал Маяковского, чтобы появился язык, соответствующий предстоящим громам; Маяковского, наполнившего своим огромным «я» внушительные сосуды поэм.

«Облако в штанах» дает невиданные ранее формы лиризма, чья интенсивность берет в полон даже нечитателей стихов. Хотя мотивы одиночества и бессмыслицы никуда не уходят: «Все

чаще думаю – не поставить ли лучше точку пули в своем конце. Сегодня я на всякий случай даю прощальный концерт». Концерт «Флейты-позвоночника» оказался не последним, отчего поэзия выгадала, хотя утверждение насчет точки рисует жизнь как безнадежное предприятие. Но ведь нет, ощущение ложно: громоздятся лестницы поэм, и ступает по облакам великий командор поэзии. «Летающий пролетарий» социален в той же мере, в какой «Облако...» лирично; и все торжественно-приподнято – настолько, что небольшой объем поэм тянет на эпос, а иные метафоры удивляют само пространство.

Или – от вечной ветхости былых времен громоздятся глыбы Маяковского: зиккураты вздымаются в небеса, египетские пирамиды бросают отсветы на красно золотящиеся стихи? Но поэт подчеркивал свой антиинтеллектуализм, хотя связь его с гудящим державинским звуком куда сильнее, нежели со звуком Пушкина, так и не сброшенного ни с какого парохода. Стоило ли снимать профессору очки-велосипед, чтобы послушать рассказ о времени и о себе? Стоило, конечно. Ибо последний документ Маяковского «Во весь голос» – квинтэссенция его поэзии, как сама она – квинтэссенция души.

4

«Летающий пролетарий» декларирует интерес поэта к тому, что будет через сто лет и даже двести...

Слишком отличается от сквозящей истории мальчишки-самоубийцы из «Про это», где индивидуальность выдвигалась на первое место и даже отчаяние не могло заткнуть ее за пояс.

Главное – размах, с которым кидалось все в лицо миру, и будто вызывающее презрение к нему, не желающему меняться.

«Облако в штанах» ошеломляло: казалось, оно отрицало все предшествующие поэмы, созданные в русском пантеоне, хотя и гудело державинским звуком.

Но ведь и нежность одиночества была запредельной: край дымчатого, заповедного не отрицал того же речевого размаха.

...Бегавшие под пулями буржуи вернулись в страну, которую бы не узнал Маяковский, хотя не один профессор, сняв очки-велосипед, готов был выслушать последний поэтический документ поэта.

Маяковский и писал хроники начала века, над которыми летит пролетарий, – писал неистово, как полыхали античные битвы.

Маяковский разрушил Карфаген традиционного отношения к слову и, лестницами своими поднимаясь и нисходя, отправился в сияющий путь по облакам, оставив внизу свои грозно рокочущие поэтические строки...

5

Насколько поэзия Маяковского празднична, избыточно пестра и причудливо-необычна, настолько проза его проста, суха, деловита.

«Я сам».

Он – подлинный, такой, как был: рос, писал, прорастал в поэзию, меняя ее своим гигантским внутренним ростом.

Рассказ о себе, расчлененный на сегменты, и в каждом сказано ровно столько, сколько требовалось сказать.

Начало пути.

Вхождение в жизнь.

Восприятие революции.

Или – «Как делать стихи».

Опыт огромен, просквожен молниями, сверкает красками и вновь – сухо и точно отливается в чеканные строки, превращается в крепкопрозаический рассказ о работе.

А работа – превращение обыденности жизни в чудо. И эта работа может выполняться просто, сухо, внятно.

Очень интересная проза.

Чудесно дополняющая громогласную поэзию.

6

У него свои отношения с Богом, небом, высотой; он ступает по облакам – «архангел-тяжелоступ» (по сверхточному определению Цветаевой); он ступает по облакам словес, добывая неслыханную музыку, и она разносится уже больше века.

Ведь в гости к Маяковскому заходит, сияя, само солнце, требует чая и варенья.

«Пусть богу старухи молятся!» – это по-маяковски: сильно, вразнос. Но тут не Бог, а церковь, все века тщащаяся подменить Его собою...

Антипоповского – абсолютно справедливого – много в речениях горлана-главаря. «От поминок

и панихид у одних попов довольный вид» – не потускнело со временем утверждение, применимо и к нашим временам.

Он воспринимает церковь социальным феноменом, каковым она во многом и является, и он обрушивается на установившийся веками порядок добывания попами денег – из темы и тела Христа.

Священник должен быть нищ и свят – тогда и отношение к нему было бы другое...

Иное звучание имеет «Послушайте!», где нежность внутреннего религиозного чувства (стыдно громовержцу Маяковскому демонстрировать нежность!) облекается в урбанистические метафизические одежды конкретики:

*И, надрываясь
в метелях полуденной пыли,
вывается к богу,
боится, что опоздал,
плачет,
целует ему жилистую руку,
просит –
чтоб обязательно была звезда!*

Похоже ли это на стихи атеиста?

Собственно, и атеизм – странное состояние, изнаночная вера, необходимость подкреплять себя мыслью об отсутствии главенствующей силы, чтобы оставить себе хоть крохи самостоятельности в жизни... Парадокс заключается в том, что атеист может быть гораздо ближе к Богу, чем церковный иерарх. Для понимания этого достаточно сравнить громокипящего, обновившего весь состав языка Маяковского с каким-нибудь современным церковным долдоном, на «мерседесе» возвращающимся в хоромы свои...

У поэта было огромное, всё-вмещающее сердце; вспомним хотя бы фрагмент из поэмы «Про это» – о мальчишке-самоубийце:

*Вата снег.
Мальчишка шел по вате...*

Человек, обладающий подобным сердцем – и, соответственно, сознанием, – не может не чувствовать огромности пластов, нависающих над нами, не говоря о безднах, сокрытых в нас...

Своеобразная вера Маяковского была горячей, раскаленной даже, и ее факелы часто освещали его могучие, великолепные стихи...

Он стремился сделать жизнь: новую, яркую. Приравняв перо не только к штыку, но одновременно – к строительному материалу и различному инструментарию.

В одном Маяковский ошибался: «В этой жизни помереть не трудно...»

Трудно, ох как трудно, ежели достойно, стоически, мудро. Но речь не об этом: в данном контексте стихотворения «Сергею Есенину» строка совершенно оправдана, ибо здесь о новом, неизвестном еще, но бурно развивающемся, строящемся мире...

Представляя противоположные полюса, они – Есенин и Маяковский – сложно противостояли друг другу и в стихе, и в жизни – отдавая друг другу должное, хотя и издеваясь порой друг над другом.

Не без этого.

Однако стихотворение «Сергею Есенину» предельно серьезно. И – столь же уважительно:

*– Прекратите!
Бросьте!
Вы в своем уме ли?
Дать,
чтоб щеки
заливал
смертельный мел?!
Вы ж
такое
загибать умели,
что другой
на свете
не умел.*

Эти строки дают четкое понимание сверхзначительной роли Есенина в стране, где поэтическое слово раскатисто слышно (в отличие от нынешней), на которое наслаивается очевидное сожаление о сделанном Есениным, и это не просто жалость.

Стих был популярен.

Он разносился широко – ибо отрицал смерть; он рокотал жадной жизни, деятельности, подвига.

Вопрос о суициде обоих поэтов едва ли когда-то разрешится...

Вполне возможно, что Маяковский, выполняя секретные политические миссии на Западе, попал под зачистку и был убит.

Так или иначе, о самоубийстве применительно к себе в русской поэзии писали только трое: Есенин, Маяковский, Цветаева...

Стих Маяковского рвется болью вначале, и даже полет Есенина, врезающегося в звезды, отдает чем-то религиозным.

Далее – более трезвые строфы:

Критики бормочут:

– Этому вина

то...

да се...

а главное,

что смычки мало,

в результате

много пива и вина. –

Дескать,

заменить бы вам

богему

классом,

класс влиял на вас,

и было б не до драк.

Ну, а класс-то

жажду

заливает квасом?

Класс – он тоже

выпить не дурак.

Жесткая констатация расейской беды-привычки, коснувшейся Есенина и обошедшей Маяковского.

Лестница, ведущая вглубь страницы, выводит стремительно к всплеску горя одного поэта от самоубийства другого:

Навсегда

теперь

язык

в зубах затворится.

Тяжело

и неуместно

разводить мистерии.

У народа,

у языкотворца,

Умер

звонкий

забулдыга подмастерье.

Маяковский знал, как почтить равного ему собрата-поэта.

И почтил.

И звонко данный финальный афоризм, отрицающий суицид Маяковского, врезается в плоть реальности вечной правдой – с маленькой такой ошибкой: достойно умереть очень трудно.

г. Москва

Екатерина ТЮШИНА

ЗЕМНОЕ ПРИТЯЖЕНИЕ ПЕТРА МАЗИКИНА

К 105-летию со дня рождения

В поэзию Петр Алексеевич Мазикин пришел уже в зрелом возрасте. Наверно, ему нужно было пройти войну, прожить нелегкие послевоенные годы в селе, чтобы поэзия стала главным смыслом его жизни.

Родился он 23 сентября 1918 года в селе Морозово (ныне – Промышленновский район Кемеровской области). До армии учился и работал в деревне, в колхозе «Ударник полей». В 1938-м был призван на службу. Окончил полковую школу младших командиров, военное училище в городе Комсомольск-на-Амуре.

В январе 1943 года его вместе с товарищами перебросили с Дальнего Востока на запад страны, где шли ожесточенные бои с фашистской Германией. В звании лейтенанта командовал взводом. Освобождал Украину, сражался на Орловско-Курской дуге. Дважды был ранен.

В одном из боев для его взвода сложилась тяжелая ситуация. Рискую жизнью, Мазикин поднял бойцов в атаку. От неожиданности немцы отступили. Тот страшный бой запомнился Петру Алексеевичу на всю жизнь. Он был тяжело ранен: пуля поразила левое легкое. Попал в медсанбат, где медсестра, поднося к его запекшимся губам ложечку меда, просила: «Съешь, миленький!» Мед спасал раненых. Спас и его. И потом в мирной послевоенной жизни, наливая чай с медом, он всегда вспоминал ту медсестру, которая его выходила.

В 1944 году Мазикин был списан в запас. Вернувшись домой, окончил курсы бухгалтеров. Этой профессии он отдал 35 лет. Работал главным бухгалтером в Промышленновской железнодорожной больнице. Пять лет посвятил партийной работе в райкоме КПСС Промышленновского района.

О том, что пишет стихи, Петр Алексеевич никому не говорил. Однако поэзия в его жизни всег-

да занимала большое место. Она помогала ему выжить в труднейших военных условиях. А со временем стала насущной потребностью.

*О долге – защищать страну
Мы с малолетства знали,
Всегда готовились к нему,
Росли, в труде мужали.*

*И не случайно в грозный час
Мы были крепче стали:
Фашисты не согнули нас,
Бронею нас не смяли.*

(«О долге – защищать страну...»)

*...Говорят, что всех страшнее
Бой последний на войне.
Только первый бой в траншее
Не забыть до смерти мне.*

(«Бой первый»)

Петр Алексеевич отличался исключительной скромностью, которая не позволяла ему посылать свои стихи в газеты и журналы. Ему было уже за пятьдесят, когда он решился прийти в редакцию районной газеты «Эхо», где в 1968 году его произведения и были напечатаны.

Творческая связь с промышленновской газетой стала постоянной и сохранялась до последних дней его жизни. Годы дружбы связывали Петра Алексеевича с заместителем редактора газеты «Эхо» Александром Семеновичем Тарасовым. Тот с уважением относился к поэзии Мазикина: «Это было не рифмоплетство, не причуды и слабость пожилого человека. В своих стихах он искренен, честен, он все называет своими именами. Спасибо ему за это, за его стихи».

*Учился жизни я не в школе,
И приходилось трудно мне –
Быть самоучкой дома, в поле,
В огне пожаров на войне...*

*Учись везде и ежедневно!
Чтобы вступил в грядущий век
Не раб, а властелин Вселенной,
С заглавной буквы Человек.*

(«Учись!»)

В 1995 году 14 стихотворений Мазикина вошло в сборник поэтов Промышленновского района «Осенью рябины хорошеют». Потом самиз-

датом он выпустил книжку стихов для детей «Подсолнушки». Петр Алексеевич был активным членом литературного клуба «Исток», действующего при газете «Эхо», сам вел поэтический кружок в поселковой средней школе № 2.

В 80 лет Петр Мазикин издал поэтический сборник «Полет в бушующую вечность» и книгу для детей «Сластена». Еще одна книга поэта – «Звездная коляска» – увидела свет уже после его кончины летом 2002 года.

Затем в 2003 году в издательстве «Кузбасс-вузиздат» вышел сборник стихов Мазикина «С верой в добро» и книга для детей «Лучик солнца». А в 2005-м издательством «Кузбасс» в серии «Детские книжки Кузбасса» выпущено три книги с его произведениями: «Летающие яблоки», «Мамин звездолет» и «Нас целует солнышко».

Петр Алексеевич писал стихи для души. Родная земля, любимая с детства сибирская природа наделили его добротой, силой, мудростью. Он писал о бесценности всего того, что дает людям природа, а также о войне и человеческих страданиях, о политических и социальных преобразованиях в стране. В его стихах неизменно присутствовала любовь к родным местам, которую он пронес через всю жизнь. И в описаниях сельских пейзажей, и в философских размышлениях поэт ненавязчиво учит нас сохранять самое главное в человеке – человечность!

*Люблю тебя, мой край, весной,
Когда в прозрачной сини
Плывет, качаясь над землей,
Черемуховый иней.
Люблю разливы хлебных нив,
Их ширь и даль без края.
Смотрю дыханье затаив
И радость не скрываю.*

(«Край родной»)

Поэзия Мазикина – это неиссякаемый источник оптимизма и щедрости души человека, любящего и берегущего родную землю. Его стихи вдохновляют и несут веру в добро. Именно так, кстати, называется и один из сборников Петра Алексеевича – «С верой в добро».

*Я слышал, затаив дыханье,
Смотрел на травы, камыши.
И лился гимн благоуханный,
Касаясь струн моей души.*

*Казалось мне, со всей округи
Сошлись и слушают цветы...
Так люди тянутся друг к другу
На зов сердечной доброты.*

(«Гимн родных полей»)

Поэт искренен и в стихах, посвященных любви. В них и ожидание любви, и первые встречи с любимой, и чувство, пронесенное сквозь годы.

*Я лунным светом очарован,
А в сердце тихом стынет грусть.
И чем сегодня я взволнован?
Иль жду кого-то не дожусь?*

(«Лунный свет»)

*Лебедочек! Спой мне песню
С прежней нежной страстью.
От нее, глядишь, воскресну
Иль умру от счастья...*

(«Лебедочек»)

Особое место в поэтическом творчестве Петра Мазикина занимают стихи, адресованные детям. Автор с добротой и юмором ведет маленького читателя по веселой тропинке детства, играет и радуется вместе с ним, учит прислушиваться к состоянию природы, любить и беречь близких.

*То вверх, то вниз
Опять в качелях я.
Качаясь, обнялись
И небо, и земля!
Повыше я взлечу,
Где облако плывет,
В него я сесть хочу,
Как будто в самолет!*

(«Качели»)

Название сборника «Лучик солнца» полностью отвечает его содержанию. В нем мир маленьких героев предстает ярким и разноцветным. Богатая фантазия и воображение автора стихов заставляют нас увидеть в обычном и привычном множество интересных явлений. В той же луже можно при желании найти настоящее чудо.

*Вечер. Вышла на крылечко,
В лужу заглянула:*

*В луже лунное колечко
Вроде утонуло.
Мне колечко жалко стало,
Я рукой его поймала.*

(«Лунное колечко»)

И кто из нас догадался бы, не подскажи нам поэт, что эхо, как малое дитя, не просто повторяет наши слова, а учится говорить? А упавший с ветки кленовый лист не что иное, как «письмо с приветом от осени»?

*Цветы я поливал, а зной
Им надевал обнови.
Но вот в ведро мое с водой
Упал листок кленовый.
И в нем я ощутил тепло,
Свет солнечного лета.
Потом понял: письмо пришло
От осени с приветом...*

(«Осенний привет»)

В сборнике много стихов, где с юмором описываются различные житейские ситуации. Они наводят детей на размышления, ненавязчиво советуют: всегда будь добрым, не оставайся равнодушным к чужой беде, цени красоту, которую создает природа. Благодаря стихам Петра Мазикина дети понимают, как хорошо, что есть дом, папа с мамой, друзья.

*Мама грустная... Неладно!
Я ее развеселю.
Взявши листик из тетрадки,
Нарисую Русь свою:
Вот чудесная долина,
И цветы девчонка рвет,
И из них венок любимый
Для себя она плетет...
Я старалась, рисовала,
Маму милую любя.
Мама, взяв листок, сказала:
— Узнаю я здесь себя!*

(«Мама узнала себя»)

А за домом — речка, поля, лес, где всегда найдешь для себя много интересного. Так дети учатся с малых лет понимать смысл жизни. И очень мудрый вывод делает автор устами своего юного героя:

*Труд чужой ведь никому
Не прибавил знаний...
Значит, надо самому
Шевелить мозгами!*

(«Прозрение»)

И вместе с мальчишкой из стихотворения поэт так же готов в светлом порыве взлететь над землей, чтобы со всеми поделиться своей радостью.

*Надо мною голуби
В воздухе парят.
Задираю голову —
Я безмерно рад.
Манит синь небесная
Так же полететь.
И, ликуя, с песнею
Землю оглядеть!*

(«Голуби»)

Этот удивительно богатый, щедрый душой человек прожил достойную жизнь, подарив Кузбассу свое поэтическое творчество — одиннадцать книг для детей и взрослых. Стихи Петра Алексеевича подкупают искренностью, открытостью чувств, верой в лучшее и поэтому не могут не трогать сердца земляков. Его стихи с удовольствием читают и взрослые, и молодежь. А для юных читателей он давно уже стал другом детства.

*Радужное детство —
Голубой вагон
Катится без рельсов
В мире голубом.
И пока все гладко.
Год лишь перегон.
Впереди загадка —
Юности перрон.*

(«Голубой вагон»)

Петр Мазикин — ветеран Великой Отечественной войны, ветеран труда. Награжден орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны II степени, медалью «За особый вклад в развитие Кузбасса» I степени, знаком «Ударник коммунистического труда», многочисленными грамотами и благодарственными письмами.

Ушел из жизни Петр Алексеевич 8 мая 2002 года. Похоронен в поселке Промышленная.

Распоряжением администрации Промышленновского района от 5 апреля 2004 года районной детской библиотеке присвоено имя Петра Алексеевича Мазикина. В библиотеке открыта комната памяти, посвященная творчеству поэта.

О важности сохранения памяти сам он вот так написал в стихотворении «Наши корни»:

*В душу лезет мрак забвенья,
Чтоб прошедшее затмить.
Память с ним ведет сраженье,
Все надеясь сохранить.*

*Без корней растенья вянут,
И бессилен даже свет.
Наши корни – это память,
Без нее и жизни нет.*

**Наталья
ПОПОВА**

«НОВОЕ СЛОВО» НА ЯЗЫКЕ ВИЗУАЛЬНЫХ ИСКУССТВ

Проведение молодежных выставок арт-институциями – показатель грамотного планирования в развитии художественной культуры региона. Сама идея и формат работы с молодыми творцами корнями уходят в позднесоветскую культурную политику. С 1960-х годов молодежное искусство выполняло функции локомотива новых идей для общества и художественных тенденций для творческих кругов. Времена изменились, а от молодых авторов по-прежнему ждут свежего взгляда на действительность, смелости в разрушении стереотипов.

В Кемерове молодежные выставки межрегионального масштаба организуются регулярно, но выйти в формат по-настоящему крупного всероссийского события, объединенного кураторской концепцией, прежде не получалось. И вот, учтя опыт прошлого и объединившись с кузбасскими литераторами, команде Кузбасского центра искусств удалось организовать и провести весьма представительную выставку-конкурс визуального искусства «Новое слово». Арт-событие состоялось в мае в рамках Международного фестиваля русского языка и литературы «Матрица речи». В выставочных залах Кузбасского центра искусств были представлены работы молодых художников и дизайнеров из 28 российских регионов. Номинации конкурса отражали те виды искусства, в которых предпочитают работать молодые авторы: живопись, печатная и уникальная графика, скульптура и декоративно-прикладное искусство, графический дизайн, современное искусство.

Осмотрев выставку целиком, следует отметить, что молодые авторы соблюдают верность традициям отечественной художественной школы. Живописные работы, выполненные в таких жанрах, как портрет, пейзаж, натюрморт, отражают ведущие эстетические концепции своего ре-

гиона и современные тенденции в развитии этих жанров. Наиболее ярко региональные изобразительные традиции проявились в пейзаже. Этюдность свойственна пейзажам С. А. Капрадова, А. А. Тайлаковой, А. Ю. Наволокиной. Лирический образ природы передают пейзажи А. А. Ивановой, В. Р. Абдрахмановой, Н. А. Зеленой, П. А. Митрошкиной. Взаимоотношения человека и урбанистической среды города исследуют С. О. Кальченко, Г. А. Воронков.

Группа работ разных жанров отражает современные процессы осознания эстетики рукотворного предмета. Так, Н. А. Зеленая в двух работах из серии «Двери» документирует течение времени, которое отметинами фиксируется на двери дома. О памяти, корнях и пространственной среде деревни рассуждает Н. В. Мелешко в картине «Возвращение домой». Отдали дань декоративным свойствам предметной среды и декоративности как выразительному средству Д. Е. Смирнова и Р. С. Буглеева.

Экспрессионистические тенденции, близкие к миметической абстракции, проявились в городском пейзаже А. Д. Ларикова «Серость». Экспрессивность творческого метода продемонстрировала А. Ю. Наволокина в натюрморте «Многоточие». Сюрреалистические черты проявились в экспрессивной живописи Д. А. Лапач.

Сложность внутреннего мира нашего современника продолжает волновать молодых художников. Обращаясь к образам легендарных, но обобщенных древнерусских героев, М. А. Котомцева отражает типичность национального характера: твердость духа, решительность, верность традиционным ценностям. О традиционных качествах идеального женского образа говорит Д. В. Костромина в работе «Берегиня». Эмоционально по форме, но отстраненно по содержанию высказалась на тему древнерусской эстетики М. Г. Веретутина.

Как и предыдущее поколение художников, молодые авторы стремятся портретировать людей своего круга: друзей, детей и представителей творческих профессий (Н. О. Боброва, «Портрет художницы А. В. Рудневой»; Д. Ю. Беляев, «Портрет балерины Анастасии Плотниковой»). Личностные драмы воплотили в своих работах А. И. Чубукова («Прощание») и А. С. Александер («Неразделенная любовь»).

Произведения, выполненные в техниках уникальной и печатной графики, повторяют группы живописных работ. Молодые графики предста-

вили интересные по настроению произведения лирического пейзажа, затронув вопросы встраиваемости человека в холодный урбанизм и запустения когда-то обжитых мест. Романтизм восприятия мира, потребность в путешествиях проявились в интересе к морскому пейзажу.

Несколько групп произведений художников-графиков особенно явственно отражает концепцию фестиваля. Авторское осмысление сюжетов великих произведений русской литературы представили А. О. Банникова, А. А. Коваленко, А. А. Красилов, А. В. Полуянчик. Различные фантастические и сказочные сюжеты придумали и интерпретировали Ю. В. Воронина, Г. А. Воронков, Л. Е. Плехоткина, К. С. Романеко, Д. В. Рудая, С. А. Рябова. Национальные легенды и мифы дали почву для формальных поисков и использования экспрессивных приемов Д. П. Бадулиной.

Следует отметить, что большинство молодых художников предпочитает фигуративность. Беспредметное искусство «Нового слова» представлено работами только четырех авторов: В. Н. Двойниковой, М. С. Ворониной, А. Д. Ларикова и М. Ю. Романовской.

Скульптура на выставке-конкурсе явлена в виде станковой и мелкой пластики А. Д. Косаревой, А. В. Токарчук, К. А. Юдиной, Д. А. Лапач, 159 А. М. Минаевой, У. А. Акимченко. В этой группе работ – анималистика, образы человека, декоративные и концептуальные объекты.

Оригинальные по замыслу и технически сложные по исполнению ювелирные произведения представили С. В. Белозерова, Е. А. Мухамедшина, П. Г. Рыкова. Большое разнообразие произведений в текстильных техниках демонстрирует жанровый охват от пейзажа до сюжетных композиций. Гобелены Д. В. Прохоровой, посвященные теме космоса, восхищают фактурным разнообразием и оригинальным колористическим решением. Вышитые в стиле сибирской неоархаики композиции Н. О. Бобровой посвящены сюжетам мифов о сотворении мира.

В номинации «Дизайн» молодые авторы представили изобретательно выполненные иллюстрации к книгам А. Линдгрена и К. Чуковского. Техникой исполнения и оригинальностью замысла выделяется книга Д. Д. Чарухиной «Муха-цокотуха». Работы в области средового дизайна представила М. К. Фролова. Современные тенденции фэшн-дизайна отразил Л. О. Новоселов. Креативное воплощение идеи от замысла до творческого исполнения демонстрируют плакаты А. В. Бешновой, А. А. Крайновой, М. К. Фроловой. Концептуальный подход к дизайну заметен в произведениях компьютерной графики К. Н. Субботиной «FOTKI», «Будто бы узоры граффити в моей памяти», «Слияние».

В номинации «Современное искусство» представили свои работы художники-граффитисты, дизайнеры, работающие с анимацией. Общим для всех них является желание выразить собственные чувства в новых для изобразительного искусства техниках, доступных горожанам и пользователям социальных сетей.

Первая для Кузбасса выставка-конкурс «Новое слово» показала ориентацию молодых авторов на овладение мастерством в выбранных видах искусств. Литературные сюжеты, легенды и мифы, проиллюстрированные и интерпретированные молодыми художниками, свидетельствуют о зарождении новой эстетики визуального. В ее основе техницизм, минималистичность и рукотворность формы. Молодые художники с большим интересом погружаются в изобретение мифологических и фантастических персонажей, а также с легкостью обращаются к психологическим и социальным аспектам жизни современника. В работах, представленных на выставке, нет страстного отрыва от действительности и отрицания традиционных ценностей. Современные молодые авторы предстают скорее наследниками традиций отечественного искусства и продолжателями дела своих учителей.

Елена
ТРУХАН

«...С ИСТИННОЙ ПРАВДОЙ НА ЗЕМЛЕ»

Юбилейные хроники

«Чтобы прожить день с истинной правдой на земле, надо над собой потрудиться с утра до вечера. Чтобы сердце и душа по чистоте своей равны были янтарю или солнечным лучам».

Чем не жизненный ориентир для мыслящего русского – вечного правдоискателя и странника? Чем не напутствие молодым, заблудившимся в виртуальных мирах?

Эти солнечные слова много лет назад оставил в своем дневнике кузбасский художник наивного искусства, заслуженный работник культуры РСФСР Иван Егорович Селиванов (1907–1988). Недавно энтузиасты и деятели культуры Новокузнецка встретили его 115-летний юбилей открытием выставки и проведением конференции. Эти памятные события стали частью просветительского проекта «Считаю святостью трудиться», который с 1986 года, один раз в пять лет, реализуется в южной столице Кузбасса Галиной Степановной Ивановой, искусствоведом и коллекционером, знатоком творчества И. Е. Селиванова, и ее единомышленниками.

«И была жизнь»

25 марта 2022 года. В залах Новокузнецкого художественного музея многолюдно, как и в 1986 году, когда город встречал персональную выставку Ивана Селиванова. На стенах и в витринах подлинны живописные и акварельные работы мастера, карандашные рисунки, дневники, письма, фотографии. Более 70 экспонатов выставки «И была жизнь» представляют как музейное собрание, так и частную коллекцию Г. С. Ивановой.

Отовсюду «испытующим взглядом», по выражению кузбасской поэтессы Любви Никоновой, проникают зрители известные селиванов-

ские персонажи: жена Варвара Илларионовна, девочка, петухи и куры, стадо коров, кот, улыбающаяся лошадь, бредущая по лесной дороге, и сам художник в разных возрастах и ликах – мечтатель, труженик, старец-мудрец с душой ребенка, Емельян Пугачев, народный философ... В каждом образе особая искра жизни, «мертвого нет ничего». Все очеловечено и одухотворено в художественном космосе Селиванова, все звучит почти «достоевской» цитатой из его дневника: «Если мастер не имеет подхода к человеку, он не добудет материала для творчества. Будь он хоть самый золотой мастер – ничего полезного для всего общества он не сделает, если не заглянет в душу одного человека».

Вызывает гордость, что Новокузнецкий художественный музей является единственным в мире обладателем селивановских произведений, переданных в дар самим наивистом. Ведь художник больше никому не дарил своих работ. Будете в музее – обязательно обратите внимание на эти дары: «Спартак», «Павку Корчагина» и «Анку-пулеметчицу».

Трудно представить, но Селиванов пришел к мысли о самореализации в изобразительном искусстве почти в 40 лет! Увидел в магазине картину со стогом – и обомлел, захотелось изобразить что-то самому. Стал осваивать карандаш, потом живопись маслом. Весь световой день проводил за мольбертом! «Ничем я не запятнан среди живущих. Считаю святостью трудиться до последних дней...» Конечно, не думал и не мечтал он о своих выставках в Москве, Париже, Берлине, Бонне, Праге, Токио, Нью-Йорке. Не помышлял и о Гран-при на международных выставках в Париже. Об этом и многом другом из биографии обычного человека и необычного творца, называемого сибирским Пирсманом и сибирским Ван Гогом, рассказали куратор выставки, научный сотрудник Э. А. Лабер и частный коллекционер, искусствовед, член Союза журналистов России Г. С. Иванова, которая много лет занимается изучением культурного наследия Ивана Егоровича и мечтает о создании его музея.

Имя кузбасского мастера Селиванова внесено во Всемирную энциклопедию наивного искусства, изданную еще в 1984 году в Лондоне и Белграде. Об этом напомнил директор художественного музея Л. Н. Ларина. К сожалению, подчеркнула она, тираж издания был мал – всего 500 экземпляров. Поэтому ни в библиотеках, ни в музеях Кузбасса этой библиографической редко-

сти нет. Встретить ее можно, пожалуй, только у немногих специалистов – настоящих ценителей искусства.

С открытием выставки жителей и гостей города пришел поздравить коллекционер, краевед, меценат, заместитель генерального директора АО «НЗРМК им. Н. Е. Крюкова», член Союза журналистов России Е. Н. Крюков. Он отметил значительный вклад новокузнецких искусствоведов, особенно Галины Ивановой, в продвижение имени и творчества Селиванова и вручил ей красочный альбом-каталог «Эдуард Зеленин: возвращение на Родину».

Юбилейную селивановскую конференцию проанонсировали ее участники: художник Елена Башарина, независимый исследователь-краевед Владимир Пилипенко, активист клубного движения Людмила Килина, художник и педагог по изобразительному искусству Ольга Колмогорова... Особенно запомнилось выступление Е. П. Башариной о Божественном в картинах и рисунках Селиванова. Поистине, только художник может так глубоко прочувствовать и понять художника, тем более в такой деликатной теме, как разговор с Создателем. Как тут не вспомнить афоризм Селиванова о Боге: «Идиёт, кто в Него не верит. Бог – опыт народный»...

После официальной части посетители долго не расходились. Казалось, изучали каждый штрих мастера. Старались разгадать тайну его небывалой популярности, постигнуть притягательность личности. И на фоне этого всеобщего интереса из глубины памяти вдруг всплыл по-шахтерски прямолинейный, удивленно-возмущенный отзыв коллеги Селиванова по художественному творчеству, много лет назад оставленный в выставочной книге отзывов: «Ожидал потрясения и чуда. Но... три-четыре талантливые. А в целом выставка не потрясла. В нашей области есть и другие не менее самобытные самодельные художники. Но вот загадка, почему на их выставки не рвутся?»

А может быть, дело в конкретном человеке, в его индивидуальном взгляде? Чудо присутствует везде, но узреть его может не каждый. Оно как черный скукоженный боб с селивановского огорода: для кого-то так и останется последним урожаем, а для кого-то обязательно преодолеет время и даст новые ростки. Просто надо видеть и верить.

Замечаю, что зрителей притягивают яркие и пестро-праздничные картины Альбертины Фом-

ченко, выполненные в технике темперной желтковой живописи: «Селиванов-сторож», «Селиванов и его животинки», «Признание», «Памяти Селиванова», «Селиванов за работой». Но особенно часто подходят посетители выставки к скульптуре «И. Е. Селиванов» (1987) Владимира Белякина. Художник изваян в полный рост, во все свои 154 сантиметра, без прикрас – маленьким и неказистым, в обыденной одежде. «Каждый человек особен своей красотой, настроением, окраской лица. Но больше всего привлекают глаза. Смотри в них – и поймешь самое главное...» Наверно, поэтому многие по-своему стремятся прикинуть к самородному таланту: кто – постоять рядом, кто – сделать селфи...

«Считаю святостью трудиться до последних дней»

29 марта 2022 года. Актовый зал Центральной городской библиотеки имени Н. В. Гоголя. Здесь собрались участники общественной конференции «Иван Селиванов: «Считаю святостью трудиться».

На столах многочисленные издания о личности и фантазийном мире художника: книги, газетно-журнальные публикации, альбомы, видеофильмы, афиши... Специалисты-библиографы подсчитали, что о Селиванове написано уже более 150 работ, сняты документальные картины и художественный фильм «Серафим Полубес и другие жители Земли».

Конференцию подготовили сотрудники сразу нескольких учреждений культуры: Новокузнецкого художественного музея, Муниципальной информационной библиотечной системы Новокузнецка, Литературно-мемориального музея Ф. М. Достоевского. Но ее инициатором была и остается Г. С. Иванова, выступление которой «Художественный феномен творчества и личности Ивана Егоровича Селиванова» и открыло диалог о региональной культуре, об одной из ее знаковых личностей.

Докладчики затрагивали различные темы. Говорили о специфике мировоззрения и личности И. Е. Селиванова, судьбе творческого наследия художника, устанавливали его связи с региональной культурой, представляли неизвестные факты биографии, раскрывали жанровое и стилевое своеобразие работ, технику произведений наивного искусства в целом.

Конечно, с особым интересом воспринимались сообщения тех, кому удалось увидеть

Селиванова, общаться с ним вживую. Людмила Килина, основатель и бывший руководитель библиотечного киноклуба «Диалог», с необыкновенной теплотой вспоминала подробности приезда Селиванова в южную столицу Кузбасса, его проживание в гостинице «Новокузнецкая». Бережно листала она страницы гостевой книги, и в просторный зал, как звуки весенней капели, проникали из вечности селивановские сказовые строки о факеле его жизни – счастливой встрече с поклонниками его трудов в библиотеке. Возможно, в калейдоскопе заинтересованных лиц он наконец-то углядел тот самый образ, встретить который всегда мечтал, путешествуя в поисках счастья: «Счастье, где ты есть? Почему ко мне не подходишь иль ты боишься меня? Все мои мечты и помыслы: подойди же, счастье, ко мне. Хотя бы мне увидеть вас в лицо – ваш образ. Может, я бы с тобой подружился, и обнял бы тебя, и расцеловал бы тебя, а ты все же боишься меня... Ты, счастье, человек всеобъемлющий, всезнающий...»

Ольга Колмогорова, почетный работник общего образования, художник и педагог по изобразительному искусству, член Союза журналистов России, поведала слушателям о противоречивом и в то же время очень плодотворном сотрудничестве Селиванова и художницы Фомченко. А Владимир Семенович Пилипенко, известный краевед, фотограф, член Союза журналистов России и Русского географического общества, приоткрывший с помощью фотокамеры блеск и архитектурную суровость «Серебряного ожерелья» Русского Севера, продемонстрировал любопытные документы о прошлом и настоящем малой родины Ивана Егоровича – деревни Васильевской Едемского сельского совета Шенкурского уезда Архангельской губернии.

Благодаря тонким наблюдениям старшего научного сотрудника МАУК «НХМ», хранителя фонда графики Э. А. Лабер слушатели детально изучили изображения селивановской домашней птицы (петухов и кур) в контексте мировой культуры. А ее коллега А. В. Клещевский показал истоки и особенности творчества Селиванова. Причем так живо и захватывающе, что букваль-

но ошеломил аудиторию глубоким анализом литературно-философских текстов автора, балансирующих на грани реальности и фантазии, времени действительного и мифологического, сознания и его измененных состояний. Пожалуй, именно этот оригинальный взгляд на мироощущение Селиванова получил самое большое количество откликов.

О том, насколько судьбоносна для человека любая встреча с искусством, на примере работ кузбасских наивистов Селиванова и Бондаревской размышлял независимый исследователь-краевед Сергей Мамаев. С ним трудно не согласиться: взаимодействие человека с искусством должно начинаться с раннего детства, ведь этот непосредственный контакт приносит и радость, и легкость, и духовную наполненность, и новые идеи, и открытия.

Мне же как участнику этого общественно важного разговора особенно интересны были духовные мосты, которые прокладывают друг к другу творцы разных видов искусств. Поэтому и тему выбрала соответствующую: «Образ Ивана Селиванова в поэзии и публицистике кузбасской поэтессы Любови Никоновой». Оказалось, что и здесь есть над чем поразмыслить, особенно если творчество художника вдохновляет и окрыляет писателя, пробуждает к жизни ростки разных литературных жанров.

«Я рожден своей мамушкой Татьяной Егоровной не для больших денег, не для роскошной жизни, а просто для жизни, как всякое живое существо в природе. Воспитывался среди нищенского сословия. Вся моя жизнь, весь мой труд прошли задарма, а зачем – я не знаю», – горестно сокрушался в дневниках Иван Егорович. Но спустя 115 лет со дня его рождения, вновь приобщившись к селивановским картинам и афоризмам, понимаешь, что «прожитая задарма» жизнь вовсе не значит «прожитая зря». Потому что ощущаешь, как сердце и душа очищаются, как устремляются к природному целомудрию, равному «янтарю или солнечным лучам». А что еще нужно для того, чтобы прожить очередной день «с истинной правдой на земле»?

**Анна
ПРОНКЕВИЧ**

ШАНС ДЛЯ МОЛОДЫХ ЛИТЕРАТОРОВ РЕГИОНА

Подведены итоги Второго регионального молодежного литературного фестиваля-конкурса «Оперение». В этом году конкурс проводился в рамках Международного фестиваля русского языка и литературы «Матрица речи».

Учредителем конкурса выступило Министерство культуры и национальной политики Кузбасса. Организаторы: ГАУК «Кузбасский центр искусств», КОО ООО «Союз писателей России». Партнеры: ГАУК «Кузбасский музей-заповедник «Томская писаница», Региональное отделение Совета молодых литераторов Союза писателей России по Кемеровской области – Кузбассу.

Всего членам жюри были представлены 44 конкурсные работы от участников из разных территорий Кемеровской области: городов Белово, Березовский, Кемерово, Междуреченск, Новокузнецк, Прокопьевск, Топки, поселков Промышленная, Тяжинский, Яя.

Художественные тексты прислали студенты различных вузов, музыканты, молодые педагоги. Кроме того, среди участников конкурса были: юрист, маркетолог, филолог, моушен-дизайнер, участница огненного и светового шоу, художник-иллюстратор, радиоведущий, флорист, хоровой дирижер, врач-стоматолог. В общей сложности на победу в «Оперении» претендовали авторы четырнадцати произведений в прозе и тридцати поэтических подборок.

Порадовало многообразие жанров, тем и стилей конкурсных произведений. В направлении «Проза» были представлены фэнтезийные и реалистические рассказы, эссе, прозаическая басня, «атмосферная» зарисовка. Молодые литераторы рассуждают о простом человеческом счастье и смысле жизни, рассказывают о роли учителей и наставников в человеческих судьбах, говорят о важности поддержки близких в выборе жизненного пути, создают собственные фантастические миры. Часто героями произведений

участников-прозаиков становятся дети. Такие истории – особенно светлые, добрые и искренние.

Среди поэтических подборок можно обнаружить не только привычные всем рифмованные строки, но и смелые верлибры. Начинающие поэты больше всего пишут о любви и творчестве, делятся мыслями о Родине, размышляют о становлении личности, доброте и человечности, погружаются в лирические воспоминания с теплым чувством ностальгии.

Каждое произведение, поданное на конкурс, интересно по-своему. Среди авторов отчетливо выделяются яркие индивидуальности и тонкие, пронзительные, чувствительные, глубоко мыслящие личности.

В каждом направлении жюри выбрало пятых победителей, их имена озвучили на торжественной церемонии награждения 6 июня на площади Пушкина в городе Кемерово.

Лучшими молодыми поэтами Кузбасса в этом году были признаны Виктор Шагиахметов и Андрей Назаров из Кемерово, Елена Андропова и Климентий Малиновский из Березовского, Владислав Емельяненко из Ленинска-Кузнецкого. Среди прозаиков победу одержали кемеровчане Марина Сычева, Артур Ахметшин, Мария-Виктория Купер и Александр Хорунжий, а также Алена Шебалина из Междуреченска.

Для кого-то из молодых авторов победа была ожидаемой: они верили в свои силы, так как уже довольно давно и серьезно занимаются литературным творчеством, посещают различные семинары и мастерские, принимают участие в писательских конкурсах и фестивалях. А для кого-то звание победителя стало сюрпризом: например, Мария-Виктория Купер призналась, что впервые попробовала написать прозаическое произведение, и оно неожиданно было признано одним из лучших.

Главный приз, который получили победители «Оперения» в этом году, – право стать первооткрывателями абсолютно нового для нашего региона творческого направления. Десять лучших начинающих писателей отправляются в литературную мастерскую арт-инкубатора Кузбасского центра искусств, где получают возможность на протяжении шести дней развивать и совершенствовать свое писательское мастерство под руководством опытных профессиональных литераторов.

Программа экспериментальной литературной мастерской для молодых авторов включает в себя интенсивную работу над художественными текстами в формате семинаров и лабораторий. Кроме того, мастера знакомят победителей «Оперения» с алгоритмами издательской деятельности и продвижения художественного текста, делятся секретами создания привлекательного авторского имиджа, личного бренда, презентации себя и своих произведений.

Рассказы и поэтические подборки победителей «Оперения» вместе с лучшими работами участников Межрегиональной молодежной художественной выставки-конкурса «Новое слово» изданы в специальном сборнике ГАУК «Кузбасский центр искусств».

Все вышеперечисленное – очередные шаги к расширению и укреплению арт-инкубатора Кузбасского центра искусств, деятельность которого направлена на создание условий для развития молодежных инициатив, приближение творчества начинающих авторов к уровню профессиональных писателей и художников.

Желаем победителям и участникам конкурса «Оперение» вдохновения, смелости и энергии на создание новых произведений! Приглашаем молодых, заряженных на творческую активность авторов к сотрудничеству, в рамках которого Кузбасский центр искусств с радостью окажет помощь в реализации новых литературных проектов и проявлении себя как создателя нового, неповторимого и прекрасного.

Виктор ШАГИАХМЕТОВ

Елена АНДРОНОВА

С.Г.

СТО ПОЦЕЛУЕВ СПУСТЯ

* * *

постою в коридорном проёме
до сумятицы школьного дня
никого в этой серости кроме
чахлых фикусов и меня

разве скажешь заря занималась
заливались вокруг соловьи
трепет осени жалкая малость
вот что ведаешь ты о любви

не жалеешь не плачешь не помнишь
похвалы незатейливой ждёшь
но и это дурак проворонишь
перепишешь предашь перевернёшь

три повтора четыре катрена
дилетантам покорный приём
опишите пространство и время
и что будет когда мы умрём

* * *

рядом клены и рябины
рытвины и котловины
обернется куст иной
опалимой купиной

ржавый ветер осторожный
острый ножик выкидной
проходи скорей родной
переулочек безбожный

все известно прежде срока
прежде сказано у блока
тем томительнее ждать
и в надежде повторять

словно изморось по коже
гроздь ярче тени строже
в просветлевших небесах
тишина в мгновенья эти
и любовь ко всем на свете
так что слезы на глазах

Удача в кармане, счастье так манит,
Но ты размышляешь, грустя:

Что будет меж вами на этом диване
Сто поцелуев спустя?

Свадьба и дети, спагетти аль денте,
Кошек-собак полон дом?
Слава и деньги, чтоб некуда деть их?
БДСМ-притон?

Или от чувства останется пусто
В кровати холодной, душе,
Окажется, было все то не искусство,
А странный набор клише?

Все мысли на листике.
Страху как в мистике,
Будто решишь навек.

Но, знаешь,
Логистка,
К черту статистику –
Ты муза, а не стратег.

Просто люби его, нежно балуй его,
Благо он у тебя завсегдатай.
И когда вновь всплывет этот счет поцелуев,
Вдруг опомнишься:

Сто двадцатый!

ДОМ

Порой хочется не иметь дома,
А быть
Одиноким волком,

Бегать в мокрой от слез траве,
Выпускать паром чайника вой.

Они стреляли друг в друга,
Простреливая насквозь ребенка!

Дом кричал, но в этом крике не было
Ни-че-го.

Быть Берлинской стеной
 между двумя проигравшими –
Невыносимо,

И вина за непрочность души стягивает,
 как лассо.

Пришли домой и смотрели,
 как качаются на сквозняке ноги сына...

Дом молчал, и в этом молчании
Было
Все.

Владислав Емельяненко

* * *

«Хрустит за окном
 мировой океан принесенный метелью
Проливается время еловой смолой в тайге
Где
Мальчик в хилой сторожке
 шьет мироздание
Вместо нитки используя речь

Белый шум за окном
 не дает мне расслышать
Плавную песню – движение иглы
Вот и приходится
По-волчьи
По запаху
Время выслеживать

Что льется еловой смолой
 вокруг хилой сторожки

Где мальчишка шьет мирозданье
 используя речь вместо нитки...»

– Не самое скверное
 что могло бы привидеться
На третьи сутки без сна

* * *

кот смотрит в зеркало
и видит только себя

я смотрю в зеркало
и вижу

губы отца
глаза матери
профиль своего прадедушки

я вижу человека
который напишет стихотворение
я вижу человека
который не найдет в себе силы
 написать стихотворение

я вижу старика
который пытается разглядеть
 в зеркале свою молодость
старик тоже видит меня

166

начинаю завидовать коту

он смотрит в зеркало
и видит только себя
поэтому ему неинтересно

я смотрю в зеркало
и не могу рассмотреть себя
поэтому мне неинтересно

**Артур
АХМЕТШИН**
ИНДОУТКИ
Рассказ

– А ты знаешь, кто такая индоутка? – спрашивает у меня Ксюша.

– Какая-то выдуманная птица? – отвечаю смеясь.

Мы лежим на кровати, которую так и не расправили. На электронных часах – 02:43. Мы всю ночь говорим ни о чем. Я радуюсь, что до конца отпуска у меня еще три дня.

Наш бесконечный ночной разговор похож на жажду, которую не унять. А ведь днем мы больше молчали... Может, она думает о том же, о чем и я? Не знаю. Да и не хочу знать. Хочу только продолжать этот диалог без конца.

– Сам ты выдуманная птица, Аркаша! – щелкает Ксюша меня по носу. – Индоутка – это мускусная утка, живет в Мексике!

– Почему тогда не мексиканская утка?

Ксюша откидывается на спину и упирается взглядом в потрескавшийся старый потолок. Ее черные, как космическое пространство, волосы рассыпались вокруг головы. Молчание висит подобно утреннему туману, который появится за окном уже через несколько часов. В сентябре в наших краях всегда так. Мое сонное сознание цепляется за этот образ, и я думаю: как же странно, что Кемерово никто еще не сравнил с Санкт-Петербургом. Я поворачиваюсь на бок и приподнимаю голову, заглядывая Ксюше в глаза. Она всерьез задумалась.

– Да понятия не имею, – медленно произносит она. А затем добавляет: – Почему мы об этом говорим?

– Потому что ты очень любишь индоуток.

– Да нет же!

– Ты не любишь индоуток? – Я делано удивляюсь. – Изверг. Еще и об их истреблении мечтаешь, наверное?

– О боже, нет!

Она возмущенно привстает и, поворачиваясь на бок, врезается в меня. Мы смеемся.

Ксюша снова ложится на спину и задумчиво говорит:

– С ума сойти. Я ведь просто хотела забыть бывшего, а тут ты подвернулся.

– Что ты имеешь в виду?

– Я и сама пока не понимаю.

Снова молчим.

Познакомились мы с Ксюшей сегодня в самолете: я возвращался домой из отпуска, а она возвращала себе себя. Мы летели из Санкт-Петербурга, в котором она жила с рождения. Ксюша была в поисках другого города для жизни, и выбор пал на Кемерово – родину ее бабушки. Она бывала здесь всего несколько раз в детстве, поэтому ничего не помнила, кроме бабушкиных объятий и пары мест в центре города возле памятника Ленину. Эти ассоциации оказались приятнее всех прелестей Питера и тем более приятнее воспоминаний о разрушившихся отношениях. Еще в самолете я пообещал показать Ксюше все достопримечательности Кемерово. Благо их не так много, как в городе на Неве.

Мы прилетели уже в полдень. Небо затянуло облаками, которые напоминали густую пену. Дождя не ожидалось, но ветер был пронизывающим. Ксюша была к этому готова: жизнь в Питере учит одеваться теплее и не забывать про шарф. Я заказал такси, и мы поехали на Притомскую набережную.

– Если станет совсем холодно, зайдем в кафе, – предложил я.

Ксюша слабо улыбнулась и кивнула.

Большую часть дороги она неотрывно смотрела в окно такси, крутя в пальцах кисточки на конце шарфа. Что-то искала взглядом, но будто не находила.

– Узнаешь места? – спросил я тогда, чтобы ее отвлечь.

Мы проезжали мимо площади Советов.

– Ни одного. Город сильно изменился...

Я тоже посмотрел в окно и подумал: да не особо-то изменился. По крайней мере, для меня. Может, только люди стали другими. Недавно я заметил, что тоже люблю без цели смотреть в окно из собственной квартиры, гулять и заглядывать людям в лица, прислушиваться к разговорам. Ходил и не понимал, что мне нужно. Все же у меня есть: хорошая работа, своя квартира, машина, родители живы. В таких же размышлениях прошел весь мой отпуск в Питере.

Когда мы уже гуляли по набережной, пили кофе из бумажных стаканчиков и говорили о чем-то, Ксюша часто смотрела в ту сторону, куда утекает Томь. Ветер обдувал деревья, отчего те начинали шуршать желтеющими листьями. Этот звук напомнил мне белый шум на старых телевизорах. Он возникал, когда невозможно было поймать нужный канал.

– О чем думаешь? – спросил я ее.

Ветер постепенно утихал, становилось теплее. Ксюша повернулась ко мне.

– Да вот сама не знаю! – искренне сообщила она и отхлебнула из стаканчика. – С тобой так хорошо. Мне давно не было так легко и спокойно!

На этих словах Ксюша резко отвела руку в сторону и чуть не пролила остатки кофе. Она сильно жестикулировала, когда говорила.

Я и сам ощущал эту легкость. В общении с ней не было никаких скрытых подтекстов, намеков, полутонов. Мы говорили как старые друзья, не видевшиеся несколько лет. Было в этом что-то детское, давно забытое. Меня даже не смущали моменты, когда она замолкала и задумывалась о своем. Я не умел молчать с другими людьми, но с Ксюшей научился. Или просто понял, каково это, когда действительно есть о чем молчать.

– А почему ты стал туроператором? – спросила она.

– Думал, что увижу в своей жизни немного больше.

– Ну и как? Увидел?

– Увидеть-то увидел... – Я отхлебнул кофе и осознал, что наконец-то смог сформулировать мысль, которую обдумывал так долго. – Никак только места своего не найду, поэтому, видимо, и возвращаюсь сюда каждый раз. – Я обвел глазами городской пейзаж.

Ксюша кивнула, и мы снова замолчали.

Пока мы гуляли, Ксюша рассказывала о себе, о семье, о брошенной работе, но принципиально не говорила о своем бывшем, будто его уже не существовало для нее.

– Пускай это останется там, – говорила она, неопределенно махая рукой куда-то в сторону.

В Кемерове Ксюша не могла остановиться у бабушки, потому что та уже давно умерла, а квартиру родители продали. Мы приехали смотреть съемную, которую Ксюша нашла в интернете. Договорились: если квартира будет совсем убогая, Ксюша поживет у меня, пока не найдет что-то по душе. Подумать только! Я знал эту девушку всего один день, но пустить пожить ее к себе было чем-то нормальным, в порядке вещей! Да и она не боялась оставаться у первого встреченного парня.

Теперь мы лежим в ее съемной квартире, в которой она все-таки решила остановиться на первое время, разговариваем о каких-то птицах. Обои на стенах уже отходят, потолок требует побелки, в комнате пахнет сыростью, но Ксюшу это не пугает. Это словно подталкивает ее к изменениям.

Я снова задумываюсь о нашем знакомстве в самолете. Кручу эту мысль в голове, и она трансформируется в нелогичный, но забавный вопрос: индоутки – это перелетные птицы? Я разочаровывающе мало знаю биологию. Впрочем, в моей работе она особо не нужна.

– Я поняла, почему вспомнила об индоутке!

Взглас Ксюши выдергивает меня из задумчивой полудремы. Она поворачивается ко мне.

– Правда?

– Индоутка – это ты!

Я возмущенно хмыкаю и сам откидываюсь на спину.

– Да! Ты возник так же неожиданно, как индоутка сейчас в разговоре. И возможно, так же, как в момент, когда ее открыли, – говорит Ксюша уверенно. – По крайней мере, я верю, что она возникла неожиданно.

– Тогда и ты индоутка.

– Возможно. – Ксюша улыбается.

– Мы две перелетные индоутки в России в поисках неизвестно чего, – продолжаю я. – Странно, что не росутки.

– И правда, странно, – говорит она и пододвигается ко мне ближе.

**Анна
ПЕНЬКОВА**

СКАЗ О ТОМ, ОТКУДА КЕМЕРОВО-ГРАД ПОШЕЛ

В тридевятом царстве, в Сибирском государстве жил-был царь Еремей. Народ его почитал и не иначе как Еремеюшка-добреюшка величал. Славен был царь добрыми делами своими и мудростью. Всяк к нему мог в горе обратиться, никому он в помощи не отказывал.

Так год за годом жизнь в царстве Еремея в мире протекала. Народ жил да не тужил, царь тем временем сына своего Кемера растил. Очень Еремей его любил, ведь один сын у него на свете и остался. Как Кемерушка родился, царица только и успела на него взглянуть и тут же дух испустила. Долго убивался Еремей по жене любимой, только в сыне утешение и нашел. Не мог на него нарадоваться, да и было отчего. Пойдет Кемерушка с народом весной поле пахать – так только успевай ему свежих лошадей подгонять. Мужик какой за день одно поле вспашет, а Кемерушка аж двадцать. Да всё с песнями, и песни-то задушевные – про землицу-матушку, про любовь к ней. Осень наступит – Кемерушка снова в поле, рожь да пшеницу жать. Хоть и царских он был кровей, но простой работой не гнушался. И отец его в этом поощрял – чтобы сын народную долю на себе испытал.

Вот уже пятнадцатый год Кемерушке пошел. Как-то поздней осенью отправился Еремей с сыном поохотиться. Едут они по лесу, уж первый снежок на землю пал, и след любого зверя легко можно прочесть. Вон кабанчики прошли, а там зайцы пробегали. Тишина в лесу, лишь изредка собаки то птицу спугнут, то зверя какого-нибудь на тропу к охотникам выгонят. Поохотились отец с сыном и уж домой собрались, как плач в лесу услышали. В ту сторону лошадей направили. На полянку выехали, а там девочка сидит, слезами заливается.

Стали они девочку расспрашивать:

– Как ты в глухом лесу оказалась? И где матушка и батюшка твои родные?

– Я лесного царя дочь, а зовут меня – Томь. Жила я с родителями, да колдун Злодарь их погубил. С той поры я одна в лесу и проживаю. Зверье лесное мне выжить помогает. Белочки орешки да желуди приносят, медведи сладкой ягодкой да медком балуют. Только горько мне в лесу без матушки и батюшки одной.

Говорит ей тогда царь Еремей:

– А ты собирайся с нами. Незачем тебе в лесу глухом бедовать. Будешь в палатах царских проживать и дочерью моей станешь, а Кемерушке – сестрой названной. Уж больно ты мне приглянулась.

С той поры стала Томь в царских палатах жить и с Кемерушкой дружбу водить. Ни часа друг без друга не могли: где Кемерушка, там и Томь. А Еремей дружбой детей любовался. Томь же царя-батюшку почитала и дни его радостью наполняла. То ткань соткет да Еремею платье сошьет. А нити для ткани из облаков берет. Сядет шить – игла сама по ткани бежит. Дивится тому царь-батюшка.

Вот так жили они и поживали день за днем и год за годом. Только случилась в Сибирском государстве беда: объявился снова Злодарь. Стал он девиц молодых похищать, у себя в плену держать и жизненные силы у них забирать. Глянет колдун в глаза девице – в тот же миг молодость ее покидает и старухой она становится, а Злодарь знай молодеет да силушкой наполняется.

Пытались добры молодцы своих возлюбленных защитить, но никто колдуна не смог победить. Был у злодея посох волшебный, и к кому он тем посохом прикасался, тот в горячий камень превращался.

Стал народ царю жаловаться да защиты просить. Приказал тогда Еремей сыну:

– Сын мой единственный, собирай войско ратное и отправляйся в царство злодея. Там девиц полоненных освободи, а колдуна жизни лиши.

Собирается царский сын в путь-дорогу: сам коня своего подковал, гриву ему расчесал. В храбром сердце Кемера нет места для страха, да только тяжело у него на душе. Знает он, что коварен Злодарь и силой его не возьмешь.

Тут Томь к брату названному подходит и такую речь с ним заводит:

– О чем, Кемерушка, ты кручинишься, о чем думы твои?

– Как же мне не кручиниться, Томь моя милая? Злодарь волшебным посохом обладает и

богатырей в горячий камень превращает, а у девиц взглядом молодость отнимает. Силой мне его не одолеть.

Томь на то ему отвечает:

– Не печалься, есть и на него управа. Вся сила колдуна в посохе, так и надо посоха его лишить. Вот, возьми с собой родной земли, она тебе в бою пригодится. Как станут силы тебя покидать, ты землицу о помощи попроси. А вот тебе еще ключевая водица. Как снова устанешь в бою биться, так испей ее – силушка к тебе и воротится.

Обнял Кемер Томь:

– Хоть и называемся мы с тобой братом и сестрой, только сердце мое давно любовью к тебе горит. Я руки твоей у царя хочу просить.

Только слезами Томь на эти слова и отвечала, слова вымолвить не могла.

А Кемер речь свою продолжает:

– Согласна ли ты, Томь, суженой моей стать? Только и смогла ответить ему:

– Да. – А затем сквозь слезы добавила: – Я люблю тебя, Кемерушка, и душой и сердцем и давно мечтаю быть верной подругой твоей.

Тут и решили они, что как только Кемер злодея победит и домой воротится, так и свадьбу сыграют.

Ранним утром отправился Кемер с войском в поход. Быстро время в пути пролетело, вот уж видно царство злодея. Черные вороны с криком летают, мрачные тучи по небу гуляют. А вскоре и сам Злодарь к царевичу молодому подъезжает.

– Гости незванные, зачем пожаловали? Головы буйные сложить здесь хотите?

Молвил ему Кемер:

– Зло ты творишь на земле много лет. Я же пришел землю родную от нечисти избавить.

Рассмеялся в ответ Злодарь, и от смеха его земля задрожала.

– Силы неравны, ты сгнешь в бою!

Начали биться. И вот уж три дня Кемер с колдуном сражается. И стали царевича силы покидать.

Взял он тогда горсть землицы родной:

– Землица, матушка родная, кормилица, помоги ты мне в трудную минуту!

Тут же силы к Кемеру вернулись – не может злодей его одолеть.

Пятые сутки уж бой продолжается. Опять силы Кемера оставляют.

Вспомнил царевич про водицу ключевую и с просьбой к ней обратился:

– Ты водица ключевая, всему живому жизнь даешь, помоги мне в трудный час!

Только он водицы глоток отпил – снова полон сил стал. Не победить бы злодею его в равном бою, но смог колдун перехитрить царевича.

С речью такою злодей к Кемеру обратился:

– Ты, Кемерушка, знатный воин, и мне тебя не одолеть. Хочу с тобой мир заключить, согласен ли?

Отвечал Кемер:

– Злых дел не твори, всех девиц из темниц освободи – тогда пощажу тебя.

Колдун на все соглашается да к Кемеру поближе подбирается. И посохом своим руки его касается. Успел царевич мечом посох перерубить и тем врага сразить. Но сам тут же в горячий камень превратился. Злодарь же на землю пал и прахом стал.

Ветер прах тот подхватил и развеял. Небо ярким светом озарилось. Отворились двери темниц, и все девицы из полона на волю вышли. Только Кемер от злых чар не избавился, так горячим камнем и остался. Рос тот камень, рос и в огромную гору превратился.

170 Скоро весть об этом до Томи долетела. День и ночь она слезы горькие лила. А слезы ее, на землю падая, в ручейки превращались, и каждый ручеек к Кемерушке дорогу прокладывал.

Томь слезы льет и причитает:

– Милый, возлюбленный мой, я к тебе спешу, чтобы прохладной водицей около тебя струиться.

Как сказала, так и свершилось: в бурную реку Томь превратилась и к возлюбленному своему устремилась. Вскоре до Кемерушки она добралась и у подножья Горючей горы чистой водой растеклась.

...С той поры прошло уж много лет. Возле Горючей горы народ расселился. Камень, дающий тепло, люди из горы добывают и царевича добрым словом поминают. Даже поселение свое его именем назвали – Кемерово-град. А Томь водами своими людей поит.

Может, за давностью лет и забыл бы народ историю любви Кемера и Томи, да только и сейчас, если к реке подойти и прислушаться, можно услышать, как Томь со своим возлюбленным Кемером разговаривает, а тот ей ласково отвечает.

Я сам там был, слова их слышал и вам бы их передал, да лучше вам самим сходить и послушать.

ПРАВЕДНИЦА

Бабушка, я внял всему, что ты завещала. Сберегу, не предам и не отдам на поругу ни раKITного кустика земли родной. Передам завещанное правнукам, яко же приях. Одного не могу: не тужить по тебе и по детству.
М. Тарковский,
«42-й до востребования»

Книга Михаила Тарковского «42-й до востребования» уводит читателя от прежде знакомой прозы автора, где многие детали, представляя собой замечательный сплав острого художественного зрения и выверенной повествовательной интонации, изображены предельно точно и весомо. Совсем по-иному организована авторская речь в нынешних воспоминаниях: детство здесь оказывается особым миром, а слово писателя обретает поразительную многоцветность, ни для чего иного не подходящую, как только для рассказа об этом почти нереальном царстве детской памяти, в котором жестокие страдания оказываются отодвинуты на второй план ликующим чувством постижения юной душой окружающего пространства и людей («в этом прорыве жизненного в сказочное был особый разряд правды»). Удивительной кажется способность рассказчика сохранить в сознании и достоверно передать малейшие приметы давно ушедших дней. Причем сделать это настолько отчетливо, что образы родных и просто знакомых становятся зримыми, обрета на бумаге неповторимую человеческую повадку.

Главной фигурой этого развернутого мемуарного произведения становится бабушка автора – Мария Ивановна Вишнякова. Ее облик пронизывает практически все страницы и локальные сюжеты книги. Исполволь и бессознательно она хранит в себе множество драгоценных черт как русского человека в целом, так и русской женщины, прошедшей через море тягот и лишений, однако сохранившей в душе чистоту и любовь, терпение и самоотверженность, заботу и непостижимую теплоту, которые позволяют нам сказать сегодня: бабушка Маруся – вот настоящий, не уничтожимый движением дней, а растворенный в его течении Дом маленького героя: «У Маруси характер.<...> Мягкость в любви к людям, а железо в защите этой любви». У нее были свои привычки и особенности речи, она чутко воспринимала смыслы, ей нравилась игра слов. Но записи ее дневника хранят фразы короткие, сдержанные, говорящие только о самых главных событиях и о самых важных чувствах.

Скучные довоенные годы, лихолетье войны, мирное время – здесь рядом с бабушкой ее сын, которого автор впоследствии называет Дядя Андрей (с прописной буквы), и ушедший из семьи муж Арсений – Асик. Будто невзначай читатель понимает, что перед

ним режиссер Андрей Тарковский и его отец – поэт Арсений Тарковский. Немало места уделено их психологическим портретам, творческим пристрастиям, житейским привычкам, однако центральной фигурой и главным действующим лицом все равно оказывается бабушка – и маленький внук, который спустя годы оживит ее на страницах своей книги. И в сознание закрадывается крамольная и, наверное, слишком прямая мысль: соизмерение «подвига жизни» бабушки Маруси с творческим трудом отца и сына Тарковских, как ни странно, все же в пользу бабушки... Именно в ней воплотились уникальные качества русского человека – служение, воля и мука, что так потрясает в кадрах военной хроники из фильма Андрея Тарковского «Зеркало», когда измученные солдаты тянут тяжелые артиллерийские орудия по пояс в холодной воде.

«Простые люди"... Какие они? Несложные? Не умеющие за собой наблюдать? Когда я слышу это словосочетание, вижу простой карандаш, дающий аскетичный и выразительный рисунок, рядом с которым цветное обилие кажется избыточным. Вот и бабушка была как простой карандаш, хоть и происходила из высшего сословия. Графит у этого карандаша был очинен нежно и трепетно и мог сломаться при грубом нажатии. Бывало, и ломался, и крошился, но когда крошку сдувало – оставались картины».

Сам язык, которым автор живописует события и героев, постоянных и мимолетных, течение дней и подробности историй, происходящих со своими и чужими, природу, воплощенную в лесном массиве, огромную и непредсказуемую реку Волгу, – этот язык не перегружен плотностью изобразительных штрихов, в нем всегда есть пространство для дыхания читателя и рассказчика. Его вольность и обширность оказываются наибольшим удовольствием при чтении, превосходящим удовлетворение от познания многих биографических деталей, ранее мало кому известных. Детская «волшебность» восприятия реальности переплетается с конкретикой, придавая ей дополнительные свойства и смыслы, как бы расширяя окружающий мир. Жанр воспоминаний здесь обретает теплоту и свободу в выборе тем и ситуаций. Обаяние этого повествования – в его погруженности в «незримую тягу прошлого», что отодвигает текст от литературного дневника и приближает его к художественной прозе.

«В эту минуту деревянно-раскатно досыпался гром в огромный ларь за полем, и бабушка, придя в свое восхищенно-эпическое состояние и дрогнув голосом, сказала, что это Илья-пророк на телеге прогромычал по каменно-крепким облакам. И еще что-то такое старинное и уходящее в громовую даль веков, что и меня самого потянуло туда могуче и ясно, и я дрызglyми ремешками сандалек ощутил эту спасительную глубину, и показалось: чем крепче вращу стопами в отчую древность, тем легче мне будет вы-

глянуть, свеситься в окошко нового дня. И не выпасть».

Картинки социального свойства и бытовые отображения эпохи не поглощают в себе фигуры бабушки и ее внука. У них какая-то особенная история, протяженная семейная легенда. Поступки и вещи, ценные для них, кажутся всем иным незначительными и нарочитыми. И мальчик постепенно понимает, что «мы с бабушкой совсем из другого мира». Хотя по видимости он не отличается от остальных сорванцов и понимает важное для мальчишки значение «вида бывалого, у которого главное выражение: набедокурил и еле вырвался». Но в детской душе постепенно складывается твердая система ценностей, переходящая от старого к малому, сохраняющая золотую сердцевину православного и русского самопонимания.

Много внимания автор уделяет детству Дяди Андрея – оно присутствует в книге своего рода параллелью к детской летописи дней самого маленького Миши. Наглядно взаимное отличие этих страниц – и смысловое, и стилистическое. Тяжкие дни войны, лишения и беды, скудость еды и тепла – Андрей Тарковский, как никто другой, ярко показал в «Зеркале» впечатления ребенка военной поры. Примечательно, что в «42-м до востребования» рассказчик создает свой текст словно на фоне кадров этого поразительного по искренности фильма. Было бы неправильно представлять тяжкие времена совсем без света и человеческой надежды на лучшее. Поход бабушки, Андрея и его сестренки за ягодами в лес – из этого эмоционального ряда. Здесь ясность детского сознания, ничем не разрушаемая радость бытия, простота обихода... Однако сдержанность авторского языка, кажется, приглушает краски реальности: тут не найти безграничной свободы и выразительности повествования, что так чаруют читателя в первой части книги («сами события словно выросли, обретая биографическую трезвинку»).

Именно так, с чувством внутренней сдержанности Михаил Тарковский пишет о Дяде Андрее – художнике бесстрашном и трагичном. «Дядька говорил, что, когда хочет сказать близким хорошее, на него как столбняк нападает. Мне это знакомо с ранних лет, и связано оно с боязнью, что мама расплачется, растрогается, и я этого не выдержу. Так и не смел, боялся тронуть сокровенное, от чего дрогнет голос матушки и подбородок возьмется мелкой ямкой – точь-в-точь как на персиковой косточке. <...> А дядька, выходит, только в жизни боялся ямок на подбородке. А в картинах – нет. И брал выше себя, и мать тащил туда, где образ сильнее времени и где сам только и был человеком».

О фильмах Андрея Тарковского автор упоминает вскользь, речь идет более о душевном мире режиссера, о его творческих правилах, обиходе... Мягко и бескомпромиссно создается портрет, в основе которого человек, а не свод идей и интеллектуальных

устремлений. Чувство такта и родство позволяют рассказчику быть правдивым и точным, что так важно на фоне многочисленных свидетельств, в которых бывают лукаво смешаны выдумка и расчет, черствость замысла и стремление к скандалу. Движения сокрушенного сердца и печального ума странно соединились в реальном существовании и творческом пространстве Андрея Тарковского. «Обаяние у бабушкиного сына было нечеловеческое. Облик неповторимый. Резок был и мягок одновременно. Крайне графичен на портретах, а в жизни поражал подвижностью черт. Улыбался глазами, собирая и распуская морщинки. Глаза – серые в зелень и необыкновенно живые, искристые, и вокруг них свое трепетное поле. На бабушку непохож. Очень широкие выдающиеся скулы, переходящие в торчащие углы челюстей. Кожа какая-то будто тонкая – такая должна плохо жизнь держать».

Еще один художник в родовом окружении бабушки Маруси – поэт Арсений Тарковский (подомашнему – Асик), фигура значительная в истории русской литературы второй половины минувшего века. Тайна его творчества до конца не разгадана, но роковой гипнотизм многих строк Арсения Александровича с течением лет не только не развеивается, но, кажется, обретает уже бытийное измерение, отвлеченное от частных событий действительности. Отец Андрея Тарковского и муж Марии Ивановны Вишняковой, на страницах книги он предстает житейским и богемным человеком, отважным фронтовиком – и усталым стареющим литератором. Однако в нем, наряду со многими легкомысленными артистическими поступками, живет строгий кодекс православного русского человека, для которого честь, мужество, чувство долга – более чем весомые слова.

Присутствие Асика в трудном житье-бытье бабушки Маруси было постоянным, но с годами – все более удаленным. Он напоминал о себе то приездом, то письмом, то воспоминанием и грустью. Быстротечность мгновений поймана Арсением Тарковским в стихотворении «Вот и лето прошло...», которое так любил Дядя Андрей – и всем существом своим ему соответствовал.

Книга Михаила Тарковского показывает читателю много неожиданного в облике двух художников, которых можно назвать его предшественниками в искусстве и литературе, и шире – в творчестве, в художественном вопрошании, во внимании к человеку и времени. Но все же в повествовании «42-й до востребования» Тарковские – и поэт, и режиссер, и сам писатель – оказываются только в высоком смысле слова Наблюдателями за мечущейся, страдающей и ликующей жизнью. А самой неотъемлемой и главной ее частью становится бабушка Маруся. Простая русская женщина – Праведница.

Вячеслав ЛЮТЫЙ,
г. Воронеж

«СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ БРЕДУ В СВОЕЙ ТЕНИ»

«Подземное притяжение» Дмитрия Филиппенко притянуло и меня. Но совсем не тем, чем писателей, оставивших отзывы о его книге. В отличие от них я не увидел в ней шахты-кормилицы и шахты-спасительницы, благодаря которой автор добивался успеха в своем творчестве и возрождал отечественную культуру. И уж конечно, я не разделяю мнения о том, что важнейшей ипостасью Дмитрия Филиппенко является шахтерская.

К сожалению, многие люди далеко не всегда делают то, что им по душе. Конечно, книга преисполнена и уважения к профессии, к ее славным традициям, и даже нежного, почти трепетного отношения к мрачному и суровому подземелью. Чего только стоят строчки о «Коридорном»: «шахта для него квартира и родная тьма». Представляете? Родная! Шахтер (без обид) назвал бы ее ночной или крошечной. А тут – родная. Даже находясь в привычной ему земной глубине, автор всечасно ищет глоток свежего воздуха, так необходимого тонкому лирику: «...а в шахте не растет трава, но пахнет осенью и мятой». Однако, как известно, не всякий столб – околица и не всякая речь – пословица. Главной связующей нитью книги является безысходность! Отсутствие каких-либо надежд на изменения нестерпимо гложет поэта, вынужденно избравшего путь «шахтного человека». «Не суждено мне с него повернуть – я чувствую грязною кожей», – пишет Дмитрий, все больше понимая неотвратимость ситуации. Вообще, некоторая пустота в душе автора, вызванная обреченностью, очень гармонично вписалась в этот сборник: «в памяти только забои, и ничего больше нет», «годы жизни лучшие зарыл я, в яме или в шахте – все равно».

Вышеприведенные строчки показывают подземелье уже в ином свете. Ну а утверждение о том, что шахтер судьбу не выбирает, и вовсе звучит как приговор. Тем не менее и это еще не все. В самом проникновенном, по моему разумению, стихотворении сборника «Я вглядываюсь снова в темноту» поэт Филиппенко как раз и раскрывает суть главного своего душевного противоречия:

*Я вглядываюсь снова в темноту
И солнцем не напыюсь... Судьба шахтера.
Когда-нибудь на пенсию уйду,
И станет шахта для меня Матерой.*

*Семнадцать лет бреду в своей тени
По штреку жизни я без остановок.
И на-гора меня выводит нить...
Глубокий сон – а утром все по новой.*

*Остановите шахту, я сойду.
И пересею в мир с другою былью.
...Но разрезаю светом темноту,
Размешивая штыб с инертной пылью.*

Вот почему «Подземное притяжение» – это книга не о «великом подземном братстве», а крик души зрелого поэта, давно переросшего любые условности, диктуемые «поверхностью». И пусть Филиппенко – виртуозный шахтер и передовик производства, выдающий две нормы за смену; все равно, однажды став поэтом, он понял, что в силах узреть такие глубины мироздания и человеческой сущности, которые даже в самых смелых мечтах никогда не представит ни один горный мастер, спорящий с природой в глубочайших шахтах мира.

Никита САМОХИН,
г. Волгоград

ХЛАМ ИЛИ ХРАМ?

Отклик на произведение
Игоря Малышева «Хлам»
(«Огни Кузбасса», № 6 за
2022 г. и № 1–2 за 2023 г.)

За пару дней до представления шестого номера журнала «Огни Кузбасса» в череде присылаемых от друзей сообщений оказался ролик с песней и рядом фотографий из старого альбома. Текст песни был созвучен изображениям на черно-белых снимках. Сейчас превеликое множество подобных роликов бродит по интернету, но тут меня особенно поразил последний кадр. Точнее – предложение, которое подводило итог всему записанному действию. Суть его в том, что воспоминания – это лишний груз, и если все время стоять лицом к прошлому, то к настоящему окажешься спиной...

В душе сразу загорелось несогласие, и возмущенный разум начал приводить аргументы и факты, оппонируя неизвестному автору данного изречения.

Первое, что пришло на ум, это слова из книги «Память» В. Чивилихина: «Память – это одно из самых сильных оружий на земле». Развивает мысль фраза из статьи критика А. Казаркина о самом В. Чивилихине: «...память – это и есть культура, ствол ее, и нет для общества более разрушительной силы, чем беспамятство». Вспомнилось и подзабытое определение «манкурт» из романа «И дольше века длится день» Чингиза Айтматова, и стихотворение «Журавли» поэта Расула Гамзатова, столетний юбилей которого будет отмечаться осенью 2023 года.

И как быть тогда с хранителями памяти – библиотеками и музеями? Одни оберегают то, что нельзя

напрямую ощутить органами чувств, – духовную, нравственную составляющую человеческого общества; другие дают непосредственную возможность разглядеть и потрогать предметы, принадлежавшие людям ушедшего времени. Да, конечно, хранители музеев порой рассказывают такие легенды, которые легко можно назвать выдумками. Вот и в книге «Городские истории», изданной в Бийске, собран городской фольклор, рассказывающий о той эпохе, когда Бийск снискал себе славу купеческого города. Но все эти байки имеют под собой реальную основу. И составители книги, обращаясь к читателям, очень кстати напомнили слова Н. М. Карамзина из «Истории государства Российского»: «И вымыслы нравятся; но для полного удовольствия должно обманывать себя и думать, что они истина».

Однажды я стала невольным свидетелем беседы в Музее изобразительных искусств. В зале были представлены произведения, рассказывающие о строительстве Кузнецкого металлургического комбината и Запсиба. И через эти картины периода соцреализма – с гигантскими свершениями, людьми труда – была передана история края, история страны. А экскурсовод задал ребятам из колледжа такой вопрос: зачем нужно собирать и хранить картины? В итоге подробный ответ последовал от самого экскурсовода, а многие ребята были убеждены в достоверности просмотра фотографий картин из галереи смартфона...

Вот такое долгое предисловие получилось у меня в отклик на произведение Игоря Малышева «Хлам». Произведение это – о странном человечке, собирающем, на первый взгляд, всякие ненужные предметы. И место всему этому хламу не дома, а на помойке. А антиквар Оленин еще и деньги дает тому, кто приносит ему бросовую вещь, и бережно укутывает ее историей-легендой, в которую сам безгранично верит. Читателю доведется выслушать целый ряд по-настоящему увлекательных и красивых рассказов о предметах, которые якобы принадлежали разным знаменитым людям или были свидетелями ярчайших событий прошлого.

Жанр своего произведения автор определил как «трагедия-комедия-фарс». В отрывке, который опубликован в шестом номере «Огней Кузбасса», комичен не только старичок антиквар, но и другие герои повествования, комично и то, чем он одержим. Да, гротеск и фарс комедии очевиден. Но не все так просто... Даже не зная окончания произведения, можно понять, что в финале его непременно случится трагедия. И главная печаль заключается в том, что безобидного чудака антиквара, сберегающего память о прошлом, окружающие в лучшем случае сочтут су-

масшедшим, а хлам его, не задумываясь, вынесут на помойку или бросят в костер...

За время ожидания журнала с окончанием повествования я посмотрела телепередачу «Агора», тема которой как раз и была – «Память». Обсуждали вопросы о видах памяти, то, связана ли она с душой и личностью человека, говорили о воспоминаниях как о способе путешествия во времени. Помните у Юрия Олеши? «Эти записи – всё это попытки восстановить жизнь. И я хотел бы пройти по жизни назад, как это удалось в свое время Марселю Прусту».

И вот наконец прочитано окончание произведения. Как я и предполагала, фарс остался, а комедия превратилась в трагедию. В сюжете появляются два представителя современного общества, которое живет по законам рыночных отношений. Один герой вынужденно стал гастарбайтером. Другой – человек «нового поколения, поколения закона», для которого не существует науки история. Однако и у него есть свои убеждения и своя философия – страшная по своей сути. И тоже, по сути, трагичная. «Не надо тащить за собой все эти пирамиды, памятники, камни все эти надгробные. Ничего не надо! – утверждает моложавый делец Леонид Евгеньевич. – Всё уничтожить, всё стереть, и жизнь станет простой и легкой... Не надо думать о времени. Надо вечно молодым оставаться. И душой и телом молодым быть! Живи сейчас! Нет у меня никакого прошлого».

Соглашусь про «тело», а вот чтобы такой человек мог остаться молодым душой – сомневаюсь. Есть ли у таких людей вообще душа? Да и не нужна она им. Лишняя. У них все, что не приносит для тела выгоды или прибыли, лишнее: «Что эти экспонаты могут дать мне? Да и пусть даже не мне, тебе что они могут дать? Вот ржавая цепь, зачем она? Какой в ней смысл?»

И ведь действительно, никакого практического смысла у этой цепи нет. Разве что только сдать ее на металлолом и получить опять же денежку... «Что ты хочешь доказать своим хламом? – допытывается антагонист у Оленина. – Удивить кого-то хочешь, победить?.. Вы, когда сохраняете артефакты, вы же боретесь с самим временем! Человек – вот победа над временем!» Вот так громко заявляет о себе новый тип современного нигилиста.

Размышляя о том, что такое время, Федор Достоевский отмечал в дневнике: «...время есть отношение бытия к небытию». Именно отношение – ни больше и ни меньше. И как определит человек свое отношение к системе координат бытия и свое место в ней, так и выстроит отношения с небытием.

Татьяна ГОРОХОВА,

г. Топки

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

28 апреля поэт И. Фролова провела урок города «Профессии героев труда – кемеровчан» с учениками 7-го класса школы № 69 в библиотеке имени В. М. Мазаева.

30 апреля в Москве в клубе «Бункер на Лубянке» прошел творческий вечер поэта Д. Мурзина «Мы из настоящего». В вечере приняли участие поэты Д. Артис, М. Ватутина и Д. Молдавский.

4 мая в Мариинске в музее им. В. А. Чивилихина прошла творческая встреча с поэтом Д. Филиппенко.

5 мая состоялся творческий десант поэтов Б. Бурмистрова и Т. Колач в пос. Рассвет Топкинского района.

2–7 мая в Мариуполе прошел литературный фестиваль «Звезды над Донбассом», в котором приняли участие кемеровчане: поэт Д. Мурзин и литератор А. Мухарев. В рамках фестиваля состоялись представления антологий военной поэзии «Поэзия русского лета», «Великий Блокпост», «Воскресшие на третьей мировой», в которых опубликованы стихи Д. Мурзина. На главной сцене фестиваля в новом спорткомплексе Мариуполя прошло представление журнала «Огни Кузбасса», на котором присутствовали авторы журнала А. Ревякина (Донецк – Москва), А. Долгарева (Москва), Д. Орлов (Санкт-Петербург). 5 мая участники волонтерского движения «Писатели – фронту!» Д. Орлов и Д. Мурзин доставили гуманитарный груз саперной роте возле Донецка, где служит доброволец, автор «Огней Кузбасса» писатель Д. Филиппов (Санкт-Петербург).

12 мая в Кемеровском техникуме индустрии питания и сферы услуг прошла встреча с поэтом Д. Мурзиным.

15 мая в Кузбасском центре искусств прошло представление № 1–2 журнала «Огни Кузбасса». Были награждены лауреаты журнала за 2022 год, свои тексты представили Н. Мурзина и С. Черемнов. Произведения отсутствующих авторов представили С. Донбай, Б. Бурмистров, А. Королев, Д. Мурзин. Вел встречу главный редактор С. Донбай.

16 мая в Кузбасском центре искусств на Советском, 40 прошла встреча студентов строительного техникума с поэтом Д. Мурзиным.

17 мая в музее-заповеднике «Красная Горка» состоялся круглый стол по теме «Концепция преподавания предмета литература в контексте обновления современного российского образования» (модератор И. Ф. Федорова, председатель комитета по вопросам образования, культуры и национальной политики Парламента Кузбасса). В обсуждении вопросов регионального компонента в содержании программы предметов литература и родная литература (русская) приняли участие Б. Бурмистров, Г. Карпова, И. Фролова.

18 мая в библиотеке имени В. Д. Федорова состоялась творческая встреча «Волшебница книги» с Т. И. Махаловой, книгоиздателем, редактором, журналистом, сценаристом и телеведущей (к 90-летию со дня рождения). От Союза писателей юбиляру поздравили Г. Карпова, Е. Чириков, И. Фролова.

18–20 мая в Ленинске-Кузнецком, Ленинск-Кузнецком районе и Полысаево состоялся X Всероссийский литературный фестиваль им. А. Бельмасова, на который приехали гости и участники из 28 регионов страны. Прошли творческие встречи с Ю. Козловым, К. Савиной (Москва), Г. Скарлыгиным (Томск), О. Солодовниковой (Прокопьевск), С. Чураевой (Уфа), Д. Коржовым (Мурманск), А. Фениной (Йошкар-Ола), В. Шалаевской, Е. Огаревой (Санкт-Петербург), Н. Самохиным (Волгоград), Д. Рябовым, Ю. Татаренко (Новосибирск), С. Донбаем, Д. Мурзиным, Б. Бурмистровым (Кемерово), Г. Золотаиной, В. Гуляевым и И. Надировой (Ленинск-Кузнецкий). В первый день фестиваля прошел круглый стол на тему «Алло, мы ищем читателей!». 19 мая состоялись семинары для молодых поэтов и прозаиков. Руководителями семинара поэзии были Д. Коржов и Д. Мурзин, руководителями семинара прозы – Ю. Козлов и С. Чураева, руководителями семинара детской литературы – А. Фенина и В. Шалаевская. 20 мая в Центральном Дворце культуры прошли поэтический и прозаический турниры. По итогам поэтического турнира первое место заняла Е. Спиридонова (Санкт-Петербург), второе место – А. Мамаенко (Краснодар), третье место – О. Рокова (Березовский). По итогам прозаического турнира первое место занял М. Хисматулин (Омск), второе место – Е. Клейменов (Междуреченск), третье место – А. Шебакина (Междуреченск).

Результаты фестиваля: рекомендованы к приему в Союз писателей России М. Хисматулин (Омск), О. Рокова (Березовский), Я. Орехова (Кемерово).

Лауреатами фестиваля стали: в номинации «Поэзия» – Е. Андропова (Березовский), в номинации «Проза» – М. Хисматулин (Омск), в номинации «Детская литература» – О. Харитоновна (Новосибирск).

Гости и лауреаты фестиваля получили книгу А. Бельмасова «Я живу на окраине солнца».

24 мая в поселке Новатор Вологодской области в Голузинской школе прошла творческая встреча с поэтом Д. Филиппенко.

25 мая в Великом Устюге в Библиоцентре Деда Мороза прошла творческая встреча с поэтом Д. Филиппенко.

25 мая состоялась встреча студентов Кемеровского профессионально-технического техникума с кузбасским поэтом Д. Мурзиным в рамках Всероссийской военно-патриотической просветительской акции «Знание. Герои» Всероссийского общества «Знание». Поэт прочел свои стихи, рассказал о поездке в Мариуполь и Донецк и о сапере-писателе Д. Филиппове, ушедшем добровольцем на СВО.

26–28 мая состоялся Всероссийский литературный фестиваль им. Л. И. Ошанина в Рыбинске. Кузбасс представлял поэт Д. Филиппенко в качестве эксперта.

27 мая в библиотеке им. Л. А. Никоновой г. Новокузнецка состоялась творческая встреча поэта А. Раевского с коллективом женского клуба «Веста», почитательницами литературы и краеведения.

29 мая в Доме творческих союзов Новокузнецка прошел литературный семинар, посвященный творчеству поэта Г. Шемелина. В мероприятии приняли участие новокузнецкие авторы В. Коняев, О. Комарова, Е. Трухан, А. Савченко.

31 мая в библиотеке «Городские истории» на ул. Весенней выступил поэт Б. Бурмистров.

1 июня в парке Ангелов г. Кемерово состоялось мероприятие, посвященное Дню защиты детей, «Музыка небес». Прошел концерт, который открыл своими стихами поэт Б. Бурмистров. Звучали духовные песни православной гимназии. Выступили поэты Е. Краснова, Н. Дубровская, И. Куралов, С. Чернопятков. Гости парка могли увидеть выставку детских работ Тисульской художественной школы.

1–6 июня в Москве и Химках прошел фестиваль новых литературных форматов «Молодой Пушкин» (Литературный форум молодых писателей в г. Химки). Кузбасс представляли Д. Мурзин, Д. Филиппенко, А. Коржова, Я. Орехова, А. Назаров, В. Емельяненко, С. Поддубная. По итогам литературного фестиваля им. А. Бельмасова и литературного форума в Химках приняты в Союз писателей России: Я. Орехова (Кемерово), А. Коржова (Калтан); писательские билеты им вручил председатель Союза писателей России Н. Иванов. 4 июня в Центре культурных инициатив в г. Кашире прошла творческая встреча с Дмитрием Филиппенко. Закрылся фестиваль чтением стихов на Красной площади, в котором принял участие поэт Д. Филиппенко.

6 июня в институте КРИПКиПРО в День русского языка прошла встреча преподавателей русского языка и литературы школ области с поэтами Б. Бурмистровым, С. Донбаем, О. Роковой.

6 июня состоялся традиционный пушкинский праздник. Кузбасский центр искусств при поддержке Министерства культуры и национальной политики Кузбасса, а также учреждений культуры области устроил праздник для жителей и гостей Кемерово. На улице Орджоникидзе от площади Пушкина до площади Советов работали мастер-классы, интерактивные площадки для детей и взрослых, фотозоны. У памятника Пушкину председатель Союза писателей Кузбасса Б. Бурмистров и главный редактор журнала «Огни Кузбасса» вручили писательские билеты новым членам Союза писателей России Е. Красновой (г. Кемерово), В. Гуляеву (г. Ленинск-Кузнецкий), А. Поселенкову (г. Кемерово) и Н. Катрич (г. Кемерово), наградили победителей Регионального молодежного литературного фестиваля-конкурса «Оперение». С чтением стихотворений Пушкина

выступили студенты из Индии, Египта, Ирана, Судана, Нигерии, Замбии, Сирии. Вечер завершился поэтическими чтениями, которые вел поэт С. Донбай.

7 июня в заседании Всероссийского народного собрания, прошедшем в Кемеровской филармонии, приняли участие Б. Бурмистров, С. Донбай, Д. Мурзин, И. Фролова и Н. Глушкова.

8 июня в Кузбасском центре искусств на Дзержинского, 6 прошло представление антологии патриотической поэзии Кузбасса «Русский мир, как космос, навсегда». Участвовали Б. Бурмистров, В. Иванов, Д. Мурзин, Д. Филиппенко, О. Рокова. Роковой был вручен билет Союза писателей России. Большая часть тиража в тот же день отправилась на фронт.

17 июня творческий десант посетил с. Новороманово в Юргинском районе. Во встрече с читателями приняли участие поэты Б. Бурмистров, Т. Колач и Т. Твердохлебова.

17 и 18 июня на радио «Спутник» в программе Н. Ломыкиной «Дневник читателя» с участием Т. Ильдимировой вышла программа «Взрослый разговор со старшеклассниками в повестях Ильдимировой».

15–18 июня в Уфе прошел XII Молодежный литературный фестиваль «КоРифеи». Кузбасс представлял драматург Я. Орехова и прозаик А. Ахметшин.

21–24 июня в Алтайском крае состоялся Межрегиональный семинар молодых литераторов, приуроченный к краевому литературному фестивалю Р. Рождественского. Кузбасс представлял поэт О. Солодовникова.

22 июня поэты С. Донбай и Д. Мурзин приняли участие в эстафете памяти, организованной областной библиотекой имени В. Федорова. Поэты вместе с другими участниками возложили цветы у памятника «Школьный вальс» в сквере Юности, почтили минутой молчания павших, прочитали стихи у памятника и у мемориальных досок поэтам-фронтовикам Е. Буравлеву и М. Небогатову. Вел мероприятие библиотечарь В. Лаврушкина.

В июне проект МАУК «МИБС» «Расчехленное перо», посвященный творчеству поэта Б. Бурмистрова, стал победителем Кемеровского городского конкурса «Люди. События. Факты» (авторы: Е. Тюшина, С. Алехина, Ю. Кадацкий).

Книга Т. Ильдимировой «За горизонтом» включена в обзоры интернет-изданий «Афиша-Daily» («Восемь новых книг для детей и родителей»), «Forbs» («Список альтернативного чтения: лучшие детские книги на летние каникулы»), «Год литературы» («Десять детских книг, от которых не оторваться»), «Правила жизни» («36 лучших книг ярмарки non/fiction»), «Прочтение» («Книжная полка non-fiction весна»).

Совет молодых литераторов Кузбасса Союза писателей России запустил новый онлайн-проект «За 60 се-

кунд» (автор Я. Орехова), в котором может принять участие любой желающий поэт, записав свое стихотворение на видеокамеру, уложившись в 60 секунд и получив одобрение у экспертов проекта.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

В антологии «Оберег. Женская поэзия – бойцам СВО» (Москва) напечатаны стихи поэтессы **Н. Мурзиной**.

На сайте поддержки СВО «Отечество мое» опубликована подборка стихов **Н. Мурзиной**.

Журнал «Москва» № 5 напечатал рассказ **М. Сычевой** «Тигрицы».

Журнал «День и ночь» (Красноярск) № 2 опубликовал подборку **Д. Филиппенко** «Ступени».

Журнал «Новая Немига литературная» № 2 напечатал подборку стихов **С. Донбая** «Земное притяжение души».

Журнал «Бийский вестник» (Бийск) № 2 опубликовал подборку **Д. Филиппенко**.

Портал «Правмир» опубликовал фрагмент повести **Т. Ильдимировой** «За горизонтом».

«Литературная газета» (Москва) в № 23 от 14 июня дала информацию о выходе поэтического сборника поэтов Кузбасса, посвященного Донбассу, – **«Русский мир, как космос, навсегда»**.

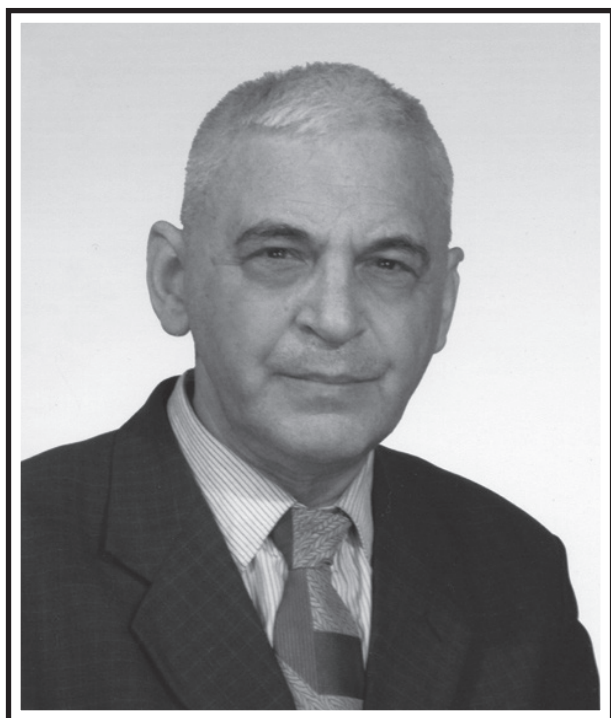
ИЗДАНЫ КНИГИ

Русский мир, как космос, навсегда: сборник стихов. – Кемерово: ГАУК «Кузбасский центр искусств», 2023. – 166 с.

Литературный альманах «Образ» (Ленинск-Кузнецкий). – 2023. – № 2. – 108 с.

Рогинцев И. Ленинград – Берлин. – Кемерово: Союз писателей Кузбасса, 2023. – 518 с.

Ильдимирова Т. За горизонтом. Две повести. – Москва: КомпасГид, 2023. – 240 с.

10 августа на 82-м году жизни умер поэт, член Союза писателей России

ВЛАДИМИР ЛЬВОВИЧ КАГАНОВ.

Он учился в Новосибирском госуниверситете, окончил Институт стран Азии и Африки при МГУ, преподавал философию в КемГИКе, работал в КемГУ. Владимир Львович – автор пяти книг, из которых наиболее известны «Тень птицы» и «Чаша Джамшуда». Публиковался в журналах «Огни Кузбасса» (Кемерово) и «День и ночь» (Красноярск). Участвовал в новосибирском андеграунде 70-х, посещал литстудию «Притомье» в 80-х, был активным участником сообщества кемеровских любителей фантастики. У его творчества всегда были почитатели, которые знали и любили его стихи.

Выражаем свое соболезнование его родным и друзьям.

**Кузбасский центр искусств,
писатели Кузбасса**

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъем» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск),
«Енисей» (Красноярск),
«Природа Алтая» (Барнаул),
«Гостиный двор» (Оренбург),
«Роман-журнал. XXI век» (Москва),
«Бельские просторы» (Уфа),
«Русское эхо» (Самара).

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает рукописи, отпечатанные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: sp_kuzbass@mail.ru.

Наш сайт: www.ognikuzbassa.ru.

Журнал «Огни Кузбасса»

Главный редактор **С. Л. Донбай**

№ 4. Дата выхода в свет: 21.09.2023

Индекс 12234

Тираж 1600 экз.

Формат 60×84%. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Заказ № 839. Цена свободная

Адрес редакции: 650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40. Тел. 8 (3842) 36-85-14.

Адрес издателя ГАУК «Кузбасский центр искусств»: 650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6. Тел. 8 (3842) 75-04-88.

Адрес типографии ООО «Вектор-Принт»: 650021, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, ул. Стахановская 1-я, д. 39а, оф. 211.

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Кемеровской области.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ТУ42-00877 от 10 марта 2017 г.

Учредитель (соучредители) (адрес): Государственное автономное учреждение культуры «Кузбасский центр искусств»

(650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, ул. Дзержинского, д. 6),

Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса» Общероссийской общественной организации «Союз писателей России» (650000, Кемеровская область – Кузбасс, г. Кемерово, пр. Советский, д. 40)

Корректор **М. Н. Долгов**

Верстка: **А. Д. Серова**

Поздравляем с днем рождения давнего и верного друга
Союза писателей Кузбасса и члена общественного совета
журнала «Огни Кузбасса» Ирину Федоровну Федорову!

Пилот-инструктор I класса гражданской авиации, ветеран боевых действий А. Зайцев, поэт, член Союза писателей Кузбасса Н. Мурзина, военный пилот вертолета, полковник запаса, Герой России, ветеран боевых действий А. Дзюба, композитор М. Шампоров – герои документального фильма «Сила» (приз зрительских симпатий Международного кинофестиваля «RT Док: время героев»).

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Подписку на журнал «Огни Кузбасса»
можно оформить
через ООО «Урал-Пресс Кузбасс»
по телефону 8 (3842) 58-70-37

Приобрести журнал можно в редакции
по адресу: пр-т Советский, 40